

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

**МАРКСИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(1870 - 1965)**

Москва — 1993

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

МАРКСИЗМ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
(1870 - 1965)

Ответственный редактор
В.А.Дьяков

Москва
1991

Редакционная коллегия: Л.Е.Горизонтов,
А.Н.Горюнов, М.Ю.Досталь,
В.А.Дьяков (отв.редактор),
Т.А.Покивайлова (отв.сек-
ретарь), М.А.Робинсон

Организационно-техническая подготовка
рукописи — В.П.Сычевой

ISBN 5-201-00723-6

С Институт славяноведения
и балканистики АН СССР,
1991

ВВЕДЕНИЕ

Развитие науки является составной частью исторического процесса, органически связанной с гражданской историей в целом и в то же время имеющей свою специфику. Историей исторической науки отдельные ученые в дореволюционной России начали заниматься давно, но в советской историографии самостоятельным это направление стало только в последнее сорокалетие. Об определенных успехах в изучении отечественной историографии свидетельствуют, в частности, коллективный пятитомный обобщающий труд "Очерки истории исторической науки в СССР" /1955-1985/, охватывающий период с древнейших времен до 1967 г., а также библиографические указатели практически всей научной литературы по данной проблематике. История исторической науки в зарубежных странах разрабатывается пока слабее, но и ей посвящены довольно многочисленные статьи, ряд индивидуальных монографий и коллективные труды.

Настоящая работа посвящена одному из важных аспектов историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а именно проблемам воздействия марксизма на историческую науку в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии и Югославии. Основу текста составляют подготовленные по единому плану страноведческие очерки. Им предшествует глава, дающая обобщенную характеристику объективных условий развития исторической науки в регионе; завершает книгу глава, излагающая результаты тех сопоставлений, которые авторский коллектив смог сделать на сегодняшнем уровне исследования проблемы. Книга в целом рассматривает: распространение марксизма в регионе и все формы его воздействия на историческую науку; первые попытки интерпретации исторического прошлого на основе исторического материализма и зарождение марксистского направления в национальных историографиях; создание общей концепции исторического процесса данной страны на основе марксистской методологии; подкрепление наметившегося идейно-методологического поворота соответствующими изменениями в научно-организационной сфере

и подготовке исследовательских и педагогических кадров; соотношение общих закономерностей и национальной специфики в процессе воздействия марксизма на историческую науку стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Что касается хронологических рамок, то в страноведческих очерках они варьируются в соответствии с конкретными условиями — временем распространения марксизма и фактического становления марксистского направления в историографии соответствующих стран. Для региона в целом рассматриваемый период охватывает столетие с начала 70-х годов прошлого до 60-х годов нынешнего столетия.

Все это время марксистская историография развивалась в сложном взаимодействии с другими идейно-научными направлениями, существовавшими в исторической науке. В третьем томе "Очерков истории исторической науки в СССР", вышедшем в 1963 г., соотношение между ними определялось следующим образом: "Если весь исторический процесс до пролетарской социалистической революции Маркс и Энгельс называли предисторией человечества, то и развитие домарксистской исторической науки можно считать предисторией подлинной исторической науки"¹. Вторая часть процитированной фразы представляется неверной и противоречащей историческим фактам. Марксистская методология несомненно содействовала прогрессу исторической науки. Но это вовсе не значит, что в рассматриваемый период на историческую мысль не оказывали влияние иные идейно-научные направления, что ее будущее связано исключительно с марксистской теорией общественного развития. Историческая наука, как и обществоведение в целом, развивалось и будет развиваться в условиях идейно-теоретического плюрализма. Поэтому немарксистские направления в историографии, не будучи прямым объектом исследования в настоящей работе, не исключаются из поля зрения ее авторов: их место в науке учитывается, хотя и без нужной в данном случае детализации. В книге приняты во внимание по возможности все важнейшие произведения исторической мысли, а не только написанные дипломированными историками — академическими или университетскими. Это осо-

бенно существенно при освещении начального этапа марксистской историографии, когда она была трудно отделима от политической публицистики.

Авторский коллектив и редколлегия настоящей работы исходят из убеждения, что при изучении соответствующего круга вопросов следует тщательно учитывать все элементы зарождающейся и крепнущей марксистской мысли, а не заниматься только поисками "стопроцентных" марксистов. Тем более, что при этом речь чаще всего идет не столько о правильном понимании и умении использовать теоретические постулаты марксизма, сколько о том или ином решении отдельных конкретно-исторических вопросов. Отказавшись от догматизма, мы уже признали правомерность анализа альтернативных вариантов исторического процесса; настало время признать и право на альтернативность в решении конкретных вопросов методологии истории, теории исторического процесса, если предлагаемые концепции, как бы они ни были непривычны, остаются в рамках марксизма.

Историческая наука многоаспектна. Она охватывает теоретико-методологические проблемы, технику исследовательской работы, конкретные оценки важнейших явлений и событий. Из массы историографических фактов в настоящей работе главное внимание уделяется тем, которые связаны с мировоззрением ученых, с научной методологией, использовавшейся ими в своих исследованиях. Авторы старались выявить роль марксизма в принципиальных переменах, которые происходили в разрабатываемой историками проблематике, пытались решить вопрос о том, когда начался и как проходил процесс выработки марксистской концепции исторического процесса в каждой из стран, какие выводы можно сделать, рассматривая соответствующие факты в сравнительно-историческом плане. Одну из основных задач они видели в изучении организационных мероприятий, содействовавших или мешавших становлению материальной базы развития истории, в освещении проблем, связанных с подготовкой и переподготовкой марксистских научных кадров. В гораздо меньшей мере авторы задавались целью осветить конкретные результаты исследований, вопросы

накопления фактического материала и источников, другие составные части так называемой прикладной историографии. Данный круг проблем рассматривался лишь в обобщенной форме и постольку, поскольку это необходимо для более глубокой и разносторонней характеристики взятого в целом процесса развития исторической науки.

Общей задачей книги является, во-первых, углубление наших знаний о начальном периоде воздействия марксизма на историческую науку в изучаемых странах, во-вторых, выявление общих закономерностей и специфики становления марксистской историографии в каждой из них. И то и другое имеет не только познавательное-теоретическое, но и практически-прикладное значение, причем не только для стран Центральной и Юго-Восточной Европы, но и для ряда государств за пределами этого региона.

В каждой из стран, о которых говорится в книге, а отчасти и в советской научной литературе, имеется немало более или менее содержательных работ, затрагивающих освещаемую ниже проблематику. В подавляющем большинстве случаев это статьи, сообщения, публикации с узкими хронологическими рамками и по сравнительно частным темам. Они так или иначе используются в соответствующих страноведческих главах. Здесь же - в общем введении - представляется уместным сказать лишь о двух изданиях, содержание и задачи которых в какой-то мере перекликаются с настоящей книгой.

Во-первых, это ежегодник "История и историки" за 1979 г., в котором опубликованы материалы международной конференции по вопросам изучения истории исторической науки в социалистических странах, состоявшейся в Москве в декабре 1978 г. Наряду с представителями Советского Союза, на конференции с докладами выступили: М. Велева и С. Гринчаров из НРБ; Ф. Глац из ВНР; Л.-Д. Берендт, В. Бертольд, Г. Шлейер и В. Эмидт из ГДР; А.-Ф. Грабский и Ю. Матерничкий из ПНР; Д. Хурезяну и Г. Унк из СРР; С. Цамбел из ЧССР. Их доклады в своем большинстве были посвящены всей исторической науке в соответствующих странах, а период, рассматриваемый в настоящей книге, занимал, как правило, не очень много

места. Исключение составляли ученые из Восточной Германии: В.Шмидт прочитал доклад "Становление марксистско-ленинской исторической науки в ГДР", В.Бертольд - "Преподавание истории исторической науки в ГДР"².

Во-вторых, следует назвать учебное пособие "Историография истории южных и западных славян", в котором соответствующие тексты подготовили: по Болгарии - Ю.В.Польваный и Г.И.Чернявский; по Польше - Л.А.Зашкильняк, Г.Ф. Матвеев и Х.Х.Хайретдинов; по Чехословакии - З.С.Бенашева; по Югославии - В.Г.Карасев, Е.С.Макова, И.И.Лещиловская, Д.Ф.Поплыко, В.А.Тесемников³.

Что касается настоящей работы, то она также может быть использована для учебных целей, но основные ее задачи - исследовательские, а источники - важнейшие исторические труды ученых стран Центральной и Юго-Восточной Европы, имеющиеся историографические разработки. Использована специальная периодика, общественно-политические журналы и газеты, а в страноведческих очерках - также материалы советских и зарубежных архивов.

Г Л А В А I.

МАРКИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Развитие исторической науки, как и любой другой отрасли знания, определяется внешними и внутренними факторами. Внешнее воздействие оказывают существующие в данной стране социально-экономические условия, политическая обстановка в целом, господствующая в обществе идейно-культурная атмосфера. Внутренними факторами являются общий уровень, достигнутый исторической наукой, характер и теоретический характер наиболее влиятельных научных концепций, а также состояние источниковой базы, т.е. объем уже накопленного фактического материала, доступность необходимых источников.

Марксистское понимание истории не случайно сложилось в Европе. Именно этот континент в течение многих столетий занимал лидирующее положение в экономическом, политическом

и культурном развитии человечества. История Средиземноморья, в том числе его европейской части, дала богатейший материал для осознания процесса превращения первобытно-общинного строя в классовое общество, оставила такие классические образцы эволюции рабовладельческого государства как Древняя Греция и Древний Рим. Центральная и Западная Европа стали регионом, в котором осуществился полный цикл развития феодального общества с момента его зарождения до глубокого кризиса, выливавшегося в победоносные буржуазные революции. Столь богатый и разнообразный исторический опыт несомненно стимулировал процесс естественных и гуманитарных наук, содействовал значительному росту общественного сознания.

Однако в социально-экономическом и политическом отношении Европа середины XIX в. была далеко неоднородной. На западе континента преобладали страны с развитой капиталистической экономикой и буржуазной политической системой /Англия, Франция, Нидерланды/. На востоке находились страны с более или менее отсталой феодальной экономикой и соответствующим политическим строем /Австрийская, Прусская, Российская и Турецкая монархии/. Между ними располагалось значительное число мелких государств с экономикой и политическим устройством промежуточного характера. На территории Западной Европы на первый план уже выдвигались антагонизмы между пролетариатом и буржуазией, в Восточной же еще не завершилась длительная борьба за ликвидацию сословных различий и освобождение от феодальных повинностей. В Центральной Европе капиталистические противоречия переплетались с феодальными, а главенствующее положение занимал национальный вопрос, в том числе проблемы объединения Германии, Италии. Естественно, что в этих условиях для общественной мысли и освободительного движения Европы в целом особую остроту приобрели взаимоотношения социальной и национальной борьбы, которые существенно зависели от местной специфики.

При всей их разноликости, между западной и восточной частями Европы же существовала определенная степень един-

ства. В области идейно-политической это подтверждается, в частности, тем, что французские революции 1830 г. и 1848 г. вызвали крупные потрясения не только по соседству с Францией, но и на территориях, расположенных к востоку от Эльбы. Однако, отмечая несомненную связь между событиями тех лет в Париже и, например, в Варшаве, не следует забывать о существенной разнице в их социальной сути и идейно-политической направленности. На западе борьба велась целиком или преимущественно против буржуазии, уже находившейся у власти, тогда как на востоке и в центральной части Европы движение имело главным образом антифеодалное и национально-освободительное содержание.

От указанных различий Запада и Востока в значительной мере зависели и международные отношения в Европе середины XIX в. Республиканской Франции, как "рассаднику революции", устойчиво противостояли с 1815 г. монархические государства — Россия, Австрия и Пруссия. На конкретную расстановку сил влияли и иные более частные факторы, но Священный союз во главе с Российской империей долгое время оставался сначала фактическим, а затем кажущимся оплотом контрреволюционных сил на всем Европейском континенте.

Для социально-политической мысли государственные границы не являлись непреодолимым препятствием. Тем не менее главенствовала в каждой стране идеология господствующих социальных слоев, что конечно же влияло на образование и периодическую печать, а через них на политико-юридические доктрины и на мировоззрение большей части образованного общества. На западе Европы господствовала буржуазная идеология с ее преклонением перед частной собственностью и верой в различные формы парламентской демократии, а ее антиподом была идеология зарождающегося рабочего движения /чартизм, различные формы утопического социализма/. На востоке и в центральной части Европы ведущее положение занимала феодально-монархическая идеология, а противостояли ей в той или иной мере буржуазно-демократические и национально-освободительные идеи, доктрины революционно-демократического характера.

Исторический опыт, накопленный человечеством и особенно народами Европы, содержал по меньшей мере три весьма важных элемента требующих своего осознания и истолкования. Во-первых, с конца ХУП в. относительно спокойное течение истории сменилось скачкообразными сдвигами, кардинально изменившими политический строй ряда крупных государств. Во-вторых, в этих государствах принципиально иной стала социальная структура общества: сословное деление, регулируемое главным образом сеньориальным правом, сменилось делением на классы; принадлежность к которым в большинстве случаев напрямую определялась материальным положением личности. В-третьих, в межчеловеческих и межгосударственных отношениях, в политике и культуре гораздо большее влияние приобрел национальный фактор. Эти поставленные жизнью проблемы настоятельно требовали не только практических действий, но и теоретического осмысления. Одним из результатов последнего явилась марксистская концепция исторического процесса.

Ко времени появления марксизма, т.е. к середине XIX в., борьба между идеалистическим и материалистическим подходами к процессу общественного развития имела весьма длительную традицию. Средние века ознаменовались, в частности, длительными и весьма острыми столкновениями различных форм провиденциализма с гуманистической историей Ренессанса, в которой значительная роль отводилась интересам и свободной воле отдельных личностей. Эпоха Просвещения выдвинула, а опыт Великой французской революции подкрепил идею непрерывного прогресса, понимаемого как восходящее движение от низших форм человеческой жизни к более совершенным под воздействием объективных факторов — прежде всего географической среды и природы человека. Напротив, романтическое направление в общественном знании отвергало рационализм в объяснении исторического процесса, оспаривало диктат материальных факторов и пыталось доказать, что прошлое и настоящее страны зависит, если не исключительно, то главным образом от "духа народа", ее населяющего. Либерально-буржуазная историография начала XIX в. пыталась нащупать

средние пути, утверждая, что движущими силами истории, наряду с человеческим разумом и философией, являются социально-экономические факторы и борьба классов⁴.

За столетие, с середины XVIII до середины XIX века, историческая наука Европы сильно продвинулась вперед. Это выразилось прежде всего в том, что более широкое распространение получило понимание истории как процесса развития с определенными имманентными закономерностями. Буржуазно-либеральная историография многое сделала для понимания роли экономики и социальных отношений в общественном развитии, романтическая историография привлекла внимание к национальному аспекту, попыталась определить его место в историческом процессе. Внутренние потребности науки и необходимость документировать кардинальные изменения в имущественном праве при переходе от феодализма к капитализму обусловили быстрое развитие исторического источниковедения. Поступательному движению исторической мысли сопутствовало, взаимодействуя с ним, бурное развитие философии, политэкономии и политологии. Подчеркнуто объективистское описание прошлого при строгом соблюдении требования не выходить за рамки источника и критически оценивать его содержание удовлетворяло далеко не всех ученых. В связи с этим описательную историю все чаще начал сменять концептуальный подход к потоку исторических фактов. Концептуализация описания исторического процесса осуществлялась чаще всего с позиции эволюционизма, связывая процесс развития с воздействием либо материальных, либо идейных факторов. Объективисты, в частности виднейшие представители немецкого историзма, при этом не отвергали и причинность, но искали ее в воле бога, в психологии людей и в личных качествах видных исторических деятелей.

Профессиональная историческая наука второй половины XIX в. развивалась под преимущественным воздействием позитивистской методологии. Хотя термин "позитивизм" используется очень часто, он достаточно многолик и неопределен. Философ П.С. Щуринов пишет, например, о двух позитивизмах — первом и втором⁵. Известный польский историк Е. Топольс-

кий считает, что в историографических исследованиях речь должна идти о трех сильно различающихся между собой формах позитивизма⁶. Понятие "первый позитивизм" связывается с именем Огюста Конта /1798-1857/, который сформулировал в 30-40-х годах XIX в. теоретические принципы его классического варианта, поддержанные и развитые впоследствии Дж. Ст. Миллем /1805-1873/, Г. Спенсером /1820-1903/ и др. Наукой, утверждали основатели позитивизма, являются положительные знания, т.е. только то, что получено в результате специального изучения различных реальностей природы и общества. Не признавая возможности познать сущность явлений, позитивистская философия склонна была ограничивать задачи ученого выяснением вопроса о том, каким образом идет исследуемый процесс, а не о том, почему он совершается так, а не иначе. Наиболее характерными чертами позитивистской социологии были эволюционизм и натурализм /в смысле утверждения зависимости общественного прогресса от географического и человеческого факторов/.

Семидесятыми годами XIX в. датируется появление ряда новых позитивистских концепций. Они получали значительное распространение в начале XX в. под влиянием изменившихся исторических условий и дальнейшего прогресса науки, обусловившего резкую критику теоретических установок классического позитивизма как справа /неокантианством/, так и слева /в частности, В.И. Лениным в его книге "Материализм и эмпириокритицизм"/. Однако становление неопозитивизма, окончательно сложившегося в 20-30-е годы XX в., не привело к полному исчезновению традиций классического позитивизма. С ними в определенной мере были связаны, например, школа исторического синтеза А. Бэра и методология известной школы "Анналов".

В историографии существует свой позитивизм - результат приложения теоретических концепций позитивистского характера к истолкованию исторического процесса. Для историков-позитивистов характерен многофакторный подход к общественному развитию, т.е. стремление доказать, что различные материальные и идейные воздействия имеют одинаково зна-

читательное влияние на ход истории. Балансируя между двумя основными направлениями в философии, историки-позитивисты в толковании прошлого оказывались зачастую на почве идеализма. Но это не мешало многим из них внести существенный вклад в изучение социальной и экономической истории, в совершенствование методов исторического исследования.

К типичным представителям "практического позитивизма" среди историков XIX в. Е.Топольский обоснованно относит Г.Т.Бокля /1820-1862/, И.Тэна /1828-1893/ и Н.Д.Фюстель де Куланжа /1820-1889/. Среди видных представителей российской историографии с позитивизмом так или иначе были связаны, в частности: А.П.Шапов, отстаивавший идею региональности исторического процесса, заимствованную в сочинениях О.Конта и Э.Литре; В.О.Ключевский - сторонник теории множественности факторов общественного развития и концепции эволюционного прогрессизма; М.С.Корелин, исходивший в своем понимании истории из доктрины социологии гуманистического индивидуализма; А.С.Лаппо-Ланглеукий, который испытал воздействие не только "второго позитивизма", но и неокантианских идей.

Важнейшие теоретические задачи обществоведения, оказавшиеся непосильными для позитивизма, попытался решить марксизм. Свой подход к процессу общественного развития К.Маркс впервые сформулировал в 1845 г. в "Тезисах о Фейербахе". Несколько позже основные положения исторического материализма были изложены им и Ф.Энгельсом в "Немецкой идеологии". Эта работа не увидела света при жизни авторов, но содержащиеся в ней мысли широко использовались в "Нитце философии" /1847 г./ и в "Манифесте коммунистической партии" /1848 г./. О научном значении материалистического понимания истории Ленин писал: "Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание человеческого общества. ... Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией..."⁸

Важнейшие положения исторического материализма были

изложен Марксом в предисловии к работе, озаглавленной "К критике политической экономии", которая вышла в свет в 1859 г. и содержала изложение научной теории стоимости, развитой позже в "Капитале". Содержащиеся там формулировки настолько полно, лаконично и ярко отражают самое существо материалистического подхода к истории, что их называют обычно "ядром исторического материализма".

Маркс предложил рассматривать развитие человеческого общества как объективно обусловленный естественнo-исторический процесс. В общественном производстве своей жизни, указывал он, люди вступают в определенные отношения, не зависящие от их воли и соответствующие уровню развития производительных сил. Производственные отношения составляют в совокупности экономическую структуру общества, т.е. реальный базис, над ним возвышается юридическая и политическая надстройка, им обуславливаются соответствующие только данному базису формы общественного сознания. Из этого следует, что не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, общественное бытие в конечном счете определяет сознание. Достигнув определенной стадии развития, производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, юридически закрепленными в отношениях собственности, и превращаются из форм развития производительных сил в их оковы. Наступает эпоха социальной революции, меняется экономическая основа общества, после чего происходит переворот во всей громадной надстройке.

Характеризуя общую структуру общества, движущие силы и механизм общественного развития, Маркс особо подчеркивал, что необходимо отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства, от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, т.е. от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его решение. Отношение к эпохе переворота надо определять не по ее сознанию, а исходя из противоречий материальной жизни, из возникшего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. "Ни одна

общественная формация, - писал Маркс, - не погибнет раньше, чем разовьются все производственные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созревают материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления".⁹

Утверждая определяющую роль общественного бытия по отношению к общественному сознанию, марксизм не считал, что так называемые надстроечные явления не обладают относительной самостоятельностью в своем развитии, что они не оказывают тормозящего или ускоряющего воздействия на базисные процессы. По мнению Маркса, государство, порожденное определенной экономической базой и совершенно немислимое до ее появления, впоследствии способно самым серьезным образом содействовать упрочению и расширению этой базы. В свою очередь, политические и философские идеи могут существенно влиять и влияют как на государственно-правовые нормы, так и на литературу и искусство, а эти последние - не только на эстетические воззрения отдельных членов общества, но в какой-то мере и на его политическое устройство и взаимоотношения между различными общественными слоями. Взаимосвязи и взаимозависимости здесь очень сложны и многоплановы. При всем том в конечном итоге решающая роль всегда остается за данным экономическим строем, с изменением которого меняется и надстройка.

К числу наиболее важных составных частей марксистского понимания истории относится разработанное основоположниками марксизма понятие об общественно-экономических формациях. Это понятие подчеркивает неразрывную типологическую связь между данным социально-экономическим строем /т.е. способом производства и производственными отношениями/ и возвышающейся над ним надстройкой политического,

идейного и иного характера.

Процесс развития и смены общественно-экономических формаций подчиняется, по убеждению Маркса, закону обязательного соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил. Изменения в способе производства, тесно связанные с непосредственным воссозданием условий материальной жизни, накапливаются непрерывно и постепенно. Что касается производственных отношений, то они меняются медленнее, причем их сдвиги имеют скачкообразный характер, а каждый скачок знаменует собой революционный переход к новой общественно-экономической формации. Однако в дальнейшем производственные отношения вновь отстают в своем развитии от производительных сил, постепенно превращаясь в их оковы. Обострившиеся противоречия в условиях классового общества приводят к революционным взрывам, которые неизменно сопутствуют смене формаций. Необходимость и жизненную необходимость такого рода потрясений подчеркивают широко известные слова Маркса и Энгельса о том, что "революция является движущей силой истории"¹⁰.

В 1859 г., формулируя "ядро исторического материализма" Маркс писал: "В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создадут вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предистория человеческого общества"¹¹.

Впоследствии основоположники научного социализма многое сделали для углубленной разработки теории общественно-экономических формаций, для уточнения названий и конкретной характеристики каждой формации. Первый крупный этап

Истории человечества марксизм видит в первобытно-общинном строе, в рамках которого еще не было деления на классы. Следующей была рабовладельческая формация, которая в свою очередь уступила место феодализму. На смену появившейся затем капиталистической формации должен прийти социалистический строй, при котором ликвидируются антагонистические классы и осуществляется постепенный переход к бесклассовому коммунистическому обществу.

Своей главной задачей, особенно в первое время, Маркс и Энгельс считали критику идеалистических концепций исторического процесса, выявление решающего воздействия материальных факторов на историю. В связи с этим создавалось впечатление о недооценке ими значения явлений надстроечного характера. В письме П.Блоху от 21 /22/ сентября 1890 г. Энгельс по этому поводу писал: "Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они стверждали, а не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, т.е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки" 12.

Излагая в том же письме суть марксистской концепции истории, Энгельс подчеркивал, что они с Марксом говорили об определяющем воздействии производства и воспроизводства жизни на исторический процесс, имея в виду лишь конечный результат, а не каждое отдельное событие. "Если же, — заявлял он, — кто-либо искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты —

государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т.п., правящие формы и даже отражение всех этих действительных бытий в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей¹³.

Высокая степень диалектической абстракции естественна и понятна не только в философии, социологии, политэкономии, но в определенной мере и в исторической науке, призванной заниматься реальными событиями и конкретными ситуациями, имея в виду не простое их описание, а также и выявление существенных закономерностей исторического процесса¹⁴. Действительный исторический процесс во всей своей многообразной реальности осуществляется не в сознании исследователя, не в сфере абстракции, а в конкретных средах, у конкретных народов, условия развития которых в каждом случае отражают существенные особенности места и времени. Человеческое общество, взятое в целом, состоит из совокупности конкретных обществ, каждое из которых является отдельным социальным организмом, самостоятельно развивающимся и имеющим свою собственную историю¹⁵. При изучении формаций на этом уровне историческая наука приобретает не меньший удельный вес, чем социология, и здесь необходимо, во-первых, те общие выводы, которые могут быть сделаны только в масштабе всемирной истории, во-вторых, некоторая степень абстракции, ибо и на этом уровне наши представления о формации отражат не внешний облик отдельных явлений, а их скрытую сущность¹⁶.

Диалектический подход к взаимозависимости между общим, частным и особенным, принятый в марксистско-ленинской философии, позволяет четко определить соотношение между понятиями формации применительно к всемирной истории и к отдельному, конкретно-исторически рассматриваемому социальному организму. Оба эти понятия отражают объективную

действительность и тождественны по своему основному содержанию. Однако тождественны они не во всем, а лишь в наиболее важном и существенном. Советский ученый Д.И.Семенов вполне обоснованно подчеркивает: "В действительности ни общественно-экономические формации не являются особыми социальными организмами, ни человеческое общество в целом не представляет собой единого социального организма. Оно всегда состояло из множества социальных организмов, которые возникают, развиваются и исчезают"¹⁷.

Марксистской методологией в любую данную формационную структуру, например, феодальную или капиталистическую, описанными закономерностями исторического процесса как бы заранее закладывается однотипный по своим наиболее существенным параметрам костяк, который в ходе конкретного развития исторического процесса превращается в отдельные социальные организмы, приобретающие во многом несовпадающие друг с другом внешние черты. Наука ни в коем случае не может отрицать эти внешние различия или недооценивать их значения. Но она тем более не может и не должна закрывать глаза на то весьма важное внутреннее единство, которое обнаруживается при изучении наиболее существенных явлений развития внешне многообразных социальных организмов с единой формационной структурой. Именно такие ошибки имел в виду Маркс, когда в письме Л.Кугельману от 11.УП.1868 г. писал: "Вульгарный экономист думает, что делает великое открытие, когда он вместо раскрытия внутренней связи вещей с важным видом утверждает, что в явлениях вещи выглядят иначе. Фактически он кичится тем, что твердо придерживается видимости и принимает ее за нечто последнее. К чему же тогда вообще наука?"¹⁸.

Одно из важных положений марксистской концепции исторического процесса, относящихся только к антагонистическим формациям, заключается в том, что на содержание и ход исторического процесса решающее воздействие оказывает соответствующая данной социальной структуре общества и никогда не прекращающаяся классовая борьба. К пониманию исторического процесса как борьбы классов близко подходили многие

мыслители. Однако до конца уяснили этот вопрос лишь основоположники марксизма. В 1885 г. Энгельс, указывая на это, писал: "Именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов, а вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливается степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена"¹⁹.

Для марксистов социальная градация членов общества не может быть чем-то произвольным и надуманным, она с неизбежностью вытекает из тех взаимоотношений, которые складываются между его членами в процессе общественного производства. "Классами, — по определению Ленина, — называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению /большей частью закрепленному и оформленному в законах/ к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства"²⁰. Пользуясь понятием "класс" и говоря о месте классовой борьбы в историческом процессе, писал Маркс, следует помнить три момента: во-первых, что существование классов связано не со всеми, а лишь с некоторыми фазами развития производства; во-вторых, что классовая борьба неизбежно приводит к диктатуре пролетариата; в-третьих, что диктатура пролетариата "сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов"²¹.

В зависимости от конкретных условий, считают марксисты, классовая борьба ведется неодинаковыми средствами, причем основными ее разновидностями является борьба экономическая

ческая, политическая, идеологическая. Фактически различные формы борьбы теснейшим образом переплетаются между собой, взаимно обуславливая друг друга в смысле направленности, содержания и накала. Поскольку позиции господствующего класса закрепляются юридическими нормами, гарантирующими прочность существующего правопорядка, постольку идеологическая и экономическая борьба зачастую как бы передвигаются в политическую сферу, где и происходят решающие столкновения между борющимися классами. Экономические интересы играют при этом главенствующую роль, но разрешаются они могут лишь через политическое переустройство общества, которому сопутствуют определенные идеологические противоречия и сдвиги²².

Из марксистской концепции исторического процесса вытекает, что в классовом обществе важнейшим орудием политической власти господствующего класса является государственная машина, включающая, кроме органов управления, еще армию, суд, полицию и т.д. В произведениях Маркса, в книге Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства", в ленинском труде "Государство и революция" вскрыты закономерности возникновения, развития и отмирания государства. Государство, как орган классового господства возникает с появлением частной собственности и разделением общества на враждебные классы. Рабовладельческая формация оставила примеры самых различных по своей форме государственных образований, однако, по словам Ленина, любое "государство в рабовладельческой эпохе было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая"²³.

По мнению марксистов, наиболее организованная часть класса, которая так или иначе возглавляет совместные действия входящих в него индивидумов, составляет то, что принято называть политической партией. Зачатки политических партий можно обнаружить еще в античных государствах, спорадическое их появление отмечают историки феодального средневековья. Политические партии стали постоянным явле-

нием в эпоху ранних буржуазных революций, после которых размах их деятельности и влияние на общественную жизнь росли очень быстрым темпом. Определяя место политических партий в историческом процессе, Ленин в работе "Социалистическая партия и беспартийная революционность" /1905 г./ писал: "В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится на известной ступени ее развития, политической борьбой. Самым полным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий"²⁴. При определенных условиях интересы класса, взятого в целом, может отражать одна партия. Однако фактически в капиталистическом мире важнейшие классы зачастую бывают представлены на политической арене несколькими партиями. "Беспартийность в буржуазном обществе, — отмечал Ленин по этому поводу, — есть лишь лицемерное, прикрытое, пассивное выражение принадлежности к партии сытых, к партии господствующих, к партии эксплуататоров"²⁵.

Во взаимоотношениях классов и партий, в структуре и деятельности государственных органов существенную роль играют национальные факторы. В марксистско-ленинской историографии нации назвали этносоциальную общность людей, которая с утверждением капитализма приходит на смену народности как предшествующему типу этнической общности, который существовал при феодализме. По сравнению с феодальной народностью нация обладает гораздо более значительным внутренним единством, что находит свое выражение в упрочении экономических связей, формировании единого национального языка, в возникновении и развитии национального самосознания, включающего не только чувство этнической близости, но и более или менее сильно выраженное ощущение социально-экономического и идейно-политического единства. Сложившись, нация оказывает существенное влияние на жизнь общества.

Существует немало серьезных работ, которые исследуют исторические предпосылки и пути становления буржуазных наций и создания национальных государств, типичных для

Западной Европы XIV-XVI вв.²⁶ В менее развитом экономически восточноевропейском регионе, где под властью Габсбургской и Османской империи были объединены разнородные народы, соответствующие процессы и складывание национальных государств датируются в основном второй половиной XVI и первой половиной XIX в.²⁷ Что касается других континентов, то там имели место и иные варианты, существенно отличающиеся от указанных. Марксистско-ленинская теория исходит из того, что нация — это исторически преходящая форма человеческой общности; возникнув в эпоху перехода от феодальной формации к капиталистической, она постепенно исчезает.

Весьма существенно утверждение марксизма о том, что в классовом обществе любые формы общественного сознания непременно имеют классовый, партийный характер и не могут быть политически нейтральными. Сторонники марксистской концепции исторического процесса заявляли, что они подходят к общественному развитию с классовых, партийных позиций, не отказываясь при этом от научной объективности. Возможность этого, по их убеждению, обуславливается, во-первых, совпадением коренных классовых интересов пролетариата с потребностями общечеловеческого прогресса, во-вторых, сознательным и исследовательным использованием методологических преимуществ диалектического материализма.

Факты не оставляют сомнений в том, что марксистская концепция исторического процесса сложилась под влиянием объективных условий общественного развития, что она опиралась на достижения гуманитарных и естественных наук середины XIX в. Однако, будучи внутренней целью и стройной теоретической системой, марксизм зародился и довольно долго развиваясь в основном за пределами научной среды. Это затрудняло знакомство с ним профессиональных историков, сводило к минимуму возможности достаточно широких дискуссий среди специалистов, замедляло темпы распространения марксистских идей и ограничивало сферу их воздействия.

Превратившись в составную часть европейской общественной мысли, марксистская концепция исторического про-

цесса сделала серьезную заявку на более успешное чем ранее освоение накопленного человечеством опыта. Концепция привлекала своим последовательным монизмом, четкостью исходных посылок и определенностью выводов, стремлением вытянуть в единую цепь причинно-следственных связей важнейшие явления прошлого, настоящего и будущего. С момента своего появления исторический материализм оказывал позитивное влияние на методологию обществознания, включая историческую науку, если его основные теоретические положения использовались творчески, а не в догматически обособленном виде. Констатируя это Е.Топольский писал: "Исторические исследования, опирающиеся на диалектический метод познания, приобретают в мире все более широкое признание. Кроме ученых социалистических стран, значительные группы историков в других странах высказываются за марксистскую интерпретацию исторического процесса и диалектический метод"²⁸. К этому следует добавить, что на основе марксистской методологии написано большое количество конкретно-исторических исследований, вполне обоснованно вошедших в золотой фонд мировой историографии.

Однако в развитии науки, как и в поступательном движении природы и общества, нет ничего вечно молодого и навсегда правильного. Все в мире стареет; обнаружива^{ются} слабые места и в марксистской концепции исторического процесса, устарели некоторые из ее основных положений. Поскольку теория общественно-экономических формаций не охватывает всех сторон общественной жизни и всего разнообразия социальных организмов, понадобилось более широкое понятие "цивилизация". В наши дни существенно трансформируется отношение ученых к понятиям классы и классовая борьба, революция и реформа, мы по другому оцениваем взаимосвязи между социальными и национальными интересами людей, между материальными и духовными факторами исторического процесса. Марксистский подход к истории складывался в иных объективных условиях и при ином уровне научных знаний, поэтому сейчас он нуждается в уточнениях и дополнениях.

Необходимость пересмотра отдельных существенных поло-

лений марксистской концепции исторического процесса связана с некоторыми особенностями ее генезиса. Маркс, Энгельс, Ленин относятся к числу наиболее одаренных в интеллектуальном смысле высокообразованных людей своего времени. Есть немало таких областей обществоведения, в которых они работали профессионально и внесли весьма значительный научный вклад. При всем том они были прежде всего и главным образом общественными деятелями, тратившими большую часть своих сил и способностей на политическую борьбу и руководство революционным рабочим движением. Научные проблемы политэкономии, философии, социологии, истории интересовали классиков марксизма именно в данном качестве, и это неизбежно накладывало более или менее существенный отпечаток на результаты их изысканий. Впоследствии большое влияние оказывало то, что активные участники революционного движения, крупные партийные и государственные деятели социалистических стран составляли значительную, а иногда и львиную долю среди тех, кто пытался развивать или пропагандировать марксистско-ленинскую теорию. Не удивительно, что со временем историческая наука в Советском Союзе, в других социалистических странах в весьма сильной степени подвергалась идеологизации и политизации.

Изучая ту часть творческого наследия основоположников марксизма-ленинизма, которая связана с исторической наукой, необходимо тщательно отделять определения методологического характера и хорошо обоснованные теоретические обобщения от конкретно-исторических выводов, не опирающихся на глубокий анализ фактов, а также от публицистических высказываний, рассчитанных на агитационно-пропагандистский эффект. Наследие Маркса и Энгельса, несмотря на его несомненную ценность для исторической науки, не следует воспринимать как абсолютную истину в последней инстанции. Все содержащееся в их произведениях ученых обязан соотносить с сегодняшним уровнем науки, выявляя и открыто критикуя обнаруженные неточности историкографического, источниковедческого и методологического характера.

То же самое можно сказать о наследии Ленина. Он внес

немалый вклад в теорию исторического материализма и создал такие образцы марксистского конкретно-исторического исследования как "Развитие капитализма в России", но не смог избежать отдельных элементов догматизма в истолковании высказываний Маркса и Энгельса. Что касается марксизма послеленинского периода, то разрабатываемые им варианты программы социалистических преобразований и попытки их практической реализации пока не имели успеха. В чисто теоретической сфере стремление критически подойти к изначально ошибочным или устаревающим положениям марксизма, попытки совершенствовать его теорию были характерны для идеологов и ученых западной социал-демократии. В социалистических же странах, в том числе в Советском Союзе, все сильнее укоренились догматизм и начетничество, что негативно влияло на экономику, политику и науку, особенно — на общественное знание.

В странах Восточной Европы воздействие марксизма на историческую науку началось с момента распространения на их территории произведений Маркса и Энгельса. Долгое время марксистская концепция исторического процесса была известна главным образом активным деятелям рабочего движения. Проникновение марксизма в профессиональную историческую науку началось фактически в период между двумя мировыми войнами. В СССР марксистская историография стала господствующим направлением в 30-е годы, в других европейских социалистических странах это произошло в 50-60-х годах. К сожалению, во всех случаях речь шла об историографиях, более или менее сильно деформированных воздействием догматизма и начетничества.

ГЛАВА 2.

БОЛГАРИЯ

Воздействие марксизма на историческую мысль
Болгарии с середины 80-х годов XIX в. до 1918 г.

В Болгарии, начиная с Паисия Хилендарского /1722-1798/, авторы исторических сочинений ставили перед собой задачу способствовать укреплению национального самосознания и борьбе болгарского народа за государственную независимость. Национально-романтический период болгарской историографии был связан с преднамеренным возвеличиванием прошлого болгарского народа. Поиски исторической истины в то время нередко уступали место патриотической экзальтации.

С 40-50-х годов XIX в. начался новый период в развитии болгарской буржуазной историографии, связанный с именами В.Е.Априлова и С.Н.Палаузова, чьи работы находились на уровне тогдашней русской исторической науки. В последней трети XIX в. видное место в изучении истории Болгарии занимали Марин Дринов и Константин Иречек. В дальнейшем болгарская историография выдвинула ряд талантливых представителей, которые создали ценные труды по средневековой и новой истории страны.

Разработку марксистской концепции болгарского исторического процесса начал Д.Благоев /1856-1924/.

В формировании Благоева как историка можно выделить два периода: 1/ вторая половина 70-х - начало 90-х годов XIX в.; 2/ 1891-1924 гг. В юношеские годы его исторические взгляды формировались, по-видимому, под воздействием сочинений выдающегося патриота и революционера Г.Раковского. В годы пребывания в Петербурге /1878-1885/ под непосредственным влиянием русского революционного движения начался постепенный переход Благоева на позиции марксизма.

Видное место в его работах на исторические и социологические темы занимают общеметодологические вопросы. Опираясь

на марксистское учение об общественно-экономических формациях, на материалистическое понимание истории, Благоев в своей брошюре "Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?" /1891/ изложил основные этапы развития человечества. При этом он старался показать, что история человеческого общества — это прежде всего история производительных сил и производственных отношений. Значительное место заняли в работе также вопросы о классах и классовой борьбе, о рабочем классе и его роли в развитии человечества. На ряде примеров из истории различных стран Д.Благоев показал, что борьба классов неизбежно становится политической и в социальном развитии наступает такой момент, когда совершается скачок и происходит социальная революция. Внимание Благоева привлекла принципиально важная для исторической науки проблема роли народных масс и личности в развитии общества. Истинная сила, — писал он, — в народе и только в народе. Благоев не сомневался, что только при помощи марксизма можно правильно объяснить историю Болгарии и болгарской нации. Отвергнув утверждения А.Страшимирова, будто болгарские марксисты хотят насильственно втиснуть болгарскую историю и современность в уже готовые рамки своего материалистического мировоззрения, он в то же время развил понимание общего и особенного в историческом процессе, иначе говоря, развития человечества и каждой его отдельной части. Благоев указывал на внутреннюю связь истории Болгарии со всемирной историей, усматривая закономерность ее развития в единстве исторической закономерности. Опираясь на марксистскую теорию общественного развития, он стремился к созданию теории болгарской истории.

Критически используя собранный историками материал и самостоятельно изучив некоторые источники, Благоев подготовил в 1897–1898 гг. ряд очерков по истории Болгарии под общим названием "Из прошлого болгарского народа". В них шла речь о происхождении болгарского народа, о его социальном положении в XIII в., о проблеме крепостничества в Болгарии. Начатую таким образом работу Благоев в несколько иной форме продолжил в 1906 г. в книге "Очерки исто-

рии социализма в Болгарии". Особое внимание Благоев обращал на феодальный способ производства, так как с ним связано возникновение классов в Болгарии. Он поставил вопрос о болгарском феодализме в то время, когда в официальной исторической науке отрицалось наличие феодальных отношений, господствовали представления об аморфном бесклассовом обществе, в котором постепенно проявлялись "изначальные" и "естественные" качества буржуазного строя.

По мнению Благоева, в основе создания Аспаруховой ордой болгарского царства лежали феодально-крепостнические отношения, которые в УП-УШ вв. имели значительно более мягкую форму, чем в последующие. Он считал, что такая форма крепостничества как колонат в Болгарии сравнительно рано исчезла и уступила место другой, более тяжелой, при которой все земледельческое население утратило личную свободу и превратилось в движимую собственность болярского класса.

Городские жители — ремесленники, также полностью зависели от болярина, владевшего городом. Все они составляли бесправную массу. Дело не обходилось без восстаний против боляр и бунтов против царской власти. Так называемый "золотой век" Симеона "был совсем не золотым для трудящегося народа"¹.

Благоев подготовил большую работу о богомилах, рукопись которой, к сожалению, сгорела, к изучению характеристик богомильского движения Благоев обращался не раз, ставя его в один ряд с такими крупными выступлениями крестьянства, как война таборитов и гуситов в Чехии, джерия во Франции, восстание крестьян в Англии и Крестьянская война в Германии². Богомилство, по его мнению, было живым протестом против средневековых порядков, социальной борьбой, которая в силу исторических условий принимала религиозный, христианско-коммунистический характер. Благоевская оценка богомильского движения явилась попыткой по-марксистски осмыслить общественные отношения, сложившиеся в Болгарии в X-XIV вв. Это было тем более важно, что буржуазные историки пытались изобразить богомилство как явление случайное,

замкнутое в "чистой" сфере духовной жизни и ничего общего с социальным протестом против угнетателей не имевшее.

Рассмотрению важных проблем болгарской истории посвящена значительная часть написанных Благоевым "Очерков истории социализма в Болгарии". В них впервые в болгарской историографии сделана попытка дать трактовку болгарской истории со времени образования Болгарского государства и до начала XX в. на основе марксистской методологии. В первой части работы излагается история Болгарии с древнейших времен до 1878 г. При этом обращается внимание на специфические черты развития феодализма на Западе и в Болгарии. По мнению Благоева в других странах вместе с развитием городов формировалась буржуазия, в руках которой сосредоточивались новые развивающиеся производительные силы, что со временем привело к падению феодализма, тогда как в Болгарии в результате постоянных междоусобных войн, частых вторжений кочевых племен и производимых ими опустошений города развивались слабо, и это было немалым препятствием для формирования класса буржуазии. Еще больше задержало развитие городов и буржуазии турецкое нашествие, которое уничтожило болгарский боярский класс, но не ликвидировало феодализм, а только видоизменило его.

Благоев подчеркивал, что турецкое владычество на Балканском полуострове препятствовало развитию покоренных народов, способствовало консервации первобытных форм их жизни. Но турецкие власти были не в состоянии сдержать натиск европейских капиталистических держав, стремившихся к эксплуатации балканских стран и использованию их в качестве рынка сбыта для своей промышленной продукции. В свою очередь, еще в конце XVII — начале XVIII вв. в Болгарии началось новое развитие ремесленного производства и торговли в городах, что не могло не повлиять на сельское хозяйство и феодальные отношения. Сложную проблему генезиса капитализма в Болгарии Благоев и другие марксисты впервые поставили на прочную научную основу.

Глубоко интересовался Благоев всем тем, что связано с национальным возрождением, национально-освободительной бо-

рьбой болгарского народа и деятельностью выдающихся революционеров эпохи. В отличие от буржуазных историков, пытавшихся представить национальное возрождение лишь как результат усилий исключительных личностей, как полную гармонию между разными социальными группами, "стремившихся к знаниям", Благоев считал, что основу социально-экономического процесса данного периода составляет разложение турецкого феодализма, зарождение и развитие буржуазных отношений в Болгарии.

Изучив процессы социально-экономического развития Болгарии со второй половины XVIII в., Благоев пришел к выводу, что в это время отсутствовали материальные условия для массового национального движения и не было еще класса, который мог бы стать во главе этого движения и направлять его. Только в начале XIX в. создавались благоприятные условия и началось формирование нового класса, который Благоев называет торгово-промышленным или буржуазным классом³.

В благоевской концепции болгарского национального возрождения видное место занимает анализ классов и классовых отношений эпохи. На основе этого анализа он пришел к заключению о революционности болгарской буржуазии в период национального возрождения, связанной с недовольством, которое охватило болгарский народ в 50-70-х годах XIX в. и превратило эти десятилетия в эпоху борьбы за освобождение Болгарии от турецкого владычества. В "Очерках" еще нет законченной периодизации эпохи возрождения — она лишь намечена. В научном наследии болгарского марксиста много места уделено таким ярким личностям как Г.Раковский, Л. Кара-

велов, В.Девский, но наибольшее внимание он уделил изучению деятельности Х.Ботева, которого считал самым выдающимся болгарским революционером, социалистом-утопистом и великим поэтом. Всенародное восстание в апреле 1876 г. Благоев тесно связывал с русско-турецкой войной 1877-1878 гг. и последующим освобождением страны. Он высоко оценивал роль народных масс в восстании, которое положило конец ту-

режнему господству в Болгарии. Наличие отдельных неточностей, допущенных Благоевым при анализе и оценке эпохи национального возрождения, не опровергает мнение специалистов о том, что написанные позже исследования по этим вопросам в основном лишь развивали, дополняли и расширяли мысли и положения автора "Очерков".

В благоевской концепции болгарского исторического процесса особое место заняла проблема капиталистического развития Болгарии в конце XIX в. и в первые два десятилетия XX в. Выдвижение указанной проблемы на первый план объяснялось тем, что именно в этой области допускались наиболее грубые фальсификации со стороны болгарских политических деятелей, историков и экономистов. Благоеву на конкретном фактическом материале удалось дать общую характеристику развития капитализма в Болгарии, наметить основные этапы его истории. Ему принадлежит неоспоримая заслуга выделения Русско-турецкой войны и освобождения Болгарии, как начального этапа в формировании новой общественно-экономической формации.

В работах Благоева впервые указано на появление в Болгарии новой общественной силы — пролетариата и ту общественную роль, которую он призван сыграть в судьбах страны. Большую часть "Очерков" их автор посвящал систематическому изложению истории болгарского социалистического и рабочего движения, возникновению социал-демократической партии, слиянию ее с социал-демократическим союзом и внутрипартийной борьбе в БРСДП, закончившейся расколом. Благоев наметил и обосновал все этапы исторического развития партии болгарского пролетариата от создания первых кружков и до превращения ее в коммунистическую партию. Для "Очерков" характерна документальность, стремление обосновать каждый вывод источниками, а в случае их нехватки — широким использованием сравнительно-исторического метода.

В ряде работ Благоев исследовал вопросы внутренней и внешней политики Болгарии в первое десятилетие XX в., а также в период Балканских войн, давал оценку политикешовинистической болгарской буржуазии. Благоев, как В.И. Ле-

нии, видел, что Балканы превращались в узел мировой политики, и понимал, какую это представляло большую опасность для настоящих и будущих интересов трудящихся Балканского полуострова. Первая мировая война и крах II Интернационала способствовали дальнейшему сближению взглядов Д.Благоева со взглядами В.И.Ленина. Это прежде всего относится к оценке самой войны как империалистической, и роли революционных народных масс в борьбе против своих правительств, в революционном выходе из войны и т.д.

Проникнутые глубоким историзмом произведения Благоева сохранили свое значение и ныне. Они стали той почвой, на которой росла и развивалась болгарская марксистская историография. Разработанные в трудах Благоева основные проблемы социально-экономической и политической истории Болгарии в эпоху феодализма и капитализма, национально-освободительного и революционного движения болгарского народа на различных этапах его истории составили основу цельной марксистской концепции болгарского исторического процесса.

Одновременно с Благоевым теория исторического процесса стала разрабатывать группа молодых болгарских марксистов, обучавшихся в Женеве и находившихся под большим влиянием Г.В.Плеханова, группировавшихся вокруг него русских революционеров-эмигрантов.

Решающую роль в овладении болгарскими социалистами историческим материализмом сыграло изучение ими трудов К. Маркса и Ф.Энгельса, а позднее и В.И.Ленина. Они же были первыми переводчиками, издателями и пропагандистами произведений основоположников марксизма. Одним из первых обратился к исторической тематике основатель эмигрантского болгарского социалистического клуба и активный участник Болгарского социал-демократического союза Слави Балабанов /1870-1892/, чьи способности высоко оценил Плеханов. Незадолго до смерти Балабанова в первом номере болгарского сборника "Социал-демократ" была опубликована его статья "Социальный характер революции 1848 г.". Автор широко опирался на труды К.Маркса, Луи Блана и других западно-

европейских историков. Статья начиналась с изложения взглядов историков-материалистов на развитие общества и характеристики их метода, но большая ее часть была посвящена анализу революции во Франции. По всей вероятности, болгарские читатели именно по этой работе впервые познакомились с отношением К.Маркса к событиям Весны Народов.

Другим болгарским марксистом, чья деятельность началась еще в 90-х годах, был Кристо /Христиан/ Раковский /1873-1941/. Это один из самых образованных и плодотворных болгарских марксистов, его творчество еще предстоит изучить. Наряду с Благревым он сыграл большую роль в борьбе с народниками, которые объявили материалистическое понимание истории насущным вымыслом К.Маркса. В серии статей напечатанных в журнале "Ново време" Раковский выступил в защиту историко-философской основы учения Маркса, изложив взгляды основоположников научного социализма на развитие человеческого общества. Большой известностью в конце XIX-начале XX вв. пользовалась книга Раковского "Россия на Востоке" /1898/, в которой молодой автор рассмотрел восточную политику России с начала XVIII в. и до 90-х годов XIX в. включительно, используя для этого все доступные ему публикации документов и труды русских и западноевропейских исследователей. Книга состояла из двух частей: наибольший интерес из них представляет вторая, посвященная не только рассмотрению вопроса о русской политике в Болгарии, но и освещению важнейших проблем болгарской истории страны за двадцать лет после ее освобождения. Оценивая эту и другие работы Раковского, Благоев отмечал, что они "дали социализму в Болгарии прекрасное оружие в теоретической и практической борьбе с противниками"⁴.

История занимала значительное место в сочинениях видных деятелей болгарского революционного движения Т.Петрова, Г.Киркова, Х.Кабакчиева, В.Коларова, Г.Димитрова. Многие публицистические по своему характеру и назначению работы этих и других болгарских марксистов, обращенные к исследованию современной действительности и "злобы дня", получили со временем значение исторических исследований. Иде-

одоме тесноты выступили против буржуазно-идеалистической трактовки средневековой и новой истории Болгарии, получившей широкое распространение в научных трудах, университетских лекциях представителей академической науки и в публичных выступлениях отдельных политических деятелей. На страницах марксистской печати публиковались статьи и заметки, авторы которых вскрывали всю несостоятельность концепций, идеализирующих далекое прошлое Болгарии.

Тодор Петров /1878-1924/, обращаясь к вопросам болгарской истории, писал с ложности и наивности рассуждений профессиональных историков, связывавших подъем и упадок страны лишь с личными качествами "сильных" и "мудрых" царей, доказывал, что в действительности как "сильные", так и "слабые" цари были только выразителями состояния общества в то или иное время. При этом периоды усиления или ослабления Болгарии "следовали один за другим как причина и следствие"⁵. Болгарских властителей Петров обвинял в том, что они вели частные и продолжительные войны, выгоды от которых имели лишь бояре, дворяне и провинциальные са-трапы.

Болгарские марксисты продолжали изучение социально-экономического развития Болгарии в период турецкого господства, в особенности — роли буржуазии в Национально-революционном движении болгарского народа, а также вопросов времени, форм и методов проникновения в Болгарию капитализма. Т.Петров, в частности, пришел к выводу, что хотя на протяжении длительного времени создавались предварительные условия для развития капитализма в Болгарии, все же страна вступила на этот путь значительно позже других западноевропейских государств, которые к этому времени уже были развитыми капиталистическими странами⁶.

Внимание болгарских марксистов к проблемам происхождения болгарской буржуазии, ее роли в борьбе против турецкого ига было тесно связано с политическими задачами рабочего движения, которые во многом определяли их выводы и оценки. Г.Кирков /1867-1919/, например, утверждал, что консерватизм, эгоизм и пародобознь всегда являлись основ-

ными чертами буржуазии: по меткому определению Киркова была она "рождена в рабстве"⁷. История болгарской буржуазии, как считал Кирков, не знала таких героических моментов, как западноевропейская, однако она знала другие, полные позора и унижения. Он связывал это с особенностями развития болгарской буржуазии и ее происхождением. В отличие от некоторых других марксистов, усматривавших в чорбаджийстве отдельную социальную группу или новый класс, являвшийся придатком турецкого феодализма, Кирков отождествлял чорбаджийство с буржуазией.

Примерно такую же позицию занял Г.Димитров /1882 - 1949/ в работе "Синдикальное движение в Болгарии". Он считал, что класс капиталистов в Болгарии формировался из среды некогда немногочисленного чорбаджийского сословия⁸. Примечательно, что сами представители болгарской буржуазии и ее, по словам Димитрова, "обанкротившейся науки" никогда не отождествляли себя с чорбаджиями. Правильно заметил В.Коларов, - отмечал Димитров, - что буржуазия во всех странах ревниво бережет тайну, которой окутаны первоначальные источники ее собственного экономического выдвижения, она не допускает "чужой взгляд в "святая святых" их обогащения"⁹.

Г.Кирков, Г.Димитров и некоторые другие болгарские марксисты стремились показать, как исторически сложились антинародный характер буржуазии и ее командная политика силы. Они утверждали, что болгарская буржуазия никогда не вела революционной борьбы, что она всегда относилась к народным массам с недоверием, презрением и враждой. Эта правдивая точка зрения на длительный срок утвердилась в болгарской марксистской литературе. Ближе всех к правильному пониманию вопроса подошел известный ученый-марксист и прекрасный журналист, длительное время редактировавший "Рабочий вестник", - Христо Кабакчиев /1878-1940/. Еще в начальный период своей публицистической и научной деятельности он специально изучал национальный вопрос на Балканах: доказывая, что главной силой народного революционного движения за освобождение, развернувшегося в 60-70-х

годах XIX в., была мелкая городская буржуазия и вышедшая из ее среды интеллигенция¹⁰. Кабакчиеву возражал Васил Коларов /1877-1950/, который считал мелкобуржуазные слои не способными ни на какие самостоятельные и решительные действия. Эта характеристика была в значительной степени правильной для Болгарии в первом десятилетии XX в. Но в эпоху национального возрождения, когда мелкая буржуазия вела ожесточенную борьбу с чорбаджиями, она представляла собой вполне определенную революционную силу. Впрочем первые болгарские марксисты не смогли до конца решить вопрос о классе-гегемоне в революционной борьбе болгарского народа в эпоху возрождения, хотя и продолжали эту разработку, начатую Благоевым.

Кабакчиев констатировал, что буржуазные историки и биографы Раковского, Левского, Ботева и других революционеров совсем мало сделали для освещения национально-освободительного движения, а его виднейших деятелей превратили "в манекены спекулятивного патриотизма"¹¹. Он каждому из них посвятил по отдельному очерку. Однако в его работе имелись и некоторые неясные места в формулировки, связанные с отсутствием четкости в вопросе о революционной демократии.

Марксизм и болгарская историческая наука в межвоенный период и во время второй мировой войны.

Под влиянием идей Октября развивалась теоретическая мысль болгарских марксистов. Разработка отечественной истории буржуазными учеными шла очень далеко, а попытки марксистов противопоставить им свои концепции были неудачными. В условиях реакционной монархии была затруднена разработка проблем новейшей истории, особенно историко-партийной тематики. Тем не менее такая работа велась группой политэмигрантов в СССР и партийных функционеров /Г.Демитров, В.Коларов, Х.Кабакчиев, Р.Караколов, Г.Геменов, В.Червенков, Т.Костов, Г.Бакалов, Т.Павлов, Ж.Наташ и др./. Большую роль в подготовке болгарских ученых-обществоведов сыграли учебные заведения в СССР, в особенности

также, как Коммунистический университет национальных меньшинств Запада /КУНМЗ/ и Международная ленинская школа. В 20-х годах эти два учебных заведения закончили 300 болгарских политэмигрантов, многие из которых стали видными историками¹².

Коларов, Димитров и другие деятели рабочего движения внесли определенный вклад в разработку конкретной методологии и методики марксистской историографии, в ее борьбу с субъективно-идеалистическими взглядами идеографической школы, господствовавшей в исторической науке Болгарии до 1944 г.¹³ Болгарские ученые рассматривали все исторические события как уникальные и неповторимые; возражая им, Коларов исходил из того, что исторические явления повторяются в истории разных народов, но не в виде каких-то исключительных особенностей и не в результате воздействия мистических сил. Передовые страны, по его мнению, ранее переживают то, что позднее происходит в отсталых. Для определения подобного рода повторяемости Коларов употреблял термин "историческая неизбежность", полагая, что он находит свое выражение в законах общесторического развития. Коларов предупреждал, что повторяемость в истории не бывает абсолютной. Более того, абсолютное повторение невозможно и вредно. "Невозможно потому, что история не повторится, а вредно потому, что тысячи усилий пропадут напрасно"¹⁴.

В 1926-1929 гг. Коларов опубликовал ряд историко-партийных статей в журналах "Коммунистическое знамя" и "Коммунистический Интернационал". В них рассматривались многочисленные проблемы, относящиеся к прошлой и настоящей деятельности партии. Вопросы новейшей болгарской истории находились в поле зрения Г. Димитрова. Во второй половине 20-х годов в его работах были проанализированы события, происшедшие в Болгарии после Сентябрьского восстания 1923 г. и особенно после взрыва Софийского собора в 1925г.; в них Димитров показал, что кровавый террор буржуазии в стране не был делом случая, ибо "ничто в человеческой истории не происходило и не происходит случайно"¹⁵. Особен-

но успешно занимался историческими исследованиями в годы эмиграции в СССР Кабакчиев. С 1928 г. он работал в Институте Маркса - Энгельса - Ленина, а с 1935 г. до своей смерти - в Институте истории АН СССР. В СССР ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук. Находясь в Москве, Кабакчиев написал работы, в которых осветил наиболее крупные революционные события в Болгарии, стратегию и тактику БКП. Он был первым автором, посвятившим международному читателю с фашистским переворотом в Болгарии 9 июня и антифашистским восстанием 1923 г.

В 1938 г. Кабакчиев заканчивает свой самый большой и капитальный труд "Д.Благоев и партия тесняков-социалистов", который только в 1979 г. был издан в Софии. В работе над книгой автор привлек много новых источников, пришел к новым выводам. Избрав проблемный принцип, он сумел осветить наиболее важные стороны деятельности тесняков с момента изгнания из партии обещальцев и до 1923 г. Выяснено отношение болгарских социалистов к массовому рабочему движению в стране, к стачечной борьбе пролетариата, к крестьянам и аграрному вопросу, тактике партии, ее парламентской деятельности и к другим проблемам.

Под влиянием Кабакчиева находились другие болгарские эмигранты, как и он занимавшиеся историей БКП. Здесь в первую очередь следует назвать Г.Генова и В.Червенкова, книга которых о Сентябрьском восстании в Болгарии в 1923г. вышла в СССР под псевдонимами¹⁶ и долгое время была единственным монографическим трудом на эту тему. Влияние Кабакчиева было омутимо и в 40-х годах, когда историко-партийная наука в Болгарии делала только первые шаги. Значение работ руководителей теснячества, а затем коммунистической партии, посвященных проблемам болгарской истории, было особенно велико, так как предназначенные для широкого читателя, они способствовали проникновению марксистских исторических знаний в народные массы.

После 1917 г. взоры профессиональных историков Болгарии были обращены ко временам Аспаруха и Крума. Со страниц печати раздавался призыв: "Назад к средневековью". В

научной борьбе, развернувшейся в исторической науке, крепло и развивалось марксистское направление. Болгарские марксисты в самых тяжелых условиях фашистской диктатуры успешно разрабатывали важнейшие вопросы истории.

Развитие марксистской мысли в Болгарии межвоенного периода неразрывно связано с именем Георгия Бакалова /1873-1939/. Его многочисленные исторические работы ставили своей целью утвердить материалистическое понимание истории; они были направлены против буржуазно-идеалистической историографии, пропагандировали новое, что внес Ленин в осмысление истории. В научной деятельности Бакалова можно выделить два периода. С 1911 по 1925 г. он интенсивно разрабатывал проблемы болгарского национального возрождения, деятельности и идеологии выдающихся болгарских революционеров, в первую очередь Х.Ботева. Однако, в работах Бакалова первой половины 20-х годов не было ни серьезного анализа экономических процессов, ни характеристики эпохи возрождения в целом, как не содержалось и попытки выделить класс или общественную группу, которые стояли в центре борьбы и определяли характер эпохи. В конце 20-х - начале 30-х годов начинается второй период научной деятельности Бакалова, проходивший под знаком переосмысления большого круга проблем болгарской истории с позиций исторического материализма. В прогрессивной болгарской печати, в советских периодических изданиях и издательствах он опубликовал десятки статей и отдельных работ. Продолжая бороться против выхолащивания революционной идеологии Ботева, Бакалов в ряде статей убедительно показал его социалистические и революционные идеалы. Однако на рубеже 20-30-х годов он еще не смог окончательно освободиться от ошибочных представлений о Ботева как о народнике и приверженце Бакунина, которые настойчиво пропагандировал в прежние годы.

Преодолев к 1935 г. влияние левосектантства, Бакалов в последние годы своей жизни /1935-1939/ ведет особенно плодотворную научную работу, старается применить марксистскую методологию к изучению болгарской истории. В по-

следние годы жизни он явно отдавал предпочтение исторической тематике, исходя при этом из убеждения, что борьба за историческое наследие играет огромную роль в жизни каждой эпохи, что не все исторические события являются его желанной частью. Трудящиеся, считал Бакалов, никогда не откажутся от того, что связано с борьбой за национальное освобождение, без которой не может быть борьбы за все другие свободы. Об интересе Бакалова к марксистской методологии особенно ярко свидетельствует статья "Значение истории" /1935/. Подчеркнув, что все научные дисциплины, являясь детищем эпохи со специфическими интересами ее общественных групп, выполняют определенную социальную функцию, он квалифицировал историю как "одну из самых действенных наук"¹⁸. По мнению Бакалова, методологические установки ученых во многом определяют дальнейшее развитие истории как науки, именно методологии принадлежит решающая роль в выяснении самой сущности исторического процесса. Из всех методологических проблем Бакалов выделяет три главные, имеющие первостепенное значение для развития исторической науки: во-первых, вопрос об объективной закономерности; во-вторых, о роли народных масс в истории; в-третьих, об историческом подходе к изученным явлениям, или историзме. Эти проблемы рассматриваются Бакаловым в неразрывной связи.

В работах, написанных после возвращения из СССР, где он провел 4 года /1929-1932/, Бакалов впервые применил к конкретным условиям Болгарии ленинское учение о революционной демократии. Оно позволило историку увидеть у Ботевых, Левского и некоторых других болгарских деятелей черты, характерные для русских революционных демократов. В 1934 г. Бакалов публикует один за другим очерки о названных деятелях, подходя дифференцированно к анализу их идеологии, учитывая конкретные условия места и времени при одновременном рассмотрении их теоретических взглядов и практических действий. Представляет интерес работа Бакалова "Как Парижская коммуна была встречена болгарами" /1934/, в которой говорится: "Как теперь Октябрьская революция, так

и тогда Коммуна была пробным камнем для проявлений классовых стремлений различных слоев болгарского общества¹⁹.

Болгарский философ и общественный деятель Тодор Павлов /1890–1977/, не будучи специалистом-историком в точном смысле этого слова, сыграл большую роль в развитии марксистской исторической науки, в воспитании и формировании целого поколения историков-марксистов Болгарии. Уже в первых своих философских работах он выступил против буржуазно-идеалистических взглядов. В двух статьях вышедших в 1929 и 1930 гг. /"Идеализм и материализм", "Богочеловек и материализм"/ Павлов подверг резкой критике ремейство, вскрыл его субъективно-идеалистический характер. В написанном во время четырехлетнего пребывания в СССР /1932–1936/ работе "Теория страдания" /1936/ большое внимание уделяется историческому материализму и методологии исторического познания.

В 1938–1941 гг. Павлов публикует работы, в которых последует ряд важных вопросов болгарского национального возрождения, связанных, в частности, с деятельностью и идеологией болгарских революционеров Ботева и Левского. В очерках о Ботеве, объединенных в книгу "Х. Ботев. Поэт, критик и философ" /1940/, Павлов вновь возвращается к вопросу о движущих силах и гегемоне революции, которую он называет народной. Плодотворна его мысль, что Ботев как революционный идеолог и политик не может быть правильно понят и по достоинству оценен, если рассматривать его как "представителя только революционного крестьянства и ремесленников"²⁰. По мнению Павлова, социальной базой Ботева был болгарский пролетариат. "Историческая беда" Ботева, утверждал Павлов, состояла в том, что социальная база его деятельности была еще слишком случайна, ненадежна и неопределенна, чтобы на ней можно было строить политику и организацию необходимого общественного революционного гегемона.

Особое значение для изучения проблемы национально-освободительной борьбы приобрели работы Павлова о Левском /"Левский как романтик и реалист", "Васил Левский о значении субъективного фактора" и "Васил Левский как стратег и

тактик"/. Личность Левского рассмотрена в них весьма разносторонне. Павлов показал, что, правильно решив основные стратегические вопросы болгарской национальной демократической революции, Левский тем самым создал условия и для решения главных тактических задач. В целом научная и общественная деятельность Павлова оказала большое влияние на развитие марксистской исторической науки в Болгарии. Он выдвинул много новых идей и тем способствовал развитию исторической науки в НРБ.

М. Димитров /1881-1966/ - один из крупнейших болгарских специалистов по периоду национального возрождения, большой знаток деятельности Ботева. За короткий срок Димитров издает о нем две книги: "Христо Ботев - идеи, личность, творчество" /1919/, "Биография Х. Ботева" /1924/. В первой из них Димитров старался показать Ботева на фоне исторической эпохи с ее стремлениями, идеями, борьбой, а также характеризовать политическую борьбу в Болгарии 60-70-х годов XIX в., философские основы мировоззрения Ботева, его взгляды на исторический процесс, государство и общество, его место в истории болгарского революционного движения и общественной мысли. Недостатком книги являлось противопоставление Ботева-социалиста Ботеву-политику. Будучи незнакомым еще с ленинским учением о революционной демократии, Димитров упустил из виду эту слагающую идеологии Ботева, не заметил, что утопический социализм Ботева, последовательного ученика Герцена, Чернышевского и Добролюбова, не был созерцательным, а имел практическую направленность.

Заметное место в межвоенной историографии заняла вышедшая в 1938 г. специальная историографическая работа Димитрова, в которой он подверг критическому разбору литературу о Ботеве. Из десяти очерков, вошедших в книгу, особый глубиной и точностью аргументации выделяются два - "Ботев в освещении индивидуализма" и "Ботев в освещении психоанализа". В них Димитров полемизирует с вишневым, рассматривая его как реакцию против сильного демократического движения в Европе в XIX в.

Во второй половине 30-х годов в нескольких работах

о Л. Каравелове и В. Левском Димитров пересмотрел традиционную точку зрения, согласно которой первый был идейным вдохновителем второго, показал влияние самого Левского на Каравелова. В исследовании Димитрова о Левском²¹ обстоятельно проанализированы тактика революционера и его идеи всенародного организованного восстания.

Научная деятельность Димитрова не прекращалась и в годы второй мировой войны. Как отмечала даже враждебная ему критика, он в своих исследованиях всегда выступал как последовательный сторонник марксистской концепции истории. Еще на заре научной деятельности Бакалов писал, что восхищен талантом ученого, который уже тогда стремился овладеть марксизмом. Но на этом пути у Димитрова наблюдались и некоторые отклонения объективистского характера.

В конце 30-х годов с работами по экономической истории Болгарии периода турецкого ига и по истории национального возрождения выступил д-р Натан /1902-1974/. Вынужденный эмигрировать в СССР /1926-1930/, он воспользовался этим для упорной учебы и углубления своих знаний. Возвратившись в Болгарию, Натан наряду с активной пропагандистской работой, которую поручила ему партия, находясь в подполье, внимательно следил за положением в болгарской экономической науке, отдельные представители которой искажали историю болгарского народа, в том числе историю эпохи национального возрождения. Оставаясь профессиональным революционером, Натан постепенно становится и профессиональным историком; труды же его сразу стали заметным явлением в болгарской исторической науке.

Несомненной заслугой Натана явилась дальнейшая разработка вопроса о феодализме в Болгарии, существование которого продолжали отрицать такие известные представители буржуазной науки как С. Бобчев, Н. Благоев, Н. Станев и др. В 1939 г. вышла работа Натана "Болгарское возрождение", которую он назвал историко-социологическим очерком. Натан показал, что научное понимание эпохи может быть достигнуто лишь на основе анализа тех глубинных социально-экономических процессов, которые происходили в стране в конце ХУШ

— первой половине XIX в. в связи с переходом к новым экономическим отношениям. Этот процесс переплетался с борьбой за национальное освобождение от османского ига. Натан обосновал марксистский тезис о разложении феодализма и зарождении новых капиталистических отношений в стране как сущности и содержания объективного исторического процесса этой эпохи.

Уделив главное внимание экономическим процессам в Болгарии, Натан пришел к выводу, что для освобождения болгарского народа необходима была массовая национально-освободительная революционная борьба за свержение всей системы османского феодализма. Таким образом, уже в 30-х годах историк ставит вопрос о том, что национальное возрождение было в Болгарии периодом назревания революции, которая имела антифеодальный, буржуазно-демократический характер и одновременно была призвана решить национальный вопрос. Работа Натана решительно отличалась еще и тем, что он не обособлял, как это делали буржуазные исследователи, борьбу за просвещение и церковную независимость от борьбы политической, а рассматривал их сквозь призму тех задач, которые выдвигались социально-экономическим развитием страны с конца XVII и до 70-х годов XIX в.

Вслед за Благоевым Натан взялся за изучение вопроса о классовой структуре и классовой борьбе в исследуемый им период. Он дал более или менее подробную характеристику трех классовых групп, которые по его мнению, складываются и крепнут в эту эпоху: во-первых, торгово-промышленных слоев, во-вторых, чорбаджийства, и, в-третьих, крестьянства; особо выделял исследователь торговцев и промышленников, выступавших в роли носителей нового капиталистического способа производства. К чорбаджийству Натан причислял владельцев больших земельных угодий, скотопромышленников и ростовщиков. Эта общественная группа, считал он, была связана с феодальной собственностью и со всей турецкой феодальной системой. Вопрос о классовой принадлежности чорбаджийства вызвал длительную и упорную дискуссию, с особой силой развернувшуюся после 1945 г. Крестьянство, по мнению

Натана было демократической силой, давшей толчок к возрождению нации и национального языка.

Заметную роль в марксистском освещении болгарского исторического процесса сыграл И. Хаджийский /1907-1944/. Работы этого социолога, философа и историка появились накануне и в самом начале второй мировой войны. Им написаны три исследования, в которых рассмотрены различные аспекты Апрельского восстания 1876 г. Особое место в творчестве Хаджийского занимают такие труды, как "Оптимистическая теория о нашем народе" и "Быт и душевность нашего народа". Тема национального возрождения занимает в них ведущее место. Говоря о формировании нации, Хаджийский замечает, что для этого "недостаточно только связи языка, веры и нахождения под общим государственным суверенитетом"²².

Марксистское направление в болгарской исторической науке нашло своих приверженцев среди молодых историков /А. Бурмов, Н. Кондарев, В. Топенчаров, С. Каракостов, Т. Влахов, Д. Косев и др.

А. Бурмов /1911-1966/ работал сначала ассистентом в Софийском университете, а потом доцентом в университете в Скопье. К моменту выхода в свет монографии Бурмова "Болгарский революционный Центральный Комитет, 1868-1876" /1943/ он был уже автором более шестидесяти работ, две трети из которых представляли исследования по эпохе национального возрождения, явившиеся вкладом в антифашистскую борьбу болгарского народа накануне и во время второй мировой войны²³. Владение марксистской методологией позволило молодому ученому осознать благотворность стремления советских историков к переосмыслению всемирноисторического процесса, а после 9 сентября 1944 г. встать во главе журнала "Исторически преглед".

Одним из активных марксистов проявил себя еще до сентябрьской революции Н. Кондарев /р. 1911/, исследования которого посвящены деятельности В. Левского и Л. Каравелова. В завязавшейся дискуссии, которая растянулась более, чем на двадцать лет, участвовали и многие другие ученые.

Первые небольшие работы по проблемам болгарской исто-

рия опубликовал в 30-х годах Д. Косев /р. 1903/. Среди ученых, оказавших на него плодотворное влияние во время учебы в Софийском университете, Косев называет Г. Канарова, В. Н. Златарского, П. Мутафчиева, П. Визили, П. Някова и др. Большим авторитетом пользовался у него известный прогрессивный историк М. Хандельсман, у которого молодой Косев специализировался в Польше в 1931-1932 гг. по истории национально-революционных движений XIX в., что предопределило направление его будущих исследований. Среди первых работ Д. Косева обращает на себя внимание небольшая статья "Политический романтизм в эпоху возрождения" /1936/, в которой отразилось своеобразие научных позиций ученого, отличающихся его при разработке различных периодов и проблем болгарской истории²⁴. Исследования Д. Косева привлекли внимание известных болгарских историков, но к преподаванию в Софийском университете он не был допущен.

Нет сомнения, что несмотря на сравнительно кратковременное существование марксистского направления его представители внесли значительный вклад в научную разработку болгарской истории. Концепции болгарских марксистских историков получили определенное признание не только в Болгарии, но и за ее пределами. Например, еще в середине 1930-х годов польский ученый Л. Видершаль отмечал, что националистически-православно-либеральному направлению в болгарской историографии противостоит марксизм²⁵. Успехи, достигнутые болгарскими историками-марксистами в период между двумя мировыми войнами и влияние советской исторической науки в 30-х - в начале 40-х годов создали условия для последующего развития болгарской исторической науки.

Марксистская историография в Болгарской Народной Республике /1944-1965 гг./

После освобождения Болгарии от монархо-фашистской диктатуры условия для развития всех общественных наук в стране коренным образом изменялись. В соответствии с установками коммунистической партии и правительства Отечест-

венного фронта Т.Павлов поставил перед историками задачу "расчистить идеологические авгиевы конюшни"²⁶. В ее решении, кроме него самого, заметную роль сыграли М.Димитров и другие болгарские марксисты²⁷.

В связи с большим интересом к социально-экономической проблематике и к марксистской теории общественно-экономических формаций д.Наташ опубликовал в 1946 г. книгу на эту тему²⁸, которая дважды переиздавалась /1947 и 1949 гг./. Эта работа оказалась тем более полезной для молодых специалистов, а отчасти для историков старшего поколения, что в ней была предпринята попытка применить теорию формаций к истории Болгарии. В этом смысле наибольший интерес представляли главы о феодализме, о первоначальном накоплении капитала и о развитии капитализма в Болгарии.

Внедрению принципов марксизма-ленинизма в историческую науку содействовали лидеры болгарских коммунистов — Г.Димитров и В.Коларов. Исторические взгляды Димитрова и Коларова, их точка зрения на многочисленные проблемы болгарской истории изложены во многих работах этих авторов, написанных еще в начале XX в. и в период между двумя мировыми войнами. Диалектический подход к исторической действительности позволял им дать правильную оценку многим явлениям болгарской истории и тем способствовать быстрейшему усвоению марксистской теории историками, вставшими на сторону революционной власти. Обращает на себя внимание, в частности, статья В.Коларова об Апрельском восстании 1876 г., напечатанная в 1945 г. Она была задумана как замечания к ранее опубликованной статье д.Наташа, однако вышла за эти рамки и приобрела общеметодологическое значение. Апрельское восстание в статье рассматривалось как кульминационный момент в борьбе за национальное освобождение, как высшая точка, до которой поднялась национально-демократическая революция в Болгарии²⁹. Коларов доказывал, что буржуазное по своей сути национально-освободительное движение и буржуазно-демократическая революция в результате участия в ней народных масс приобрели демократический, плебейский характер.

Переход болгарской исторической науки на марксистскую методологию происходил в условиях господства сталинского варианта марксизма, отмеченного чертами догматизма и ограниченности. Однако поскольку марксистская историческая мысль в Болгарии начала формироваться задолго до 9 сентября 1944 г., после революции она подверглась сравнительно с другими общественными науками меньшему воздействию сталинизма.

Немалая заслуга в этом принадлежит Г.Димитрову, который в 1946 г. сформулировал основные и наиболее неотложные задачи, стоявшие перед исторической наукой на первом этапе ее развития³⁰. Лидер болгарских коммунистов считал необходимым выработать научную концепцию болгарской истории, имел в виду общие закономерности исторического процесса и его специфические черты, связанные с географическими, этническими и другими особенностями, при которых развивается народ и которые накладывают отпечаток на всю его историю.

Рассматриваемый ниже двадцатилетний период развития болгарской исторической науки представляется возможным разделить на два этапа. Первый – с 1944 г. до середины 50-х годов, когда были созданы необходимые условия для коренных преобразований. В научном плане здесь четко вырисовываются два подэтапа: а/ в 1944–1948 гг. немногочисленным еще историкам-марксистам приходилось вести борьбу с буржуазно-идеалистическим направлением в исторической науке, одновременно проходил процесс постепенного овладения старших кадров марксистской методологией; б/ в 1949 – середине 50-х годов утвердился марксистская методология в исторической науке и развернулась организационная перестройка во всех ее звеньях; в то же время именно в эти годы сказались отрицательные тенденции в научно-исследовательской работе, связанные с культом личности Сталина, а также В.Червенкова, который возглавил после смерти Г.Димитрова и В.Коларова компартию и правительство Болгарии.

Второй этап – 1956–1966 гг. – время ускоренного развития страны. Первые годы десятилетия прошли под знаком

освобождения от сковывающего влияния культа личности и творческого применения диалектико-материалистического метода во всех областях исторической науки. С конца 50-х годов значительно расширяется тематика научных исследований, приобретающих все более оригинальный характер. Успехи, достигнутые болгарскими историками, были высоко оценены общественностью, которая поставила перед исторической наукой "генеральную задачу" создания многотомной истории Болгарии.

В первые же недели после 9 сентября 1944 г. необходимость коренной перестройки исторической науки почувствовали прогрессивные историки, группировавшиеся вокруг Болгарского исторического общества. В октябре 1944 г. руководящий орган общества созвал чрезвычайное собрание, на котором обсуждался вопрос о новых задачах в связи с освобождением Болгарии от фашизма. Избрано было новое руководство: в числе первых оно приняло решение об издании исторического журнала для публикации научных статей и широкой пропаганды исторических знаний. В редколлегию вошли А.Бурмов /главный редактор/, Х.Натан, Х.Гандев; позже к ним присоединился В.Хаджиниколов. Первый номер журнала, вышедший весной 1945 г. открывался обращением редколлегии к читателям, в которой провозглашалась задача "расчистить замусоренные до настоящего времени разделы нашей истории, раскрыть действительный образ исторической действительности, исследовав основные факты нашей истории и показав ее историческую линию, в которой среди прочего находится и здоровые корни великой славянской дружбы"³¹.

Несмотря на то, что журнал был задуман как научно-популярное издание, уже в первые годы существования в нем появились статьи, представлявшие глубокий научный интерес. Методологическим проблемам была посвящена, в частности, работа Х.Натана "Классы и классовые отношения в эпоху болгарского Возрождения" /1945, Кн. I. с. 34-48/ и В.Коларова - "Болгарский народ в борьбе за новую Болгарию" /1945. Кн. 4. с. 253-284/. В журнале печатались статьи известных советских историков /Н.С.Державина, Б.Д.Грекова, В.П.Вол-

гина и др./.. Его постоянными авторами стали Ж. Натан, П. Зарез, Д. Косев, А. Бурмов, Д. Ангелов, Х. Христов.

Переосмысление истории болгарского народа с диалектико-материалистических позиций невозможно было осуществить без реорганизации научных учреждений, ведущих подготовку историков и историческими исследованиями. До 9 сентября основным учебным и научным центром в области истории являлся Софийский университет. Именно на его исторической кафедре сосредоточились наибольшие силы ученых и издавалось наибольшее количество работ. С конца 1944 г. началось идеологическое и методологическое переустройство высших учебных заведений и в первую очередь Софийского университета. На основании здесь и без вмешательства Министерского совета, который своим постановлением в 1944 г. уволил из университета и других высших учебных заведений 44 профессора и доцента, а в 1945 г. еще 36. Убраны были реакционно настроенные ученые - В. Владикин, Л. Диков, Б. Йоцов, А. Станишев, Я. Мсолов и др. Преподавать на историко-филологическом факультете стали Д. Косев и Х. Христов, которые совместно с А. Бурмовым и Х. Гандевым являлись центром притяжения для студенческой молодежи.

Начались преобразования и в Болгарской Академии наук. В 1947 и 1949 гг. правительством были приняты законы, в соответствии с которыми создана новая структура БАН и значительно расширена ее научно-исследовательская деятельность. В ходе перестройки научно-исследовательской работы в области исторической науки существовавшая еще до 1944 г. комиссия по изданию греческих и латинских источников по болгарской истории в 1947 г. была преобразована в Институт истории Болгария, затем переименованный /1960/ в Институт истории. Возглавил институт акад. И. Снегаров, В институте работали сначала две секции - древней и средневековой истории Болгария и новой и новейшей истории страны. Вновь созданный Институт мало чем отличался от комиссии, из которой он возник, задачи его по-прежнему ограничивались источниковедческой работой. Наиболее боевым органом, ратовавшим за методологическую перестройку, продолжал оставаться

журнал "Исторически преглед". Но на его страницах в основном публиковались статьи по древней и средневековой истории, национальному возрождению поскольку еще очень небольшое число историков занималось новейшей историей.

Довольно быстрыми темпами разворачивалась работа по изданию некоторых трудов Д.Благоева, Г.Димитрова, В.Коларова и других деятелей БКП, а также исследований об их взглядах. Восприятию болгарскими историками основных положений марксизма о социально-экономических формациях способствовали переводы трудов Маркса, Энгельса и Ленина, вышедшие большими тиражами. Только в 1944-1948 гг. работы Маркса и Энгельса вышли общим тиражом в 60 тысяч экземпляров, а произведения Ленина - 190 тысяч³².

Интерес к марксизму, проявленный значительной частью болгарской интеллигенции, в том числе историками, усиливал внимание к советской научной литературе общественно-научного содержания. Заметное воздействие на болгарскую историческую науку оказывали личные контакты болгарских ученых с советскими историками, например, с академиком Н.С.Державиным, который посетил Болгарию в декабре 1944 г. и весной 1945 г. выступал там с докладами перед трудящимися и научной общественностью.

Контакты с советскими историками и научными учреждениями дали определенный толчок для первых попыток с марксистских позиций изложить историю Болгарии в новое и новейшее время. Развитие историко-партийной науки тормозилось отсутствием научных кадров. За их подготовку взялись Высшая партийная школа, некоторые кафедры историко-филологического факультета Софийского университета и других учебных заведений. В 1944-1948 гг. издавались преимущественно лекции, брошюры и другие материалы по истории БКП и революционному рабочему движению в Болгарии.

В 1947 г. был сделан дальнейший шаг в изучении истории партии. Группа авторов /Т.Костов, Р.Леви, В.Червенков, В.Стайков/ опубликовала "Сборник лекций по истории БКП", охвативший период от начала социалистической пропаганды в Болгарии до 1941 г. Тогда же издательство БРП /к/ при-

ступило к изданию сборника документов "БРП /к/ в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК", первый том которого /1891-1918/ вышел в 1947 г.

29 марта 1948 г. Комитет по науке, искусству и культуре НРБ созвал в Софии совещание историков, на котором с докладом о состоянии и задачах болгарской исторической науки выступил Туше Влахов /р. 1899/. В стремлении развенчать немарксистских историков, показать их методологическую несостоятельность он дошел до категоричного отрицания их вклада в изучение болгарской истории, полностью отказывая им в самостоятельности и оригинальности суждений и выводов. К сожалению, мнение о методологической беспомощности историков дореволюционной Болгарии поддерживал и Н.С. Державин, пользовавшийся в стране большим авторитетом³³. Египтистическое отношение к домарксистской науке, утверждение, будто она сводится к простому накоплению знаний, привело к тому, что многие крупные представители дореволюционной болгарской исторической науки либо были преданы забвению, либо их творчество представлялось в искаженном виде.

В своем докладе Т.Влахов сформулировал следующие задачи исторической науки НРБ: 1/ покончить со всеми антинаучными методами и идеалистическими взглядами на историческое и общественное развитие ; 2/ ликвидировать фашистско-шовинистические настроения, все еще обременяющие сознание историков, десятилетиями воспитывавшихся в духе реакционной и шовинистической историографии ; 3/ до конца разоблачить все извращения, фальсификации и антинаучные тезисы буржуазной историографии ; 4/ создавать исторические исследования на основе исторического материализма как единственного научного метода ; 5/ организовать изучение проблем, которыми пренебрегали буржуазные историки, но которые имеют особо важное значение для правильного понимания исторического развития болгарского народа - их докладчик насчитал тринадцать ; 6/ детально изучить отношения между славянскими странами в прошлом и настоящем, выделяя те моменты, которые содействовали и будут содействовать их более полному и тес-

ному обобщению; ?/ изучать историю Болгарии в связи с общепристорическим процессом³⁴.

Доклад Влахова привлёк внимание не только историков, но и других общественников, вызвал дискуссии, продолжавшиеся несколько месяцев. В своём выступлении на совещании А. Бурмов подчеркнул, что в болгарской историографии можно отчетливо проследить два направления: буржуазно-идеалистическое и марксистско-материалистическое. Он подверг критике предложенную Влаховым схему болгарской истории, указав, что она поверхностна и во многих отношениях не соответствует исторической истине. Неточности и ошибки в этой схеме отметил в своём докладе и Д.Косев. В центре внимания почти всех выступавших на совещании были вопросы периодизации; острые прения развернулись и по вопросу о подготовке научной истории Болгарии.

Нестложные задачи исторической науки обсуждались на У съезде БКП. В принятой резолюции на первое место выдвигалось написание научной, т.е. марксистско-ленинской истории Болгарии, доведенной до наших дней³⁵. В докладе Г.Димитрова на съезде³⁶ были рассмотрены не только проблемы, связанные с историей болгарской компартии, но и некоторые вопросы новой и новейшей истории болгарского народа, как, например, вопрос о характере и значении восстания 9 сентября 1944 г. По-новому была освещена и разработана проблема особенностей народно-демократической власти.

Общеполгарское совещание историков ускорило процесс перестройки исторической науки. Были приняты меры по завершению реорганизации научных и учебных учреждений, открыты новые исследовательские институты, упорядочены архивы и созданы условия для целенаправленной археографической деятельности.

В 1950 г. проведена принципиальная реорганизация Института болгарской истории, который возглавил Д.Косев. Руководителями двух имевшихся в составе Института секторов стали А.Бурмов и Х.Христов. В дальнейшем существовавшие сектора подверглись разукрупнению и появились сектора: новейшей истории Болгарии; новой истории Болгарии; национального

возрождения; древней и средневековой истории Болгарии; всеобщей истории; научной информации, библиографии и документации, а также комиссии по методологии и историографии. Созданная в Институте аспирантура с отрывом и без отрыва от основной работы обеспечивала подготовку научных кадров в первую очередь по тем разделам истории, которые до этого мало или вообще не разрабатывались в Болгарии, причем речь шла о специалистах, овладевших марксистским мировоззрением.

Вскоре после вступления на должность директора Института истории Д. Косев выступил с большой статьей в журнале "Ново време" /1950, кн. 8, с. 49-57/. Призывая к дальнейшему развертыванию критики буржуазной историографии, он указывал на необходимость создания новой научной марксистской литературы. Именно в этом Косев видел самую трудную и самую важную задачу болгарских историков. Учитывая, что ее выполнение займет длительное время, Косев призвал незамедлительно начать работу над научно-популярной историей Болгарии, что будет подлинной проверкой методологической и научной подготовленности болгарских прогрессивных историков. Написание подлинно научных трудов Косев считал невозможным не только без достаточного овладения марксистской методологией, но и без хорошего изучения источников. Поэтому его беспокоило состояние исторических архивов и их организация на научной основе.

Архивное дело в дореволюционной Болгарии находилось в запущенном состоянии, и потому сразу же после 9 сентября была поставлена задача создать условия для его научного развития. В октябре 1951 г. издан указ о полной централизации архивного дела по советскому образцу. Была организована сеть центральных и окружных архивов, подчиненных Архивному управлению при МВД. В Софии созданы два архива: Центральный государственный исторический архив, в котором хранятся документы общенационального значения за период до 9 сентября 1944 г. и Центральный государственный архив ЦРБ, являющийся хранителем документальных материалов общенациональной значимости за время после 9 сентября. Кроме

того созданы окружные архивы. Реорганизация архивного дела способствовала быстрому накоплению документальных материалов³⁷. Если вначале ЦГИА имел только 150 архивных фондов, из которых 130 были личными, то уже менее чем через 20 лет их стало 1200, в них насчитывалось около 500 тыс. архивных единиц.

Особо следует сказать о деятельности архива БКП. Придавая большую важность собиранию, хранению и изучению документальных материалов по истории компартии, Секретариат ЦК БКП 6 февраля 1946 г. принял решение о создании партийного архива. Затем в штате ЦК появился Центральный партиархив, но в конце 1955 г. он был включен в состав Института истории БКП, созданного в 1953 г. Перед Институтом была поставлена задача написания истории БКП, им осуществлялись документальные публикации.

Реорганизация составила также археологию и этнографию. В конце 1948 г. произошло объединение Института археологии с Народным археологическим музеем в одно научно-исследовательское учреждение – Археологический институт с музеем при БАН, а в 1949 г. Народный этнографический музей объединился с Институтом этнографии, превратившись в Этнографический институт и музей при БАН.

Перестройка исторической науки не сводилась к созданию новых научных учреждений или периодических изданий. Главное состояло в том, чтобы по-новому рассмотреть всю историю Болгарии, разработать проблемы социально-экономического развития страны, проблемы, связанные с борьбой народных масс почти за тысячелетнюю историю болгарского народа. Но для этого было необходимо выяснить многие вопросы, которые буржуазная историография совсем не затрагивала, ликвидировать белые пятна, которых немало оставалось в болгарской истории.

Для подготовки к написанию истории Болгарии в последнем квартале 1950 г. были проведены две дискуссии по узловым проблемам. Первая посвящена периодизации болгарской истории. До 1945 г. в болгарской историографии отечественную историю чаще всего делили только по одному формаль-

ному признаку — государственной жизни: первое болгарское царство; византийское владичество; второе болгарское царство; турецкое владичество; национальное возрождение; третье болгарское царство. Еще в декабре 1944 г. А.Бурмов, отметив, что такая периодизация это "только механическое деление болгарской истории на периоды"³⁸, предпринял первую попытку дать марксистскую периодизацию болгарского исторического процесса. Несколько позже аналогичная попытка была предпринята И.Митевым³⁹.

На дискуссии в конце 1950 г. основными докладчиками выступили А.Бурмов /средневековье/ и Д.Косев /новая и новейшая история/. По мнению Бурмова, историю Болгарии следует начинать не с образования болгарского государства, а с момента появления человека на болгарских землях. Со времени же создания славяно-болгарского государства начинается болгарское средневековье. Феодализм в Болгарии прошел через 4 периода: 1/ от образования болгарского государства в конце V в. до второй четверти X в. — это период дофеодалного или раннего средневековья; 2/ со второй четверти X в. до конца XII в., включая византийское владичество — это период полной победы феодальной структуры и отношений; 3/ XIII и XIV века — период, когда феодальные отношения достигли в Болгарии полного расцвета; 4/ период турецкого феодализма, который разделяется в свою очередь на три этапа⁴⁰.

В двух статьях, опубликованных в 1948 и 1950 гг.⁴¹, Д.Косев в новой болгарской истории видели два периода: первый — со второй половины XVIII в. до освобождения Болгарии в 1878 г. и второй — с 1878 г. по 1944 г. Каждый из них Косев подразделял на несколько подпериодов. В основном эта схема была положена и в основу доклада Косева, прочитанного на дискуссии 1950 г.

Оба доклада вызвали большой интерес не только историков, но и научных сотрудников других гуманитарных институтов. В прениях, которые были весьма оживленными и плодотворными, приняли участие видные болгарские историки /Р.Караколов, В.Николаев, К.Натан, И.Дуйчев, И.Митев, И.Снега-

ров, А. Гандев, Н. Каназов, Х. Христов, Д. Ангелов/. В подробном отчете о дискуссиях в Институте болгарской истории В. Хаджиниколов пришел к заключению, что можно выделить несколько основных точек зрения по вопросу о научной периодизации болгарской истории. О времени, с которого следует начинать историю Болгарии: одни полагали, что ее необходимо начинать с истории фракийцев, ставших составным этническим элементом в образовании болгарской народности; другие утверждали, что начинать нужно с прихода славян и протоболгар на Балканский полуостров. О начале феодализма: одна часть историков высказалась за то, что феодализм в Болгарии начинается вместе с основанием Болгарского государства; другая, что феодализм в Болгарии начался со времени Бориса или Петра.

Активно обсуждался вопрос, с какого времени начинается новая история Болгарии. Некоторые из историков высказывались за то, чтобы новую историю начинать со второй половины XIII в. или с 30-40-х годов XIX в. так как с этого времени начинается развитие капитализма в Болгарии и подготавливается буржуазно-демократическая революция. Другие утверждали, что новая история начинается с освобождением от турецкого ига. В дискуссии также обсуждались проблемы первоначального накопления капитала. Одни высказывались за то, что этот процесс начался непосредственно после освобождения или после воссоединения Северной и Южной Болгарии. Другие по без основания считали, что процесс первоначального накопления начался еще в период османского господства. Однако большинство историков согласилось с тем, что процесс первоначального накопления не может быть положен в основу решения вопроса о начале новой истории⁴².

Вслед за первой дискуссией Институт болгарской истории организовал вторую — о классах и классовых отношениях в Болгарии в эпоху национального возрождения. Выступая с докладом, Д. Косев рассмотрел разные аспекты классовой структуры болгарского общества и классовых отношений. Значительное внимание в докладе было уделено крестьянству. Д. Косев и болгарские историки, которые это поддерживали

/Х.Гандев, И.Снегаров, С.Димитров и др./ считали, что в Болгарии еще до освобождения значительная часть обрабатываемой земли была собственностью болгарских крестьян, которые, однако, страдали от малоземелья, тяжелых поборов, ограбления и насилия турок, в связи с чем единственный выход они видели в уничтожении османского господства. С такой постановкой вопроса не согласился Ж.Натан. Дискуссия продвинула вперед решение важных проблем болгарского национального возрождения. Вместе с тем выявились и определенные ее слабости, связанные с тем, что ее участники не имели еще достаточного документального материала. Обсуждение показало необходимость дополнительных исследований, построенных на более широкой источниковой базе. Дискуссия вызвала еще больший интерес болгарских историков к социально-экономическим проблемам и, в частности, к вопросу о классах и классовых отношениях. Однако на пути к быстрому и правильному решению этих и других важных проблем болгарской истории стояли определенные препятствия, связанные, в первую очередь, с культом личности в Болгарии.

Как отмечал Ж.Натан, несмотря на то, что первые 5-6 лет после 9 сентября 1944 г. болгарский народ в лице Г.Димитрова имел партийное руководство, чуждое каких бы то ни было проявлений культа личности, перестройка болгарской исторической науки на новых теоретических и методологических принципах происходила в значительной степени под влиянием догм Сталина и некоторых неправильных, порожденных культом личности взглядов советских историков⁴³.

Историческая наука в Болгарии сильно пострадала и от культа Червенкова, насаждавшего цитатничество и догматическое толкование почти по всем проблемам болгарской истории. В.Червенков был ярым сторонником Сталина. Вопреки историческим фактам и здравому смыслу он утверждал, что освобождение Болгарии от фашизма и буржуазного господства — дело рук лично Сталина. Считая себя историком, Червенков претендовал на непогрешимость собственных высказываний о болгарской истории. Более того, его точка зрения выдава-

лась за последнее слово в исторической науке, с которым должны были считаться все историки. Поиски исторической истины становились небезопасными в условиях, когда она декларировалась свыше. При таком подходе к исследованиям вовсе не требовались документальные материалы, не нужен был научный анализ источников, их теоретическое осмысление. Достаточно стало цитат из произведений Сталина или самого Червенкова. В особенности это касалось новейшей истории и истории БКП. С большой настойчивостью Червенков пропагандировал сталинскую идею об обострении классовой борьбы в период перехода от капитализма к социализму.

Претензии на непогрешимость суждений распространялись у Червенкова не только на историко-партийную тематику, они охватывали всю историю Болгарии с древнейших времен. Случайные его высказывания в пропагандистских выступлениях становились основополагающими и обязательными даже при выяснении различных вопросов истории, таких, например, как переход от рабовладения к феодализму на болгарских землях, болгарская национально-демократическая революция и роль болгарской буржуазии в ней, идеология болгарских революционных демократов и др.

Вопрос болгарского возрождения были затронуты Червенковым в статье "К 80-й годовщине гибели Васила Левского", напечатанной в газете "Работническо дело" 18 февраля 1953 г. У читателя статьи должно было сложиться мнение, что ее автор впервые правильно поставил и разрешил важнейшие вопросы болгарского возрождения. В действительности, указанные проблемы еще до второй мировой войны исследовались Г.Бакаловым, М.Димитровым, Т.Павловым, Ж.Натаном, И.Хаджийским, а несколько позже В.Коларовым. Без каких бы то ни было оснований Червенков обвинил болгарских историков в том, что они не сделали правильных выводов из ленинской характеристики движущих сил русской буржуазно-демократической революции, ее особенностей как крестьянской революции применительно к болгарским условиям. По существу Червенков просто механически перенес данную В.И.Лениным формулировку о русской крестьянской революции на Бол-

гари, не учитывая особенностей и своеобразия исторического процесса в стране. По его ошибочному мнению, в Болгарии должны были решаться такие же исторические задачи, как и в России, различие он видел лишь в степях и масштабах развития⁴⁴.

Упрощенно и антиисторично писал Червенков о роли буржуазии в эпоху возрождения, в том числе на высшем этапе буржуазно-демократической революции. "Буржуазия, как класс - утверждал Червенков, - по разным соображениям различных ее группировок и оттенков, изменила борьбе за национальное освобождение, побоялась размаха народного движения, предпочитая либо прямо служить турецким пашам, либо просить уступок и потеплее места для себя в турецкой империи, либо, наконец, дожидаться освобождения, преподнесенного ей в качестве дара извне"⁴⁵. Такое утверждение явно не имеет ничего общего с исторической истиной и не соответствует конкретному историческому процессу в Болгарии.

При всем том историческая наука в Болгарии добивалась определенных успехов, в том числе в овладении марксистской методологией исследования. Такие историки как Д. Косев, Ж. Натан, М. Димитров, Х. Христов, Д. Ангелов, Х. Гандев и группировавшаяся вокруг них молодежь активно работали по собиранию новых архивных материалов, публикаций ранее не известных источников. Одновременно издавались монографии и статьи, в которых нашли всестороннее освещение такие крупные события болгарской истории, как Сентябрьское восстание 1923 г., переворот 9 июня 1923 г., партизанское движение 1941-1944 г. и др. Исследовались проблемы развития феодальных отношений, городов в Болгарии, положения крестьян и крестьянского движения, рассматривались вопросы зарождения капиталистических отношений.

С 1953 г. журнал "Исторически преглед" стал органом Института истории Болгарии. Хотя его редколлегия отдавала дань культу личности, журнал немало сделал для успешной методологической перестройки болгарской исторической науки.

Со второй половины 1950 г. ведущие болгарские истори-

ки приступили к написанию двухтомной истории Болгарии. Макет первого тома, охватывающий период с древнейших времен до начала формирования капиталистических отношений, в ноябре 1953 г. был подвергнут широкому обсуждению в Институте истории Болгарии, а в декабре — в Институте славяноведения в Москве. Большую заинтересованность в скорейшем издании этого труда высказали при обсуждении не только историки, но и другие общественеды. Как в Софии, так и в Москве были признаны заслуги его авторов в освещении истории феодализма, существовавшего в Болгарии отвергала официальная буржуазная наука, а также в изучении формирования капиталистических отношений в недрах феодального общества. В то же время обсуждение показало, что подготовленный труд нуждается в серьезной переработке, в существенных поправках, в пополнении новыми фактическими данными.

Первый том обобщающего труда по истории Болгарии вышел в 1954 г. Место его в болгарской историографии определяется тем, что он был первым опытом целостного изложения истории Болгарии с позиций исторического материализма.

В марте 1955 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялось обсуждение макета второго тома "Истории Болгарии", охватывающего период с 1878 г. до начала 1954 г. По тексту было сделано много критических замечаний, связанных с тем, что в освещении новейшей истории над болгарскими историками особенно довели догмы В.Червенкова⁴⁶. В самом конце 1955 г. вышел из печати второй том, к сожалению, не свободный от догматических оценок и схематизма, которые в определенной части появились в результате прямого вмешательства Червенкова⁴⁷. И тем не менее, двухтомник в целом явился первой в восточноевропейских странах успешной попыткой создания обобщающего труда по национальной истории.

Анализируя двухтомную "Историю Болгарии" болгарские ученые не без основания указывали на то, что в ней сделан акцент на социально-экономическом факторе и недостаточно освещены национальные проблемы, вопросы культуры. Действи-

тельно, определенный крен в сторону изучения социально-экономической проблематики имел место. Но вряд ли в период коренной перестройки исторической науки можно было обойтись без необходимых пропорций в исследовании всего исторического процесса и, наконец, трудно предположить, что без выяснения коренных изменений в экономике и социальной структуре болгарского общества в XVIII — начале XIX в. возможно было серьезное марксистское исследование церковно-национальной борьбы, образования болгарской нации.

Десятилетие с 1956 по 1965 год ознаменовалось творческим обновлением болгарской исторической науки. Осуждение культа личности Сталина в значительной степени расширило историческую мысль от сковывавших ее догм и схематических представлений не только в СССР. В Болгарии поворотными пунктами стали пленумы ЦК БКП в апреле 1956 г. и в ноябре 1961 г., указавшие на порочность методов командования и декретирования, применявшихся при В. Червенкове в отношении научных и творческих работников.

В январе-феврале 1963 г. Институтом истории и историческими кафедрами философско-исторического факультета Софийского университета был проведен теоретический семинар на тему "Поражения, нанесенные культом личности болгарской исторической науке, и задачи их преодоления". С основным докладом по этому вопросу выступил Д. Натан, с содокладами — Д. Косев и В. Топенчаров. Они были единодушны в том, что отрицательное воздействие культа личности осуществлялось по двум направлениям: 1/ грубое давление на историческую науку, превращение в догмы ряда неправильных концепций и взглядов Сталина и Червенкова; 2/ насаждение методов, чуждых диалектико-материалистическому методу и конкретной научно-исследовательской работе. Ограничение свободы научного творчества было, по мнению Д. Косева, одной из главных причин усиления эмпиризма в болгарской исторической науке⁴⁸.

Преодоление вредных последствий культа личности, начавшееся сразу после Апрельского пленума ЦК БКП 1956 г. — вызвало необходимость более интенсивного развития научно-

исследовательской деятельности всех подразделений исторической науки. Задачи этой деятельности были сформулированы, в частности, Д.Косевым, который свел их в следующие пять пунктов: 1/ глубже исследовать общественно-экономическое развитие Болгарии в период феодализма и капитализма; 2/ осветить полнее и ярче основные моменты национально-освободительной и классовой борьбы в Болгарии в эпоху турецкого ига и в период капитализма; 3/ шире разработать вопросы болгарского рабочего революционного движения, крестьянского движения и истории БКП; 4/ начать более систематическое изучение отношений между Болгарией и другими странами в прошлом; 5/ организованнее и систематичнее осуществлять поиски и публикации источников, документальных и других материалов по средневековой, новой и новейшей истории Болгарии⁴⁹.

Во второй половине 50-х и в первой половине 60-х годов, несмотря на узурпацию власти в партии и государстве Ежовым, историки все же получили несколько большую свободу обмена мнениями и научных споров, выдвигались и решались новые проблемы, создавались серьезные монографические исследования по различным периодам болгарской истории, сочетавшие глубокий анализ исследуемых фактов с теоретическим синтезом⁵⁰. Крупным научным достижением этого времени было издание переработанной истории Болгарии, появившегося теперь в трех томах /1961-1964/. Если в первые два тома были внесены лишь незначительные дополнения и уточнения, то третий том во многих отношениях представлял собой оригинальный научный труд по новейшей истории Болгарии. Болгарская научная общественность оценила его как основной итог работы болгарских историков за два десятилетия⁵¹. Определенным достижением стала "Краткая история Болгарии" /1963/, написанная Д.Косевым, Х.Христовым, Д. Ангеловым для зарубежных читателей и изданная на 5 языках /русском, английском, французском, испанском и немецком/. Успехом историко-партийной науки стал учебник по истории БКП, призванный заменить ранее изучавшиеся "Материалы".

Важное научное значение имели отдельные тематические сборники. Среди них — "Паисий Хилендарский и его эпоха" /1962/, появившийся в связи с 200-летием "Истории славяно-болгарской"; его авторы сумели показать, что появление самого Паисия и его книги закономерно в истории Болгарии.

Значительным явлением в болгарской исторической науке стал сборник, посвященный М.Дринову /1960/; в его первой части помещены исследования, касающиеся непосредственно общественно-политической и научной деятельности Дринова, а во второй — статьи по древней, средневековой и новой истории Болгарии. Большой резонанс получили сборник статей о Г.Раковском /1964/, в котором рассмотрены не только его политические и экономические воззрения, но и исторические взгляды, революционная деятельность и жизнь.

В 1956–1963 гг. было издано почти триста монографических трудов и более тысячи научных статей и сообщений по основным проблемам болгарской истории с древнейших времен и до современности, написанных с привлечением богатого и разнообразного документального материала.

В области древней истории ученые проделали значительную работу по изучению социально-экономического развития древних фракийцев, аграрных отношений на землях Болгарии во время римского владычества, вопросов рабовладельческой общественно-экономической формации на территории Болгарии и др. /Д.П.Димитров, М.Чичикова, Т.Иванова, Х.Данов, Б.Горов, В.Велков/⁵².

Успехи были достигнуты и в изучении средневековой истории Болгарии. Усилил медиевистов направлялись на исследование сущности и своеобразия феодализма в Болгарии, положений и роли крестьянства, крестьянских антифеодальных восстаний. Большой интерес вызвали труды болгарских исследователей по истории богомилства и другим проблемам средневековой истории Болгарии /Д.Ангелов, А.Бурмов, С.Лишев, Г.Цветкова-Петкова, П.Петров, П.Тивчев/⁵³.

Исследовательская работа болгарских ученых по истории Болгарии в период турецкого господства и национально-го возрождения была сосредоточена вокруг нескольких проб-

лем: аграрных отношений, тенеизиса капитализма, классовой структуры болгарского общества, формирования болгарской нации и др. /Д.Косев, Х.Христов, А.Бурмов, Х.Гандев, Н.Тодоров, С.Димитров, Б.Цветкова, Ф.Милкова, В.Паскалева и др./⁵⁴. По некоторым проблемам этого периода были проведены полезные дискуссии. Одна из них связана с идейными позициями и общественной деятельностью Л.Каравелова. В 1957-1964 г. были опубликованы три книги, посвященные этой теме. Их авторы /Н.Кондарев, М.Димитров и М.Арnaudов/ придерживались различных точек зрения. В споре, который продолжался довольно длительное время, оппоненты исходили из установившегося представления, будто болгарская буржуазия была неспособна выдвинуть из своей среды революционеров. Одним из наиболее активных защитников этого тезиса был Т.Павлов: еще во время обсуждения макета первого тома "Истории Болгарии" он выступил против утверждения о том, что Г.Раковский и Л.Каравелов были национальными революционерами, считая его "научно несостоятельным и политически неправильным"⁵⁵.

Со второй половины 50-х годов большая часть болгарских историков сосредоточила свои усилия на разработке проблем новой и новейшей истории Болгарии. Более половины трудов, опубликованных по этим периодам относятся к истории коммунистической партии. Вообще же в области новой истории приоритет был отдан трем темам: а/ рабочему и социалистическому движению; б/ аграрным отношениям и крестьянскому движению и в/ внешней политике Болгарии до начала Балканских войн⁵⁶.

Изучение рабочего движения в Болгарии началось еще в предыдущее десятилетие. Уже тогда были опубликованы документальные материалы по его истории в 1878-1904 г. в трех томах и написаны работы, в которых освещались рабочее и профсоюзное движение, положение рабочего класса. В последующие годы появляются монографические труды и исследовательские статьи по истории рабочего и профсоюзного движения в последней четверти XIX - начале XX в. /Д.Коджейков, В.Хаджиниколов, И.Йоцов, М.Исусов, Д.Младенов,

С.Великов, К.Шарова, Ц.Тодорова и др./. Внимание ученых привлек ранний период истории болгарского социалистического движения, создание болгарской социал-демократической партии, связи болгарских марксистов с русским революционным движением, влияние революции 1905-1907 гг. на Болгарию. По-прежнему много внимания уделялось Д.Благоеву, его борьбе против народничества и ревизионизма.

Значительный научный результат был достигнут в изучении крестьянского вопроса и возникновения Болгарского земледельческого народного союза. В истории Болгарии это были проблемы первостепенного значения. Без их изучения, подчеркивал Х.Христов, нельзя было правильно объяснить ряд важных событий в новой и новейшей истории страны от крестьянских волнений и бунтов в 1899-1900 г. до создания рабоче-крестьянского союза и совместной борьбы рабочих и крестьян против реакционного монархического режима⁵⁷.

Меньше работ было опубликовано по внешней политике Болгарии. Среди них представляют интерес исследования по воссоединению Болгарии, отношению империалистических держав к объявлению Болгарией независимости, взаимоотношениям Болгарии с Германией и Австро-Венгрией во время Балканских и первой мировой войн /И.Митев, Ц.Тодорова, Т.Влахов и др./.

В первой половине 60-х годов, кажется, впервые после Д.Благоева, марксистские исследователи проявили интерес к политической борьбе в Болгарии во время правления Александра Баттенберга /И.Димитров/.

В центре внимания болгарских историков находились проблемы новейшей истории. Это было вполне оправдано, так как история Болгарии после первой мировой войны почти не разрабатывалась в буржуазной историографии, а вместе с тем потребность в научном освещении революционной борьбы народных масс ощущалась очень остро. К теме влияния Октябрьской революции на подъем революционного движения в Болгарии первым обратился Х.Христов, который еще в 1948 г. опубликовал некоторые материалы по данной проблематике. Ему же принадлежали и исследовательские статьи

на эту тему, затем вошедшие в его монографию о революционном кризисе в Болгарии в 1918-1919 гг. /1957/.

Начало изучению Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г. положил после второй мировой войны Д.Косев, подготовивший специальную монографию, опубликованную в 1954 г., а также книгу о международном значении этого события /1964/.

Многое было сделано в болгарской историографии по изучению рабочего и антифашистского движения 1924-1940 гг. В первую очередь освещались: борьба БКП против ликвидаторов после Сентябрьского восстания, четническое движение, решения нелегальной Витошской конференции, деятельность партии по созданию Народного антифашистского фронта во второй половине 30-х годов. Немало было сделано и для изучения движения Сопротивления в 1941-1944 г., а также создания Отечественного фронта и подготовки вооруженного восстания. В конце 50-х - начале 60-х годов было издано несколько документальных сборников и мемуары участников движения Сопротивления. Одновременно с публикацией документов появляются интересные документальные статьи и монографии по данной тематике. Наконец был подготовлен обобщающий коллективный труд по истории Отечественной войны болгарского народа в 1944-1945 гг., вышедшей в трех томах в 1961-1966 гг.

Группа историков, философов и экономистов вела работу по современной истории Болгарии. Значительные усилия были предприняты для выяснения характера и значения Сентябрьского восстания 1944 г. Появились первые исследования по таким темам, как социальное и экономическое развитие НРБ, укрепление и развитие союза рабочего класса и крестьянства.

В январе 1964 г. состоялось второе национальное совещание историков, организованное Институтом истории БАН при содействии Института истории партии при ЦК БКП, исторических кафедр Софийского университета, Высшей партийной школы и других учреждений. С докладом выступил Д.Косев, отметивший, что после сентября 1944 г. болгарские истори-

ки работали с энтузиазмом и опубликовали немало ценных исследований. Однако, по его мнению, определенная часть историков не успела еще основательно овладеть диалектико-материалистической методологией.

Говоря о недостатках, имевшихся в исторической науке, и задачах, которые перед ней стояли, Косев на первое место поставил слабости именно в сфере методологии. К ним он отнес: объективизм, недостаточный теоретический анализ, фактографию, неумелое приложение марксистской теории в исследовательской работе, отсутствие самостоятельных выводов в трудах некоторых историков и др.⁵⁸

По мнению Косева, историческая наука в Болгарии должна была развиваться преимущественно по следующим направлениям: 1/ разработка проблем новейшей истории; 2/ разработка недостаточно исследованных периодов истории рабочего движения и БКП; 3/ разработка проблем культурного развития Болгарии с древнейших времен и до наших дней; 4/ разработка проблем болгарского национально-освободительного движения; 5/ написание многотомной научной истории Болгарии; 6/ написание многотомной истории БКП; 7/ разработка проблем балканской истории, преимущественно новейшей; 8/ разработка проблем всеобщей истории, преимущественно в плане взаимоотношений Болгарии с другими странами в новейшее время; 9/ систематическая, организованная и постоянная борьба против фальсификации и искажения болгарской истории буржуазными историками; 10/ популяризация исторических знаний путем издания популярных, но научных и хорошо написанных очерков о крупных событиях и личностях болгарской истории.⁵⁹

Одним из основных вопросов, обсуждавшихся на совещании, был вопрос о методологии исторической науки и ее применения в исторических исследованиях. В связи с его обсуждением на совещании развернулась дискуссия о партийности в исторической науке. Поднявший этот вопрос П. Костов, пытался доказать, что партийность в исторической науке состоит в том, чтобы через исторические исследования обосновать правильность линии партии. Но против такого

толкования выступили И. Кинов, А. Аврамов, К. Василев, которые показали, что принцип партийности в исторической науке означает прежде всего рассмотрение событий с точки зрения исторического материализма, освещение их в таком виде, как они развивались в действительности. К. Василев подчеркнул, что политический прагматизм не может быть точкой зрения марксистских историков, что плохо понятой партийностью "обосновывались" извращения во времена культа личности и что наука может быть полезной только тогда, когда раскрывает объективную истину⁶⁰. В выступлениях было подчеркнуто, что историческая наука должна раскрывать все многообразие и всю совокупность исторических фактов.

На втором совещании болгарских историков было внесено предложение о восстановлении Болгарского исторического общества, деятельность которого без всяких на то оснований была свернута после 1948 г. Обществу, восстановленному в 1964 г., была придана новая стройная организация, созданы местные отделения, развернувшие большую работу по пропаганде исторических знаний и собиранию материалов по истории. Уже к моменту созыва первого съезда исторического общества /1970/ оно насчитывало 2500 членов.

Другим важным звеном болгарской исторической науки, созданным в том же году, стал Институт балканистики БАН, сразу же развернувший активную научную деятельность. С конца 50-х годов роль болгарских историков в международной научной жизни становится все более заметной. Они принимали участие в международных конгрессах историков и славистов. В Болгарии состоялся первый конгресс по балканистике. Для поддержания международных научных связей был создан национальный комитет историков Болгарии. Болгарские историки участвовали в учреждении Международного комитета по изучению истории второй мировой войны. Они состоят членами и в других международных организациях: по византологии, по изучению истории и культуры народов европейского юго-востока, по экономической истории и др. Вскоре после своего воссоздания Болгарское историческое общество начало создавать получивший популярность журнал

"Векове"; было восстановлено издание сборника "Известия на Българското историческо дружество", развернулись научные дискуссии. Одной из первых /ноябрь 1965 - январь 1966/ была проведена дискуссия по проблемам болгарского фашизма.

Дискуссии как средство коллективного обсуждения и решения важных проблем исторической науки утвердились в древней и средневековой, новой и новейшей истории, археологии и этнографии, архивистике и музееведении. Эта же форма научного обсуждения наиболее сложных вопросов была принята и в Институте истории БКП.

Она стала особенно необходимой с учетом новой "генеральной задачи", которую поставила общественность перед болгарской исторической наукой - написания многотомной истории Болгарии. Решение этой задачи стало возможным потому, что в развитии болгарской исторической науки к середине 60-х годов наступил перелом. Она, по определению Д.Косева, вступила в новый этап, который характеризуется значительным нарастанием научного потенциала, более высоким уровнем исторической науки, обогащением ее ценными научными трудами, широким распространением исторических знаний в народе⁶¹.

Подводя краткие итоги двадцатилетнего развития болгарской марксистской историографии, можно с уверенностью утверждать, что она добилась значительных успехов в изучении важных проблем всех периодов отечественной истории. За прошедшие после второй мировой войны годы проделана большая работа по выявлению, изданию, изучению и осмыслению многих новых источников. Болгарские историки весьма плодотворно использовали историко-сравнительный метод и типологию при исследовании многих важных процессов болгарской истории. Разумеется, в условиях тоталитаризма и вмешательства со стороны партийного руководства страны в научную деятельность историков, диалектико-материалистический метод не только позитивное воздействие на исследования по болгарской истории. Тем не менее, последующее двадцатилетие принесло новые успехи болгарской исторической науке.

ГЛАВА 3.

У истоков венгерской марксистской историографии

Распространению в Венгрии марксистских концепций общественного развития предшествовала определенная традиция рационального истолкования истории в венгерской общественной мысли. Последователь идеологов французского Просвещения Д. Бешепен уже в конце XVIII в. пытался преодолеть взгляд на историю как на результат божественного провидения. Другой выдающийся деятель той же эпохи, И. Мартинович от идеи просвещенного абсолютизма переделал эволюцию к признанию революционного пути, ведущего к установлению республики. Толкование роли революций как поворотных пунктов в историческом процессе, ведущих к установлению более совершенного общественного порядка, унаследовали многие венгерские мыслители последующих поколений. Эпоха реформ /1825-1848/, предшествовавшая революции 1848-1849 гг., прошла под знаком громадного интереса к Великой Французской революции, ее важнейшим историческим урокам. Для известного венгерского поэта Ш. Петёфи /1823-1849/ характерны революционно-демократические, республиканские, антимонархические убеждения Петёфи, сказались и в его оценках событий венгерской истории. Так, поэта возмущало замалчивание современными историками крестьянского восстания 1514 г. Его воздвиг Д. Дожу Петёфи считал "одним из самых славных героев венгерской истории"¹. Ряд интересных работ по истории оставил близкий друг и единомышленник Петёфи - П. Вавшари. В научной литературе 1950-1960-х годов именно с его именем нередко связывалось зарождение венгерской материалистической /иногда даже "предмарксистской"/ исторической науки².

Немалое влияние на последующее развитие исторической науки в Венгрии оказали Ласло Салаи /1813-1864/ и Михай Хорват /1809-1878/. Хорват, видный деятель революции 1848 г., до конца своих дней сохранил верность Л. Кошуту и идеалам независимой Венгрии, Салаи же стоял на менее радикальных позициях. Однако противоречие между сторонни-

ками революционных и реформаторских путей развития хотя и проявлялось в историографической мысли 1860-1870-х годов, не стало решающим. На первый план со все большей отчетливостью выходило противоречие иного рода — между проавстрийской и антиавстрийской /как правило, более националистической/ тенденциями.

На смену поколению Салая и Хорвата в 1870-1880-е гг. приходят историки позитивистской ориентации: Д.Паулер, И.Ачади, Х.Марпали, Ш.Марки и др. Они до некоторой степени утрачивают склонность к широким обобщениям и проведению исторических параллелей. В то же время позитивистскую школу отличало строгое отношение к фактам, кропотливость в работе с источниками, ее представителями были выявлены и впервые опубликованы многие ценные документы и материалы, в частности, из истории средневековой Венгрии³. Заметно расширился и тематический диапазон исторических исследований, впервые предметом изучения стали сферы социальной действительности, ранее не привлекавшие большого внимания историков, например, история венгерского крестьянства и аграрного развития страны /работы И.Ачади/. В 1883 г. выходит первая монография о крестьянском восстании Д.Дожи, принадлежащая перу Ш.Марки⁴.

После 1868 г. по инициативе М.Хорвата и Й.Этвёша было основано Венгерское историческое общество. Его почетным органом становится журнал "Столетия", издающийся до настоящего времени. В 1885 г. состоялся первый съезд историков Венгрии. Одним из важных начинаний последующего времени стало создание в 1893 г. журнала "Историко-экономическое обозрение", в своей области первого в Европе. И все же до конца XIX века венгерская историческая наука носила в целом довольно провинциальный характер, замыкаясь почти исключительно на отечественной проблематике. Черты замкнутости и национализма особенно проявились в трудах историков так называемой "национально-романтической" школы, зародившейся еще в эпоху романтизма, в 20-30-е годы XIX в. В 1880-1890 годы во главе этой школы стоял К.Тали, идеализировавший Ф.Ракоци и провозглашав-

ший главной движущей силой развития общества дворянство ; его социальные интересы отождествлялись им с интересами всей нации.

Плодом совместных усилий историков позитивистского и национально-романтического направлений и своего рода итогом всего предшествующего развития венгерской историографии явилась 10-томная история Венгрии, приуроченная к 1000-летию юбилею "обретения родины" венграми, которое было отпраздновано в 1896 г. с большой помпой. Этот грандиозный по замыслу и его реальному воплощению труд⁵ отразил основные плюсы и минусы тогдашней венгерской исторической науки. Многотомный труд пронизывала идея об историческом праве венгров на доминирующее положение в Дунайском бассейне. Национальные меньшинства венгерского королевства объявлялись принадлежащими к венгерской "политической нации", за ними, как правило, отрицалось право на создание собственного независимого государства.

На духовную жизнь Венгрии повлиял и кризис системы дуализма, обострившийся к началу XX в.

В поисках ответов на вопросы, стоящие перед страной, передовая венгерская интеллигенция все активнее обращается к изучению современной западной философской, экономической, исторической, социологической литературы. В 1900 г. было создано Общество социальных наук, сразу же ставшее объектом притяжения всех прогрессивных сил венгерской культуры. Новые духовные веяния не преминули сказаться и на исторической науке. По мере накопления фактов, освоения частных тем все более обнаруживалась недостаточность позитивистской методологии, слабая способность венгерского позитивизма того времени к широким обобщениям, выявлению закономерностей общественного развития. В стремлении преодолеть ограниченность позитивизма ведущие венгерские историки начала XX в. все более обращаются к идеалистической историософии В. Дильтея и Г. Зиммеля, неокантиантской методологии М. Вебера и Г. Риккерта. Их попытки подвести под свои исследования более прочные, фундаментальные философские основания отнюдь не обяза-

льно вели их в лоно идеалистических учений. Обращение к марксизму преследовало по сути дела те же цели — выйти за рамки фактографической описательности, выявить глубинные механизмы, "скрытые пружины" исторического процесса. Характерно, что в Обществе социальных наук тяготение к материалистическим философским течениям было преобладающим с самого начала. В первые годы XX в. все венгерское обществоведение находилось под сильнейшим влиянием биологизаторской социологии Г. Спенсера, его эволюционистских теорий, уподоблявших общественные законы законам развития природных организмов. Увлечение Спенсером было однако недолгим: его теория, умалявшая роль субъективного фактора в истории, не могла удовлетворить тех, кто жаждал активных действий в борьбе за решение острых социальных проблем.

С началом XX в. в Венгрии активизировалось распространение марксистской литературы. Не только рабочая, социал-демократическая пресса, но и более серьезные, академические журналы /"Двадцатый век"/ проявляли неизменный интерес к учению Маркса, знакомили с ним венгерского читателя.

Путь развития от спенсеризма к марксизму прошел Оскар Яси /1875—1957/, выдающийся мыслитель, публицист и политический деятель, лидер радикальной партии, впоследствии один из руководителей первого венгерского республиканского правительства в 1918 г. Под влиянием работ К. Маркса Яси уже в 1905—1906 годах утверждал, что победоносный социализм, вдохнув в нас разум, в самое короткое время вызовет нас из пучины феодализма и присоединит к братскому союзу цивилизованных, культурных и свободных народов⁷. Придя к выводу о неподготовленности Венгрии к социализму, Яси не отвергал его в принципе, он только перенес социалистическую перспективу в неопределенное будущее. Теорию Маркса Яси интерпретировал по преимуществу в бернштейнском духе, делая основной упор на реформах как источнике развития, отрицая революционный путь.

В своих научных и публицистических работах 1900—1910-х годов Яси обращался прежде всего к проблемам современной Венгрии. Он анализировал ее социально-классовую

структуру, вскрывал отсталость экономического механизма, анахронизм изобретательной системы, предлагал проекты решения наиболее болезненных проблем. Особую известность приобрели его статьи по национальному вопросу. Пути разрешения национальной проблемы Яси не отрывал от задач политической демократизации. Как историк Яси проявил себя, главным образом, в межвоенный период, находясь сначала в венской, а затем в американской эмиграции. К его работе о распаде империи Габсбургов и революционных событиях 1918-1919 гг. сохраняет свое значение и поныне⁸.

Эрвин Сабо /1877-1918/ получил юридическое образование в Будапеште и Вене. В 1905-1909 годах он выпустил двухтомник избранных произведений Маркса и Энгельса, имевший огромное значение для пропаганды марксизма в Венгрии. В дальнейшем политические взгляды Э.Сабо претерпевали значительные изменения. Так, разочаровавшись в социал-демократии, он отвергает идею пролетарской партии как оптимальной формы рабочего движения и отдает предпочтение профсоюзам. Затем, в годы первой мировой войны, Сабо частично пересматривает свои анархо-синдикалистские взгляды, хотя и продолжает критически относиться к социал-демократии, не разделяет ее ложнопатриотических устремлений в разгар всемирного кровопролития. В это время Сабо возглавляет независимую группу социалистов, активно выступавшую за прекращение империалистической войны. В октябре 1917 г. Э.Сабо приветствовал Октябрьскую революцию в России, увидев в ней пролог всевропейского революционного обновления. Умер он за несколько дней до начала революционных событий в Австро-Венгрии, положивших конец господству Габсбургов.

Как историк Э.Сабо дебютировал в 1902 г. работой о венгерских якобинцах⁹. Его интерес к одной из наиболее ярких страниц венгерской истории далеко не случаен. В прошлом своей страны Сабо особенно привлекала революционная традиция. Уделяя большое внимание национальным противоречиям в монархии и борьбе народов за свое национальное освобождение, Сабо, однако, стремился к тому, чтобы национа-

льные противоречия не заслонили в его исследованиях социальных различий. Умелое владение методологией рассмотрения социально-классовой структуры общества в переломный момент его развития Сабо продемонстрировал в своем главном историческом труде "Общественная и партийная борьба в венгерской революции 1848-1849 гг.¹". Эта работа была написана в последние годы его жизни и издана посмертно¹⁰.

Э. Сабо одним из первых увидел за политическими противоречиями социальные — между средним и крупным дворянством. Он на фактическом материале показал, что крупная земельная аристократия, связанная тесными экономическими и политическими узами с венским двором, не была заинтересована в радикальном разрыве с Габсбургами, провозглашении полной независимости Венгрии. Борьбу за независимость возглавило среднепоместное дворянство, острее чувствовавшее национальный гнет; внимательно изучив деятельность Л. Кошута в ходе революции, Э. Сабо сделал вывод о том, что Кошут был прежде всего выразителем интересов именно этого социального слоя. Сабо также пытался в своей работе выявить противоречия между среднепоместным дворянством, флагом революции, и крестьянскими массами, показать, что неуступчивость джентри в аграрном вопросе ослабила единый фронт борцов против австрийского абсолютизма. Обращаясь к национальным противоречиям внутри империи в период революции, Сабо стремился развеять демагогический миф об "изначальной продажности" славянских национальных меньшинств венгерских земель, которая якобы проявилась при переходе бана Елачица и возглавляемого им войска на сторону венского двора.

Книга Э. Сабо не была единственной в то время попыткой историков прибегнуть к марксистскому методу при познании венгерского прошлого, поставить во главу угла социально-классовый анализ. Другой, хотя, может быть, и менее удачной попыткой явился труд представителя Общества социальных наук и члена Социал-демократической партии Венгрии Петера Агостона "История венгерского крупного землевладения"¹¹. К проблемам истории Венгрии нередко обращались в своей пуб-

лицистике видные идеологи СДПВ Ж.Кунфи и З.Ронаи, а также Э.Гарами /1876-1935/. Последний был известен как автор популярной работы "Жизнь Маркса и Энгельса" /1909/²², впервые познакомившей венгерского читателя с биографией основоположников научного коммунизма¹². Кунфи и Гарами отдавали предпочтение реформистским методам борьбы, и это сказывалось на их интерпретации венгерского рабочего движения и – шире – всей венгерской революционной традиции. Заслуживает упоминания и деятельность П.Сенде, активного участника Общества социальных наук, юриста и политолога, проявлявшего неизменный интерес к истории венгерского государства и права, а также международных отношений.

Говоря о распространении социалистических идей в Венгрии начала XX в., нельзя обойти Эндре Ади /1877-1919/ – известного поэта и выдающегося публициста, оказавшего заметное влияние на последующее развитие венгерской общественной мысли, особенно на осмысление места венгров среди народов Европы. Ади скептически воспринял формулу известного мыслителя Ж.Кемени /1850-е гг./ о культурно-историческом призвании Венгрии как посредника, своего рода "моста" между Востоком и Западом.

Всей публицистике Ади присущи непримиримость к шовинизму и национальной ограниченности, в ней утверждается идея дружбы народов, населяющих Восточную Европу. Главное мерило прогресса для поэта – признание равенства народов, отказ от угнетения национальных меньшинств. Но, видя главные причины бедствий своей родины в отсталости ее развития, слабости демократических начал и традиций, Ади отнюдь не идеализировал и западный капитализм начала XX в.

Первая мировая война изменила всю духовную атмосферу в венгерском обществе. Сознание венгерской интеллигенции заметно радикализируется, даже многие недавние сторонники буржуазно-демократических реформ теперь приходят к мысли о неразрешимости глубинных противоречий эпохи в рамках старой, буржуазной формации. Отсюда лежал путь к новым прочтениям Маркса и Энгельса. Как характерный пример поворота к марксизму мыслителя, изначально сформиро-

вавшегося в русле далеких от марксизма философских учений, показательна духовная эволюция Дьердя Лукача /1885-1971/, одного из крупнейших философов-марксистов XX столетия, многогранное творчество которого до сих пор вызывает широкий интерес¹³.

Будучи сыном богатейшего банкира, выходцем из элитарной буржуазной среды венгерской столицы Д. Лукач с юных лет выработал крайне резкое неприятие системы ценностей своего социального окружения. Он приобщился к философии в годы, когда Европа жила ожиданием глубоких социальных потрясений. Поэтому тема спасения культуры, сохранения ее гуманистических традиций становится с самого начала центральной в его творчестве. Лукач изучал философию не только в Будапеште, но и в германских университетах /в Берлине и Гейдельберге/. В его ранних работах ощутимо влияние многих философских школ и направлений от немецкой классической философии через Шопенгауэра и Кьеркегора до современного неокантианства. Из современников наибольшему воздействию на него оказали, пожалуй, представитель "философии жизни" Зиммель и классик неокантианской сициологии и исторической науки М. Вебер. Наряду с мировой философской мыслью духовный мир Лукача уже в ранний период питал другой источник - художественная литература и искусство разных времен и народов. Эссеистика 1900-1910-х годов в известной мере заложила фундамент последующих, более значительных, получивших всемирное признание работ Лукача в области эстетики, теории и истории мировой литературы.

В десятилетия, последовавшие за поражением революции 1848-1849 гг., Венгрия, по мнению Лукача, выпала "из находящейся в процессе формирования новой, европейской демократической культуры". Компромисс 1867 г. полностью предопределил все последующее развитие Венгрии, "темпы и характер прогресса" венгерского общества и его культуры¹⁴. Дворянство и буржуазия вступили в симбиоз. Правящие классы не были заинтересованы в радикальном пересмотре системы отношений с Веной, а продолжавшееся "капиталистическое развитие медленно и мало влияло... на формы политической

жизни"¹⁵, давно завоеванные на Западе демократические свободы так и не стали достоянием венгерской нации. Проблема отчуждения личности даже в наиболее развитом и благополучном капиталистическом обществе, занявшая впоследствии столь важное место в философском наследии Лукача, затрагивалась им уже в ряде ранних работ. Неприятие как феодально-сословной, так и современной ему буржуазной системы ценностей порождало у Лукача настроения трагической беспочвенности, утраты опор в реальности. Его сборник эссе "Душа и формы" /1910/, вызвавший большой резонанс и в Германии, насквозь пронизан ощущением ненадежности основ, тоской по "устойчивости, мере и норме"¹⁶, по духовным и нравственным абсолютам, необходимым для целостного постижения мира и его последующего переустройства.

Следующим этапом в духовной эволюции Лукача стали "История развития современной драмы" /1911/ и "Теория романа. Опыт исторического исследования форм эпоса" /1914-1916, опубл. в 1920/. В этих работах Лукач, по собственному позднейшему признанию, впервые "питался уловить сущность литературного явления с помощью ... определения главных линий общественного развития"¹⁷. Книгам присущ глубокий историзм — качество, развитое в более поздних произведениях Лукача по узловым проблемам духовной культуры, философии, литературы Германии, Венгрии, Франции, России; в них широко использована неокантианская методология М. Вебера. Но наряду с кантианством Лукача привлекала и философия Гегеля. Гегелевская диалектика с органически присущим ей историзмом в большей мере, нежели кантианство, отвечала духовным запросам философа, крайне неудовлетворенного реалиями своей эпохи, ищущего пути разрешения ее глобальных противоречий. Обратившись затем к изучению Маркса, Лукач сначала воспринимал его прежде всего как представителя гегелянской философской традиции.

С началом первой мировой войны обострилось неприязненное отношение Лукача к современному западу. Пытаясь найти ответы на вопросы своего времени, он и его окружение обращаются к социал-демократической литературе: Но в идеологии

II Интернационала Лукачу не нравилась недооценка активного фактора. Взгляды его в эти годы, особенно после горячо поддержанной им революции в России, приобрели ярко выраженный мессианский оттенок, грядущая пролетарская революция в Австро-Венгрии понималась Лукачем как очистительная сила, способная смести "греховный" старый мир и установить справедливое общество на земле. Если Э.Бернштейн и другие теоретики II Интернационала делали упор на действии объективных экономических законов, наделяя субъективный фактор лишь пассивно-отражательными функциями, то Лукач переместил главный акцент именно на субъективную сторону, причем его трактовка субъекта носила в целом гегельянский, объективно-идеалистический характер: новое социальное бытие, социалистический миропорядок понимались как своего рода слепок классового сознания пролетариата, революционный процесс — как акт самопознания пролетариатом своей всемирно-исторической миссии, реализация духовного потенциала, претворение классовой воли. В работах Лукача 1917–1918 гг. уже представлен весь комплекс идей, получивший законченное воплощение в книге "История и классовое сознание", принесшей ее автору широкую известность во всем мире¹⁸.

В 1919 г. Лукач стоял во главе культурной политики Венгерской Советской Республики. О широте подхода Лукача к наследию в области гуманитарного знания свидетельствует то, что весной 1919 г. по его инициативе было принято решение о переводе и публикации на венгерском языке не только собрания сочинений Маркса и Энгельса, трудов других марксистов, но и важнейших работ ведущих представителей современной немарксистской философии и исторической науки, в том числе Риккерта, Дильтея, Зиммеля, Маха¹⁹. Основанный по предложению Лукача Институт исторического материализма ставил своей задачей также разработку венгерских проблем, в том числе создание марксистской концепции национальной истории. Многие прогрессивно настроенные интеллигенты, главным образом, молодого поколения /в их числе К.Маннхейм, Б.Фогараш, Б.Балаж/ впервые получили доступ

к преподавательской деятельности на обществоведческих кафедрах будапештского университета, других столичных вузов. Началась работа по подготовке новых школьных учебников по истории.

Межвоенный период и годы второй мировой войны

Состояние духовной жизни межвоенной Венгрии, в том числе и развитие исторической науки определялись не только реакционным характером хортистского режима, но в немалой мере также новой геополитической ситуацией в Центральной Европе. Венгрия очень сильно затронула послевоенная перекройка границ в регионе. Держави-победительницы не были заинтересованы в существовании сильного венгерского государства, потенциального союзника германского империализма и претендента на гегемонию в Дунайском бассейне. Новые границы венгерского государства, зафиксированные Трианонским мирным договором 1920 г., заключали в себе 33% довоенной территории, в их пределах проживал 41% населения Венгрии 1914 гг.²⁰ Вместе с прежними национальными меньшинствами (хорваты, сербы, словаки, румыны, украинцы) в соседних странах оказался почти каждый третий представитель венгерской нации. Тем самым создавалась питательная почва для усвоения массовым сознанием различных концепций ревизии Трианона, планов пересмотра в пользу Венгрии установленных границ. Играя на законном недовольстве населения статусом Венгрии в установившейся Версальской системе, правящие круги всячески разжигали шовинистические настроения.

Функцию официальной идеологии хортизма выполняло так называемое "христианско-национальное" течение общественной мысли. Его возникновение явилось непосредственной реакцией венгерских господствующих классов как на итоги Трианона, так и на революции 1918-1919 гг. Сторонниками "христианско-национального" мировоззрения отрицалось наличие антагонистических социальных противоречий в обществе, освященном христианской религией и моралью. Эта теория прямо противопоставляла себя марксизму, понимая последний как губительную для венгерского "национального ду-

ха" идеологии. Пытался обосновать взаимопроникновение национального и христианского начал в судьбе венгерской нации один из идеологов режима О. Прохазка писал: "Христианство, а значит религиозная культура создала венгерский народ... С тех пор, как привилось христианство, сплелись воедино венгерская национальная и христианская жизнь... В духовном существовании венгерской нации, в ее чувствах находит проявление ее христианский характер, и как венгерский дух един, так нельзя провести границы между христианскими и национальными"²¹.

Христианскую окраску приобретал и присутствующий господствующей идеологии повинизм. Границы раннефеодального венгерского королевства, созданного в 1000 году одновременно с введением в Венгрии христианства, провозглашались границами пространственного существования венгерского "национального духа" в христианскую эпоху. В геополитических концепциях графа П. Телеки и его школы утверждался тезис о несоответствии установленных Трианом границ естественному "жизненному пространству" венгерской нации, о "тесноте" венгерского "национального духа" в этих границах. Границы, установленные Трианом, были действительно несовершенны. Но, призывая к ревизии этих границ, хортисты мало считались с волей соседних народов. Идея о культурном превосходстве венгров над их славянскими и восточнороманскими соседями и в силу этого их моральном праве на гегемонию в дунайском бассейне была неотъемлемым компонентом "национально-христианской" идеологии почти во всех ее вариациях, она пронизывала межвоенную официальную историографию, нашла проявление и в ее главном продукте, много томной "Венгерской истории" Б. Хомана и Д. Секфи²².

Выражая интересы не только крупной буржуазии, но и связанной с ней землевладельческой аристократии и выступая в силу этого за консервацию элементов феодализма в существующей системе отношений, "христианско-национальная" идеология противостояла не только марксизму, но и либерально-буржуазной идеологии²³.

Особое место среди идеологов "христианско-националь-

ного" направления занимал крупнейший венгерский историк XX века Д.Секфю /1883–1955/. Понять феномен большого влияния его работ на современников можно лишь в контексте и устной полемике этого историка с марксистской общественной мыслью. В 1913 г. он выступил с монографией о Ф.Ракоци, полемически заостренной против устоявшихся стереотипов "национально-романтической" школы²⁴. В противовес идеализирующим схемам К.Тали, Секфю представил в лице Ракоци не национального героя, как диктовала многолетняя традиция, а некоего донкихотствующего рыцаря-чудака, тщетно пытающегося противостоять исторической необходимости, требующей от венгерской нации поддержания тесного союза "на вечные времена" с Австрией. В результате молодой историк подвергся резкому ostracismu со стороны многих националистически настроенных коллег. Выступив против традиционной венгерской историографии, Секфю пытался положить начало новой. Он опирался при этом на наследие немецкой философии истории второй половины XIX – начала XX в.; определенную роль в его духовном формировании играла интуитивистская историософия и конкретно-историческая методология В.Дильтея с ее вниманием к индивидуальному и неповторимому в истории как проявлениям духовного начала²⁵. Признание приоритета духовного начала делало удобным перенесение на общество в целом терминов, утвердившихся для обозначения культурных феноменов /так, Ренессанс, барокко, романтизм были для Секфю эпохами в развитии не только культуры, но и всего социального организма/. Венгерская школа "истории духа" и ее глава Секфю испытали на себе также влияние религиозно-этического учения Э.Трёльча, неокантиантской историографии Г.Риккerta, В.Виндельбанда, М.Вебера. Не меньшее влияние на Секфю оказал крупный немецкий историк Ф.Мейнеке, хотя и приверженный более традиционным методологиям, но также делавший упор на решающей роли идей /особенно "идеи государства"/ в общественном развитии.

Революционные события 1918–1919 гг. привели к резкому размежеванию среди ведущих венгерских интеллектуалов: Дучак сделал выбор в пользу власти Советов, Яси, приняв бур-

жуазно-демократическую революцию, остановился перед признанием социалистической, в то время как Секфю отверг обе революции, увидев в них неприемлемый, как он считал, для блага нации насильственный путь разрешения противоречий, вызывающий по цепной реакции последующие волны насилия. В работе "Три поколения" /1920/ Секфю выступил как непримиримый оппонент марксистской идеологии²⁶. Залог прогресса он видел не в национальной независимости, а в обществе, строящемся на принципах классового мира и гармонии, освященных христианской моралью. Заслуживающий подражания пример историк видел в умеренном реформаторе эпохи 1825-1848 годов И. Сечени. Вступив в 1848 г. на революционный путь, утверждал Секфю, венгерская нация была отброшена далеко назад. Поколение 1900-1918 годов оказалось под влиянием культурной традиции восточной части Европы, где установление классового мира невозможно и неизбежны революционные потрясения. Венгрии же, заявлял историк, как Австрию, Германию, страны западной цивилизации можно и нужно уберечь от вступления на деструктивный, революционный путь. В том, что эти страны не избежали разрушительных революций, повинно, в первую очередь, учение Маркса, призывающее к классовой борьбе - считал Секфю.

Министр культуры хортистского режима К. Клебельсберг в 20-е годы выдвинул обширную программу духовного и морального обновления венгерской нации на основе "христианских и национальных ценностей". Эта программа, в значительной мере реализованная, включала в себя реформы школьной системы /в том числе создание новых университетов/, большие начинания в области музейного дела, монументального искусства и архитектуры. Большое внимание было уделено исторической науке. По инициативе венгерской стороны при университетах Вены, Берлина, Рима были созданы центры по изучению венгерской истории и культуры. В самой Венгрии велась подготовка и был выпущен ряд многотомных книжных серий по национальной истории. В них публиковались документы /особенно по средневековой истории/, монографии по многим частным проблемам. Венцом усилий венгерской

исторической науки стало издание двух грандиозных синтезирующих трудов — "Венгерской истории" Хомана и Секфю и 5-томной "Истории венгерской культуры" под редакцией Ш. Домановски²⁷.

В 20-30-е годы выходит также значительное количество работ по зарубежной истории, истории международных отношений. Зафиксированное Трианонским договором изменение статуса Венгрии в Центральной Европе актуализировало вопрос об этнических границах венгерской нации, истории ее взаимоотношений с соседями. Не удивительно, что почти не развивавшаяся ранее славистика в 20-е годы становится важной областью исследования венгерских ученых-гуманитариев.

Ко второй половине 20-х годов Секфю глубоко разочаровался в антидемократической внутренней и великодержавной внешней политике режима, утратил прежние иллюзии относительно способности хорватских властей консолидировать венгерскую нацию на основе ценностей христианского гуманизма. В 30-е годы, с наступлением фашизма, он окончательно переходит в ряды оппозиции. В 1936 г. Секфю пишет о языческой угрозе, исходящей со стороны фашистской Германии, и призывает все гуманистические силы нации объединиться во имя спасения христианства. В декабре 1941 г. Секфю публикует антивоенную статью в рождественском номере социал-демократической газеты "Непсива", объединившем несколько видных антифашистски настроенных деятелей венгерской культуры. С февраля 1942 г. он — активный участник легального общественного движения, которое пыталось мобилизовать на борьбу с фашизмом длительную традицию национально-освободительной борьбы венгерского народа. Организованные движением акции в память важных исторических событий /например, митинг 15 марта 1942 г., в день начала революции 1848-1849 гг./ неизменно направлялись в русло антифашистских выступлений. Политическая позиция Секфю завоевала в эти годы уважение венгерских антифашистов. В серии статей 1943-1944 гг. "Где мы потеряли путь?", обращаясь к историческому опыту нации, Секфю пытается выявить истоки развития приведшего в конце концов Венгрии в

лагерь фашизма, представлявшего угрозу мировой цивилизации.

После освобождения Венгрии от фашизма крупный историк активно поддержал программу демократических преобразований коалиционного антифашистского правительства. Будучи в 1946—1948 гг. первым послом Венгрии в СССР, он сыграл большую роль в налаживании двухсторонних отношений.

В хортистскую эпоху направление "истории духа" получало официальную поддержку. Его представители стояли во главе исторических журналов, занимали ведущие позиции в Венгерском историческом обществе, им принадлежало большинство университетских кафедр. Б.Хоман, сменивший в 30-е годы Клебельсберга на посту министра культуры, будучи историком-медиевистом, прилагал большие усилия для мифологизации раннего венгерского средневековья, создания культа святого Иштвана и его обширной империи. 900-летие со дня смерти первого венгерского короля, отмеченное в 1938 г., дало повод для нагнетания шовинистической истерии, еще более накалявшей и без того взрывоопасную обстановку в Центральной Европе. Лишь немногие представители официального направления нашли, подобно Секфю, в себе решимость выступить против фашизма. Среди тех, кто сохранил приверженность гуманистическим принципам, не соблазнился призывами подключиться к пропаганде насилия и переомотра границы, надо назвать видных историков культуры Я.Хорвата, А.Серба, Л.Фюлепа.

Хотя направление "истории духа" безусловно доминировало в межвоенной венгерской историографии, оно сосуществовало с другими научными школами и направлениями. Позитивизм был представлен работами историка-аграрника Ш.Домановски и его учеников. С позитивистской линией сблизился и видный историк государства и права Ш.Экхарт. Известный историк-медиевист И.Хайнал в противовес "истории духа" пытался выработать оригинальную, материалистическую в своей основе концепцию исторического развития. Он уделял большое внимание истории техники, материальной культуре, считал решающим экономический фактор.

Не будучи в большинстве своем профессиональными исто-

риками, немалое влияние на развитие исторической науки оказали "народные писатели". Так называла себя группа литераторов, публицистов, экономистов, социологов, выступивших в середине 30-х годов инициаторами изучения аграрного вопроса, резко обострившегося в результате экономического кризиса 1929-1933 гг. Предпринятое ими "хождение в народ" оказалось очень плодотворным для венгерской художественной литературы, обогатило ее значительными произведениями в своеобразном жанре "социографии", близком очерку и эссе. Это же движение породило ценные экономические и социологические исследования Ф.Эрдеи и др., которые в противовес официальной апологетической науке проливали свет на реальное состояние венгерской деревни. Работы Л.Дьерффи, Д.Ортутаяи и др. оставили огромный след в развитии венгерской этнографической науки. Крупный писатель и мыслитель Л.Немет в своей публицистике пытался осмыслить исторические судьбы венгерской нации, крестьянство при этом понималось им и его единомышленниками как "становой хребет" нации, ее опора и "кормилец", движущая сила национального развития, хранитель наиболее глубоких духовных традиций нации.

Крах Венгерской советской республики, последовавшее за ним ослабление рабочего движения посеяли в сознании демократической интеллигенции Венгрии во многом обоснованное сомнение в способности пролетариата выступить в качестве главной силы коренного общественного переустройства. В этих условиях ставка делалась на крестьянство. "Мы обращаемся прежде всего к крестьянству, мы считаем крестьянство рулем нации", - гласила резолюция Мартовского фронта 1937 г., оппозиционного политического движения, идейно направляемого "народными писателями"²⁸.

"Народные писатели" слишком хорошо знали венгерское крестьянство, чтобы питать иллюзии в отношении его готовности к выполнению столь важной социальной миссии без посторонней помощи. Отсюда делается понятным, почему важнейшим пунктом своей программы они считали просвещение крестьян. Большое место в "народнических" концепциях отводи-

лось обоснованию направляющей роли интеллигенции, просвещенной элиты, способной повести за собой крестьянство. По признанию Л. Немета, на его историософские воззрения оказала влияние теория элиты испанского философа Х. Ортега-и-Гассета. Тезис о важной роли интеллектуальной элиты находил свое подкрепление при обращении "народных писателей" к конкретным фактам венгерской национальной истории.

Как своего рода духовный противовес "народным писателям" в 30-е же годы сложился идейный лагерь урбанистов. Последние считали Венгрию прежде всего частью западного мира, задержавшуюся в своем развитии после турецкого нашествия XVI в. и так до сих пор и не сумевшую преодолеть свое отставание от передовых европейских стран. Если главный идеолог движения "народных писателей" Л. Немец полагал, что венгерская нация в силу самобытности своего языка и культуры должна не копировать чужие модели, а искать собственный путь, то его оппоненты-урбанисты, даже и признавая специфику своей родины, все-таки неизменно акцентировали внимание на общем в развитии Венгрии и других стран западной цивилизации.

В отличие от "народных писателей", считавших опорой нации крестьянство, урбанисты делали ставку на средний городской слой. Выделение "среднего слоя" как особого компонента социально-классовой структуры было весьма характерным для венгерской социологической литературы первой половины XX в. Между тем, этот слой был неоднороден по своему составу, включал в себя мелкую буржуазию города, служащих, основную массу интеллигенции, наиболее квалифицированную и высоко оплачиваемую часть пролетариата. Соответственно и в различных урбанистских концепциях упор делался то на одну, то на другую прослойку, примечательно, что наряду с идеологами партий мелкой буржуазии города к урбанистскому лагерю тяготела и значительная часть социал-демократической интеллигенции. Сохранялась однако и общность в оценке роли городской цивилизации. По мнению урбанистов, не село, а именно город был, начиная со средних веков, главным двигателем национальной культуры. Будучи центрами тор-

говли, ремесел, промышленности, города быстрее привлекали к себе и впитывали культуру Запада, на протяжении нескольких столетий здесь формировался особый городской уклад, во многом сходный с городскими укладами в других странах католико-протестантского мира.

Споры между западниками и почвенниками о движущих силах развития нации и ее культуры не были, естественно, сугубо венгерским явлением, они заняли видное место в истории общественной мысли всех без исключения восточно-европейских стран. Но в Венгрии присущая этим спорам антитеза "деревня - город" приобрела особую остроту. Главной причиной тому стал исторически сложившийся разительный контраст между развитым, европеизированным Будапештом и полуфеодальной, отсталой венгерской провинцией. Капиталистические отношения, издавна ассоциировавшиеся в национальном сознании венгров прежде всего со столицей, у народных подчас трактовались как занесенные извне, чуждые венгерскому "национальному духу" /инонациональное - немецкое и еврейское - происхождение значительной части венгерской буржуазии только способствовало тому, что критика капитализма зачастую переносилась в ту плоскость, где все дело сводилось к выявлению его национальных корней²⁹.

Среди ученых - гуманистичеек, тяготевших к народническому лагерю, одним из наиболее выдающихся был Иштван Бибо /1911-1979/, специалист в области политологии, правоведения, истории государства и права, а также истории международных отношений. Сторонник эволюционного продвижения послевоенных коалиционных режимов в направлении демократического социализма, остро не принимавший сталинский тоталитаризм, Бибо в октябре 1956 г. занимал пост министра юстиции в революционном правительстве И.Надя. Арестованный после подавления антисталинской демократической революции, он надолго был отлучен от активной научной деятельности. В достаточно полном объеме его наследие было опубликовано лишь в середине 80-х гг., что вызвало широкий резонанс³⁰. Сегодня И.Бибо по праву называют одной из центральных фигур в истории венгерской общественной мысли XX в.

Вместе с приверженцами идей крестьянского социализма на левом фланге политической и духовной жизни хорватской Венгрии находились рабочие партии - социал-демократы и коммунисты. Им приходилось работать в крайне стесненных условиях, причем если СДПВ ценой принципиальных уступок властям все же добились права на легальную деятельность в строго ограниченных пределах, то ВКП в самой стране приходилось работать, главным образом, в подполье, подвергаясь постоянным преследованиям хорватистов. Вплоть до второй половины 30-х годов в своей стратегии коммунисты исходили из ошибочного тезиса о том, что в стране, где однажды уже произошла социалистическая революция, может стоять на повестке дня лишь задача ее повторного осуществления. Борьба за демократические свободы, либерализацию режима, улучшение экономического положения пролетариата - все это приносилось в жертву подготовке пролетарской революции. Только в 1936-1937 гг., когда фашизм в Европе поднял голову, сектантская тенденция в деятельности ВКП несколько ослабевает, партия берет на вооружение идеи УП Конгресса Коминтерна /1935 г./ об антифашистском народном фронте.

Большинство ведущих идеологов-марксистов после 1919 г. покинуло Венгрию, главным средоточием развития марксистской мысли на четверть века становится эмиграция. В самой стране обращение с марксистских позиций к проблемам национальной истории происходило в русле публицистики. Левые издания 1930-х гг. /журнал "мысль" и др./ пытались привлечь внимание общественного сознания к историческим фактам, замалчиваемым официальной историографией или представляемым ею с антиреволюционной тенденциозностью. Речь идет о восстании Д.Дожи в 1514 г., многих событиях революции 1848-1849 гг. /особенно связанных с деятельностью революционно-демократического, плебейского крыла движения, линией Ш.Петёфи - М.Танчича/, о классовой борьбе пролетариата в конце XIX - начале XX в., о Венгерской Советской Республике. В начале сороковых годов публицистику дополнили серьезные научные исследования историков-марксистов, как правило, выходившие нелегально.

Эрих Мольнар /1894-1966/, юрист по образованию, был видным деятелем рабочего движения, сначала СДПВ, а с 1928 г. нелегальной ВКП. В 20-30-е годы он активно выступал в рабочей /легальной и нелегальной/ прессе, в том числе по вопросам истории. Этапом в развитии венгерской марксистской историографии стали работы Э.Мольнара "Венгерская древняя история", "Формирование феодализма в Венгрии", "Общество эпохи Арпадов", опубликованные в 1942-1943 гг. под псевдонимом Л.Сентмиклеш³¹. Еще одна книга, написанная во время войны, "История венгерского общества от древности до Арпада", вышла после освобождения³². Таким образом, Мольнар первым попытался создать марксистскую концепцию истории венгерского раннего средневековья. Его работы были полемически заострены против медиевистических штудий Б.Хомана и его школы, поднимающих на щит империю святого Иштвана в целях обоснования шовинистических внешнеполитических устремлений режима.

Стремясь освободить венгерскую медиевистику от широко присущих ей мистико-мифологизаторских тенденций, Мольнар рассматривал создание венгров своей государственности не как продукт неуловимого "национального духа", а как результат произошедшей в венгерском обществе длительной эволюции от племенной социальной организации к ранним феодальным отношениям. Мольнара глубоко интересовал круг вопросов, связанных с "обретением родины" в 896 г., он исследовал связи древних мадьяр с кочевым миром Востока второй половины I тысячелетия н.э. Приверженность марксистской методологии проявилась у Мольнара уже в трактовке такого коренного понятия, как феодализм.

Другим видным представителем марксистской историографии, развивавшейся непосредственно в хортистской Венгрии, был А.Мод /1908-1973/. Видный публицист коммунистической прессы, в 1934 г. он выпустил популярную брошюру "Материалистическая теория бытия", знакомящую пролетариев с основами марксизма. В годы второй мировой войны Мод обратился к историческим исследованиям. Его главная работа тех лет "400 лет борьбы за независимую Венгрию" вооружала бор-

цов-антифашистов знанием многолетней традиции национально-освободительной борьбы венгерского народа³³. Выход книги Моца был воспринят в хортистской Венгрии как акция, подрывавшая устои режима. Автору пришлось отбыть тюремное заключение.

В 20-е годы теоретические усилия венгерской революционной эмиграции были направлены главным образом на изучение революционных событий 1918-1919 гг. и прежде всего Венгерской советской республики. Задачи всестороннего осмысления нового революционного опыта привлекали внимание и коммунистов, и социал-демократов, и левообружужных политических деятелей типа М.Каройи и О.Яси. Без этого не могла быть выработана стратегия политических партий в изменившихся условиях. Обращение идеологов разных партий к событиям недавнего прошлого имело, таким образом, не столько научно, а в первую очередь, политическое значение, и это сильно сказывалось на оценках отдельных фактов и персоналий. Публицисты революционной эмиграции 20-х годов независимо от их партийной принадлежности, обращаясь к рассмотрению конкретно-исторических явлений 1918-1919 гг., были движимы не столько стремлением пробиться к объективной истине, сколько установкой получить преимущество в политической борьбе, изобразив своих идейных оппонентов в неприглядном свете. Характерный пример зависимости исторического анализа от непосредственной вовлеченности исследователя во все острейшие перипетии текущей политической борьбы - выступления Бела Куна /1886-1939/, посвященные урокам Венгерской советской республики³⁴.

Политик, фанатически преданный идее мировой революции, Б.Кун отличался нетерпимостью по отношению к тем, кто не был склонен поддерживать его авантюристические планы. История венгерской коммунистической эмиграции 1920-х годов - это прежде всего история борьбы двух фракций - максималистской /Б.Куна/ и более умеренной /Е.Ландлера/. Но разногласия между двумя фракциями отступали все же на задний план, когда носителям коминтерновской идеологии /независимо от того, в более левацком или в более умерен-

ном варианте/ приходилось сталкиваться в идейно-политической борьбе с представителями социал-демократического лагеря. Кун был особенно последователен в своем резком неприятии социал-демократии. Его обвинения социал-демократов в предательстве интересов рабочего класса всецело зиждились на большевистских представлениях о необходимости крупномасштабного революционного террора, о разрыве с либерально-демократическими ценностями, с жесткой диктатуре как единственно возможной форме правления в период перехода к социализму и т.д. Социал-демократическая идеология, признававшая возможности эволюционного, ненасильственного перехода к социализму, провозглашалась изначально враждебной интересам пролетариата. Отсюда делается понятной предвзятость Б.Куна при оценке конкретной деятельности социал-демократов в период Венгерской советской республики.

Венгерская коммунистическая эмиграция в Советском Союзе издавала свою прессу, временами с трудом проникавшую в Венгрию. В 1929-1937 гг. выходит журнал "Серп и молот". Он имел постоянный раздел "Наша история", где помещались материалы по истории венгерского рабочего движения, Венгерской советской республики, о венграх-интернационалистах, сражавшихся в Красной Армии. В этой рубрике мемуары преобладали над аналитическими статьями. В целом журнал занимал крайне сектантацкие политические позиции, большинство его выступлений отличала острая нетерпимость в отношении всех проявлений инвакомнизма. Это послужило главным основанием для закрытия журнала в то время, когда ВКП провозгласила /с большим опозданием/ свою приверженность новой политической стратегии Коминтерна, основанной на принципах единого антифашистского народного фронта. Преемником "Серпа и молота" стал журнал "Новый голос", выходивший с 1938 до середины 1941 г. и последовательно проводивший в своих публикациях линию Народного фронта. В нем было опубликовано немало серьезных статей по истории венгерского революционного национально-освободительного и рабочего движения, а также по аграрным проблемам. В журнале

в той или иной степени сотрудничали Д.Лукач, Б.Балаж, А. Габор, Е.Варга, Й.Реваи, И.Надь, Д.Хай, Б.Фогараши, Э.Болгар, Б.Ландор, некоторые другие. Особенно большую роль играл в нем Йозеф Реваи /1898-1959/, известный не только как одна из самых заметных фигур в истории венгерского коммунистического движения, но и как видный историк-марксист.

В 30-40-е годы Реваи, будучи главным идеологом ВКП, много сделал для утверждения в политике партии концепции Народного фронта. Но с конца 40-х годов, когда на место демократической формы правления пришла, опираясь на поддержку сталинского режима, тоталитарная диктатура, Реваи виртуозно облачал в марксистскую фразеологию задачи поддержания власти Ракоши и его команды, идейно обосновывал губительные для нации социальные эксперименты в области индустриализации, коллективизации и "культурной революции". Но все это не отменяет относительной ценности ряда его исторических работ, составивших важный этап в развитии венгерской марксистской историографии.

Обращение к историческому прошлому своего народа не было для Реваи самоцелью. Он всегда оставался прежде всего идеологом своей партии. Но при анализе даже самых злободневных современных проблем Реваи пытался вскрывать исторические корни явлений, в его трудах о современности исторический ракурс рассмотрения неизменно занимал большое место. Особенно это касается работы по национальному вопросу - Реваи уже в 20-е годы по сравнению с другими теоретиками ВКП уделял большое внимание именно этому кругу проблем. Обширную часть наследия Реваи заняли собственно исторические исследования. Его особенно привлекали темы, дававшие простор для проведения параллелей с современностью. Пытаясь избежать вульгарного осовременивания явлений прошлого, он в то же время не чурался аналогий. Так, в своих многочисленных книгах и статьях о революции 1848-1849 гг. он старался делать акцент на проблеме единства демократических сил нации в антигабсбургской борьбе. При этом Реваи не затушевывал острых социальных и национальных противоречий в монархии, он пытался раскрыть то общее,

что заставляло объединяться в единый союз разнородные силы.

Одна из главных исторических работ Реваи "Маркс и венгерская революция 1848 г." /1932/ была написана, в основном в хортистских застенках. Первая публикация состоялась в журнале "Новый голос". В этом исследовании Реваи, полемизируя с Э.Сабо и опираясь на некоторые положения Маркса, заострил внимание на буржуазно-демократическом характере революции. В отличие от Сабо, рассматривавшего конфликт между крупным и среднепоместным дворянством как результат внутриклассовых противоречий, Реваи видел в слое джентри носителя объективно-буржуазной тенденции, сохранившего в себе многие черты дворянского менталитета и поэтому менее решительного, чем буржуазия, в проведении аграрных реформ капиталистического характера. Радикализм Л.Кошута в решении национальной проблемы, считал Реваи, не распространился на круг аграрных проблем. По его мнению, достижение национальной независимости не было первейшим условием развития Венгрии по пути прогресса. "Национальная независимость становится святым делом только в том случае, если она сливается с делом европейского прогресса", - утверждал Реваи³⁵. Так было во время "Весны народов" в 1848 г., но все изменилось в 1860-1870-е гг.: создание независимой Венгрии в этих условиях "уже не отвечало бы ни задачам демократии в Европе, ни интересам самой Венгрии, потому что независимая Венгрия... неизбежно превратилась бы в вассала царизма. Венгрия должна была пожертвовать частью своей независимости, поскольку в Европе в то время не было таких революционных национальных движений, в союзе с которыми она могла бы обрести полную национальную независимость. В этом кроется историческая необходимость соглашения 1867 г."³⁶ Если в 1848-1849 гг. весь прогрессивный лагерь Европы горячо поддерживал Кошута, то в 1860-е годы его планы завоевания независимости Венгрии воспринимаются уже как утопические, предпочтение отдается направленной на достижение компромисса программе Ф.Деака, которая представляется более реалистической,

Несомненным достоинством многочисленных работ Й.Реваи по истории 1848 и 1867 гг.³⁷ было стремление увидеть венгерские события в широком европейском контексте, учесть влияние всей совокупности внешних факторов на внутривенгерское развитие. Оценивая компромисс 1867 г., Реваи делал упор на органической его связи с предшествующей революцией; соглашение 1867 г. он рассматривал как завершающую, финальную стадию того революционного процесса, который достиг своего апогея в 1848–1849 гг.

В СССР протекала деятельность историков Б.Ландора, Э.Андич, З.Липпая, Э.Болгара, большинство которых публиковало свои работы в советских научных изданиях³⁸. На исторические темы писали также Б.Фогараша, Л.Рудаш, А.Варьяш, Э.Шик, А.Хевеша, Э.Цобел, Б.Шугар и др.³⁹ Ряд интересных статей по аграрной истории Венгрии опубликовал в Москве Имре Надь, видный экономист-аграрник и политический деятель, впоследствии глава венгерского революционного правительства в октябре 1956 г.⁴⁰ Другой экономист, советский академик Е.Варга /1879–1964/ оставил работы по истории революции 1848–1849 гг. и Венгерской советской республики, одним из руководителей экономической политики которой он являлся, по экономической истории германского империализма и истории мировых экономических кризисов; по истории непа в СССР⁴¹.

Наряду с Варгой наиболее значительной фигурой венгерской эмиграции в СССР был, безусловно, Д.Лукач. Он жил здесь в 1933–1945 гг., работал в Институте философии АН СССР, активно участвовал в литературной жизни, будучи постоянным автором журналов "Литературный критик" и "Интернациональная литература". В Москве были написаны такие его значительные историко-философские и историко-литературные труды, как "Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества" /М., 1987/, "Литературные теории XIX в. и марксизм" /М., 1937/, "К истории реализма" /М., 1939/ и др. В этих работах Лукач стремился увидеть за литературными и философскими явлениями породившую их социально-историческую среду, духовную атмосферу времени. Преломление в общественной мысли, философии, литературе разных

эпох основных противоречий социального развития занимало его при обращении к творчеству Гете, Шекспира, Бальзака, Толстого, Достоевского. Более всего в этот период Лукача интересовала культура капиталистической формации в эпоху восхождения буржуазии как передового класса. Сопоставляя процесс перехода от феодализма к капитализму в Германии, Франции, Англии, России, других странах, он стремился показать, как отражались специфические особенности этого перехода в общественном сознании, культуре, философии каждой нации. Известно, что в 1930-е годы Д.Лукач разделял точку зрения многих своих современников о глубочайшем кризисе капитализма, свидетельства которому они видели в "великой депрессии" и особенно фашизме. Путь выхода из тотального кризиса Лукач видел в коренном обновлении буржуазной демократии. Надежды на подобное обновление он связывал с антифашистским движением под лозунгами единого Народного фронта. Последовательное искоренение фашизма невозможно, считал Лукач, без решительной переделки той социальной и духовной почвы, которая сделала возможным зарождение такого опасного феномена, как фашизм. Развитие западного общества и его культуры начиная со второй половины XIX в. Лукач /подчас односторонне/ рассматривал под знаком происходящего в нем процесса отступления разума, усиления романтических, мистических, иррационалистических начал в политике, идеологии и культуре. Преобладание иррационалистических тенденций в общественной мысли Запада конца XIX - начала XX в. порождало, по мнению Лукача, ту духовную атмосферу, в которой, прикрываясь поначалу лозунгами романтического антикапитализма, прорастали семена фашистской идеологии.

В связи с глубокой критикой Лукачем современного ему буржуазного общества и его культуры закономерно возникает вопрос об отношении философа к сталинизму. Хотя Лукач неустанно подчеркивал социальную детерминированность духовных явлений, его глубоко заботил вопрос о степени духовной свободы философа или художника в тех или иных социальных условиях. В литературных дискуссиях 30-х годов Лукач настойчиво проводил мысль о том, что все великие художники,

стремился выразить эпоху в ее глубинных тенденциях, создавали объективную картину социальных противоречий своего времени не благодаря своему политическому мировоззрению, а независимо от него, иногда даже вопреки ему /как Толстой или Бальзак/. Верность правде жизни /всегда понимаемой Лукачем не в поверхностно-натуралистическом, а в предельно обобщенном смысле/ неизменно побеждала ограниченность мировоззрения. В неимоверно сложных условиях физического и духовного террора второй половины 30-х годов Лукач и его соратники по журналу "Литературный критик" /М.Лифшиц и др./ пытались, насколько это было возможно, противостоять губительной для судеб культуры сталинской ортодоксии, искали, подчас заблуждаясь, пути прорыва к подлинно диалектической философии, выражающей противоречивую суть своей эпохи. Журнал был закрыт по "высочайшему повелению" в конце 1940 г. Деятельность этого издания как одно из самых ярких проявлений духовной оппозиции сталинизму в 30-е годы еще ждет своего непредвзятого исследователя.

Во второй половине 1940-х годов, уже в Венгрии, духовное сопротивление Лукача сталинизму приобрело более отчетливые очертания. В своих работах 1945-1948 гг. Лукач настойчиво пытался обосновать концепцию медленного, поступательного движения к социализму как к идеалу через развитие и совершенствование новых форм демократии, возникших снизу в странах с массовым движением Сопротивления на завершающем этапе борьбы с фашизмом. Именно под таким углом зрения венгерский философ изучал в эти годы опыт политической самодетельности масс в Югославии, Франции, Италии. "Формальная" буржуазная демократия, породившая в своих недрах фашизм, должна смениться "реальной", подлинной демократией, при которой "хотя еще и существует...капиталистическая собственность, но господствующими все же являются жизненные...интересы народа"⁴². Гарантию господства народных интересов Лукач видел в "постоянном, конкретном и действенном участии" трудящихся в общественной жизни через многие возникающие снизу демократические институ-

ти⁴³. Выступая в 1946 г. в Женеве на форуме европейской интеллигенции, он заявлял, что "мировая история представляла ... возможность политического социального и идейного обновления демократии. Весь вопрос состоит именно в том, как использовать эту возможность"⁴⁴. Произшедшее к концу 40-х годов утверждение в странах Восточной Европы тоталитарных политических режимов по советским, сталинским образцам явилось знаком того, что возможности обновления демократии, о которых говорил Лукач, так и не были реализованы /по крайней мере, на Востоке Европы/. Сам Лукач, отстаивавший в 40-е годы концепцию эволюционного пути к демократическому социализму, подвергся в 1949-1950 гг. всеобщей травле, имевшей широкий международный резонанс.

Венгерская историография в первые послевоенные десятилетия. Монополия марксизма и ее последствия

Обстановка идейного плюрализма, характерная для Венгрии в 1945-1947 гг., сказывалась и на состоянии исторической науки, где направления, получившие развитие в межвоенный период, сосуществовали с новыми течениями. Отмежевываясь от шовинизма и фашизма, новое правительство нанесло удар лишь по тем течениям, которые обслуживали великодержавные, шовинистические амбиции прежнего режима. Большинство историков старой закалки могло найти свое место в интеллектуальной жизни новой Венгрии. Приверженность основных лидеров ВКП курсу Народного фронта диктовалась не только и не столько принципиальными, сколько тактическими соображениями.

В 1945-1948 гг. историки, идейно сформировавшиеся в русле немарксистских течений, стояли во главе Венгерского исторического общества и его журнала "Столетия", занимали почти все университетские кафедры. Видным центром исторической науки оставался в эти годы Институт имени графа П. Телеки, основанный в 1941 г. для проведения комплексных исследований в области центрально-европейской проблематики; в 1949 г. он был преобразован в Институт истории Венгерской Академии наук. Диапазон идей в историографии заметно

расширяется по сравнению с межвоенным периодом, прежде всего потому, что наряду с другими направлениями исторической науки получает полные права гражданства марксистское направление. В 1945–1948 гг. впервые в Венгрии открыто публикуются и вводятся в научный оборот работа Э.Сабо о революции 1848 г., основные труды Й.Реваи, Э.Мольнара, социал-демократа В.Бёма, историко-философские и историко-литературные исследования Д.Лукача, относящиеся к московскому периоду его творчества.

После освобождения от фашизма венгерскому обществу предстояло обратиться к осмыслению недавних событий, выявить исторические истоки того глубокого кризиса, в котором к концу войны оказалась Венгрия. Естественно, что значительные усилия были сосредоточены во второй половине 40-х годов на новейшей истории страны, ее политическом развитии в межвоенный период. Секфю пишет книгу "После революции" о духовном состоянии венгерского общества в 20–30-е годы⁴⁵. Публикуются тайные документы о дипломатических связях Венгрии с фашистской Германией в канун второй мировой войны, проливающие свет на грязные действия хортистских политиков в отношении соседних придунайских государств⁴⁶. Происходит усиленное освоение и некоторых других тем, при хортизме получивших крайне тенденциозное освещение. Уже в 1945 г., например, вышла первая монография об октябрьской революции 1918 г. в Венгрии⁴⁷. Внимание историков-марксистов привлекает и Венгерская советская республика. Следует в то же время сказать, что именно на этом участке при обращении к прошлому более всего ломалось копий в схватке между коммунистами и социал-демократами. Так, в одном и том же 1948 г. вышли переизданная работа В. Бёма "В огне двух революций"⁴⁸ и книга вернувшейся из СССР Э.Андич "Контрреволюция и бетленовская консолидация"⁴⁹. В них содержался диаметрально противоположный подход к оценке роли двух рабочих партий в пролетарской революции 1919 г.

В атмосфере революционных демократических преобразований, охватившей венгерское общество в 1945–1946 гг., характерным был интерес общественного сознания к опыту пред-

шествующих революций /как венгерских, так и зарубежных — Великой французской революции, Парижской коммуны, Октябрьской революции в России/. К этому опыту в той или иной мере обращались, пожалуй, все ведущие мыслители нации — Д.Лукач, Л.Немет, Д.Секфю, И.Бибо.

В 1948–1949 гг. Венгрия отмечала столетие собственной великой революции. Празднества, посвященные этому юбилею, приобрели общенациональный характер. Вышло множество работ о революции, иногда довольно ценных: о крестьянских движениях в 1848–1849 гг., вызванных политикой правительства джентри; о деятельности плебейского, революционно-демократического крыла в национально-освободительном движении, связанного с именами Тянчича, Петёфи и др.; о связях венгерского революционного лагеря с революционными движениями в других землях Австрийской монархии⁵⁰.

Вместе с тем, на праздновании революции сильно сказалась политическая обстановка и духовная атмосфера в венгерском обществе. Если начало празднеств в марте 1948 г. прошло еще в условиях коалиционного правления и многопартийности /хотя уже вырождавшейся/, то к лету 1949 г. в стране уже окончательно был установлен режим сталинского типа. Изменение внутривнутриполитической ситуации сказалось на оценке тех или иных событий, явлений, персоналий революции столетней давности. В 1949 г. было, например, уже труднее, чем в 1948 г. объективно оценить роль умеренного либерального крыла во главе с И.Сечени. К 1949 г. практически было наложено табу на рассмотрение роли русского царизма в подавлении венгерской революции. В стремлении никак не задеть могучего восточного соседа приходилось прибегать к замалчиванию фактов, а то и к прямой фальсификации. Венгерская историография вообще едва ли знает другой период, сопоставимый по масштабам исторических фальсификаций с теми годами, когда Ракоши был официально провозглашен "не только выдающимся борцом и руководителем; но и крупнейшим историком нашей славной эпохи"⁵¹.

Естественно, что больше всего фальсификаций приходилось на историю новейшего времени. Извращалась не только

политическая история хортистской эпохи, но и вся картина венгерского рабочего движения. Неудача Венгерской советской республики объяснялась ни чем иным как засильем врагов в ее руководстве, где "троцкист" Бела Кун нашел общий язык с "социал-предателями". В то же время одному далеко не самому значительному эпизоду в истории Венгерской советской республики уделялось непропорционально большое внимание. Речь идет о шалготарьянском сражении, где якобы под руководством Ракоши была одержана "героическая победа" над численно превосходящим врагом⁵² /как потом было установлено, в действительности Ракоши не имел к этой битве почти никакого отношения/.

О.Яси и М.Каройи в начале 50-х годов однозначно преподносили как агенты американского империализма. Схожее обвинение предъявлялось социал-демократам. "Значительная часть "социал-демократических вождей" были полицейскими шпионами Хорти или английскими шпионами и после Освобождения постепенно перешли на службу к американскому империализму", - утверждалось в одном из докладов Венгерского съезда историков в 1953 г.⁵³ Разрыв с Югославией в 1948 г. заставил официальную историографию пересмотреть многие существенные страницы истории второй мировой войны, так или иначе связанные с Венгрией и странами дунайского бассейна⁵⁴. В угоду политической конъюнктуре переписывались и более ранние страницы истории. На втором съезде Венгерской партии трудящихся /преемницы ВКП/ в 1951 г. ее вожди М.Ракоши, Й.Реваи и М.Фаркаш призывали историков обращать больше внимания на национально-патриотические традиции венгерского народа.

Как отмечалось выше, каждая из школ и течений, сложившихся в венгерской историографии второй половины XIX-XX вв., так или иначе тяготела к одной из двух основных тенденций, в противоборстве которых происходило все развитие венгерской исторической науки, - прогабсбургской /точнее германофильской/, виднейшим представителем которой был Д.Секфю, и антигабсбургской, как правило, делавшей больший акцент на своеобразие венгерской государст-

венности и культуры. Официозная историография начала 50-х годов несомненно принадлежала ко второй тенденции, при этом она унаследовала не лучшие, а худшие традиции антигабсбургского направления в венгерской исторической науке — односторонний негативизм в оценке западных влияний на ход венгерской истории и развитие ее культуры, некритический подход к источникам, приоритет схемы над фактографией, возвеличение вождей в ущерб показу роли массовых движений. Было однако и существенное различие, которое очень наглядно проявилось в оценке Ференца Ракоци /ожидаемый в 1953 г. 250-летний юбилей со дня начала национально-освободительной войны 1703—1711 гг. привлек внимание партийных стратегов именно к этой фигуре/. Представители национально-романтической школы XIX — начала XX вв. видели в Ракоци вождя патристически настроенного дворянства, крестьянство же, народные слои не удостаивали серьезным вниманием. Историография начала 1950-х годов, напротив, делала акцент на союзе вожди и народа, без должной дифференциации противопоставляя этому союзу дворянство как ретроградную и прогабсбургскую силу. "Наиболее родовитый и знатный представитель класса венгерских феодалов, Ракоци, — писал один из исследователей — был именно той "могучей рукой, которая способна была бы распалить тлеющий жар прежних боев за независимость". Глубоко переживая судьбу своей нации, Ракоци "принял протянутую руку своих крепостных, чтобы с ними начать борьбу за свободу, которая должна была решить судьбу всей нации. В свою очередь и "народ стал достойным доверия Ракоци"⁵⁵.

Поскольку фигура вождя была призвана символизировать всю мощь тоталитарной власти и господствующей идеологии, характерным для эпохи было требование к историкам показывать крупным планом вождей, руководителей народных масс. Другой характерной чертой историографии 50-х годов была абсолютизация национального единства, приуменьшение /а, иногда и полное игнорирование/ внутренних факторов там, где речь шла о причинах неудач в национально-освободительном движении. "Главная причина того, что на протяжении столе-

тий венгерская борьба за свободу кончалась поражением, заключалась в преобладании сил иностранных захватчиков, во вмешательстве иностранной реакции и неблагоприятности международной обстановки", — процитированные выше слова Ракоци явились строгим указанием для всех венгерских историков⁵⁶.

Многие деятели венгерского освободительного движения преподносились в идеализированном виде. Так, Л.Кошут изображался как исследовательный и принципиальный сторонник освобождения крестьян от крепостной зависимости. Разочаровавшись в возможности осуществить освобождение крестьян "рука об руку с дворянством", он будто бы поставил себе задачей расширение общественного базиса, политическое объединение...прогрессивного дворянства и народа⁵⁷. Трудно воспринять всерьез и слова о том, что командующий революционным войском в Венгрии известный польский генерал Ю.Бем, следуя поручениям Кошута /на самом деле известного своей национальной ограниченностью/, "старался осуществить предположки примирения национальностей, защищал румынских крестьян от мести венгерских помещиков" и т.д.⁵⁸

Конъюнктурное осовременивание истории в полной мере проявлялось при рассмотрении исторических контактов Венгрии с другими странами. Как и в СССР, в Венгрии развернулась кампания "борьбы с космополитизмом", и жертвами этой кампании становились историки, придававшие позитивное значение связям Венгрии с западными державами в те или иные эпохи. С другой стороны, "исправлялась" непростая история взаимоотношений русского и венгерского народов. Одним из главных эпизодов войны 1703—1711 гг. назывался, например, договор между Ракоци и Петром в 1707 г. Противоречия между двумя лидерами, национальными интересами их стран затушевывались, союзу Петра и Ракоци противопоставлялись потуги французского двора оказать поддержку Габсбургам. В стремлении провести "железные" аналогии с современностью насквозь политизированная официальная историография не останавливалась перед прямыми натяжками и передержками. В трудных условиях приходилось работать историкам старой

закалки. Большинство из них не было склонно отказываться от своих отработанных методологических систем, тем более в угоду столь вульгаризированному толкованию марксизма. Но возможностей для полнокровной научной деятельности после 1948 г. становилось все меньше и меньше. Некоторые из видных ученых /Э.Малос и др./ были лишены университетских кафедр. Другим создавались препятствия в публикации научных трудов, от них требовали полной солидарности с теми упрощенческими схемами национальной истории, которые навязывались сверху.

В эти годы расширяются контакты между советскими и венгерскими историками. В 1948 г. для прочтения курса лекций в Будапешт приезжал Б.Д. Греков⁵⁹. В 1953 г. группа советских специалистов приняла участие в съезде венгерских историков⁶⁰. Широкая публикация в Венгрии трудов некоторых советских ученых, например, Е.В. Тарле имела позитивное значение. Вместе с тем на венгерский язык переводились и работы, отнюдь не способные составить славу советской историографии. Студенты в университетах начали изучать весь курс всеобщей истории /от античности/ по переведенным советским учебникам, далеко не во всех случаях отставшим мировым стандартам.

Сильный удар, нанесенный режимом Ракоши по венгерской исторической науке, не означал, однако, полной ликвидации предшествующих традиций. И в это время, особенно в период "оттепели" 1953-1955 г., создавались ценные научные исследования. Получила более основательную, нежели ранее в немарксистской историографии, разработку проблема первоначального накопления капитала в Венгрии. Больше внимания, чем при хортизме, уделялось изучению аграрной истории Венгрии ХУШ-ХІХ вв., социальной структуры венгерского общества, ее изменениям в период перехода от феодализма к капитализму⁶¹.

Либерализация политического режима в стране после июньского пленума ЦК ВПТ 1953 г. способствовала оживлению гуманитарных наук. В годы послесталинской "оттепели" расширяется тематический диапазон исследований. Выходят важ-

ные работы по национальному вопросу в Венгрии в XVIII–XIX вв., ее социально-экономическому развитию в XVIII – первой половине XIX в.⁶²

Начавшийся летом 1953 г. процесс демократизации и экономических реформ не смог развернуться в полную силу, стать необратимым. Используя экономические трудности, сталинисты во главе с Ракоши весной 1955 г. предприняли контрнаступление. И.Надь был устранен с поста премьер-министра. Кратковременная оттепель сменилась новым похолоданием: ужесточается цензура, свертываются едва начавшиеся дискуссии по актуальным проблемам общественно-политического развития, происходит административное преследование инакомыслящих. Но движение интеллигенции за демократическое обновление общества продолжалось.

Новый импульс ему придали идеи XX съезда КПСС. Историки, движимые стремлением оценить состояние своей науки в свете идей XX съезда, летом 1956 г. собрались на дискуссию, проходившую на заседании кружка имени Петёфи, объединившего демократически настроенную интеллигенцию. Участвовавшие в кружке выступали почти исключительно с марксистских позиций, никто из них не высказывался против идеи социализма, главную задачу, стоящую перед наукой, они видели в освобождении от догматизма, совершенствовании методологии, закрытии многочисленных белых пятен в национальной истории. Говорилось, в частности, о необходимости изучать историю партии в общеисторическом контексте, как один из разделов национальной истории. Некоторые участники дискуссии признавали восстановить справедливость в отношении левых социал-демократов, а также левых крестьянских движений, отдать дань их заслугам в антифашистской борьбе. Историки, занимавшиеся второй мировой войной, поставили вопрос о роли западных союзников СССР в победе над фашизмом /до этого они рассматривались чуть ли не как скрытые пособники Гитлера/. Наиболее радикальным было, пожалуй, выступление историка Л.дигмонда, подвергнувшего критике внешнюю политику Сталина в 1947–1948 гг.⁶³

Из старых историков-марксистов только Э.Адиш увидела в выступлениях более молодых коллег "опасное", с ее точки

зрения, стремление реанимировать отдельные методологические подходы, выработанные немарксистской историографией. Ю и она, и другие историки-марксисты первого призыва /Э. Мольнар, А.Мод, Д.Немеш/ в то время оценили дискуссию как позитивный феномен, способствующий освобождению исторической науки от мертвящих оков сталинской ортодоксии. Официальное отношение к дискуссии изменилось лишь после октябрьско-ноябрьских событий 1956 г., когда утвердившемуся при поддержке Москвы правительству приходилось задним числом выискивать факты "подрывной" антигосударственной деятельности "ревизионистов".

Неудачный исход антитоталитарной демократической революции 1956 г. не остановил, однако, полностью процесса десталинизации в стране. Проводя подчас жесткие меры, правительство Я.Кадара в то же время отдавало себе отчет в том, что накопившиеся в венгерском обществе острые идейно-политические противоречия не могут быть разрешены исключительно путем террора. Во второй половине 50-х годов происходит либерализация внутриполитической жизни. Она сказывается и на положении дел в гуманитарных областях знания. Историки продолжали работу по раскрытию многочисленных белых пятен. Большим числом публикаций было отмечено 40-летие Венгерской советской республики. Была начата подготовка 3-томной истории венгерского рабочего движения, свободной от прежних искажений, связанных с возвеличиванием Ракоши, предвзятым отношением к социал-демократии. В конце 50-х - начале 60-х годов по инициативе Э.Мольнара завязалась дискуссия о соотношении национального и социального факторов в истории. Это обсуждение оказалось особенно плодотворным для историков, занимавшихся Австро-Венгрией и всей Центральной Европой XIX в., что показало появление в 60-е годы многих новых ценных работ⁶⁴. Вообще в конце 50 - начале 60-х годов в историческую науку пришло новое поколение исследователей, с которым связаны основные достижения венгерской историографии 60-80-х годов.

ГЛАВА 4.

ЗАРОЖДЕНИЕ МАРКСИСТСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИО- ГРАФИИ

Конец ХУШ — первая половина XIX в. в Польше был периодом бурного развития национально-освободительного движения. Пытаясь определить ориентиры движения, идеологи различных течений стремились найти теоретическое обоснование своим программам. Историческая мысль сыграла в этих поисках особенно значимую роль. Польская "критическая" историография, сложившаяся под влиянием идей гуманистов и просветителей, стремилась освободить прошлое от пут провинциализма, утвердить критическое отношение к историческим источникам, принцип историзма, признание закономерности прогресса общества и выделение человека как главного творца истории. Многие положения этой программы были реализованы первым королевским историографом А. Нарушевичем в его семитомной "Истории польского народа" /1780-1824 гг./. Исторические труды польских романтиков и, прежде всего, И. Лелевеля позволяли формировать программу польского демократического лагеря, основывая ее на идеализации крестьянской гмины /общины/, как базы для демократического переустройства общества. Это были утопические идеи, которые, однако, объективно отражали стремление к устранению феодальных барьеров, мешавших капиталистическому прогрессу. В 40-х годах XIX в. в польских освободительных организациях возникали и социалистические утопии /П. Снегенький, Э. Дембовский и др./.

Польский вопрос в европейской политике в XIX в., его влияние на судьбы демократических преобразований стимулировали интерес молодых лидеров радикально-демократического лагеря, а в последствии основоположников научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса к Польше, способствовали их личным контактам с видными поляками¹. Первые контакты прогрессивных деятелей польской эмиграции с основоположниками марксистского учения в конце 40-х годов /И. Лелевель, С. Ворцель, К. Штольцман, Л. О. Люблинер, Я. М. Кардешевский и

др./ показывали, что в научном социализме они искали и находили союзника в борьбе за независимость². Участвуя в работе I Интернационала, польские демократы не стали сторонниками научного коммунизма, хотя и радикализировали свои программы. Лишь в 70-е годы XIX в. объективные условия — развитие капитализма в Королевстве Польском под властью России, схожие социально-экономические изменения в польских землях Германии — создавали благоприятную почву для распространения марксистских идей.

С середины 70-х годов в польской общественной мысли проявились позитивистские идеи. Они были направлены прежде всего против романтизации и идеализации прошлого, против шляхетской революционности и общественного застоя. Реализм и антиреволюционность польских позитивистов сближали их с консерваторами и ставили под удар как слева, так и справа. В области истории позитивизм получил развитие в трудах варшавской, краковской и львовской школ, отражавших политические и идеологические взгляды буржуазной интеллигенции польских земель на прошлое, современность и будущее своей родины. Им была свойственна значительная политизация видения истории, идеализация государственных институтов и их роли в жизни общества. Вместе с тем позитивисты первыми обратили внимание на такие сферы жизни общества, как экономика, классовые отношения, стремились найти закономерности общественного развития. Еще в 60-х годах появились работы буржуазных социологов и экономистов /Г.Крупинский, Л. Масловский, Я.Супинский, Ф.Лянге и др./, в которых наряду с другими рассматривался и рабочий вопрос.

Одним из первых привлёк внимание к рабочему вопросу видный деятель польского социалистического движения Б.Лимановский. В 1875 г. он защитил во Львовском университете докторскую диссертацию "Социология О.Конта". Не будучи марксистом по мировоззрению, Лимановский активно участвовал в сплочении польской социалистической эмиграции. В Вене он написал одну из наиболее последовательных своих работ "Социализм как необходимое проявление исторического развития" /1878 г./, в которой обрисовал формы эксплуатации рабочего

класса и крестьянства в конкретных польских условиях, признавал теорию классовой борьбы, подчеркивал важность национального вопроса и патриотизма³. Однако в последующем Б.Лимановский остался в значительной мере на позициях позитивизма и утопического социализма, отдав предпочтение национальной идее.

В 1877-1878 гг. в Королевстве Польском и ряде центров России образовались первые социалистические кружки и гмины, которые занялись серьезным изучением и пропагандой марксистских идей. Важную роль сыграла первая польская социалистическая организация в Варшаве под названием "Социально-революционное товарищество поляков", члены которой переводили на польский язык революционную /преимущественно немецкую и русскую/ литературу, в том числе главные труды К.Маркса и Ф.Энгельса⁴.

В 1878 г. С.Мендельсон и К.Длуский основали в Женеве типографию, вокруг которой сложилась группа польских эмигрантов-социалистов. С осени 1879 г. они стали издавать журнал "Рувносьц" /"Равенство"/, а с 1887 г. "Пшесвит" /"Заря" - К.Длуский, Ш.Дикштейн, С.Мендельсон, В.Пекарский, Л.Варыньский, Б.Лимановский/. Группа серьезно занялась переводом, публикацией и пропагандой работ К.Маркса, Ф.Энгельса, западноевропейских социалистов, а также некоторых теоретиков русского народничества. Разработанная ею Брюссельская программа полностью порывала с "патриотическим" направлением в освободительном движении, утверждая приоритет классовой борьбы пролетариата над национальными стремлениями масс. Такой подход был следствием неглубокого, схематического усвоения марксизма, своеобразной реакцией на национально-патриотическую идеологию шляхетско-буржуазных кругов. Недооценка национально-демократических задач привела к поляризации взглядов первых социалистов и отходу некоторых из них на более умеренные позиции. Главные дискуссии разгорелись вокруг статьи К.Длуского "Патриотизм и социализм" /"Рувносьц" 1879, № 2/, доказывавшей, что идеи патриотизма и социализма - несовместимы. Эту же мысль польские социалисты отстаивали на торжественном собрании в Женеве в ноябре 1880 г., посвященном 50-ле-

ти польского восстания 1830-1831 гг., несмотря на критику в их адрес со стороны К.Маркса и Ф.Энгельса за отказ от лозунга независимости Польши⁵.

Из группы первых социалистов вышли теоретики и организаторы социалистического движения на польских землях. С середины 80-х годов для распространения марксистских идей стали использоваться легальные журналы /"Плугельонд Тыгодников", "Правда", "Глос", "Атенеум" и др./. Созданная в 1882 г. первая революционная организация польского рабочего класса "Пролетариат" начала по инициативе Д.Кшивицкого издавать библиотеку трудов социально-экономического содержания и библиотеку польского рабочего. Публикуя в 1884 г. проспект изданий первой библиотеки, Д.Кшивицкий отмечал, что социализм отличается прежде всего "своим пониманием истории человечества". Поэтому он вводил отдельную серию "Труды исторического содержания"⁶.

На этот период приходится самые ранние научные и публицистические работы польских социалистов о материалистическом понимании истории. Более того, первые польские социалисты воспринимали марксизм только как теорию общественного развития и классовой борьбы, а также экономическую теорию. В.Пекарский в 1882 г. опубликовал рецензию на "Очерк древней истории" Я.Чарнецкого; в котором особо отметил монистический взгляд автора на развитие древнего общества. Он видел большие возможности исследовательского метода, позволяющего гармонически представить эволюцию общества как результат взаимодействия природных, материальных и духовных условий жизни⁷.

В 1884 г. в "Вальке клас" появилась статья Д.Кшивицкого о материалистическом понимании прошлого, как главного научного открытия XIX в. "Экономические условия каждой эпохи, — писал он, — объясняют нам окончательно все здание существующих современных религиозных, философских, этических понятий и т.д."⁸. Таким образом, предлагавшееся понимание истории грешило попыткой социологизирования истории, что в целом было характерно для раннего этапа проникновения марксизма в историографию и в этом сказывалось

также влияние позитивизма, с которого начинали многие польские марксисты-теоретики /Л.Кшивицкий, С.Крусиньский, Б.Бялоблочкий/.

Тем не менее критике позитивизма и "национального патриотизма" они посвятили много места, стремясь осудить их либерально-соглашательские тенденции. В брошюре "Жизненные вопросы" /1880 г./ А.Сонседский, впоследствии отошедший от рабочего движения, в ответ на антисоциалистическую брошюру известного краковского консерватора П.Попеля /"Болезнь века" 1879 г./ представил марксистское видение развития общества и решения национального вопроса, дал анализ истории польского национально-освободительного движения. Он подчеркнул неспособность и нежелание шляхты в силу своих классовых интересов видеть и решать социальные вопросы, которые и привели к поражению движения⁹. В ответ на статью позитивиста В.Всцеклици, в которой тот пытался доказать отсутствие в Польше капитализма в его классическом понимании и тем самым исчезновение почвы для развития социалистического движения, К.Длуский и В.Пекарский опубликовали брошюру "Мастер Всцеклица и компания" /1883 г./. В ней они писали, что капитализм в Польше развивается по тем же законам, что и в других европейских странах, хотя и с определенным опозданием. Особенности польского капитализма, как верно подмечали авторы, породили консервативность и антиреволюционность польской буржуазии¹⁰. К.Длуский развил эти мысли в отдельной работе, опубликованной во львовском журнале "Пшегльонд сполечны", характеризуя польский позитивизм как "идеологическое выражение перерождения рыцарства в мещанство"¹¹.

Талантливый организатор и теоретик "Пролетариата" Л. Варыньский коснулся оценки некоторых традиционных проблем национальной истории XVIII и XIX вв. В статье "О роли польских господствующих классов" он выступил против стремлений краковской исторической школы навязать историографии взгляд о национальном единстве польского народа. Ему он противопоставлял классовое разделение польского общества, как единственный критерий понимания его развития.

В другой работе Д.Вариньский обращал внимание на особенности формирования польского пролетариата и его сознания в условиях отсутствия независимости и стремления господствующих классов распространить идеи "национального патриотизма" и классовой солидарности в рабочей среде¹². В изданиях "Пролетариата" оценки шляхты, как правило, были крайне отрицательные. Так, в статье "Пшедсвита", посвященной Конституции 3 мая 1791 г., утверждалось, что она устанавливала "деспотическую власть шляхты над страной и народом" и поэтому является не гордостью, а "позором наших господствующих классов"¹³.

В цикле публикаций о прибавочной стоимости, а затем в брошюре "Кто на что живет?", переиздававшейся много раз на разных языках, Ш.Дикштейн популярно излагал сущность и источники капиталистической эксплуатации. Перу Дикштейна принадлежит большая статья о формировании революционной идеологии польских эмигрантов после восстания 1830-1831 гг., в которой он указал на корни социалистических идей в радикально-плебейском движении эмиграции. Отмечая ограниченность и утопизм программ революционных демократов, Ш.Дикштейн, вместе с тем, высоко оценил их борьбу за уничтожение частной собственности на средства производства¹⁴. В середине и второй половине 80-х годов в его публицистике отчетливо проступает интерес не только к положению рабочих, но и к социально-экономической обусловленности развития общества в целом. Это проявляется в статьях о строе первобытных народов /1886 г./, о капиталистической промышленности /1883 г./, формировании наций /1888 г./, о главном противоречии капитализма /1888 г./ и др. Наиболее полно и всесторонне его взгляды на историю в этот период изложены в рецензии на книгу Б.Лимановского "История общественного движения во второй половине XVIII в.". Не соглашаясь со многими оценками автора, который отрывает революционные идеи от их носителей, от общественно-экономических условий, Л.Кшивицкий излагает общий подход к анализу исследуемой эпохи, как эпохи качественного нового развития производительных сил и производственных отношений, вызываю-

щих глубокие изменения во всех сферах общественной жизни¹⁵.

После разгрома "Пролетариата" в 1885 г. складывались предпосылки раскола польского рабочего движения и образования двух его партий: Социал-демократии Королевства Польского и Литвы /СДКПиЛ/ и Польской социалистической партии /ППС/, представлявших революционное и реформистское течение пролетарского движения. Новое поколение социалистов, появившихся на политической арене в 90-х годах XIX в., было лучше образовано и подготовлено к теоретической и практической деятельности. Именно оно выступило с научными работами, претендовавшими на обоснование нового марксистского прочтения истории общественного развития.

К этому времени материалистическое понимание истории получило определенное распространение среди ученых либерально-буржуазных школ, прежде всего занятых изучением массовых процессов. Это объяснялось тем, что позитивизм подготовил благоприятные условия для их восприятия. Польская позитивистская историография, однако, в той или иной мере оставалась в плену поисков "вины" за раздел страны и поражения восстаний. Два взгляда на эти вопросы, получившие названия "пессимистического" и "оптимистического", подчеркивали недостатки "национального характера" либо неудачное географическое расположение Польши. Первый взгляд пропагандировали представители краковской исторической школы, отдававшие предпочтение авторитарной власти и недоверчиво относившиеся к демократии и массовым движениям. Второй взгляд был характерен для варшавской школы историков, стремившихся рассматривать польскую историю с позиций общих закономерностей эволюции человеческой цивилизации¹⁶.

Первые труды Ю.Мархлевского появились в печати в начале 90-х годов XIX в., когда он был вынужден эмигрировать из Королевства Польского в Швейцарию. Здесь он заканчивает факультет политических наук Цюрихского университета и успешно защищает в 1896 г. докторскую диссертацию "Физиократизм в старой Польше", вышедшую в том же году отдельной книжкой на немецком языке, а в следующем - на польском. В

небольшой по объему работе автор тонко и глубоко подметил особенности проявления общественных законов в Польше: буржуазные по характеру идеи французских физиократов, направленные на уничтожение крепостнических порядков, были в Польше восприняты шляхетскими реформистами, не сумевшими до конца преодолеть классовые интересы. Полемический заряд Ю.Мархлевского был направлен против видного историка варшавской школы Т.Корзона, настаивавшего на ошибочности теорий физиократов.

Следующая работа ученого "Конституция 3 мая 1791 г.", опубликованная в 1896 г. в связи с изданием 9-го тома сочинений В.Калинки, полемизировала с представителями краковской исторической школы. Вину за разделы страны Мархлевский возлагал на шляхту. Он отмечал отрицательные последствия образования фольварочно-барщинной системы и считал Конституцию 1791 г. отражением взглядов и интересов господствующего класса¹⁷. После защиты диссертации интересы Мархлевского переключились на сферу аграрных отношений. Изучению аграрного развития польских земель он посвятил десятки статей и монографию "Социально-экономические отношения на польских землях под властью Пруссии" /Львов, 1903/. В ней он показал, что несмотря на консервацию феодально-крепостнических отношений на польских землях капитализм медленно, но уверенно прокладывает себе дорогу. Его развитие по прусскому пути тяжело отражалось на условиях жизни крестьянства. Мархлевский продемонстрировал хорошее умение анализировать исторические процессы на социологическом уровне. Вместе с тем у него хотя и в меньшей мере, чем у других первых марксистов, проявились стремления к односторонней социально-классовой или экономической детерминации, а также недооценка работы с историческими источниками. Определились основные сюжеты, занимавшие марксистов: классовые отношения в общественном развитии, формирование капитализма в польских землях, соотношение социального и национального факторов.

Р.Луксембург свою литературную деятельность начала в эмиграции. Она также окончила в Цюрихе университет и здесь

же защитила докторскую диссертацию, изданную в 1898 г. на немецком, а в 1899 г. на русском языках. В ней Р.Люксембург рассматривала этапы промышленного развития Королевства Польского, констатировала полную победу капиталистических отношений. Выявив всевозрастающую взаимосвязь в период капитализма экономики польских земель с хозяйством разделивших Польшу держав, она сделала вывод о исчезновении объективных условий для осуществления лозунга независимости Польши. В работе "Шаг за шагом" /1897 г./ Люксембург проводила мысль, что развитие капиталистических отношений означает гибель для шляхты, как носителя "национальных идей". В то же время польская буржуазия неуклонно "срастается" с российским самодержавием. Односторонне характеризуя польскую буржуазию, Р.Люксембург абстрагировалась от острых национальных противоречий, которые постоянно возникали между польской и российской буржуазией. Ошибочно отождествляя польское национально-освободительное движение со шляхтой и барщинной системой, она утверждала, что вместе с "системой" умирает и национальное движение как таковое. Разбирая в статье "Из исторических вопросов" книгу известного буржуазного историка А.Шельонговского об экономических проблемах XVI в., он отвергал выдвигание автором в качестве главной причины экономического упадка Польши трудностей развития торговли. Основные причины, по мнению Варского, определяются классовой ограниченностью шляхты, заинтересованной в экономической и политической децентрализации государства¹⁹.

В пропаганде марксизма применительно к оценкам прошлого заметную роль сыграли деятели Польской социалистической партии К.Родек, А.Кульчицкий, Ф.Перль и другие. Среди них заслуживает внимания научное наследие талантливого, но рано ушедшего из жизни /1905 г./ социолога и популяризатора марксизма К.Келлес-Крауза. Одновременно с развитием ряда плодотворных идей, он пытался обосновать так называемую "теорию ретроспекции", согласно которой всякое продвижение общества в своем развитии вперед вынуждает заимствовать идеи и идеалы из прошлого. Тем не менее во

взглядах на прошлое Келлес-Крауз оставался, по его словам, "экономическим монистом", строго проводя зависимость между способом производства и уровнем развития общества. В немногочисленных статьях и рецензиях по конкретным вопросам истории Польши ученый был близок к оценкам Ю.Мархлевского о причинах упадка Польши, роли шляхты в национально-освободительном движении и др.²⁰

Под влиянием позитивизма и марксизма ряд профессиональных исследователей как экономистов, так и историков серьезно занялись изучением социально-экономических проблем. В книге "Развитие крупной промышленности в Королевстве Польском" /1901 г./ С.Комутский прослеживал зарождение и развитие капиталистического хозяйства на Западе. Вместе с тем он, как это было характерно для позитивистов, увлекался статистическими выкладками, избегал оценочных моментов.

Экономическая проблематика привлекла многих молодых исследователей, в том числе ученицу известного историка Ш.Аскенази, сторонницу марксизма И.Гонсеровскую. С 1914 по 1917 гг. из-под пера вышли несколько крупных исследований по истории промышленности в целом и ее отдельных отраслей на польских землях. Эти работы были основаны на солидном изучении и описании источников, что, однако, усложняло их восприятие читателем, и приносило известность лишь в узком кругу специалистов.

Воздействие исторического материализма сказалось и на творчестве профессионального историка, связанного со Львовским университетом, К.Гожицкого. Близкий к ППС, ученый предпринял попытку создать новую концепцию истории Польши с позиций "объяснения прошлого на базе массовых факторов"²¹. Однако в анализе материала он по существу попал под влияние историко-правовой школы, выводя социально-экономические и политические структуры из юридических институтов. За ориентацию на господствующую буржуазную историографию и непоследовательность Гожицкого критиковал К.Келлес-Крауз. Более высокую оценку общественности получили популярные книги К.Гожицкого по истории польского крестьянства.

Марксистские подходы к познанию и объяснению прошлого не получили распространения в польской историографии. На III съезде польских историков в 1900 г. приверженцев исторического материализма обвиняли в схематичном и одностороннем понимании развития общества, не без оснований приписывая им экономический детерминизм. Вместе с тем на рубеже XIX и XX в. в польской, как и других европейских историографиях, все более очевидной становилась непригодность классического позитивизма середины XIX в. с его преувеличенным вниманием к отдельным фактам и явлениям для создания общей концепции исторического развития, сведением разных сторон общественной деятельности к общему знаменателю на основе какой-то ведущей идеи.

Марксизм оказал существенное влияние на многих известных польских историков, формировавшихся в конце XIX — начале XX в. К ним относились такие крупные ученые, как представитель школы "экономической истории" Я.Рутковский, глава варшавских ученых межвоенного периода М.Хандельсман, исследователь ранней истории Польши и польско-германских отношений З.Войцеховский. М.Хандельсман еще в 1906 г. отважился назвать марксизм "заслуженным направлением в науке" и "одной из глубочайших современных теорий"²². Однако историков-традиционалистов смущали одностороннее увлечение марксистов экономическим детерминизмом.

Марксизм и польская историография в 1918–1944 г.

Образование независимого буржуазного Польского государства создало более благоприятные условия для развития национальной культуры. Вместе с тем новые общественно-политические реалии существенно ограничивали возможности распространения марксистской обществоведческой мысли. Многие коммунисты вынуждены были жить и работать в СССР. Такие видные деятели, как Б.Веселовский, Ф.Кон, Ю.Мархлевский не теряли связи с КПП, активно участвовали в ее деятельности. Учитывая значительное польское население, проживавшее на территории страны, ЦК РКП/б/ в 1919 г. создал Польское бюро агитации и пропаганды /Польбюро/. Под его руководством издавалась литература на польском языке, была

организована сеть образовательных и культурных учреждений и организаций. Тема Польши заняла заметное место в советской периодике. Только в журнале "Жизнь национальностей" — органе Наркомата по делам национальностей — в 1918–1922 гг. было помещено более 160 статей и материалов, касающихся Польши и поляков, авторами которых были Ю.Мархлевский, С.Пестковский, Ф.Кон, Ю.Лежинский, А.Варский и др.²³ Среди них было немало публикаций по истории польского рабочего движения. Начало работы в 1922 г. Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, в котором была и польская секция, поставила на повестку дня преподавание истории Польши. В университете этот курс читал ректор Ю.Мархлевский.

Советский период в жизни Ю.Мархлевского непродолжителен /1918–1925 гг./, однако насыщен плодотворной научной деятельностью. Еще в 1916–1918 гг., пребывая в германском лагере для политических заключенных Хавельберг, Ю.Мархлевский загорелся желанием создать очерк истории Польши. "Все сильнее притягивает меня очерк истории Польши — писал он. — А кроме того, в тайниках души лелею мысль о монографии о Коллонтае"²⁴. В тюрьме он подготовил черновик таких очерков, однако в дальнейшем основная их часть пропала. Сохранилась лишь пятая часть рукописи, включенная в шестой том сочинений ученого, изданный в СССР в 1932 г. под названием "Очерки истории Польши". Не пытаясь внести новые факты и пользуясь почти исключительно трудами историков-немарксистов, Ю.Мархлевский связал воедино процесс развития польского феодального общества, вскрыл его общие закономерности. Его интересуют прежде всего экономические и социальные факты, их влияние на общественные отношения. Он видит в обществе действие различных объективных и субъективных факторов. Анализ генезиса и развития польского феодального государства, несмотря на некоторые упрощения и неточности, был весьма новаторским.

Весной 1923 г., будучи тяжело больным, Мархлевский возобновил работу над очерком истории Польши. "Не вдаваясь в монографические поиски, — писал он, — необходимо

дать читателю "очерк" истории с марксистской точки зрения²⁵. Мархлевский успел написать две обширные работы, вошедшие в посмертный сборник "Из истории Польши" /М., 1925/. В первой была сделана попытка с марксистских позиций осветить главные проблемы польской истории с древних времен до середины XIX в. В центре ее была проблема шляхетского государства XV-XVIII вв. и причины его упадка, которые автор связывал с классовым господством шляхты, ставшей на пути утверждения новых буржуазных отношений. Другая работа анализировала особенности капиталистического развития польских земель в XIX - начале XX в.

В первой половине 20-х годов в среде польских коммунистов в СССР возникла полемика по вопросам оценки истории польского рабочего движения и его традиций, выплеснувшаяся на страницы газет, журналов, книг. Дискуссия, в которой приняли участие А. Варский, С. Бобиньский, С. Пестковский, Ю. Красный, Г. Каменский /Стейн/ и другие, вскоре, однако, была осложнена внутренней борьбой в КПП, ростом догматических тенденций.

В 1925 г. по инициативе польских коммунистов была создана Польская комиссия Отдела истории партии ЦК ВКП/б/, преобразованная затем в Редакционную коллегию польских изданий Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП/б/. Комиссия занялась сбором и публикацией документов по истории рабочего и революционного движения Польши. В 1926 г. она стала издавать журнал "З поля вальки". В 20-х - первой половине 30-х годов вышли несколько сборников документов по истории первых рабочих организаций на польских землях, деятельности СДКПН, советов рабочих и солдатских депутатов в Польше в 1918-1919 гг. и др. Увидели свет работы по истории революции 1905-1907 гг. на польских землях, образования польского государства, создания и деятельности КПП, участия поляков в Октябрьской революции и социалистическом строительстве в СССР. Авторами их были А. Варский, Ю. Лещиньский, Г. Валешкий, Ю. Красный, Т. Домбаль, З. Ледер, А. Краевский, С. Пестковский, Е. Рынг, С. Хельтман, Ф. Фидлер, Е. Бравд и др.²⁶

Среди польских эмигрантов в СССР большую активность проявлял профессиональный историк Э.Пшебышевский, выступавший под псевдонимом Ч.Ясинский. Работая преподавателем Московского университета, он опубликовал в СССР ряд работ по истории восстания 1863–1864 гг., революции 1905–1907 гг. на польских землях, борьбы польского пролетариата в 1918–1919 гг. Его труды базировались на внимательном изучении архивных материалов.

В 20-х годах возникли польские секции в академических учреждениях Ленинграда, Минска, Киева. Расширение базы и тематики исследований польских коммунистов в СССР позволили приступить к подготовке обобщающих работ по истории Польши. Такую попытку сделали польские коммунисты Польского отдела Института белорусской культуры в 1926–1927 гг. Они готовились издать под редакцией Ю.Лещиньского большую монографию "Польша в прошлом и настоящем"²⁷. Однако вследствие обострения фракционной борьбы внутри КПП труд не был завершен.

И все же набросок марксистского синтеза польской истории был подготовлен. Его автором стал видный деятель КПП, работавший в то время в секретариате Исполкома Коминтерна Г.Валецкий /М.Горвитц/²⁸. Незавершенность многих вопросов вынудила автора пойти по пути сжатого изложения, широко применить для оценки метод аналогий. Все это сказалось, в частности, на объяснении таких вопросов, как формирование и развитие шляхетской Речи Посполитой, возникновение и упадок городов, которые рассматривались только сквозь призму классовых предпосылок. В оценке национально-освободительного движения XIX в. Г.Валецкий отказался от многих верных оценок Ю.Мархлевского, пытался показать "антишляхетский" характер Краковского восстания 1846 г. Схематизм проявился и в анализе образования Польского государства в 1918 г., причин поражения революционного движения 1918–1919 гг. Отход от работ Ю.Мархлевского значительно обеднил значимость данного очерка. Скорее всего это было связано с левыми тенденциями, которые в те годы охватили коммунистическое движение. Это подтверждается и рецензией Г.Ва-

лецкого на выход в 1931 г. шестого тома сочинений Ю. Мархлевского, в которой один из основателей СДКПЛ безосновательно обвинялся в национализме, протаскивании оценок буржуазной историографии²⁹. Атмосфера сталинского произвола и преследований 30-х годов отрицательно повлияла на деятельность КПП, польских коммунистов в СССР. Значительная часть их в этот период была репрессирована, издательская деятельность приостановилась.

Накануне второй мировой войны над очерком истории Польши продолжал работать только талантливый публицист КПП Ю. Брун. Находясь по заданию КПП в разных западных странах, он собирал материал для такого очерка. Часть подготовленных материалов Брун обобщил в двух неоконченных работах: "Национальный вопрос в революции и контрреволюции" /1936г./ и "Заметки к национальному вопросу" /позднее 1937 г./. Обе были опубликованы после смерти автора в 1942 г. В них он рассмотрел зарождение, развитие и содержание национально-освободительного движения в XIX и XX вв. в Польше и других странах. Его наблюдения отличались теоретической глубиной и последовательностью. Наибольшую ценность представляли выводы Ю. Бруна о социальных особенностях польского национально-освободительного движения, формировании и развитии польской буржуазной нации. Это была попытка преодолеть односторонний подход к соотношению социального и национального в польской истории, который в течение долгих лет превалировал в партийной публицистике.

В Польше марксистский метод нашел своих сторонников в среде историков и социологов, работавших по вопросам истории рабочего класса и социальных движений. Они группировались вокруг созданной в конце 20-х годов Комиссии истории социальных движений, а затем образованного по инициативе Л. Кшивицкого Института социального хозяйства. Часть историков сотрудничала с Институтом исследований новейшей истории Польши, возглавляемым известным социалистом Л. Вассидевским. Не допускаемые к университетским кафедрам, отдельные ученые преподавали в Вольной Вшехнице польской /Н. Гонсеровская, А. Бахульский/. Активная группа исследователей сложилась вокруг деятеля ПИС и историка А. Прухнына.

Историков-марксистов было немного. Они старались держаться вместе, в частности в полулегальном кружке историков-марксистов, в котором участвовали молодые исследователи М.Мелюх, М.Карманова, И.Гринвассер и некоторые другие³⁰.

С коммунистическим движением был связан профессиональный исследователь, ученик В.Токача М.Мелюх - инициатор и руководитель кружка историков-марксистов в Варшаве в 30-е годы, работавший в городском архиве. В польскую историографию он вошел книгой о крестьянском вопросе в восстании 1830 г. /1939 г./, а также статьями о раннем этапе рабочего движения в Польше. М.Мелюху удалось показать, как изменялось отношение крестьянства к восстанию на разных этапах его развития в зависимости от политики шляхетско-аристократического руководства. Он полагал, что социальное движение польского крестьянства в ходе восстания протекало совсем в ином русле, чем национальная борьба шляхетских кругов. Шляхетские руководители оказались неспособными решить это противоречие.

Проблематика крестьянских движений составляла главное направление исследований другого историка, близкого к М. Мелюху, И.Гринвассера. Его монографии, вышедшие в 30-х годах, были посвящены крестьянскому движению с конца XVIII в. до восстания 1863 г. Скрупулезно и основательно рассматривались экономические, правовые, социально-политические аспекты аграрного вопроса в Польше. Тщательное изучение источников делало его выводы весьма убедительными, и они получили признание среди профессиональных исследований.

В межвоенный период активно продолжала работать Н.Гонсеровская, вступившая в 1918 г. в КПП. В 1922 г. вышла ее книга "Горное дело и металлургия в Королевстве Польском в 1815-1830 гг." Основанное на тщательном анализе архивных документов, это исследование не утратило своей актуальности. Вместе с тем и этой, и другим работам Н.Гонсеровской были свойственны описательность, увлечение цифровыми выкладками, нехватка теоретического обобщения.

На межвоенную историографию, и особенно на общественное сознание поляков в межвоенный период, большое влияние

оказали многочисленные исследования А.Прухника, посвященные преимущественно истории польского рабочего и революционного движения. Однако наибольший резонанс получила книга "Первое пятнадцатилетие независимой Польши - очерк политической истории", опубликованная в 1933 г. и переиздававшаяся затем несколько раз. В ней ученый и политик дал картину развития страны после 1918 г., борьбы демократического и реакционного лагерей. Книга не была лишена известных слабостей, к числу которых относился отрыв экономической проблематики от политической. Однако она явилась лучшей работой по истории межвоенного периода, написанной к тому же по горячим следам событий.

В межвоенный период в польской историографии возросла тяга к интегральному пониманию национальной истории, учету многочисленных, в том числе социальных, экономических, духовных факторов. Это нашло свое отражение в юбилейном номере журнала "Квартальник истории", посвященном 50-летию создания Польского исторического общества. Большинство академических ученых сходились в том, что объединяющей идеей обобщения польской истории должна стать идея нации. Вместе с тем признавался факт и правомерность существования "коммунистической историографии", стремящейся смотреть на прошлое "под углом зрения своей философии"³¹. Марксизм, однако, они оценивали, имея в виду упрощенные, схематично-вульгаризаторские подходы, характерные для его раннего этапа. Познавательные же возможности марксистского метода недооценивались. Немногие исследователи, как Я.Рутковский, видели его потенциальные возможности³². Ситуация же в советской исторической науке побудила М.Хандельсмана в 1930 г. говорить о "методологической опасности с Востока"³³.

В период войны и гитлеровской оккупации произошли изменения в общественном сознании. Историки почувствовали необходимость расширения проблематики исследований, обновления методологических подходов, более критического отношения к событиям далекого прошлого и недавним. В центре внимания оказались три главных проблемы, которым давалось

различное толкование: шляхетское польское государство XVI-XVIII вв., национально-освободительная борьба в XIX в. и межвоенная Польша. Если публицисты буржуазного лагеря, среди которых было немало историков, исходили из идеи единой национальной государственности, то левые авторы /коммунисты, частично социалисты и левые/ стремились подчеркнуть в истории социально-классовые противоречия, связь идеи национального развития с борьбой сил прогресса и реакции. Среди демократической интеллигенции, выступавшей в буржуазном лагере, также было немало реалистов, видевших настоятельную необходимость переосмысления мировоззренческих подходов к прошлому³⁴.

Прогрессивные традиции общественной мысли стремились развивать польская эмиграция в СССР. Созданный здесь в 1943 г. Союз польских патриотов проводил значительную просветительную работу среди польских эмигрантов. Публицисты союза В.Василевская, А.Дяме, Р.Верфель, Е.Корманова, Ю.Ковальский, Т.Данишевский и другие постоянно выступали со статьями и материалами в органах СПП журнале "Нове виднокренги" и газете "Вольна Польша". Союз неоднократно издавал пропагандистские брошюры о крупных событиях в польской истории. Е.Корманова писала о Гривальдской битве 1410 г., Ю.Ковальский - о сотрудничестве польских и русских революционеров в восстании 1863 г., Р.Верфель - о польских революционных демократах.

Если публицисты ППР испытывали сильное влияние схематично-ортодоксальных подходов сталинской историографии, отдавали предпочтения монофакторному детерминизму, то левые социалисты отказывались воспринять ряд идеологических положений исторического материализма, придававших марксистскому методу односторонний, застойный характер. Они подчеркивали весомую роль сознания и личности в истории³⁵.

Таким образом, с конца XIX в. польская марксистская историческая мысль проделала значительный путь развития. Его главным итогом было создание марксистского направления в историографии. Этому способствовала политическая и научная деятельность ряда талантливых польских революционных

деятели, которые преодолели многочисленные объективные трудности и субъективные препятствия, сумели обеспечить марксистскому методу право на существование и развитие. В период острейшей политической борьбы в XX в. этот метод не избежал идеологических влияний, упрощений, вульгаризации и застоя, повлекших немалые познавательные потери.

Историческая наука послевоенного двадцатилетия

Экспансия марксистской методологии была не единственным сдвигом, определившим пути послевоенного развития польской историографии. В 1945 г. Польша возродилась в новых границах, что сразу же сделало чрезвычайно актуальной проблематику исторических судеб западных земель, польского противостояния многовековому германскому натиску. Не случайно именно Познанский Западный институт, в деятельности которого еще в 30-е годы центральное место занимала полемика с немецкой историографией, в первые мирные годы сумел быстрее других научных центров преодолеть разрушительные последствия оккупации. Сотрудники Института во главе с З.Войцеховским не спешили брать на вооружение новые методологические установки и отдавали дань старым стереотипам, сохраняя "традиционный тон неприязни по отношению к немцам"³⁶. Гитлеровская оккупация, — писал Х.Верещицкий, — внушила польской интеллигенции убеждение, что это лишь один из эпизодов извечной польско-немецкой борьбы, что между двумя народами всегда была и всегда будет смертельная борьба, которая может завершиться только уничтожением одной из сторон"³⁷. На базе познанского центра основывается ряд научно-исследовательских учреждений, таких, как Силезский и Поморский институты. Западным землям уделяется большое внимание на УП съезде польских историков, состоявшемся осенью 1948 г. во Вроцлаве.

Изменившаяся геополитическая и международно-правовая действительность формировала иную, нежели раньше, оценку восточной политики польского государства и ягеллоновской традиции в целом. На первый план выдвинулась традиция пяс-товской Польши, активно пропагандировавшаяся в работах,

приуроченных к 1000-летию польского государства, подготовка к которому развернулась еще в конце 40-х годов. Гигантски выросший после войны интерес к славянской принадлежности Польши пришел на смену обычной для исторической науки этой страны акцентировке ее причастности к западноевропейскому культурному кругу. Преодоление "космополитического мифа об окцидентализме польской культуры" приводило к закрытию ряда тем в ущерб целостности и объективности картины прошлого.

Польский опыт 1939-1945 гг. заставлял по-новому взглянуть на чередование периодов независимости и чужеземного господства, соотношение факторов, определявших потерю национальной государственности и ее восстановление. В течение короткого срока несколько раз существенно корректировался угол зрения на новейшую историю страны: в 1948 г. в связи с объединением ППР и ППС, в 1956 г. в связи с реабилитацией КПП.

За годы гитлеровской оккупации погибло около половины историков, работавших в межвоенной Польше. "Война и оккупация, - писал К.Гурский, - уничтожили и рассеяли, по моим подсчетам, двадцать возрастов между самой старшей научной молодежью и самыми молодыми профессорами... возникало опасение, что после ухода быстро стареющих профессоров их места займут случайные люди..."³⁸ Трагические по масштабам потери среди историков, отразившие общую судьбу польской интеллигенции, действительно наложились на начавшуюся еще в 30-е годы естественную смену поколений. Один за другим ушли из жизни корифеи экономической школы Я.Рутковский /1949 г./ и Ф.Буяк /1953 г./, ведущий представитель историко-правовой школы С.Кутшеба /1946 г./, крупнейшие историки С.Кентшиньский /1950 г./ и В.Конопчиньский /1952 г./. М.Кукель и О.Халецкий избрали путь политической эмиграции. Сходили со сцены научные школы, достаточно четко очерчиваемые в межвоенное двадцатилетие.

Война и совершенные накануне ее сталинские преступления в отношении польских коммунистов нанесли наибольший урон историкам левых взглядов, стремившимся руководствовать

тсья в своих работах марксистским пониманием истории /Р. Рынг, Ю.Брун, Э.Пшибышевский, М.Мелох, И.Гринвассер, А. Прухник и др./. В Народной Польше вопрос о преемственности между до- и послевоенной марксистской историографией приобрел выраженное политическое звучание. Роспуск КНП в 1938 г. сделал невозможным вплоть до ее официальной реабилитации прямое обращение к сочинениям старшего поколения польских коммунистов, ставшим достоянием закрытых хранилищ³⁹. Отношение ПОРП к ее как непосредственным, так и более дальним предшественникам было столь неоднозначно, что польский перевод книги Р.Луксембург "Развитие промышленности в Польше" увидел свет лишь в 1957 г.

Ключевые позиции в исторической науке переходят к ученым, защитившим свои докторские диссертации, как правило, незадолго до рокового 39-го года⁴⁰. Одним из самых ярких представителей 30-40летних исследователей, определивших поворот польской исторической науки к марксизму, был Витольд Куля /1916-1988/. Профессиональное становление В.Кули. еще в старших классах школы сделавшего выбор в пользу экономической истории, связано с семинаром С.Арнольда в Варшавском университете и Вольной польской политехникой, где он ассистировал И.Гонсеровской. Сам исследователь отмечал влияние С.Чарновского, с которым его свела работа в секции социальной и экономической истории Варшавского общества любителей истории. Незадолго до войны Куля контактировал также с 80-летним Л.Кшивицким. "Я искал, - вспоминает он о начале своего пути в науке, - историю крестьян и рабочих, сельского хозяйства и промышленности, искал историю людей скромных и безвестных, чей коллективный труд, жертвы, страдания создали страну такой, какой она есть". Еще одним фактором формирования историка в конце 30-х годов стала его просветительская деятельность в рабочей среде. Общаясь с рабочими, молодой Куля дискутировал об историческом материализме и впервые познакомился с изданными на польском языке сочинениями Ленина. Однако уже тогда его теоретический кругозор не ограничивался знанием основ марксизма. Известно, что, анализируя экономическое положение оккупированных польских земель, Куля

стремился давать ему альтернативное – марксистское и кейнсианское – толкование⁴¹.

Нет ничего неожиданного в быстром включении В.Кули в перестройку исторической науки после окончания войны. "Мы вместе адаптировались к новому политическому курсу и новой методологии, – вспоминает С.Кеневич. – В обеих областях Витольд был впереди и ориентировался лучше меня"⁴². Тем не менее "научно-политическая характеристика" Кули, представленная в 1950 г. аппаратом ЦК ПОРП Славянскому комитету СССР содержала довольно злобещее предостережение о том, что беспартийный профессор Варшавского университета "еще не порвал целиком с буржуазной западноевропейской наукой" и "далек от марксистского подхода к истории"⁴³.

Как раз этим временем – рубежом 40–50-х годов – датируются критические высказывания Кули в адрес Я.Рутковского, в концепциях которого он усматривал отступления от материалистического понимания истории. Сейчас, по истечении столетних лет, в научном несогласии Кули и Рутковского видится не что иное, как полемика двух ученых-марксистов, чье мировоззрение формировалось в разное время и в различных условиях, подкрепляясь неодинаковым личным опытом исследовательской работы⁴⁵. С другой стороны, входя в состав Польского общества историков-марксистов, Куля критиковал левачьи крайности некоторых его членов. Так им было указано на тенденциозность, допущенную Ж.Кормановой в оценке наследия польской исторической науки. "Дегче констатировать, что кто-то являлся идеалистом, – справедливо считал Куля, – нежели показать прогрессивное в его работах"⁴⁶.

Редкую возможность заглянуть в мир переживаний и размышлений историка в переломную эпоху дает аллегорическое по форме сочинение В.Кули "Чары", написанное им в основном в 1947–1951 гг. и, вне всякого сомнения, не предназначавшееся для печати. Два римлянина, Луций и Клавдий, в прошлом

⁴¹ Сам Кеневич, по оценке его коллег, пришел к марксизму⁴⁴.
Д.Г./44.

убежденные вольнодумцы, ведут полемическую переписку о выборе историка перед лицом конфронтации христианской и античной культур. Клавдий воспринимает экспансию христианства /марксизма/ с глубоким скептицизмом, скорбя о крушении тех жизненных ценностей и научных норм, в лоне которых он был воспитан. Луций охвачен идеей служения науке делу строительства светлого будущего, стремится идти вместе со своим народом, готов многое считать временными издержками грандиозного "марша". В конечном счете Клавдий склоняется на сторону своего друга. Однако между завязкой и финалом "Чар" — цепь мучительных раздумий обоих собеседников. Энтузиаст Луций не может не разделять тяжких сомнений Клавдия. Дискутанты едины в своем неприятии конъюнктурной смены убеждений, сведения исторической науки до роли послушного иллюстратора, нетерпимости к инакомыслию, тематического обеднения исследований, их подмены догматическими ссылками на "священные" авторитеты. Собирательные образы героев "Чар" несомненно были почерпнуты автором их окружавшей его действительности. "Каждый из нас имел различный темп, — рассуждал Луций В.Кули. — Мы двинулись вместе, но быстро растянулись на марше... Сегодня нас отделяет друг от друга порою тысячи, тысячи шагов, больших шагов римского легионера... Каждый склонен презирать того, кто ушел вперед, так и оставшегося позади..."⁴⁷.

Степень знакомства с историческим материализмом и тяготения к нему польских ученых не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. Связанная по преимуществу с социалистическим и коммунистическим движением, как таковая польская марксистская историография не имела в межвоенный период сколь-нибудь значительного влияния: ее развитие, по словам М.Кормановой, было "до времени скрыто... от большинства исследователей"⁴⁸. "Об историческом материализме, — вспоминает первые послевоенные годы С.Кеневич, — я не имел ни малейшего представления, его основополагающие принципы и понятия изучал на ходу, разговаривая с коллегами и издателями, а также молчаливо слушая дискуссии"⁴⁹. К формуле Кеневича могли бы присоединиться многие его современники,

однако она применима далеко не ко всем. Пример В.Кули нам уже известен. Как свидетельствует в своих воспоминаниях Х.Верещицкий, ему также еще в юности довелось соприкоснуться с марксистской теорией. "Не будем забывать, — писал он в одной из первых послевоенных работ, — что все политические явления имеют свой социальный источник и отражение... Только тогда, когда учитывается социальный фундамент, можно создавать действительно полную историю народа"⁵⁰. Понимание социально-экономической обусловленности исторического развития была свойственно не только исследователям социалистических убеждений. В частности, к нему приходит Х.Ловмянский, в первой половине 30-х годов специально обратившийся к изучению "социальной и экономической основы" Люблинской унии⁵¹. "Если бы нас не отталкивала воинственность приверженцев исторического материализма, — читаем в "Хисторыке" В.Конопчиньского, — мы могли бы извлечь из их выводов больше пользы, чем это было до сих пор. Экономическая жизнь, в более широком, чем у Маркса, понимании — включающая и производство, и распределение, и потребление — несомненно формирует общественный строй, причем этот последний определяет многие государственные институты, а экономические и политические цели оказывают влияние на обычаи. В этих зависимостях /отчасти взаимозависимостях/ следует искать... твердую основу истории..."⁵²

Таким образом, имелась весьма благодатная почва для распространения материалистического видения истории, привлекавшего научными перспективами и возможностями "даже людей, далеких идеологически". "Новые методологические положения казались мне интересными и заслуживающими того, чтобы испытать их на практике", — вспоминает С.Кеневич. "Детально и тонко разработанная философская мысль Маркса, — полагает М.Тырович, — несомненно могла иметь большое интеллектуальное воздействие"⁵³. В то же время в условиях нового политического режима ряды сторонников исторического материализма в немалой степени пополнялись за счет историков, которым до войны никогда и не снилось, что конь-

конъюнктура заставит их вдруг стать марксистами или ... публицистов, никогда не мечтавших о том, что конъюнктура позволит им выступать в качестве историков"⁵⁴. Примером совершенно непредсказуемой метаморфозы может служить один из активных пропагандистов новой науки Ю.Серадский, в 30-е годы известный своими воинственными антикоммунистическими воззрениями⁵⁵.

Польские историки практически не испытали на себе прямого административного воздействия и тем более репрессий. "В отличие от других стран народной демократии, - пишет Я.Тазбир, - в Польше не произошло такого тотального погрома общественных наук, какой в то время имел место в Чехословакии или в Венгрии, а еще раньше, начиная с 30-х годов, в Советском Союзе"⁵⁶. Это, конечно, не значит, что в стране ровным счетом ничего не изменилось в плане свободы научного творчества. Уже в 1945-1946 гг. ряд издательств отклонил книги Т.Мантейфеля, мотивируя свой отказ их методологическим несоответствием. Правда, сохранившийся в польском обществе до 1948 г. идейно-политический плюрализм позволил автору добиться успеха в других издательствах. Однако попытка Мантейфеля переиздать "Историку" его учителя М.Хандельсмана - самый, пожалуй, значительный труд по методологии истории, появившийся в межвоенный период, - успеха не имела⁵⁷. Тем не менее в первые годы Народной Польши увидело свет значительное число работ, написанных во время войны или даже до ее начала⁵⁸. Период параллельного существования набирающей силу марксистской историографии и сохраняющей свое доминирующее положение традиционной историографии, однако, продолжался весьма недолго. После 1948 г. немарксисты на достаточно длительный срок лишились возможности открыто полемизировать со сторонниками исторического материализма, что самым отрицательным образом сказалось на развитии марксистского направления.

Репутацией лидера оппозиционно настроенных историков пользовался крупнейший специалист по ХУП-ХУШ вв. В.Ковалчиньский /1880-1952/, в прошлом активный деятель эмиграции. "Наш девиз, - писал он в 1947 г., - отстраивать и лишь

частично перестраивать на старых началах, отчасти из старого материала. Понадобятся поправки, даже существенные, но без переворотов и выкрутасов"⁵⁹. Стойкий приверженец традиционной историографии, Конопчинский признавался в частном письме к Я. Рутковскому в том, что не может удержаться от критики исторического материализма⁶⁰. В последние годы жизни публикаторские возможности Конопчинского ограничивались органами католической прессы, а набор его "Хисторьки" был рассыпан⁶¹. На необходимость "поддержания континуитета польской историографии" указывал сверстник Конопчинского профессор Лодзинского университета Л. Коланковский⁶².

По иному складывалась судьба Я. Рутковского - одного из очень немногочисленных "академических" историков-марксистов с довоенным стажем. Пользуясь поддержкой новых властей, он продолжил работу над обобщающим трудом по экономической истории Польши, с увлечением занялся вопросами организации науки. Однако оригинальные концепции профессора Познанского университета, основанные на анализе больших массивов источников, не нашли понимания более ортодоксальных в то время последователей исторического материализма /Н. Гонсеровская, В. Куля/. В последние годы жизни Рутковский болезненно воспринимает сомнения в аутентичности своих марксистских воззрений со стороны коллег, находившихся, как он выражался, "по эту сторону баррикад"⁶³.

Появление в бумагах Рутковского образа баррикад не было случайностью. Происходила консолидация историков сходных идейно-научных ориентаций. После войны Краков и Лодзь как наименее разрушенные из крупных городов Польши стали центрами притяжения научных кадров, особенно львовских, виленских и варшавских. Краков - хранитель многих интеллектуальных традиций, резиденция готовящейся отметить свой 70-летний юбилей Польской Академии знаний - как нельзя лучше подходил для ученых консервативного склада типа В. Конопчинского. Лодзь - исконно пролетарский и совсем юный университетский город, к тому же временное место пребывания нового польского руководства, - напротив, не была свя-

зана устоявшимися академическими порядками. Не случайно именно лодзинские историки явились во второй половине 40-х годов главным оплотом марксистской историографии. Особенно важные последствия имел выбор Лодзи Н. Гонсеровской, пешком вернувшейся из Германии, куда 65-летняя исследовательница была вывезена после подавления Варшавского восстания. Возглавив одну из шести исторических кафедр Лодзинского университета /экономической и социальной истории/, она сделалась признанным лидером, вокруг которого сплотились более молодые марксистские силы: Н. Ассородобрай, Ю. Дуткевич, Г. Миссалова, М. Серейский, С. Среневский и др. Уже осенью 1945 г. в Лодзи проводятся дискуссии по методологическим вопросам, созревает замысел систематического изучения экономической истории и истории рабочего класса, надолго определивший место лодзинских ученых в польской исторической науке. "С нескрываемым скептицизмом относилась она к какой-либо иной тематике, считая ее излишней", — вспоминает о Гонсеровской тех лет Б. Барановский⁶⁴. Тем не менее интересы лодзинских исследователей не ограничивались социально-экономической проблематикой, включая историю исторической науки, государства и права, национально-освободительного движения /прежде всего восстания 1830—1831 гг./, а также вопросы дидактики.

До войны историографические работы появлялись лишь эпизодически. После освобождения первоначальным импульсом к их созданию стала потребность произвести расчеты с прошлым, порожденная катаклизмами военных лет и характерная для польской культуры в целом. Уже в 1946 г. увидели свет обширные очерки истории польской исторической науки таких ее светил, как В. Конопчинский и К. Тыменецкий⁶⁵. Названия многих историографических экскурсов говорят сами за себя: "Вчера и сегодня польской исторической науки" /М. Тырович, 1947 г./ "Исторический ревизионизм" /С. Среневский, 1947 г./. Через три года после восстановления польской государственности публикуется получившая большой резонанс "История глупости в Польше" А. Бохеньского, которую Ю. Дуткевич назвал "самым ярким обвинительным актом против предшест-

вуждей историография"⁶⁶.

С инициативой широкой разработки польской историографии выступил М.Серейский /1897-1975/. Его постановочный доклад на вроцлавском съезде 1948 г., по мнению Е.Матерняцкого, "выходит у истоков истории польской исторической науки как самостоятельного направления исследований". Отправной точкой марксистских штудий Серейского было выявление идейно-классовой обусловленности той или иной научной концепции. При этом исследователь стремился оставаться на почве историзма, не отказывая в заслугах перед наукой либеральным и консервативным историкам. Широка взглядов Серейского порой делала его мишенью догматической критики, осудившей, к примеру, положительную оценку творчества оппонента Лелевеля К.Гойдына⁶⁷. Для сталинского периода более органична точка зрения А.Шаффа, утверждавшего, что "в условиях, когда возникло и стало действовать научное /марксистское - Д.Г./ направление, продолжение донаучных позиций является уже только реакцией на научную позицию, является антинаучным". Согласно этому ведущему польскому общественному 50-х годов отставшие от авангарда теоретической мысли ученые неизбежно превращаются в своего рода "алхимиков" исторической науки⁶⁸. Особенно мрачными красками было принято изображать польскую историографию межвоенного периода. Здесь, правда, играл определенную роль инвентарно-подмеченный М.Кукелем. "Ведущие из числа умерших историков, - писал он, имеют среди историков-марксистов защитников в лице того или иного своего ученика". Действительно, в защиту М.Хандельсмана неоднократно выступал Т.Мантейфель, о В.Смоленском с большим пиететом отзывалась А.Карманова, Н.Гонсеровская организовала чествование юбилей Ш.Аскенази⁶⁹.

Помимо Лодзи марксистские центры исторических исследований сложились и в других городах Польши⁷⁰. Следующий шаг на пути сплочения марксистских кадров виделся в создании всепольского общества историков-марксистов /ОИМ/, конституировавшегося на вроцлавском съезде осенью 1948 г. В группу учредителей вошли С.Арнольд, Н.Ассородобрай, В.Бардах,

Ц.Бобиньская, Р.Верфель, Н.Гонсеровская, Ю.Дуткевич, Ж.Корманова, М.Серейский, Х.Яблоньский. Цели общества, сформулированные в его статуте, включали внедрение в историческую науку принципа партийности, преодоление "идеологической отсталости" историков, ускорение выработки марксистской концепции истории Польши, участие в подготовке кадров и распространении научных знаний⁷¹. По свидетельству Т.Мантейфеля, подтвержденному недавними исследованиями П.Хюбнера, первоначально ОИМ претендовало на роль альтернативного по отношению к Польскому историческому обществу объединения историков.

Реализовать принятые на себя обязательства Общество оказалось не в состоянии. Как организация оно проявило полную нежизнеспособность, сведя свою деятельность к очень редким и нерегулярным семинарским заседаниям⁷². Однако если основания для преувеличения роли ОИМ как некоего целого отсутствуют, то надо признать, что большинство его членов — учредителей отличались на рубеже 40–50-х годов чрезвычайной активностью. В руках достаточно узкого круга партийных историков были сосредоточены ключевые организационно-административные посты: членство в редколлегиях ведущих журналов, оргкомитетах крупных научных мероприятий, различных партийно-государственных комиссиях, призванных вырабатывать и проводить в жизнь политику в области науки, культуры и просвещения. К почти абсолютной монополии партийных историков относился допуск к написанию учебников для средних и высших школ, равно как и к участию в контактах с советскими коллегами. Из них же формировался преподавательский корпус открывшегося осенью 1950 г. Института подготовки кадров при ЦК ПОРП. Вошли они в руководство Польского исторического общества. В числе организаторов ОИМ широкую известность своей нетерпимостью к инакомыслию и готовностью прибегать к административным мерам получила Ж.Корманова, в годы войны работавшая в Советском Союзе. В феврале 1951 г. Корманова представила в исполнительный комитет Первого конгресса польской науки свои соображения по поводу кадровой ситуации на "историческом фронте".

Все историки делились еѣ на четыре группы: заслуживающих доверия партийных ученых, исследователей, высказывающихся за новую историческую науку, но замеченных в каких-либо методологических "уклонах", старых профессоров, подлежащих полной либо частичной "изоляции", наконец, тех, кто продолжал стоять "на националистических или западных позициях". Согласно рекомендации Кормановой, под различные виды административного воздействия попадали К.Тыменецкий, Т.Мантейфель, Х.Довмянский, С.Кеневич и другие крупные ученые⁷³. Последствия претворения в жизнь подобной кадровой политики не трудно предугадать, зная трагический опыт советской исторической науки.

Однако экстремистские проекты марксизации польской историографии не находили единодушной поддержки даже среди членов ОИМ. Достаточно самого беглого взгляда на список учредителей Общества, чтобы обнаружить в нем ряд видных историков, проживших в науке долгую и плодотворную жизнь. В серьезных исследователей выросли вопреки социальному заказу, в духе которого они воспитывались, и многие выпускники партийного Института подготовки кадров⁷⁴.

Не будет преувеличением сказать, что в Польше судьба исторической науки решилась на Первой методологической конференции польских историков в г.Отвоцке, собравшейся в канун нового 1952 г.⁷⁵ Ход Отвоцкой конференции послужил материалом для важных выводов политического руководства страны, нашедших отражение в специальной информационной записке, подготовленной отделом науки и высшей школы ЦК ПОРП для сведения членов Политбюро. В записке отмечалось, что в целом историки "не только декларативно высказываются за марксистско-ленинский метод, но и успешно, хотя не всегда абсолютно правильно, применяют его на практике". При этом партийные ученые не руководят обозначившимися в среде их беспартийных коллег позитивными сдвигами, не поддерживают связи с ведущими специалистами, которые приближаются к марксистскому пониманию истории. "Наши партийные научные центры, — заключали составители записки, — не успевают за развитием массы беспартийных

историков". Члены Политбюро информировались о неудачных выступлениях в Отвоцке партийцев, особенно из числа молодых, их более низкой, чем у остальных историков теоретико-методологической и общепрофессиональной подготовке. Это было равносильно признанию того, что попытка противопоставления одной части ученых другой по партийному приказу потерпела полное фиаско. Записка подводила к мысли о "возможности создания широкого исторического фронта, который с помощью метода исторического материализма и под руководством партии даст целостную картину польского исторического процесса"⁷⁶.

Организационной формой воплощения идеи "широкого исторического фронта" явился созданный в рамках Польской Академии наук Институт истории /январь 1953 г./, долгое время возглавлявшийся Тадеушем Мантейфелем /1902-1970/. То, что ведущее исследовательское учреждение исторического профиля в 50-60-е годы возглавлял беспартийный медиевист, признанный после гибели М.Хандельсмана лидер польских историков, человек высоких нравственных качеств и большого мужества, имело немалое влияние на общий климат в польской исторической науке.

Таким образом, еще в период всевластия культа личности польские историки сумели успешно противостоять догматическим силам, делавшим ставку на крайнюю политизацию исторической науки. 1949-1950-1951 гг. остались для нее самым мрачным за все время существования Народной Польши периодом. "С 1952 г. - пишет М.Маловист, - историки, за исключением, быть может, специалистов по новейшей истории, получили возможность значительно более свободной работы". Примерно с этим же временем Б.Барановский связывает "лодзинский методологический перелом". "Хотя Гонсеровская, - вспоминает он, - учитывая ее большие довоенные заслуги, продолжала пользоваться в среде историков славой первой марксистки, многие, однако, отдавали себе отчет в том, что с методологической точки зрения она представляет уже сильно устаревшее направление исследований". Т.Мантейфель датировал "переходный период" второй половиной 1952 г., а

многочисленные дискуссии и конференции 1953–1955 гг., считая уже "предвестниками перемен, которые принес 1956 год"⁷⁷.

Путь, пройденный польской историографией в первое послевоенное десятилетие трудно представить без учета влияния на нее советской исторической науки. Перенималось очень многое, начиная с определенной интерпретации теоретико-методологических постулатов марксизма до планирования науки, коллективного ведения исследований, системы подготовки кадров. Брались на вооружение концепции советских авторов, труды которых в значительном количестве переводились на польский язык. В крупнейших вузах СССР поляки получали историческое образование. Было проведено немало совместных обсуждений, затронувших широкий круг научных проблем⁷⁸. Знание польской научной литературы, присущее русским историкам до революции со смертью В.И.Пичетны /1947 г./ было практически полностью утрачено. С советской стороны руководящие позиции в сотрудничестве историков двух стран заняли ученые, как правило, далекие от проблематики истории Польши: Б.Д.Треков, Е.А.Косминский, П.Н.Третьяков, А.Л.Сидоров. Как показывает знакомство с выступлениями этих ученых в Польше, в рамках марксистской интерпретации исторического процесса они делали акцент на активной роли надстройки по отношению к базису, призывали к тщательной работе над источниками и расширению их круга. Искренне желая способствовать переходу польской историографии на марксистские позиции, и отнюдь не чуждые ритуальных славословий в адрес Сталина, они предостерегали своих польских коллег от догматического социологизирования и были противниками левацкого форсирования методологической перестройки.

Последнее представляется особенно важным в связи с существованием в СССР сторонников тотального погрома научных кадров. В 1948 г. после возвращения с первого послевоенного съезда польских историков члены советской делегации подверглись резкой критике за потерю бдительности перед лицом классово-борьбы, назревавшей в научном мире

Народной Польши⁷⁹. Практическим развитием упомянутой критики можно считать составление "научно-политических характеристик" на польских историков, на основании которых решался вопрос о целесообразности их приглашения в Советский Союз. Вышедшие из недр партийного аппарата, эти додсе содержали очень тяжкие по тем временам обвинения в адрес Я.Домбровского, З.Войцеховского, Т.Костшевского, А.Ветулиани и С.Кеневича⁸⁰. Возможности сотрудничества между учеными двух стран совершенно необоснованно ограничивались.

Характер заинтересованности советских историков в сотрудничестве с польскими коллегами определялся не только стремлением придать им желаемое направление. Освоение достижений польской исторической науки, консультации с польскими историками становятся осознанным условием успешного развития советской полонистики. "Польша, - находим в черновиках Е.А.Косминского, - занимает одно из первых мест в мире по богатству своего историографического наследия"⁸¹.

К числу важных перемен, происходивших в польской исторической науке, относится заметное возрастание роли методологической проблематики. "В 1945-1948 гг., - писал В.Куля, - мы наблюдали в Польше среди историков огромный интерес к теории истории, как правило, в большей или меньшей степени окрашенный стремлением к ревизии традиционных взглядов. Будущий историк найдет в университетских архивах следы этого в тематике лекций и семинарских занятий, которые проводились нередко людьми, не обнаруживавшими ранее интереса к данному направлению исследований... События 1949-1951 гг. не одного излечили от методологических увлечений. Благополучно восстановилось традиционное в буржуазной науке разделение между историками и теоретиками истории"⁸².

Таким теоретиком в первой половине 50-х годов являлся А.Шафф. Шафф сурово осуждал "паразитирующих на видимости эрудиции" сторонников идиографической концепции "чисто описательной истории", а также приверженцев "героичес-

кой историографии". Одновременно он подчеркивал научную несостоятельность социологизирования в духе вульгарного материализма и антиисторической модернизации прошлого. Фактов, почерпнутых из послевоенного развития польской историографии, в объемистой книге Шаффа, однако, немного, что послужило даже основанием для упрека в его адрес со стороны автора предисловия к русскому переводу 1959 г.⁸³

Вполне понятен интерес польских ученых к многочисленным высказываниям классиков марксизма о Польше. Непременным условием участия в пятитомном издании, предпринятом лодзинскими историками в связи со столетием Весны народов, было использование оценок Маркса и Энгельса⁸⁴. Суждения основоположников научного коммунизма делались своего рода концептуальным камертоном, несмотря на то, что некоторые из них не выдержали проверки временем и уже ставились под сомнение видными теоретиками европейской социалистической мысли, начиная с К. Каутского, Р. Люксембург, О. Бауэра и В. Чернова. Огульно включенные в разряд методологических истин, они часто не только не способствовали адекватному изучению польской истории, но и создавали искусственные препятствия на этом пути. В ранг "классиков" наряду со Сталиным, зачислялась и тогдашние руководители ПНР.

Марксизм принес в историческую науку новые для нее представления о критериях общественного прогресса, которые легли в основу оценки всех явлений прошлого. Мерилами прогрессивности стали прежде всего развитие производительных сил, смена общественно-экономических формаций, изменение положения народных масс. Еще во второй половине 50-х годов была замечена известная противоречивость используемых критериев⁸⁵, марксисты оживленно дискутировали по этому поводу, но так и не вышли на понимание универсальности общечеловеческих ценностей. Особенно часто классовый подход приводил к догматической интерпретации национальной проблематики, столь важной для польской истории. "Были ли мы, коммунисты, лишены патристических чувств? — размышлял на склоне лет А. Шафф. — Бовсе нет, но на первом месте у

нас находилось дело социализма, и оптика событий становилась тогда другой. правда, верной с классовой точки зрения"⁸⁷.

Наиболее плодотворным импульсом для теоретико-методологической рефлексии на рубеже 40-50-х годов оказалась работа над созданием общей периодизации истории Польши. К ней в первую очередь мы бы отнесли слова М.Маловиста о том, что "преждевременные, часто схематичные обобщения не всегда бывали вредными"⁸⁸. Дискуссии по периодизации открывали новые горизонты осмысления национальной истории в соотнесении с историческим развитием других стран. Общие условия, в которых происходило развитие польской исторической науки, по наблюдению А.Вычаньского, по-разному оказывались на освещении той или иной эпохи. "Каждый период, — пишет он, в силу задействованных в его разработке кадров, исследуемой проблематики и общественных потребностей несколько отличался от других"⁸⁹.

Формационное прочтение истории ставило на повестку дня освоение марксистского понимания феодализма. До войны за очень редким исключением польские ученые трактовали феодализм как исторически определенную систему политико-юридических отношений, в основе которой лежит ленная иерархия. Польская историческая наука не имела своего Павлова-Сильванского, и работы тех, кто со значительными оговорками признавал-таки существование феодальных институтов /М.Хандельсман, Т.Мантейфель, Р.Гродек/, не составили влиятельной историографической традиции⁹⁰.

Тем более чуждой должна была показаться польским историкам модель феодализма, предлагаемая историческим материализмом. Серьезные сомнения в их умах, в частности, вызывала огромная продолжительность феодальной формации, охватывающей практически всю письменную историю народа. "Трудно придумать, — писал М.Кукель, — более пустую дефиницию чего-либо, что "стало господствующим" свыше полутора тысяч лет и еще "господствовало" сто лет назад. Бросается в глаза, до какой степени новое значение старого термина лишает его всякой научной пригодности"⁹¹. В то же время по-

вая дефиниция не была лишена и привлекательных для историков сторон⁹².

В середине 60-х годов, имея в виду известную ленинскую характеристику классического барщинного хозяйства, Т.Мантейфель указывал, что "в послевоенной польской историографии это ... понимание феодализма получило всеобщее признание". Данное заключение находит подтверждение в трудах другого ведущего медиевиста, Х.Ловмянского, давшего толкование феодализма в специальной статье "Словаря славянских древностей". Согласно Мантейфелю, "надстройка, вырастающая на почве феодального строя, может иметь региональные особенности". Исследователь продолжил поиск в польской истории политико-юридических форм, сходных с теми, которые были известны западноевропейскому средневековью, и пришел к оригинальному выводу о возможности их весьма поздней датировки XVI-XVII вв.⁹³

Важное значение имело установление исходного хронологического рубежа феодализма в Польше, тесно связанное с определением возраста польского государства. Традиционная дата образования монархии Пястов, дававшая одно из оснований для празднования тысячелетия Польши в 60-е годы, вызвала возражения советских историков, исходивших из большей древности славянской государственности и длительности ее формирования. Значительно расширился не только хронологический диапазон исследований. "Принципы теории исторического материализма, - отмечает Г.Лабуда, - сыграли ... без сомнения, позитивную роль в изучении начального периода польской истории, расширив проблематику исследований"⁹⁴. В центре внимания практически впервые оказались развитие производительных сил, классовое расслоение общества, экономические механизмы функционирования раннефеодального государства, генезис городов /В.Хенсель, Х.Ловмянский, К.Бучек и др./. Как справедливо указывает Е.Вирозумский, "суть прогресса ... заключалась в замене обычно статичных концепций археологов попытками реконструкции исторических процессов"⁹⁵. Параллельно происходило переосмысление историографического наследия. Развернутой

критике были подвергнуты влиятельная в польской медиевистике родовая теория возникновения государства, теория нашествия и норманская теория.

Новым для польской историографии моментом стало обращение к изучению классовой борьбы. Хотя стремление представить ее главной движущей силой истории Польши нередко приводило к потере масштаба исследуемых явлений, ускоренное развитие данной тематики принесло определенные результаты. Работы 40–50-х годов способствовали созданию образа социально более активного, чем представлялось раньше, польского крестьянина⁹⁶. В массе своей, однако, историки оказались менее готовы к восприятию марксистского учения о созидательной функции классовой борьбы, нежели положения об определяющей роли базиса⁹⁷.

Поиск прогрессивных традиций в отечественной истории привлек пристальное внимание ученых к фигуре А. Модзеевского и польским ариатам. К анализу социальной базы Реформации в Польше обратился Я. Тазбир. В послевоенных исследованиях эпохи Потопа получила развитие непопулярная в 30-е годы антишляхетская концепция О. Гурки, подчеркивавшая роль польских простолюдинов – крестьян и горожан – в освободительной борьбе против захватчиков. Продолжил свою научную деятельность и сам Гурка, вернувшийся из лондонской эмиграции.

Ряд историков марксистского направления /В. Куля, М. Маловист, Б. Зентара и др./ приступили к изучению феномена "второго издания крепостничества". Появилось большое число исследований, посвященных фольварку – его генезису, функционированию, месту в польской истории. Со временем привлечение обширнейшего корпуса источников заставило отказаться от многих исходных построений, признав, в частности, распространение в магнатских латифундиях наемного труда и связь фольварочного хозяйства с внутренним рынком. Работа с категорией "второго издания крепостничества", введенной в научный оборот Ф. Энгельсом, дала возможность проанализировать глубинные причины торможения исторического развития Польши в ХУП–ХУШ вв. и

по-новому подойти к освещению разделов Речи Посполитой. Логика исследования привела польских историков к постановке таких масштабных проблем, как механизмы европейского рынка и типология социально-экономической эволюции различных регионов континента. Увидели свет крупные обобщающие труды, далеко выходящие за рамки национальной истории /В. Куля, Е. Топольский, М. Маловист/⁹⁸.

Через призму становления капиталистической формации начали рассматриваться эпоха Просвещения, интересовавшая раньше историков главным образом в связи с разделами, а также следующий за ней период борьбы поляков за независимость. Узловыми проблемами перехода от феодализма к капитализму сделались первоначальное накопление капитала и мануфактурное производство на землях Речи Посполитой. Обе они предполагали обращение к сравнительно-историческому методу и основательную теоретико-методологическую подготовку. Исключительную актуальность приобрело определение формационно-стадиальной принадлежности тех или иных явлений социально-экономической и духовной жизни. По многим вопросам между историками-марксистами не было единства. Так, предлагалась различная датировка процесса первоначального накопления, неоднозначно оценивались Конституция 3 мая, Поланецкий универсал Костюшко, введение на польских землях Кодекса Наполеона.

Ключом к пониманию истории польского национально-освободительного движения стало выявление его социально-классового содержания, анализ диалектики социального и национального. При этом обнаружилась тенденция рассматривать восстания в качестве революций. Особой популярностью пользовались галицийская рабация 1846 г. и массовые крестьянские волнения 1861-1862 гг. в Королевстве Польском. В последних порой даже усматривались контуры народного восстания, предшествовавшего интеллигентско-шляхетскому движению 1863-1864 гг.⁹⁹ Утверждению более взвешенных оценок способствовала дискуссия на научной сессии, приуроченной к столетию со дня смерти А. Мицкевича /1955 г./¹⁰⁰.

Принятая в марксистской литературе модель нации, начавшаяся в советской историографии обсуждение проблемати-

ки генезиса русской буржуазной нации побудили польских историков приступить к изучению соответствующего отечественного материала. Стоящая перед ними задача была особенно сложна, учитывая неординарные политические условия существования польского народа после разделов. Первоначально основные силы исследователей направлялись на анализ формирования национального рынка. Лишь позднее – не ранее 60-х годов – стали разрабатываться проблемы развития национального рынка. Лишь позднее – не ранее 60-х годов – стали разрабатываться проблемы развития национального самосознания, его социальная стратификация и региональная специфика. Решительным образом изменился угол зрения на период между Январским восстанием и первой мировой войной. "Впервые в польской историографии, – пишет Л.Тшецьяковский, – этот период столь отчетливо выделили, видя в нем не просто часть эпохи разделов, как было раньше, а начало новейшей истории Польши"¹⁰¹.

Из сказанного выше видно, что в тематическом плане польская историография развивалась довольно неравномерно. Первое послевоенное десятилетие историки-марксисты были заняты почти исключительно теми аспектами, которые очень редко становились объектом внимания их предшественников. При этом склонность к той или иной проблематике служила своеобразным опознавательным знаком "своих" и "чужих". Отношение к С.Кеневичу, по его собственным наблюдениям, заметно изменилось после того, как он издал книгу о крестьянском движении в Галиции¹⁰². Смена направления исследований была довольно частым явлением. М.Серейский, к примеру, до войны изучал Каролингскую империю. Б.Барановский, работавший ранее над историей польских татар, занялся проблемами феодальной деревни. С.Плоский, известный своими трудами о национально-освободительном движении XIX в., возглавил коллектив исследователей второй мировой войны. Немало ученых в поисках политически нейтральной тематики обратились к истории материальной культуры и источниковедческим изысканиям¹⁰³.

К середине 50-х годов стало очевидным, что целост-

ная картина прошлого немислима без внимания к менее "базисным" с точки зрения исторического материализма сжатам. Изменение общественно-политического климата облегчило и ускорило расширение тематического разнообразия исследований. Возрождается, в частности, интерес к истории идей. При этом в исследованиях варшавской школы историков общественной мысли наблюдалось тяготение к методологическим решениям, предлагаемым западной наукой. В традициях М.Вебера центр тяжести переносился на раскрытие субъективной мотивации идеологических построений, реконструкцию системы ценностных установок мыслителей, ее внутренних взаимосвязей и идейных источников формирования. При работе с одним и тем же материалом выводы исследователей данной школы могли существенно отличаться от традиционной марксистской интерпретации, исходящей прежде всего из объективно-классового содержания изучаемых идей. Конфронтация различных методологических подходов оказалась полезной для обеих сторон. Если в дискуссии середины 50-х годов о либерализме историки в основном делали выбор между его характеристикой как объективно-прогрессивного или реакционного течения, то позднее гораздо чаще вставал вопрос, где проходит водораздел между либеральным, консервативным и другими направлениями общественной мысли.

В 60-е годы марксистской историографией было также положено начало систематическому изучению социальных структур XIII-XV вв., ставшему в дальнейшем одной из наиболее развитых областей польской исторической науки. По сравнению с предыдущим десятилетием, когда вниманием пользовались преимущественно рабочие, в поле зрения историков все более попадают другие социальные слои, в том числе господствующие классы. Так, к историческим судьбам шляхетского сословия обратился Е.Едлицкий, польской буржуазии были посвящены работы Р.Колодзейчика. Новое качество и размах приобрело изучение прошлого пролетариата силами группы специалистов во главе с С.Калябиньским. Разработка историк классов и социальных слоев создавала предпосылки для углубленного исследования общественных движений и полити-

ческих партий.

Можно говорить и о динамичном развитии историко-правовых штудий, имевших в польской историографии чрезвычайно богатые традиции. Самое весомое свидетельство этого — три тома фундаментальной "Истории государства и права Польши", охватывающие период от древности до конца XVIII в., а также межвоенное двадцатилетие.

Для послевоенной польской историографии характерно постепенное освоение проблематики новейшей истории. Если в первые годы существования Института истории ПАН штаты двух его отделов, занимавшихся 1864–1918 и 1918–1939 гг., не были полностью укомплектованы сотрудниками, то в середине 60-х годов, согласно данным Е.Топольского и А.Вичаньского, почти каждый второй историк имел дело с материалом последнего полувека¹⁰⁴. Наиболее обильные плоды принесла разработка истории межвоенной Польши, тогда как освещение позднейших сюжетов продолжало грешить избирательностью и изначальной заданностью интерпретаций. По оценкам С.Кеневича, серьезное научное исследование польской истории заканчивалось накануне гитлеровской оккупации примерно 1864 годом, в середине 50-х — 1914 годом и лишь в 70-е смогло продвинуться до конца второй мировой войны¹⁰⁵.

Многочисленные дискуссии конца 50х — 60-х годов о межвоенном периоде разворачивались не только в научных изданиях, но и на страницах общественно-политической периодики. "Предметом споров, — пишет их активный участник Т.Ендручак, — были проблемы независимости /независимость действительная или "так называемая"/, функции государства, экономические итоги, причины Сентября"¹⁰⁶. Новые подходы к проблематике возрождения независимого польского государства были намечены в публицистическом выступлении А.Гарлицкого и Б.Кшивоблоцкой под полемически заостренным заглавием "Дежала ли в 1918 году власть на улице?". Авторы выразили несогласие с господствовавшей точкой зрения, согласно которой в то время якобы существовала реальная социалистическая альтернатива развития страны¹⁰⁷. На УШ съез-

де польских историков /1958 г./ значение Октябрьской революции для судьбы Польши практически впервые рассматривалось в соотнесении с другими факторами, способствовавшими восстановлению ее государственности. Начался пересмотр оценки идеологии и практики санации. Исследователи, как правило, принадлежавшие к молодому, только что вступившему в большую науку поколению, отказались от трактовки режима Пилсудского и его преемников в качестве польской разновидности фашизма /Ф.Рышка и др./. Пионерская роль в освещении многих аспектов межвоенного периода принадлежала исторической публицистике. Так, в своих статьях, изданных позднее в сборнике "Из политической географии Второй Речи Посполитой" /1964 г./ А.Мицевский дал характеристику ведущим партиям, которые в недавнем прошлом могли служить только мишенью огульной критики. Для новых трудов был характерен также отказ от прежних представлений о экономическом положении межвоенной Польши, акцентировавших исключительно негативные моменты.

Историки рабочего движения подготовили двухтомный обобщающий труд, вовсе не безупречный с позиций сегодняшнего дня, но ставший заметным явлением тогдашней историографии¹⁰⁸. Результатом серьезной работы с источниками были такие фундаментальные исследования, как монографии Л. Баумгартена о Великом Пролетариате /1966 г./, Х.Яблоньского о КПС в период первой мировой войны /1958 г./, Ю.Ковальского о КПП на рубеже 20-30-х годов /1966 г./. Рабочее движение и его партия уже не рассматривались изолированно от более общего исторического контекста. Наряду с СДКП и КПП историки стали отдавать должное роли КПС, хотя обозначившийся поворот не был легким вследствие политической остроты вопросов, связанных с традициями польского рабочего движения.

Вышли из печати первые большие исторические панорамы Польши военной поры. В результате серьезных идеологических сдвигов в структурах партийной власти стала возможной реабилитация некоммунистического Сопротивления, прежде всего Армии Крайовой. Роль манифеста нового, более широкого,

взгляда на войну сыграли книги З.Залуского "Пропуск в историю" и "Семь главных польских грехов".

Буквально в считанные годы заметно выросла источниковая база исследований по новейшей истории. Начали издаваться несколько серий ежегодников, в которых публиковались материалы по межвоенному двадцатилетию, второй мировой войне и Народной Польше. Возрожденный в 1958 г. журнал "3 поля вальки" активно включился в изучение польского рабочего движения, особое внимание уделяя запретным ранее именам и событиям из прошлого КПП. Свои печатные органы получили также исследователи крестьянского движения и военные историки. Известным стимулом для монографических изысканий послужили первые тома серии "Советско-польские отношения. Документы и материалы".

Новые трактовки, не без сопротивления утверждавшиеся в историографии рубежа 50-60-х годов, как правило, способствовали формированию более сбалансированной картины прошлого и имели мало общего с "ревизией" исторического материализма, на борьбу с которой нацеливал обществоведов III съезд ПОРП /1959 г./^X. Во второй половине 50-х годов вновь получил возможность участвовать в публичных дискуссиях Х.Верещицкий, осужденный на Отвоцкой конференции за книгу, воздавшую должное вкладу правосудчиков в восстановление независимости страны. Указывая на недостатки подготовленного под редакцией В.Кули и С.Кеневича второго тома академической "Истории Польши", Верещицкий подчеркивал, что его критика "исходит из признания научности и верности того основополагающего метода, которым хотели руководствоваться авторы". Он выступил против механического включения любого антифеодального выступления в национально-освободительное движение, вскрыл несостоятель-

^X "Догматизм, - рассуждал В.Гомулка, - искажает суть марксизма-ленинизма, тогда как ревизионизм фактически ведет, субъективно или объективно, к ликвидации марксизма-ленинизма в пользу социал-демократизма. В странах, строящих социализм, ревизионизм поддерживается всеми реакцион-

ность представлений, что чем левее взгляды исторических деятелей, тем они революционнее, прогрессивнее и патристичнее. Особенно важным было наблюдение историка о том, что в рецензируемой книге Народная Польша выполняет функцию "меры, в соотношении с которой оценивается прошлое", тогда как марксизм учит рассматривать все явления общественной жизни исторически, считаясь со временем и местом происходящего. Коснувшись использования полоники классиков, Верещицкий прямо высказался о предпочтительности обращения по ряду вопросов к основаниям на солидной источниковой базе исследованиям Хандельсмана, нежели к статьям Маркса¹⁰⁹. Таким образом опальный специалист по XIX в. внес вполне конструктивный вклад в очищение науки от идеологических наслоений. Ответ на вопрос о том, насколько прочно утвердился в польской науке марксистский подход к изучению истории, не может быть однозначным. "Методологию я использую эклектически, подбирая аргументацию в соответствии с принципами здравого смысла", — формулирует свое кредо крупнейший знаток XIX в. С.Кеневич. И в то же время: "Я не должен разделять...шатаний тех, кто еще вчера были воинствующими материалистами, а сегодня от материализма отрекаются. Я достаточно убедился в правильности некоторых аспектов этой методологии, использовал ее и от этого не отказываюсь. Нет необходимости добавлять, что она не является универсальным ключом ко всему"¹¹¹. Кроме Кеневича, в числе тех, кто не утрачивал связи с историческим материализмом, Ф.Тых называет Т.Мантейфеля, К.Гухбовского, С.Хербста, А.Ветулиани, Х.Ловмянского, Я.Вольиньского и К.Попёлка¹¹².

Вместе с тем в каждом послевоенном поколении польских историков были ученые, заявившие о разрыве с историческим материализмом. Первая волна связана с еще далеко не полным, но все же очень значительным, раскрепощением научной мысли во второй половине 50-х годов. "Были и такие историки, — вспоминает об этом времени А.Захорский, — ними силами, а ведь нельзя представить ... чтобы реакция могла поддерживать догматизм"¹¹⁰.

которые решили, что пришел конец марксистской методологии, и начали искать иные исследовательские пути"^{II3}. При общем антидогматическом пафосе исканий тех лет их направленность могла существенно варьироваться. С одной стороны, наблюдалась тенденция к возрождению довоенных идейно-научных традиций. Восстановление в правах политической истории сопровождалось возрастанием числа описательно-фактографических работ. Пользуясь большим спросом у читательской аудитории, они занастую воспроизводили уже преодоленные наукой стереотипы и составляли серьезную конкуренцию марксистской историографии. В результате в начале 60-х годов представление о Польше Пястов и Ягеллонов могло быть почерпнуто из талантливых эссе П.Ясеницы, возвратившего, по словам Х.Самсоновича, "познания поляков на уровень XIX в."^{II4}.

С другой стороны, польские исследователи испытывают заметное влияние западной историографии. Особенно существенным принято считать воздействие французской школы Анналов и ее тогдашнего лидера Ф.Броделя, обогатившие польских ученых методикой построения исторических моделей, представлениями о менталитете и исторической демографии. Весьма плодотворным было приобщение к исследованиям английских историков, сплотившихся вокруг журнала "Паст энд Презент"^{II5}. Как уже отмечалось, возрос также интерес к методологическим разработкам М.Вебера и его продолжателей. "Макс Вебер, — пишет в своей научной автобиографии К.Гурский, — предлагал понятные для историка теоретические принципы и методы. Я по-прежнему считаю его одним из моих учителей и часто к нему обращаюсь"^{II6}. И все же на рубеже 50-60-х годов польская историческая наука возвращалась в мировую историографию будучи по преимуществу марксистской. По свидетельству М.Тыровича, "исследователи ... отказались от претенциозной и ограниченной трактовки отечественной истории, обогатили ее категориями исторического материализма"^{II7}.

Середина и вторая половина 60-х годов богаты публикациями, которые можно считать итоговыми для всего после-

военного двадцатилетия. Помимо посвященного началу XX в. очередного тома академической "Истории Польши", к ним относятся первые тома "Истоков Польши" Х.Ловмянского, сообщающий труд А.Вичаньского о Речи Посполитой /1965 г./ монография Т.Лепковского "Польша - рождение современного народа" /1967 г./, "История Польши. 1795-1918" пера С.Ке-невича /1968 г./, материалы сессии по проблемам восстановления независимого польского государства /1969 г./. О прогрессе польской историографии свидетельствуют упоминавшиеся теоретические изыскания В.Кули и Е.Топольского, а также многотомные издания "Исторические конфронтации", "Общество Королевства Польского", "Словарь славянских древностей".

Приведенные факты позволяют говорить о завершении становления в Польше марксистской историографии. Зародившись в конце прошлого века, к середине 60-х годов она обрела новое качество в связи с быстрой профессионализацией марксистских исследований, созданием развернутой материалистической концепции польской истории, преодолением догматического примитивизма, завоеванием ведущих позиций в исторической науке страны. Это не исключало ни продолжения дискуссий на почве материалистического понимания истории, ни существования немарксистских течений, способных оказывать значительное воздействие на формирование массового сознания. Речь идет лишь о том, что практика марксистских исследований превращается в очень важный и устойчивый компонент развития польской историографии. "С проникновением марксистской методологии в исторические исследования в послевоенные годы, - пишет Е.Топольский, - не было ни так хорошо, как полагали одним, ни так плохо, как думали другие. Процесс носил длительный характер, однако в итоге теория и метод исторического материализма заняли видное место в научном мышлении польских историков"¹¹⁸. Марксизм в немалой степени способствовал модернизации научной дисциплины, обеспечив переход от описательно-фактографической, преимущественно политической истории к теоретическому, системному анализу прошлого. Тем самым в

главном Польша не осталась в стороне от развернувшегося в мировом масштабе процесса качественного изменения облика исторической науки. Как верно отмечал Ф.Тых, своим высоким международным авторитетом польская историография во многом обязана исследованиям, выросшим на методологической почве марксизма¹¹⁹.

Исследователи едины, характеризуя конец 50 – первую половину 60-х годов как чрезвычайно благоприятный для польской историографии период. Однако освобождение науки от сталинского наследия еще не было завершено. Конъюнктурно-политическая правка трудов по истории под флагом партийности неизбежно вела к произвольной прагматизации методологии, дискредитируя теорию исторического материализма, порождая недоступные для освещения "белые пятна". Синхронно с широким и динамичным развитием марксистских исследований в среде польских историков копилась энергия отторжения той системы ограничений и запретов, которая препятствовала свободному познанию прошлого их страны.

ГЛАВА 5.

РУМЫНИЯ

ВОЗДЕЙСТВИЕ МАРКСИЗМА НА ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ В XIX и НАЧАЛЕ XX в.

У истоков национальной исторической науки в Румынии в новое время стояли революционер-демократ Н.Бэлческу и буржуазный демократ М.Когэлничану. Первый выступил как представитель революционного романтизма, второго можно отнести к предвестникам исторического позитивизма, ставшего одним из основных в исторических исследованиях в Румынии во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в. Обращаясь к изучению исторического прошлого румынского народа, Николай Бэлческу и Михаил Когэлничану, будучи прежде всего политическими деятелями, не ограничивали свои исторические изыскания лишь научными задачами, они рассматривали историю как мощное оружие решения социальных и политических вопросов жизни румынского общества середины XIXв.

Основной труд Бэлческу "История румын во времена княжества Михая Храброго, раскрывавшего традиции борьбы румынского народа за национальную независимость, пронизывала идея насильственного свержения феодального строя, призыв к революционным выступлениям масс с целью осуществления радикальных социально-экономических и политических преобразований в румынском обществе. Обоснование важнейшим идеям своих трудов: национального объединения Дунайских княжеств, ликвидации крупного феодального землевладения и наделения крестьян землей, установления демократической республики, защиты прав, свобод и равноправия граждан, суверенитета народа, Бэлческу ищет в истории борьбы румынского народа^I. Однако антифеодальная, революционно-демократическая концепция истории, которой придерживался Бэлческу, носила идеалистический и провиденциалистский характер.

М.Когэлничану также резко критиковал феодализм, выступал за мирный и бескровный путь буржуазных преобразований. В области исторических исследований М.Когэлничану про-

явил себя как крупный профессиональный историк ; начал издавать летописи Молдовы, сотрудничал в первом издаваемом в Дунайских княжествах историко-архивном издании "Магазинул историк пентру Дачия" /"Исторический журнал Дачия"/.

Зарождение марксистской историографии в Румынии относится к последней четверти XIX в. Она развивалась в рамках становления марксистской общественно-политической мысли и выражалась в применении основных принципов исторического и диалектического материализма, в переоценке истории Румынии в целом и отдельных ее событий в соответствии с задачами и потребностями набиравшего силу рабочего движения.

По сравнению со странами Западной Европы Румыния довольно поздно вступила на путь капиталистического развития. Характерными чертами ее социально-экономического развития являлся замедленный переход к капитализму через ряд урезанных буржуазных преобразований, сохранение в экономике страны в течение длительного времени значительных феодальных пережитков и докапиталистических форм хозяйства и их переплетение с набиравшими силу капиталистическими отношениями². В 70-е годы XIX в. в Румынии при участии русских революционных народников набирает силу социалистическое движение, в котором с середины 80-х годов возрастает марксистское влияние. В 1893 г. была создана первая политическая партия румынского пролетариата - Социал-демократическая партия рабочих Румынии /СДПРР/. С учетом опыта международного рабочего движения и на основе сложного, весьма противоречивого процесса усвоения внутри страны марксистского учения разрабатывалась теоретическая концепция румынского рабочего движения.

В 70-80-е годы XIX в. Румыния была одним из центров русской политической эмиграции. Через Румынию проходили связи русских революционеров с Западной Европой. Здесь оказалось значительное число русских революционеров народников, бежавших от преследования царских властей, многие из которых примкнули к социалистическому движению и

даже возглавили его. Наиболее его выдающиеся деятели, такие, как Николай Зубку-Кодряну и Константин Добруджану-Геря, были выходцами из России. В общественно-политическом движении страны участвовали русские эмигранты Н.К. Судзиловский /доктор Руссель, зять В.Г.Короленко/, В.Ивановский /доктор Петру Александров/, З.Арборе-Ралли и др. Вполне естественно, что на начальном этапе своего развития социалистические идеи вобрали в себя элементы русско-го народничества³. Весьма значительным было воздействие бакунизма, лассальянства⁴; влияние анархо-синдикализма вплоть до первой мировой войны было весьма заметным.

В связи с развитием рабочего и социалистического движения актуальным стал вопрос о соединении рабочего движения с научной революционной теорией. В 1877 г. в Бухаресте и Яссах возникли рабочие кружки, объединившие рабочих и социалистическую интеллигенцию. Появившиеся в 80-е годы социалистические газеты и журналы сыграли важную роль в пропаганде идей научного социализма. Наиболее влиятельным журналом среди социалистических изданий стал журнал "Контемпоранул" /"Современник"/, начавший выходить с 1881 г. в Яссах. Он стоял на позициях материализма, боролся с идеалистическими концепциями, активно включился с середины 80-х годов в пропаганду марксизма. В этот же период были созданы социалистические журналы "Ревиста социалэ" /"Социальное обозрение"/; "Думя ноуэ" /"Новый мир"/ и др. Значительное влияние на эволюцию социалистического движения в Румынии оказало распространение произведений К.Маркса и Ф. Энгельса, что способствовало усвоению румынскими социалистами основных положений марксистской теории и соотнесению ее с конкретными условиями своей страны.

Произведения К.Маркса и Ф.Энгельса стали известны в Румынии в 1850-1860-х годах, но только с начала 80-х годов они начали публиковаться в переводе на румынский язык. В 1880 г. в журнале "Румынии вийтоаре" /"Будущая Румыния"/ появились отрывки из "Капитала" Маркса. В 1883 г. журнал "Емансипаря" /"Освобождение"/ опубликовал в сокращенном виде главы из этого труда. Вышедшая в 1884 г.

газета "Ревиста сочиале" /"Социальное обозрение"/ заявила, что она будет отстаивать не утолический, а научный социализм⁶. В 1885–1886 годах на румынском языке было опубликовано сочинение Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства", в 90-х годах стали известны и другие работы классиков научного социализма: "Развитие социализма от утопии к науке" и "Манифест коммунистической партии", а также фрагменты из таких произведений, как "Нищета философии", "Анти-Дюринг", "Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии". Румынские социалисты пытались найти в марксистском учении ответы на вопросы, которые ставило румынское общество, осмыслить и применить к румынской действительности идеи К. Маркса и Ф. Энгельса.

Важной вехой в развитии марксистской мысли явилось творчество Константина Добруджану-Геря /1855–1920/, ставшего ведущим теоретиком румынской социал-демократии. Добруджану-Геря выступил не только пропагандистом марксизма, но попытался обосновать закономерность социалистического движения в Румынии с учетом конкретно-исторического этапа развития страны. В работах "Карл Маркс и наши экономисты /1884 г./", "Чего хотят румынские социалисты?" /1886 г./, он изложил основные положения научного социализма и сформулировал основные программные установки румынского социалистического движения. Затем К. Добруджану-Геря обратился к изучению методологических вопросов и в 1892 г. опубликовал статью "Материалистическая концепция истории".

Теорию научного социализма применительно к остальным странам Добруджану-Геря пытался приложить к изучению проблем конкретной румынской действительности и к общеевропейскому социалистическому движению, разрабатывал вопросы о соотношении базисных и надстроечных структур, внешних и внутренних факторов в процессе перехода отсталых стран к социализму. Для Румынии, считал Добруджану-Геря, социализм не является "экзотическим цветком", но закономерным путем развития. Однако, по его мнению, воз-

возможность перехода к социализму отсталых стран невозможна до тех пор, пока социализм не победит в передовых странах Европы.

К. Добруджану-Геря и другие румынские социалисты /Райку Ионеску-Риона, А. Бакалбаша, Шт. Стынку, Ион Надежде/, не ставя перед собой профессиональные цели в области анализа исторических процессов и событий румынского прошлого, обращались к изучению национальной истории для того, чтобы осмыслить этапы, основные движущие силы и перспективы развития современного румынского общества. Поэтому в центре внимания зарождавшейся в тот период марксистской историографии стояли вопросы не конкретного исторического исследования, не пересмотра всего источниковедческого материала с позиций исторического материализма и создание самостоятельных исторических исследований, а применение марксистского метода анализу исторических событий для обоснования политических взглядов деятелей румынского социалистического движения. Разрабатывая концепцию социализма в отсталых странах, К. Добруджану-Геря обратился к изучению европейской и румынской истории, к сопоставлению революций на Западе и революционного движения в Валахии в 1848 г., попытался оценить характер и значение аграрной реформы 1864 г. и последующего аграрного законодательства. Особое внимание он уделил специфике процессов социально-экономического развития, положению классов и социальных групп населения, роли, месту и перспективам развития румынской буржуазии, пролетариата, крестьянства и интеллигенции.

Недооценка уровня капиталистического развития Румынии и преувеличение внешнего фактора не могли не отразиться на оценке различных событий отечественной истории. Абсолютизация роли внешнего фактора привела Добруджану-Геря к выводу о том, что революция 1848 г. в Валахии не имела глубоких корней в общественно-экономической жизни страны, и что материальные условия для перехода крепостнического общества к буржуазно-либеральному в Румынии в тот период отсутствовали. "Общество не может, не угрожая своему развитию,

отмечал Доброджану-Геря, — создать собственную эволюцию помимо той, которая исходит из его исторического и общественного развития, не может даже перешагнуть через определенный этап развития...”, при этом заимствование надстроечных форм, либерально-буржуазных институтов с Запада” происходит не “напрямую”, а “опосредованно” через определенные превращения в экономическом базисе⁷.

Таким образом, еще в последней четверти XIX в. румынские марксисты в той или иной мере изучали вопросы генезиса капитализма, предпосылок и движущих сил революции, соотношения базиса и надстройки, развития и смен формаций, учета специфических условий исторического развития стран, их экономической обусловленности, выступали с разоблачением существовавших в Румынии политических институтов, бичевали “реакционные, мерзкие и вредные учреждения, которые насаждала в стране буржуазно-помещичья олигархия”, следствием чего является “нищета, коррупция и гадость”. Но в то же время первые марксистские работы, рассматривающие те или иные исторические события и процессы европейской и отечественной истории, были написаны не профессиональными историками, а политическими деятелями, идеологами и организаторами рабочего движения. Поэтому зарождавшаяся марксистская историография не смогла стать сколько-нибудь заметным течением в утвердившейся к тому времени официальной буржуазной историографии и создать собственную профессиональную историческую научную школу.

Господствующее положение в румынской историографии конца XIX — начала XX в. занимал позитивизм. Это направление, представленное такими крупными историками как А.Д. Хсенопол, Б.Петричейку-Хандеу, Ион Богдан, В.Перван, вытеснило романтическую школу и превзошло его в реальном изображении событий, более богатым использованием источников и их критическом анализе. Публикация источников и создание фундаментальных трудов по истории румынского народа заняли ведущее место в научной деятельности этих историков. Александру Хсенопола собрал и систематизировал огромный архивный материал и написал 14 томную “Ис-

торию румын от Дакии Траяна", Б.Петрачейку-Хашдеу выпустил фундаментальные труды "Исторический архив Румынии", "Иоан Воде Лютый", "Критическая история румын", Е.Хурмузаки опубликовал II томов документов по истории румынского народа, В.Александреску-Урекия работал над "Историей румын" в 13 томах, И.Богдан внес огромный вклад в публикацию источников на славянских языках по истории Дунайских княжеств. В.Пырван развернул широкие археологические раскопки. В то же время можно отметить, что несмотря на огромное разнообразие в освещении материала, оценках различных событий истории Дунайских княжеств на передний план в работах вышеупомянутых авторов выдвигалось фактографическое начало. Хронология стала основой методики. В центре внимания исследователей находилась политическая история, но и она в основном рассматривалась через призму жизни и деятельности целого ряда следующих друг за другом политических фигур, прежде всего господарей княжеств. Изучались международные связи и политико-дипломатические отношения с Турцией, Польшей, Венгрией, Россией, Процессы экономического, социального, культурного развития, вопросы классовой борьбы не получили сколько-нибудь основательного освещения.

В начале XX в. заявил о себе Н.Йорга. Он обратился к исследованию широкого круга проблем: экономики, международных связей, духовной жизни⁸. Движущей силой истории у Йорги являлось сознание, воплощенное в идее нации или в идее национальной солидарности. Историк Д.Онкиул выступил как апологет династического духа румын. Некоторые из историков-позитивистов, например, И.Богдан, приблизились к пониманию роли социально-экономического фактора как ведущего в историческом процессе, но не смогли создать научной концепции исторического развития. Именно поэтому необходимость в новых методологических подходах к проблемам изучения национальной и всеобщей истории превращалась в объективную потребность дальнейшего развития исторического знания.

Марксистская историография выступила с критикой иде-

ализма в идеологии, консерватизма в политике, теории чистого искусства в эстетике. Это проявилось в острейшей полемике, развернутой Доброджану-Геря в журнале "Контемпоранул" /"Новый мир"/ против основных положений идеологической концепции младоконсерваторов, теоретиком которых выступил Т.Майореску, отрицавший социальную роль искусства. Доброджану-Геря отстаивал принципы критического реализма, пропагандировал лучшие произведения представителей этого направления в румынской литературе, подчеркивая их связь с жизнью страны, реалистическое изображение румынской действительности.

Во второй половине XIX - начале XX в. аграрный вопрос стал предметом острой борьбы различных социальных сил и партий. мелкобуржуазная идеология против революционной - с такой альтернативой выступил Константин Стере, в прошлом русский народник, теоретик попоранистского /неонароднического/ движения в Румынии. Все теоретические выкладки Стере сводились к тому, что в Румынии нет почвы для развития пролетариата, а следовательно, он не может быть руководящей силой революционного движения. Стере отрицал закономерность существования в Румынии революционной партии рабочего класса. В Румынии, писал Стере, совершенно исключена по сути своего развития революционная политика, и поэтому Румыния в принципе не может позволить себе роскошь иметь революционную партию. Стере обосновывал некапиталистический путь развития Румынии, доказывал устойчивость мелкого крестьянского хозяйства, абсолютизировал мирный парламентский формы борьбы, "создание подлинной крестьянской демократии", призывая опираться на зажиточных крестьян в деревне, мелкую городскую буржуазию и интеллигенцию⁹.

Теоретики социалистического движения со своей стороны не смогли противопоставить такого рода концепциям четкую марксистскую программу по аграрному вопросу. Борьба с попоранистскими тезисами Стере, непоследовательность, а зачастую путанность и ошибочные взгляды на определение союзников пролетариата привели некоторых теоретиков румын-

ской социал-демократии, в том числе и Доброджану-Гере, к отрицанию революционного потенциала крестьянства и трактовке его как консервативной силы.

С начала XX в. в социалистическом движении Румынии начинают распространяться идеи большевизма. Через Румынию пролегал путь ленинской "Искры" и другой нелегальной литературы в Россию¹⁰. Революция 1905 г. в России и крестьянское восстание 1907 г., потрясшие Румынию, обозначили новый этап в развитии марксистской общественной мысли в социалистическом движении Румынии.

На передний план и в теоретическом плане, и в плане разработки стратегии и тактики социалистического движения в Румынии выдвигались такие основополагающие проблемы, как революция и реформы, легальные и нелегальные формы и методы борьбы, соотношение экономической и политической борьбы, характер рабочих партий и организаций и, наконец, насильственные или мирные преобразования общества. Значительным был интерес и к революционным событиям в России. Один из румынских левых социалистов Д. Фабиан писал позднее: "Мы изучали и изучаем русскую революцию 1905 г. так же, как Маркс изучал революцию 1848 г. и 1871 г."¹¹

К. Доброджану-Гери обратился к изучению опыта России с позиций своей концепции социализма в отсталых странах. Эволюционный путь, который позволил бы подготовить объективные и субъективные условия для перехода к социализму и легальные методы борьбы – таково основное содержание идей Доброджану-Гери о перспективах социалистического развития Румынии, которые он подкреплял историческими фактами и событиями национальной истории, а также сравнительным анализом исторических условий развития Румынии, России и передовых капиталистических стран Западной Европы. В работах этого периода /"К вопросу о социализме в отсталых странах", "Постскрипtum, или Забытые слова" и особенно в своем фундаментальном труде "Неокрепостничество" /1910 г./ Доброджану-Гери для обоснования своих политических взглядов, оценок и выводов опирался на анализ исторических процессов и фактов. В одной из глав книги, названной "Про-

блемы беззакония", Доброджану-Геря выступил с резкой критикой существовавших в тогдашней Румынии порядков, дал уничтожающую характеристику румынской олигархии, политических институтов того времени, показал неспособность румынской буржуазии обеспечить процесс прогрессивного развития румынского общества, поскольку буржуазия в Румынии не являлась самостоятельной политической силой, а была теснейшим образом связана с феодально-помещичьим классом. Придавая первостепенное значение роли внешнего фактора, Доброджану-Геря считал, что "страны, оставшиеся позади, входят в орбиту передовых капиталистических государств", что "вся их жизнь, развитие, социальное движение, определены переживаемой исторической эпохой — политической буржуазной эпохой". В связи с этим Доброджану-Геря пишет об относительной самостоятельности надстройки и ее решающем влиянии при перенесении политических институтов, созданных на Западе, на преобразование базиса в отсталых странах. В передовых капиталистических странах социальные формы следуют за социальным базисом, а в отсталых странах базис следует за надстройкой¹².

Значительный вклад в развитие марксистской общественной мысли в Румынии внес крупный деятель международного социалистического движения Христиан Раковский, ставший одним из руководителей румынской социал-демократии¹³. Начиная со времени учебы во Франции и Швейцарии, он поддерживал тесные контакты со многими представителями революционной интеллигенции и многие годы находился под личным и идейным влиянием Г.В. Плеханова.

Уже в начале 90-х годов XIX в. Раковский опубликовал в Болгарии свои первые работы и начал популяризировать произведения Плеханова. В 1897 г. в румынской прессе появился ряд статей и материалов Раковского, посвященных рабочему движению и анализу политической жизни Румынии. В этих статьях он выступает с резкой критикой румынской олигархии и румынского короля Кароля П. В 1898 г. Раковский опубликовал на болгарском языке книгу "Россия на Востоке", в которой дал разоблачительную критику славяно-восточной по-

литики царизма¹⁴. Однако в России он увидел не только царизм, а показали революционизирующее влияние событий, происходивших в соседнем государстве, на румынское рабочее движение. В 1900 г. Раковский под псевдонимом Инсарова издал в Петербурге книгу "Современная Франция. История Третьей республики". В работе анализируется значение французской революции, причины реставрации третьей империи, история Парижской коммуны. К урокам французской революции, анализу ее исторического опыта и противодействию ей объединенных сил европейской реакции Раковский обращается и в другой работе исторического характера "Князь Меттерних. Его жизнь и политическая деятельность". Изучая опыт революционного движения в Европе и прежде всего во Франции, Раковский также как и Доброджану-Геря пытается определить роль внешнего фактора для развития революционных процессов в балканских странах, подходит с позиций исторического материализма и выдвигая на передний план моменты объективного развития и причинно-следственные связи. В 1908 г. в журнале "Вийторул социал" /"социальное будущее"/ была опубликована статья Раковского, посвященная революции 1848 г. в Дунайских княжествах. Однако хотя вышеуказанные работы можно отнести к историческому жанру, его прежде всего интересовали проблемы рабочего класса, обоснование теории, тактики и перспектив развития социалистического движения. Именно эта тематика и была преобладающей в его трудах "Попоранизм, социализм и реальность". "Режим произвола и трусости" /"Вклад в изучение истории румынской олигархии"/ (Бухарест, 1909 г.), докладе "Социализм и рабочий класс", прочитанном в 1904 г. в Софии и переведенном в 1908 г. на румынский язык, комментарий к программе социал-демократической партии, опубликованном в Бухаресте 1912 г. и др.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в общественно-политической мысли Румынии шел процесс овладения методом исторического материализма как инструментом познания общественно-политических процессов современного общества, разработки теории и тактики рабочего и социалисти-

ческого движения. К историческому анализу деятели рабочего и социалистического движения обращались в значительной мере для иллюстрации и подтверждения своих политических концепций. Поэтому нет оснований говорить применительно к этому периоду о сколько-нибудь сложившемся марксистском направлении в исторической науке, как самостоятельной профессиональной школе. Не прослеживается также влияние марксизма непосредственно на развитие профессиональной исторической науки того времени.

Марксизм и историческая наука в межвоенный период и в годы второй мировой войны

В межвоенный период в исторической науке Румынии доминирующее положение занимали различные направления буржуазной историографии. В значительной степени официальная историография развивалась под непосредственным влиянием крупнейшего румынского историка Н. Йорги /1871-1940 гг./ и его последователей, группировавшихся вокруг журнала "Ревиста истории" /"Исторический журнал"/. Идеи национального единства, национального духа, которые лежали в основе исторической концепции Йорги, находили благоприятную почву для широкого распространения в румынском обществе. Гипертрофируясь в условиях значительного территориального расширения Румынии после первой мировой войны за счет вхождения в нее новых территорий и создания так называемой "Великой Румынии" "Ромыния Маре", они стали важным фактором формирования общественного сознания.

Человек энциклопедических знаний, блестящего европейского образования, работавший над источниками в крупнейших архивах Европы, в том числе Лондона, Сарбони, Рима и Ватикана, Йорга являлся автором многочисленных обобщающих трудов по национальной истории, истории румынской культуры, истории Византии, взаимоотношений балканских народов с Османской империей, истории международных отношений и всеобщей истории. Им опубликовано 1003 тома обобщающих трудов, 12755 статей, около 5 тыс. различных рецензий¹⁵. Кроме того, Йорга был крупнейшим публикатором документов и организатором исторической науки в Румынии. В 1914 г.

под его руководством создан Институт юго-восточных исследований. С 1934 г. Йорга руководил Институтом византиноведения, а с 1936 г. Институтом всеобщей истории, одновременно являясь также ректором Бухарестского университета. Институты имели свои периодические издания. Историки, сторонники исторической концепции Йорги, публиковались также в бюллетене исторической секции Румынской Академии, выходившем с 1913 г.

В первые десятилетия XX в. все более отчетливо заявляют о себе течения, направления и школы, представители которых в той или иной степени проявляли интерес к социально-экономической истории и даже тяготели к экономическому детерминизму. Наряду со старой, традиционной школой историков, в 30-е годы вокруг "Исторического журнала Юго-Восточной Европы" и особенно вокруг созданного в 1931 г. "Румынского исторического журнала" сформировалась "новая школа" историков молодого поколения, представленная такими учеными, как руководитель исторической кафедры Бухарестского университета Константин К. Джуреску, известный румынский славист П.П.Панаитеску и, наконец, историк народов Балканского региона В.Палакостя. Ученые "новой школы" выступили против романтически-идеалистической концепции Йорги, обратились к изучению социальной истории. В то же время все они, также как и Йорга, являлись яростными защитниками идеи румынского континуитета. Продолжая и развивая позитивистское направление, придавая большое значение социально-экономическому фактору в историческом развитии общества, представители "новой школы" историков всячески подчеркивали свою связь с французскими "Анналами" и М.Блоком.

Острейшая полемика между учеными "традиционной" и "новой школы" стала характерной чертой развития исторической науки 30-40-х годов XX в. в Румынии. Постепенно, начиная с конца 30-х годов, представители "новой школы" заняли значительные позиции и в руководстве исторической науки. Директором Института всеобщей истории стал Г.Бретиану, Институтом национальной истории руководил с 1941 г. К.Джу-

реску, Институтом балканских исследований - В.Папакостя. Кроме того, были созданы Институт истории в Клуже под руководством Иона Дупака и Ал.Лапедату и в Яссах под руководством Илие Минц¹⁶. Все эти институты просуществовали вплоть до 1948 г. и определяли в значительной степени в тот период направления исторических исследований в Румынии. Методологически историки "новой школы" в какой-то степени сближались с набиравшей силу румынской социологической и экономической школой, тяготевшей к историческому материализму и представленной работами таких крупных исследователей, как Г.Зане /он издал в 1927 г. работу "Румынская буржуазия и марксизм"/, Шт.Зелетина, теоретика не-олиберализма, М.Рали, опубликовавшего ряд книг по социальной истории, социолога и демографа Дм.Густы, экономиста-аграрника В.Маджару, социал-демократа Л.Радачану¹⁷.

В свою очередь отсутствие марксистских работ по национальной истории заставляло политических деятелей рабочего движения обращаться к профессиональному исследованию узловых проблем социально-экономического и политического развития Румынии с тем, чтобы использовать выводы этих исследований в своей теоретической и практической деятельности¹⁸.

Значительное место в освещении актуальных проблем политического развития Румынии принадлежало румынским революционерам, находившимся после Октябрьской революции в Советской России. Здесь сложился весьма значительный центр румынской эмиграции, представители которой активно включились в распространение большевистских идей и интерпретацию и оценку событий, происходивших в Румынии¹⁹. Проблемы политического развития Румынии, итоги первой мировой войны, кризис буржуазно-помещичьего строя, влияние Октябрьской революции 1917 г. на развитие рабочего и социалистического движения в Румынии, антисоветская политика правящих кругов Румынии, освещались в публицистике, прессе, в специальных изданиях румынской революционной эмиграции, авторами которых являлись румынские интернационалисты и политические эмигранты, и на страницах печатных органов

международных коммунистических организаций. Созданные накануне и после Октября группы румынских революционеров выпускали свои газеты. В Москве на румынском языке был организован выпуск "Коммунистической библиотеки", в одном из номеров которой была опубликована брошюра видного деятеля левой социал-демократии А. Николау "Социалистическая революция в Румынии"²⁰. Работы румынских политэмигрантов носили остро политический и полемический характер, а коммунистическая историография того периода стала составной частью идейно-политической борьбы. Сказывалось и то обстоятельство, что статьи писались, что называется "по горячим следам", и это, безусловно, накладывало отпечаток и на их содержание и направленность. Не случайно центральной темой общественно-политической литературы 20-30-х годов, посвященной Румынии, стало разоблачение захватнических действий румынской олигархии, оккупировавшей в 1918г. при поддержке западных империалистических держав, часть советской территории /Бессарабии/. Ряд работ был написан участниками борьбы за народную власть в этом крае /С. Бантке, А. Бадулеску, К. Галайда, П. Адашовим и др./²¹. Безусловно, публикации, вышедшие в 20-е годы, несли на себе отпечаток текущего момента, страдали определенной односторонностью и прямолинейностью. Ярко выраженный, а подчас и упрощенный классовый подход был характерен для исследований, посвященных анализу событий, происходивших в Румынии. Авторы первых работ, касавшихся революционного движения, внутриполитического и социально-экономического развития Румынии, исходили из тезиса, присущего в тот период коммунистическому движению, о быстром развитии мирового революционного процесса, о перерастании революционного подъема непосредственно в социалистическую революцию и обеспечении победы социализма в короткие сроки. Значительный интерес в связи с этим представляет книга С. Тимова /псевдоним Соломона Тинкельмана, историка, экономиста и политического деятеля, участника коммунистического движения в Бессарабии и Румынии/ посвященная аграрным отношениям и критике неокрепостнической теории К. Доброджану-Ге-

ри и Испании в рамках Международного аграрного института в Москве²². Отдавая приоритет классовой борьбе, автор нередко затупевывает сложность и многоаспектность всего комплекса противоречий, существовавших в реальной действительности, и преувеличивает степень развития капитализма в Румынии, что привело его к выводу о наличии предпосылок для осуществления социалистической революции.

Из работ, посвященных проблемам социально-экономического и политического развития Румынии в конце XIX - первой четверти XX в., отметим книгу Л.Б.Троцкого и Х.Раковского "Очерки политической Румынии", вышедшую в Москве в 1922 г. В нее вошли очерки Троцкого, написанные им во время его пребывания в Румынии в 1913 г. и представлявшие блестящий анализ различных сторон жизни румынского общества накануне и в годы балканских войн. Главы Раковского посвящены послевоенному развитию Румынии. В них гораздо более обстоятельно, чем у Тимова, анализировалось положение классов, партий и политических движений в Румынии после первой мировой войны²³.

В 30-е годы многие деятели запрещенной в тот период в Румынии Коммунистической партии, спасаясь от преследования румынской сигуранцы, были вынуждены покинуть страну. Наиболее многочисленной была румынская коммунистическая эмиграция в СССР. Кроме того, многие деятели КНР активно участвовали в работе Балканского Бюро Коминтерна, которое являлось одним из крупных центров пропаганды на балканские страны.

Насиравшие силу в конце 20-30-е годы идеи сталинизма, деформация марксистского учения, его догматическое толкование, механическое переселение постулатов "Краткого курса ВКП(б)" и тезисов Коминтерна на иную почву социально-политического развития Румынии без учета реального соотношения классовых и политических сил в стране негативно отражались как на идейно-теоретическом уровне, так и на практической деятельности КНР. Значительное место в пропагандистской деятельности КНР уделялось трудам "вожди народов" И.Сталина. В то же время специфика внутриполити-

ческих условий деятельности находившейся в подполье КПр трудности в поддержании регулярных связей и контактов внутреннего руководства КПр с ВКП/б/ и руководством Коминтерна, реалии практической деятельности в конкретных условиях румынского общества определяли, в известной степени, самостоятельность в интерпретации марксизма, что отражалось непосредственно и на развитии марксистской историографии, осмыслении концепции исторического материализма и на применении марксистского метода к исследованию конкретных проблем исторического развития румынского общества²⁴.

Развернувшиеся после первой мировой войны дискуссии о концепции и методологии истории нашли отклик и в среде историков-марксистов. Видный исследователь проблем истории искусства, профессиональный историк профессор Ясского Университета /1926–1936 гг./ Петре Константинеску-Яль /1892–1977 гг./ в 1926 г. предпринял попытку обосновать закономерность материалистической концепции истории и предложил периодизацию национальной истории с марксистских позиций. В работе "Классификация и периодизация румынской истории. Новая концепция истории" он выдвинул достаточно стройную концепцию материалистического понимания истории и ее конкретного применения к характеристике узловых моментов истории Румынии. Вся история, по мнению Константинеску-Яль, должна рассматриваться с точки зрения социально-экономического развития. В основе исторического развития лежат преобразования в материальном базисе. Безусловно, в изучении истории нельзя игнорировать другие факторы, историю общества нужно изучать во всех его проявлениях: экономическом, социальном, политическом, культурном, истории права, религии и т.д., не забывая ни одно из них, но в то же время отводя достойное место изучению социальной истории. Это замечание Константинеску-Яль нам представляется особо важным, так как и впоследствии он никогда не был сторонником вульгарного, примитивно понятого материализма. Высокий профессиональный уровень Константинеску-Яль, его обширные знания в области не только истории, но и смежных с ней наук, таких, как искусство, византиноведение, не по-

зволюли ему надеть шоры получавших тогда распространение в коммунистическом движении деформированных под марксизм догм и схем. Константинеску-Яшь рассматривал национальную историю в широком историческом контексте, а всемирную историю как естественно исторический процесс смены формаций, или, как он классифицировал, "исторических эпох", выделяя античную, средневековую, новую и современную /новойшую/ В основу периодизации исторического развития, предложенную Константинеску-Яшь, положены как объективные, социально-экономические критерии, которым он отдает приоритет, так и субъективные. Он рассматривает революции как качественный переход от одной эпохи к другой. Исторические факты, — пишет он, — не могут исследоваться изолированно. Различные процессы развития человеческого общества являются взаимосвязанными и каждое событие исторически обусловлено²⁵.

Другой румынский историк — марксист Виктор Аради, ссылаясь на Маркса, обосновывает необходимость изучения исторического прошлого страны, социальной структуры и сущности способа производства²⁶.

В 1938 г. профессор Ясского университета Андрей Оцета опубликовал статью "Материалистическая концепция как метод исследования и интерпретации". Опираясь на анализ европейской историографии, прежде всего ее позитивистского направления, он показал не только ограниченность позитивизма, но и необходимость для исторической науки перехода на позиции исторического материализма. Говоря об обусловленности исторического процесса, Оцета пишет, что "марксизм не отрицает того, что политические, юридические и идеологические формы влияют на экономические процессы, но решающее значение при этом придает экономическому фактору". На конкретно-историческом материале, главным образом эпохи европейского возрождения и перехода от феодализма к капитализму, Оцета раскрывает методологическую ценность для исторических исследований понимания истории как причинно обусловленного и взаимосвязанного процесса и использования таких марксистских категорий как "способ производства", "производственные отношения", "классовая

борьба" и т.д.²⁷ В 1941 г., основываясь на марксистской концепции, он опубликовал работу "Возрождение и реформы", в которой в контексте общеевропейского исторического процесса раскрыл взаимосвязь экономических, политических и культурных аспектов национального возрождения в Румынии²⁸.

Наиболее крупным историком-марксистом межвоенного периода являлся один из руководителей Коммунистической партии Румынии Дукрециу Патрашкану. Он окончил юридический факультет Бухарестского университета, защитил в Лейпцигском университете докторскую диссертацию по аграрным отношениям в Румынии. Его перу, помимо многочисленных исторических и публицистических статей, принадлежат три крупных монографических труда по истории Румынии /с первых десятилетий XIX в. и до 40-х годов XX в./ и монография, посвященная истории общественно-политической мысли в Румынии²⁹. Необходимость разработки теории, стратегии и тактики рабочего движения, осмысления проблем общественно-политического развития Румынии в межвоенный период стали побудительным мотивом для обращения Д. Патрашкану к исследованию узловых вопросов новой и новейшей истории Румынии. В 1937-1938 годах в журнале "Вьеща Ромэниязка" /"Румынская жизнь"/ Патрашкану опубликовал некоторые из своих статей, которые впоследствии вошли в качестве разделов в крупную монографию "Век социальных волнений", начатую в 1933 г. Однако, первое издание книги появилось лишь в 1945 г. Годом раньше, в 1944 г., были опубликованы две другие его книги "Основные проблемы Румынии" и "Под тремя диктатурами". Последняя работа была издана в 1946 г. на французском языке в Париже. В монографии "Век социальных волнений" хронологически рассматривается период с первых десятилетий XIX в. и вплоть до крестьянского восстания 1907 г.³⁰ В центре внимания автора находится генезис капиталистических отношений в Румынии, особенности аграрного вопроса и положение крестьянства, процессы формирования буржуазии и рабочего класса, революционная борьба крестьянства за землю и свои права. Патрашкану особо подчеркивал значение теории и научной методологии, "теории

рожденной из непосредственного контакта с реальными фактами, подкрепленной и контролируемой практикой³¹. При написании книги автор обращался к документальным источникам, в частности, к коллекции архивных документов Хур-рузеки, широко использовал фактические материалы из работ буржуазных историков и экономистов, а также труды социал-демократов. Выводы своего исследования автор использовал для определения основных направлений в разработке аграрной программы КПР и практической линии коммунистов в отношении крестьянства.

Над следующим своим исследованием "Основные проблемы Румынии" Патрашкану работал во время второй мировой войны. Эта книга как бы раздвигала хронологические рамки предстоящей работы. В ней анализировались процессы социально-экономического развития Румынии в межвоенный период и на начальном этапе второй мировой войны. В центре внимания автора находится классовая структура общества, социально-экономические преобразования в стране после первой мировой войны, положение различных групп, слоев и классов с точки зрения возможностей создания народного антифашистского фронта.

В работе рассматривается взаимосвязь внутренних и внешних факторов в развитии политических процессов в Румынии, объективных /временные успехи германской армии и ее ставленников, разобщенность политических сил/ и субъективных /широкая националистическая и шовинистическая пропаганда правящих кругов, базирующаяся на ревизии границ 1940 г. и идея создания единой национальной "Большой Румынии"/.

Книга Патрашкану "Под тремя диктатурами" посвящена анализу политического развития Румынии в межвоенный период. В ней Патрашкану рассматривает основные тенденции развития румынской промышленности изменения, произошедшие в структуре румынского общества, дает характеристику основным политическим партиям, существовавшим в межвоенной Румынии, вскрывает социальные корни и социальную базу фашистского движения, показывает эволюцию политической жизни Румынии в направлении все более усиливающегося под-

чинения общества фашистским и профашистским организациями. Работы Патрашкану были нацелены на обоснование необходимости создания широкого народного фронта на базе единого рабочего фронта с целью объединения всех прогрессивных сил в борьбе против фашизма.

С гневным разоблачением фашизма выступили публицисты-коммунисты. В статьях и публицистических очерках И.Кристи, Л.Баньян, Ат.Иожи, Н.Д.Кочи, Т.Бугнариу, вскрывались причины политического и экономического кризиса, охватившего румынское общество в 30-е годы, социальные корни и социальная база фашистского движения, взаимосвязи германского и румынского фашизма, давался анализ внутри- и внешнеполитической ситуации³².

В конце 30-х - начале 40-х годов объектом идеологической и политической борьбы в румынской историографии также стала проблематика крестьянских движений и крестьянских восстаний в средние века и новое время. После введения по конституции 1923 г. всеобщего избирательного права еще более усалилась борьба различных политических партий и группировок за привлечение крестьянства на свою сторону. Правая буржуазная и профашистская историография пыталась представлять крестьянские восстания лишь как бунты, лишённые социальной направленности и носящие национальную окраску с тем, чтобы разделить крестьянство по национальному признаку. В противовес этому марксистские работы, посвященные крестьянским движениям, стремились показать роль и место крестьянства в современном румынском обществе, выработать аграрную программу в соответствии с реальным положением крестьянства, найти средства и формы для привлечения его на сторону рабочего класса. Поэтому как писал историк-марксист М.Дэсколеску-Дизчук, изучение крестьянских движений в момент нарастания социальных волнений является политически актуальным. "Из борьбы и жертв масс нужно извлекать политические уроки и для сегодняшнего момента и на будущее" - отмечает Дэсколеску-Дизчук. В 1936 г. под псевдонимом Ал.Саву он публикует в журнале "Эра nouă" /"Новая эра"/ работу в связи с 115-летием

восстания Тудора Владимиреску /1821 г./, а в 1937 г. - "Восстание барщинных крестьян в Бобылино /1437 г./³³. В центре внимания автора анализ причин и характера крестьянских движений. На основании изучения документальных источников он приходит к выводу о том, что движения Тудора Владимиреску носило глубоко народный революционный характер и было направлено прежде всего против крупных земельных собственников и арендаторов. В истории социальных движений автор ищет аналогии с целью решения одной из наиболее актуальной проблемы современного развития румынского общества кануна второй мировой войны - создания единого народного фронта против надвигающейся угрозы фашизма, призывает прогрессивные силы румынского общества к единению.

Творчество профессионального историка Дэвида Продана является примером постепенного перехода специалиста по истории феодализма, занимавшегося социальной проблематикой, на позиции марксизма. В 1938 г. Продан опубликовал работу "Восстание под руководством Хорьи в районах Клуж и Тудра". Обращение именно к восстанию 1784-1785 годов развернувшегося на территории двух комитатов /районов/ Трансильвании, где проживало как румынское, так и венгерское население, не было случайным. Он показал, что восстание крестьянства было направлено против боярства и всякого угнетения вообще. Совместная борьба румынского и венгерского крестьянства оказалась в тот момент сильнее политики господствующих классов, направленной на национальное размежевание и разжигание национальной розни. Восстание 1784-1785 гг. под руководством Хорьи, Клошки и Кришана привлекло внимание и других историков-марксистов. В 1940 г. вышли книги, посвященные этому сюжету, видного революционера, активного деятеля КИР, в прошлом выпускника Бухарестского университета Мирона Константинеску³⁵.

Проблемы рабочего движения, выбор путей общественного развития, соотношение реформ и революции стали главным объектом исследований в социал-демократической литературе. Определение путей дальнейшего развития румынского общест-

ва, вопрос о взаимоотношениях социалистических партий с буржуазными стали одними из центральных тем в социал-демократической литературе. Они приобрели не только теоретическое, но и практическое значение, стали полем острой политической борьбы различных течений в рабочем движении. И, если в коммунистическом движении проявлялись левосектантские тенденции, то лидеры правой социал-демократии, отвергая связи с коммунистами, выступали за сотрудничество с буржуазными партиями, причем не редко не только в области решения общедемократических задач, но и в вопросах политики правительства Румынии, отнюдь далеко не прогрессивной. В 1932 г. вышла в свет двухтомная история социалистического движения в Румынии с 1881 г. до 1916 г. И.К.Атанасиу, являвшегося лидером правого крыла социал-демократии. Автор представляет социалистическое движение в Румынии как движение прежде всего интеллигентов. Поэтому основное внимание он уделяет характеристике лидеров социалистов и освещению их демократической деятельности /Иоана Надежда, Константина Доброджану-Геря, Антона Бакалбаша, Константина Миле, Райку Йонеску-Рион и др./ Главную цель социалистической партии он видел в пропаганде социалистических идей и в предвыборной борьбе за места в парламенте³⁶.

Значительный исторический интерес представляет работа лидера социал-демократической партии Константина Тителя-Петреску "Социализм в Румынии. 1835 - 6 сентября 1940 г.", завершенная в 1940 г., но увидевшая свет только в 1945 г. "Материалистическая концепция истории, - заявляет Титель-Петреску во введении, - является единственной экономической и социальной доктриной, которая имеет собственную концепцию исторического исследования"³⁷. Автор подчеркивает, что именно концепция исторического материализма стала теоретической основой труда. К.Титель-Петреску выделяет хронологические этапы развития социалистического движения - от утопического социализма до образования социал-демократической партии и ее деятельности вплоть до 1940 г.

В работе Тителя-Петреску развитие социалистического движения в Румынии рассматривается в широком международ-

ном и внутриполитическом контексте. Международное социалистическое движение, история II Интернационала и анализ деятельности его конгрессов, балканские войны, съезды балканских социалистов, идея балканской федерации, первая мировая война и ее результаты, Февральская и Октябрьская революции в России, основные тенденции политического развития Румынии в межвоенный период – все это отражено в книге Тителю-Петреску.

Развитие социалистического общества автор рассматривает как естественно-исторический процесс, корни которого уходят в глубокое прошлое. Социалистическую доктрину нельзя считать готовой концепцией, создание которой принадлежит уму одного даже самого гениального человека. Как доктрина, социализм – продукт истории, пишет он. В то же время социалистическое движение, по утверждению автора, является движением идей. "Социалистическое общество, – как он себе его представлял – это общество, в котором не будет ни нищеты, ни классовой борьбы, ни войн". Характеризуя концепцию научного социализма, он отмечал, что наряду с историческим материализмом, как сущностной чертой научного социализма, другой столь же важной чертой доктрины является признание классовой борьбы.

Два исключительных по своему значению события определили в известной степени развитие человечества в XX в. пишет он, первая мировая война и революция в России. При этом революцией он считает весь революционный процесс после 26 февраля 1917 г. Октябрьскую революцию автор рассматривает как государственный переворот, осуществленный большевиками, как специфически русское явление. Он противопоставляет большевистской концепции перехода к социализму социал-демократическую программу, предусматривающую постепенное эволюционное движение к будущему социалистическому устройству, утверждая, что для Румынии путь, пройденный Россией, не приемлем. В Румынии, утверждает Тителю-Петреску, нет ни объективных, ни субъективных условий для преобразования общества на социалистической основе. Переход Румынии к социализму он связывает с осу-

ствлением революции в развитых капиталистических странах. Он предлагает легальный путь борьбы за преобразование общества путем постепенных реформ. После окончания второй мировой войны, когда на повестку дня уже практически встал вопрос выбора путей строительства будущего общества, Титель-Петреску заявил, что социализм для Румынии можно рассматривать только как идеал будущего. Он считал, что румынское общество не готово к переходу на путь социалистических преобразований. Руководящей силой социалистического движения Титель-Петреску, так же как и его, предшественники, считал интеллигенцию³⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что марксистская методология стала более широко использоваться при интерпретации исторических факторов, при освещении конкретных исторических событий в профессиональных исследованиях межвоенного периода. Марксистские исследователи как лево-радикального коммунистического направления, так и социал-демократического, обращались к разработке проблем методологии, периодизации, роли социально-экономических и политических факторов в общественно-историческом развитии общества. В то же время не только мировоззренческие, но и политические позиции авторов оказывали влияние на содержание, направленность и выводы конкретно-исторических исследований. В марксистской историографии обозначилась приоритетность новой проблематики: генезис капитализма, рабочее, крестьянское и национально-освободительное движение. В работах историков коммунистической ориентации на передний план выдвигались вопросы, связанные с революционной борьбой трудящихся.

Социал-демократические авторы обращались к изложению истории рабочего движения исходя из своих реформистских позиций. При изучении проблем реформ и революции они отдавали приоритет эволюционному развитию общества, обосновывая невозможность построения социализма в отсталых странах без революций в передовых высокоразвитых государствах. В то же время, как это отмечалось выше, историко-материалистический метод как инструмент исследования находил в

определенной степени свое отражение в трудах буржуазных историков, социологов, экономистов, занимавшихся социально-экономической историей.

В целом же, хотя в межвоенный период марксистская историография набирала силу и была представлена работами ряда профессиональных историков как коммунистического, так и социал-демократического направления, она не оформилась еще в историческую школу и не заняла существенных позиций в исторической науке.

Вместе с тем развитием марксистской историографии в этот период была подготовлена почва и сложились определенные традиции для становления в послевоенные годы, в условиях смены режимов, марксистской историографии как направления исторической науки. Профессиональные историки, такие, как П.Константинеску-Яль, А.Оцетя, Д.Продан, М.Роллер, М.Константинеску, овладевшие еще в те годы марксистской методологией, смогли в последующем возглавить это новое направление.

Политические изменения в Румынии накануне и в годы второй мировой войны оказали существенное влияние на проблематику и основные направления румынской историографии.

Нарастание в общественно-политической жизни страны профашистских тенденций, переход Румынии на сторону гитлеровской Германии, установление в сентябре 1940 г. военно-фашистской диктатуры и вступление в антисоветскую войну не могло не отразиться на развитии общественных наук, которые стали полем непримиримой борьбы различных теорий и концепций. Еще в конце 30 — начале 40-х годов в официальной исторической науке произошел раскол на политической основе. Часть буржуазных историков во главе с И.Йорга выступила против фашистского террора, человеконенавистнических нацистских теорий. Другие, встав на путь агрессивного национализма, пытались использовать историю для идеологического обоснования политики фашистского режима.

В условиях обострения социальной напряженности фашиствующие молодчики из "железной гвардии", добравшиеся до власти, жестоко расправлялись со своими политическими про-

тивниками. Не только коммунисты, но и антифашистски настроенные деятели стали их жертвами. Среди интернированных коммунистов в концентрационном лагере Келераш находился уже упоминавшийся выше историк П.Константинеску-Яшт. В ноябре 1940 г. легионеры убили Н.Поргу. Их жертвой стал крупнейший румынский экономист В.Маджару. От руки фашистских убийц погиб профессор Ясского университета социолог П.Андрей. Взрыв национализма стал характерной чертой общественно-политической жизни румынского общества того периода. Не только в официальной пропаганде, но и в исторических работах обосновывались "исторические права" Румынии на территории, вошедшие в ее состав после первой мировой войны³⁹.

После нападения гитлеровской Германии при участии Румынии на Советский Союз официальная пропаганда с новой силой стала отстаивать права Румынии на советские территории, причем не только на земли между Прутом и Днестром, но и за Днестром⁴⁰.

В годы войны фашистское правительство через свои организации, прессу и другие каналы насаждала нацистскую идеологию, оказывала административный нажим на творческую интеллигенцию. Румынская печать контролировалась не только румынской, но и германской цензурой. Ультраправая газета "Курентул" выходила под девизом "За расу и цивилизацию!" Правящие круги ввели в школу нацистскую программу воспитания молодежи. Фашистские организации вмешивались в учебный процесс высшей школы. Историческая наука шла в русле официальной политики.

Демократическая струя была достаточно слабой, марксистские историки были загнаны в подполье или находились в эмиграции. Коммунистическая публицистика обращалась к историческим событиям национальной и всеобщей истории для обоснования своей антифашистской платформы с целью объединения в борьбе против фашизма широких антифашистских сил.

Историческая наука в Социалистической Республике Румыния

После свержения в августе 1944 г. фашистского режима в Румынии, выхода ее из войны, в которой она участвовала на стороне гитлеровской Германии, и установления в стране народно-демократического правительства историческая наука развивалась сложно, противоречиво и неоднозначно. Вплоть до 1948 г. продолжали действовать исторические институты, созданные в межвоенный период. Несмотря на бурные процессы политической жизни, острейшую борьбу за власть, конфронтацию старых, так называемых исторических партий и коммунистической партии, у руководства исследовательских и учебных институтов оставались буржуазные историки — профессионалы, представлявшие главным образом позитивистское направление. Развивались историографические исследования различного методологического толка — национально-романтического, позитивистского и историко-материалистического. В период с 1944 по 1948 г. продолжали выходить исторические журналы, основанные еще до войны, такие как "Румынский исторический журнал", "Ежегодник" Института национальной истории, "Бюллетень" исторической секции Румынской Академии и др. Можно отметить, что под влиянием политических изменений произошел определенный сдвиг в выборе проблематики исследований у историков позитивистского направления. Основное внимание в своих работах они стали уделять анализу деятельности румынских реформаторов, вопросам национально-освободительного движения⁴¹. Крупнейший балканист, директор Института балканистики Виктор Папакостя опубликовал в 1947 г. книгу "Интерпретация истории. Исследование социально-экономических проблем", в которой рассмотрел генезис румынского феодализма, развитие торговли, становление феодального города. Д. Бодин, один из видных представителей "новой школы" в румынской историографии, осуществил сравнительный анализ национальных и революционных движений на Балканах, опубликовал несколько работ, посвященных движению Тудора Владимиреску 1821 г. Он рассматривал движение Тудора Вла-

миреску не только как факт национальной истории, но и в европейском контексте. И в то же время М.Бодин считал, что внутренние факторы играли первостепенную роль в этих движениях⁴². В этом же ключе выступил А.Оцета, посвятивший свое исследование также революционному движению Тудора Владимиреску и его связям с греческим революционным движением⁴³.

Следовник Д.Бодина и Д.Сучиу изучал революционные события 1848 г. и румыно-сербские связи того периода. В 1948 г. вышло в свет значительное число исследований, посвященных 100-летию революционных событий в Дунайских княжествах.

"Румынский исторический журнал", наряду с работами историков старшего поколения, активно публиковал статьи молодых историков. На его страницах увидели свет статьи Дана Берендея, начавшего заниматься проблемами революции - 1848 г. и преобразованиями в Румынии в середине XIX в. археолога М.Петреску-Димбовица, впоследствии директора Института истории и археологии в Яссах, К.Никулеску, изучавшего средневековое румынское искусство, В.Дикулеску, специалиста по социально-экономической истории нового времени, Константина Шербана, обратившегося к изучению международных отношений и социально-экономического развития Дунайских княжеств в XIII-XIV вв. славястов Д.Богдана, В.Костакел⁴⁴. Именно из числа этих историков, имеющих фундаментальную базу исторического образования и высокий уровень профессиональной подготовки, сформировалось впоследствии новое поколение марксистских исследователей.

Параллельно с развитием исторических исследований, сложившихся в рамках официальной исторической науки в межвоенный период, в издательствах левых партий и организаций публиковались труды историков-марксистов и деятелей рабочего и коммунистического движения. Происходило осмысление исторических событий недавнего прошлого, в частности, анализ подготовки и осуществления акта свержения фашистского диктатора И.Антонеску. Примечательным являлся тот факт, что начали публиковаться документы по истории

рабочего класса. В 1947 г. вышел сборник документов, посвященных истории рабочего движения в период 1872-1916 гг. На основе документального материала М. Роллер подготовил работу "Из истории профсоюзного движения"⁴⁵. Начали изучаться проблемы демократических и революционных связей народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы, румынского и русского народов.

История рабочего и социалистического движения стала предметом исследований деятелей и теоретиков социал-демократического движения. Социал-демократы пытались обосновать постепенность реформирования социально-экономического строя в направлении создания социалистического общества, анализировали соотношение демократии и социализма, главенствующую роль в этом процессе интеллигенции⁴⁶. Социал-демократы, в частности К. Титель-Петреску полагали, что внутри демократии происходит постепенный эволюционный переход к социалистическому обществу⁴⁷. Титель-Петреску выдвинул программу общедемократических преобразований с сохранением структур капиталистического общества и внешнеэкономической ориентацией на развитые капиталистические страны⁴⁷.

Однако, общая эволюция исторической науки в период 1944-1947 гг. определялась соотношением политических сил. Укрепление в Румынии позиций коммунистической партии, переход в ее руки основных рычагов политического и идеологического влияния вел к переориентации историков на позиции марксистско-ленинской концепции истории в ее догматическом, извращенном сталинском варианте. Действия на территории Румынии Союзной контрольной комиссии, руководство которой фактически осуществлялось⁴⁸ командованием Советской Армии, все более усиливавшееся влияние на политические процессы в стране, массированное распространение пропагандистских материалов, поступающих из СССР, активное участие в пропагандистской деятельности руководителей коммунистической партии, особенно из числа вернувшихся из СССР и находившихся в плену сталинско-коминтерновских догм, определяло уже в тот период возможные повороты в сторону унификации идеологических концепций и воздействие этого

фактора на развитие исторической науки.

Конец 1947 – начало 1948 г. явился переломным рубежом в общественно-политической жизни Румынии. 30 декабря 1947г. была свергнута монархия, Румыния провозглашена народной Республикой, а король Михай выехал из страны. Еще раньше были запрещены оппозиционные партии, основные рычаги власти перешли в руки коммунистов, стала создаваться раздутая и монолитная структура административно-командной системы сталинского образца с присущим ей аппаратом контроля и репрессий. Копирование советской модели социализма привело к идеологизации всех сторон жизни румынского общества. Общественные науки превращались в охранительный фактор нового режима. В связи с этим формировались новые кадры, которые должны были служить утверждавшемуся режиму, стать идеологическим подспорьем политики коммунистической партии. Сталинско-жdanовский пролеткульт предписывал определенные рамки и направления развития общественных наук.

Однако было бы весьма примитивно сводить этот процесс только к определенным схемам. Освоение исторического материализма и осуществлялось сложным и противоречивым путем. Марксистская методология как инструмент исследования давала возможность по-новому взглянуть на исторический процесс, определить движущие силы развития, закономерности процесса, затронуть проблематику мало или совсем неисследованную историю народных масс, крестьянского и рабочего движения, социальные структуры, народно-демократические и социалистические революции и т.д.

С 1948 г. марксистская историческая наука стала оформляться организационно. В 1948 г. в рамках процесса реорганизации всей системы образования и науки произошла перестройка Румынской Академии и всей системы исторических институтов. В Академии была создана специальная секция по общественным наукам, в которую вошла и история. 14 июня 1948 г. был создан Институт истории РНР, который объединил 6 институтов, действовавшие до этого как самостоятельные: Институты национальной истории, всеобщей истории, юго-восточных исследований, Византиноведения, балканистики.

Институт истории в Яссах стал его филиалом. С декабря 1948 г. Институт истории, относившийся до этого к министерству образования, вошел в состав Академии РНР. Был создан Институт истории и философии в Клуже.

Директором Института истории /Бухарест/ стал Петре Константинеску-Яль, крупный профессиональный историк-марксист, специалист в области истории искусства, византиноведения и истории культурных связей балканских народов. Ведущую роль в руководстве исторической науки занял Михаил Роллер, определявший в значительной мере направления и тон исторических исследований. Видное место принадлежало историкам-марксистам старшего поколения, ветеранам КЛР, таким, как Клара Кушнир Михайлович, Виктор Керестешу и др. Перед коллективом сотрудников Института истории были поставлены задачи — развивать исторические исследования в области национальной и всеобщей истории на основе новой концепции и метода исторического материализма, разработать общую периодизацию истории Румынии с позиций социально-экономических формаций. Особое внимание должно было уделяться разработке проблем методологии истории. История рассматривалась как один из факторов формирования новой идеологии.

Администрирование, нарушение законности, преследование инакомыслящих, нетерпимость к критике — все это стало достаточно распространенным методом руководства общественными науками. Это нанесло вред истории как науке и трагически сказалось на отдельных ее представителях. В 1949 г. был подвергнут сначала домашнему аресту, а затем заключен в тюрьму бывший директор Института истории /1940-1947 гг./, Г.Брэтиану, погибший в застенках в апреле 1953 г. Репрессиям подвергались не только историки старой формации. Трагическая участь постигла и одного из крупнейших историков-марксистов, видного деятеля КЛР Лукрециу Патрашкану. В апреле 1948 г. он был арестован, против него были выдвинуты ложные обвинения и в апреле 1954 г. казнен, причем это произошло уже после смерти А.Сталина, когда в международном коммунистическом движении постепенно набирал силу процесс десталинизации.

В развитии исторической науки в Румынии в первое десятилетие после установления коммунистического режима можно выделить несколько этапов, соответствующих особенностям социально-политического развития румынского общества: /1948-1953, 1954-1957, 1957-1959, 1959-1965/.

Для первого этапа /1948-1953/ было характерно усиленное догматизирование, политизация и, как следствие, вульгаризация ряда направлений историографии, особенно связанных с проблемами новейшей истории. Кампания борьбы с буржуазным космополитизмом, развернувшаяся в СССР, оказала прямое влияние и на развитие общественных наук в социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы и, в частности, в Румынии. Это нашло отражение в статьях и выступлениях руководителей исторической науки, в пропагандистской деятельности, примером чего могут служить статьи М.Роллера, П.Константинеску-Яшь и др. Марксизм в исторической науке Румынии выступал в этот период в упрощенной интерпретации. Широкое распространение под нажимом сверху получило обсуждение работ И.В.Сталина "Марксизм и вопросы языкознания" и "Экономические проблемы социализма в СССР", так называемая "борьба с морганизмом и вейсманизмом в СССР", комментарии выступления на сессии ВАСХНИЛ Т.Д.Лысенко.

Коренная реорганизация исторических исследований предполагала и кадровую перестройку. Старые кадры буржуазных историков были отстранены от руководства исторической наукой. Часть из них лишилась работы, некоторые подверглись репрессиям, особенно те, кто был связан в прошлом с буржуазными политическими партиями. Другие попытались перестроиться и включиться в исторические исследования на новой методологической основе. Эта переориентация шла довольно быстро, но была скорее всего попыткой приспособиться к новым условиям существования. Сохранению профессиональных кадров способствовала широко развернувшаяся публикация источников. Впоследствии они активно работали в области археологии, древней истории, истории средних веков, византиноведения, многие остались преподавать на исто-

рических кафедрах университетов.

Проблема нового поколения также занимала существенное место в развитии исторической науки. На исторических факультетах университетов и пединститутах стали готовиться историки новой идеологической ориентации. Значительное число студентов обучались в ведущих вузах СССР, некоторые продолжали исследовательскую работу в аспирантуре /Шт.Штефанеску, Д.Хурезяну, Л.Демени, Э.Лазя, Н.Копю, Г.Казан и др./.

Бесыма неоднозначным было влияние советской исторической науки на румынскую. В послевоенный период начали активно развиваться связи советских и румынских историков. Быстро увеличивался книгообмен, особенно поступление пропагандистской литературы из СССР. Около пятнадцати общественно-политических и исторических периодических изданий получала, например, библиотека Института истории. В журнале Института "Студий" регулярно публиковалась информация о деятельности Института истории АН СССР. В библиотеку института, наряду с пропагандистской литературой поступали книги крупных советских историков Е.Тарле, С.Д.Сказкина, А.З.Манфреда, Б.Ф.Поршнева, Б.А.Трекова, Н.М.Дружинина, И.С.Галкина, книги по древнерусской литературе и архитектуре, памятникам русской письменности и т.д. Особое внимание в этот период было уделено изучению сравнительно-исторических процессов на территории Румынии и России. В 1952 г. румынская исследовательница В.Костакел опубликовала статью об общности терминологии "Русской правды" и румынских средневековых памятников⁴⁸. Однако в исторических учреждениях Румынии сложилась такая ситуация, когда отношение к советской исторической науке являлось критерием благонадежности румынского ученого. Не допускалась никакая критика в адрес советских историков, хотя разгромные статьи советских авторов в адрес румынских исследователей имели место. Примером может служить "рецензия" на школьный учебник "История Румынии", вышедший в 1947 г. под редакцией М.Роллера и представлявший попытку систематического изложения истории Румынии с древнейших

времен до середины 40-х годов с позиций марксистской концепции. В 1950 г. "История Румынии" была переведена на русский язык в СССР с предисловием И. Звягина, который обвинил авторов учебника в том, что они ошибочно освещают проблемы происхождения румынского народа, находятся под влиянием буржуазных теорий /самое страшное обвинение в условиях борьбы с космополитизмом/. Рецензия на "Историю Румынии" была перепечатана в Румынии в первом номере журнала "Студий" за 1951 г. Возможно, учебник "История Румынии" как первый опыт подобного издания не мог быть безупречным. Схематизм, упрощение исторических процессов в полной мере были присущи ему. Но тем не менее положительным качеством учебника являлось систематическое изложение исторических процессов на территории Румынии.

После смерти И. Сталина произошла определенная либерализация и раскрепощение исторических исследований. В науку уступило новое поколение учёных. Оно не было отягощено старыми стереотипами, но явно нуждалось в углубленной профессиональной подготовке. Однако на смену старых появились новые стереотипы, связанные с узкоклассовым толкованием истории, упрощенной интерпретацией исторических явлений, недостатком профессионализма. Показательной для перемен, наметившихся в исторических исследованиях после 1953 г. явилась сессия общественных наук, состоявшаяся 21-24 декабря 1953 г., материалы которой были опубликованы в 1954 г. В рамках этой сессии работала специальная секция по исторической науке. На секции было представлено 66 докладов и сообщений, 10 человек выступили в их обсуждении. 40 человек, в основном молодежь, впервые представили результаты своей работы. Анализируя проблематику докладов, можно отметить обращение к новым темам, особенно в области новой и новейшей истории: исследования проблем рабочего и крестьянского движения, румынорусских и румыно-болгарских революционных связей и т.д. В докладе директора Института истории Румынской Академии Петре Константинуеску-Диль, который выступил с анализом состояния исторической науки, было обращено внимание на ряд

моментов весьма существенных для понимания определенного поворота в развитии марксистской исторической науки в Румынии после 1953 г. В качестве одной из первоочередных задач Константину-Янь подчеркнул необходимость использования кадров высшей квалификации, "различных по возрасту". Он высказался против тех, кто считал, что историческая наука должна опираться только на молодежь. В условиях шельмования старых кадров это имело большое практическое значение для сохранения научного профессионального корпуса ученых. Константину-Янь отверг нигилистическое отношение к традициям развития исторической науки, обратил внимание на то, что необходимо глубоко анализировать произведения предшественников. Он отметил серьезные недостатки как в количественном, так и особенно в качественном уровне исторических работ, указав на необходимость обогащения и расширения проблематики и повышения научного уровня исследований. В качестве приоритетных тем он выдвинул такие, как проблемы социально-экономического развития Румынии, особенно в новейший период, складывания союза рабочего класса и крестьянства, процессы развития народно-демократического строя. Особо подчеркивалась необходимость более полно раскрывать роль народных масс как творцов истории. Намечалось написание работ по истории рабочего класса и крестьянства, влияния революции 1905 г. в России на Румынию и т.д.

Константину-Янь попытался выступить против догматизации и единообразия /в допустимых, конечно, рамках/ подходов и взглядов историков. Прогресс в исторических исследованиях может быть обеспечен только в условиях борьбы мнений, широких дискуссий, широкого анализа комплексных и сложных проблем. "Иначе можно скатиться к толмудизму!" — подчеркнул Константину-Янь⁴⁹. Он обратил внимание на необходимость расширения публикаторской деятельности и накопления материалов для дальнейших исследований.

Несмотря на сложность процесса развития исторической науки в послевоенные годы, односторонность, схематизм, полетизацию, проявлявшиеся в исследованиях того периода,

положительным моментом являлось то, что марксистская историография отказалась в значительной степени от националистической концепции истории, характерной для подавляющего большинства работ буржуазных авторов, порвав с идеями "Великой Румынии".

Одновременно с организационной перестройкой менялась издательская база, были закрыты старые и появились новые исторические журналы. Ведущую роль играли журналы "Студий-Ревиста де истории" /печатный орган Института истории/, "Анале де истории" /"Исторические Аналы"/, принадлежавший Институту истории партии, который был организован в 1951 г. при ЦК РРП. Выходили также ежегодники секции истории румынской Академии, периодические издания Ясского и Клужского институтов истории и археологии, Института археологии г.Бухареста, Бухарестского университета и других университетов страны. Ряд музеев и исторических обществ также имели свои издания.

Новый виток идеологического давления на историческую науку обозначился в 1957-1958 гг. Решения XX съезда КПСС и последовавшие за этим демократические движения в Польше, Венгрии и других странах, оказали неоднозначное влияние на общественно-политическую жизнь в различных социалистических странах, в том числе и в Румынии. Лидеры румынских коммунистов оказались среди тех, кто по сути не признал решений XX съезда КПСС, особенно касающихся культа личности Сталина и его последствий. Страх перед демократизацией и ослаблением своих личных позиций, желание удержать под контролем общественно-политическую жизнь толкали Г.Георгиу-Дежа к активизации идеологического надлома на общественные науки. Целый ряд историков подверглись критике "за сползание на позиции буржуазной историографии"⁵⁰. Были проведены чистки и разбор персональных дел, в частности, в Институте истории.

Конец 60-х годов характеризовался определенными успехами как организационного, так и публикаторского и научного характера. В области археологии были проведены новые раскопки и опубликованы собранные материалы. Среди архео-

ологов и историков, занимавшихся проблемами древней истории, можно отметить таких ученых, как В. Попович, М. Петреску-Димбовица, Д. Берчиу, И. Нестор, К. Дайкович, Е. Кондураки и др. В археологии особое внимание уделялось влиянию славянской культуры. Исследования и раскопки, проведенные в тот период археологами, создали источниковедческую базу для написания разделов по древней истории в обобщающем труде по истории Румынии. Появились совместные работы советских и румынских историков.

В области средневековой истории и публикации документов успешно работали талантливые историки старшего поколения А. Оцетя, М. Берза, Б. Кэмпина, Ш. Папакостя, Р. Р. Панаитеску, М. Губоглу, П. и Д. Черноводяну, Д. Продан, Шт. Паску, В. Костакал а также представители нового поколения историков Шт. Штефанеску, Фл. Константиину, Эм. Лазя и др. Усилиями советских и румынских историков была подготовлена совместная публикация документов по истории русско-румынских отношений в XV - начала XVIII в.⁵¹ По истории средневековой Румынии развернулось издание 4-х серий документов, касающихся Валахии /Цара Ромэняска/, Молдовы, Трансильвании и отношений между румынскими княжествами. Была продолжена публикация документов из коллекции "Хурмузакки" /новая серия/, документы "Иностранные путешественники о румынских княжествах", "Средневековые хроники" и др.

Особенно расширился фронт исторических исследований в области новой и новейшей истории. Вопросы рабочего и крестьянского движения занимались Д. Хурезяну, В. Ливяну, Н. Копю и др. Проблема социально-экономического развития нашла свое отражение в работах Тр. Лунгу, Н. Аданилоае, К. Шербан, В. Мачиу.

Революционное движение 1848 г. в Дунайских княжествах стало основной темой Д. Бериндея, В. Керестешу. В области новейшей истории Румынии активно работали М. Роллер, П. Константинеску-Яшь, В. Ливяну, Тр. Удря, М. Константинеску, П. Никита и др. Успешно развивалась славистика, представленная трудами Д. Богдана, В. Костакал, Г. Михайла.

Итогом развития исторических исследований в Румынии

по отечественной истории яв... подготовка и публикация в 1960-1964 гг. четырехтомной истории Румынии, охватывающей период с древнейших времен и до 80-х годов XIX в. Это был первый солидный исследовательский обобщающий труд, написанный с позиций марксистской концепции и вобравший в себя итоги исследований рассматриваемого периода. Существенные сдвиги произошли и в организации исторической науки. С 1947 г. в Румынии существовало "Общество исторических и филологических наук", которое с 1968 г. выделилось в отдельное "Историческое общество". Накануне Международного съезда историков в Риме /1955 г./ был создан Национальный комитет историков. С 1957 г. в Румынии действовала Ассоциация ориенталистов, а в 1958 г. накануне IV Международного съезда славистов была основана Ассоциация славистов. В 1963 г. был выделен в самостоятельное учреждение Институт по изучению Юго-Восточной Европы. Институт стал издавать свой журнал "Исследования по Юго-Восточной Европе". Ассоциация славистов, созданная в 1956 г., имела периодическое издание "Романо-славянки".

В заключение можно отметить, что несмотря на серьезные недостатки и деформации, связанные с идеологизацией и политизацией истории, историко-материалистический метод как инструмент исследования имел свои преимущества перед концепциями, на которых базировались работы историков предыдущего периода. Указывая на значение марксистского метода, один из политических деятелей Румынии и руководителей общественных наук М.Константинеску стмечал, что "благодаря влиянию марксистского понимания истории утвердилось идея социальной истории, истории общественных процессов и движений, а не только событий и личностей ... Такой взгляд на историю исходит из преобладания теоретико-объяснительного момента над описательно-фактическим и позволяет через посредство новой, вызванной им к жизни тематики, обогащая... систему методов и техники исторического исследования новыми средствами ... уловить сложность исторического явления и его постоянно изменяющейся диалектике..."⁵²

С 1965 г. произошли определенные изменения в концепции исторических исследований в Румынии. Сессия Румынской Академии, посвященная 25-летию трагической гибели крупнейшего историка Н. Йорги, по существу означала поворот к признанию традиций буржуазной историографии. Особо подчеркивалось значение трудов Н. Йорги для утверждения идеи национального единства. Акцентировалось внимание на изучении проблем этногенеза румынского народа, исторического континуитета и т.д. Впоследствии эти идеи активно стали эксплуатироваться режимом Н. Чаушеску.

Г Л А В А 6.

Ч Е Х О С Л А В А К И Я

Исходные рубежи

Существенное влияние на несколько поколений чехов оказала пятитомная "История чешского народа в Чехии и Моравии" Ф. Палацкого, вышедшая в 1836–1867 гг. на немецком, а в 1848–1876 гг. на чешском языке. В словацкой среде большим влиянием пользовались труды таких лидеров национального движения как Л. Штур, Й. Гурбан. Заметную роль в пропаганде славянского сознания сыграли "Славянские древности" и другие сочинения П. Й. Шафарика.

В середине XIX в. в сфере исторического знания наметилась общественно-политическая дифференциация. В 1840-х годах в работах ряда чешских радикальных демократов прослеживается попытка осмысления отечественной истории с демократических и революционных позиций. Новый подход, проявленный чешскими радикалами в трактовке исторического процесса, главным деятелем которого является трудовой народ, подводил чешскую историческую и политическую мысль к восприятию идей исторического материализма, которые стали в последние десятилетия XIX в. распространяться в Чешских землях, а затем и в Словакии. Это было связано с возникновением в 70–80-х годах XIX в. организованного пролетарского движения и зарождением массовой рабочей печати¹.

В рабочем движении вскоре сложилось два направления: реформистское и революционное. Последние в Чешских землях представляли: Йозеф Болеслав Пепка /1849-1897/, Ладислав Запотоцкий /1852-1916/, Йозеф Гибеш /1850-1921/, Йозеф Шиллер /1846-1897/². Сходную роль у словаков сыграли такие лидеры рабочего движения конца XIX - начала XX в. как Штефан Мартинчек /1874-1959/, Франтишек Тупый /1862-1946/, Густав Швени /1870-1918/. Они испытали влияние идей К.Маркса и Ф.Энгельса, способствовали переводам и распространению их произведений³. С лекциями по истории общества и классовой борьбы выступал накануне первой мировой войны перед рабочими Словакии писатель Вацлав Хлумецкий /1861-1944/⁴.

Хотя работы первопроходцев чешского и словацкого рабочего движения носили в основном публицистический характер, а их авторы были, как правило, самоучками, уже тогда предпринимались попытки более широкой и глубокой постановки вопроса. Они связаны с именем Богумира Шмерала /1880-1941/. Он опирался на источники - в его архиве сохранилось большое количество выписок из книг, брошюр и периодических изданий на немецком и чешском языках⁵. В связи с отмечавшимся в 1908 г. 25-летием смерти основоположника научного коммунизма Б.Шмераль опубликовал статью "Исторический материализм К.Маркса", в которой обвинил вождей австрийской и германской социал-демократических партий в оппортунизме и ревизионизме, подчеркнув, что только "исторический материализм является методом научного социализма"⁶. Не ограничиваясь изложением учения К.Маркса по первоисточникам, в том же году Б.Шмераль опубликовал "Материалы по истории рабочего движения в Австрии, в частности, чешского рабочего движения". Говоря о массовом движении "таборов" в Чешских землях тех лет, он стремился подчеркнуть связь социального и национального в освободительной борьбе пролетариата.

С таких же интернационалистских позиций Б.Шмераль выступил и в брошюре "Национальный вопрос у социал-демократов до Хайнфельдского съезда", увидевшей свет в 1909 г.

Изложение он начинал с 1867 г., когда в Вене возник Рабочий просветительный союз. Рассматривая последующее развитие австрийского и чешского пролетарского движения, Б. Шмераль в соответствии с советом Ф. Энгельса отмечал постоянную недооценку вождями социал-демократии национального вопроса, в том числе и роли исторических традиций⁷.

Марксистской концепции исторического процесса излагавшейся в работах Б. Шмерала, противостояла школа чешского позитивизма, которую возглавлял Ярослав Голл /1846-1929/. Чешский позитивизм был многоликим явлением, не поддающимся однозначной оценке. С одной стороны, в отличие от таких представителей европейского позитивизма, как И. Тан, К. Лампрехт или Н. И. Кареев, школа Я. Голла скептически относилась к возможности установить закономерности исторического процесса⁸. С другой стороны, исключительное внимание Голла и его учеников к частностям, к дотошному выявлению и накоплению фактов, вплоть до мелких и мельчайших, имело положительное значение. Заслугой школы Голла было преодоление прежних ограниченных представлений о чешской самобытности и включение истории чешского народа в общеевропейский контекст⁹.

Чешский позитивизм сыграл немалую роль в росте профессионализма чешской, а отчасти и словацкой исторической науки и выходе ее на мировой по тем временам уровень. Среди ее выдающихся представителей следует прежде всего назвать крупнейшего чехословацкого историка и общественного деятеля Зденека Неедлы /1878-1962/. Начав научную деятельность в первые десятилетия XX в., он тогда уже обратился к поискам новых путей в историческом исследовании. Он еще не был знаком с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса, что по его позднейшему признанию, объяснялось особенностями духовной жизни, в обстановке которой формировалось мировоззрение тогдашней интеллигенции. Существенное воздействие на него оказал Томаш Масарик /1850-1937/, уже на рубеже XIX-XX в. выдвинувшийся как один из ведущих идеологов чешской буржуазии. Широко образованный философ и социолог, талантливый полемист и литератор, он приобрел популяр-

ность и в среде рабочих. В книге "Социальный вопрос. Философские и социологические основы марксизма" /1898/ Т.Масарик выступил с резкой критикой К.Маркса и Ф.Энгельса, пользуясь тем, что сами их произведения широкой общественности были тогда мало известны. В результате не только в буржуазных, но и в социал-демократических кругах его стали рассматривать чуть ли не в качестве эксперта по вопросам марксизма. Это обстоятельство нельзя сбросить со счетов, исследуя генезис марксистской историографии в Чешских землях и Словакии. В своих ранних трудах З.Неедлы обратился к изучению прогрессивных и революционных традиций чешского народа. Наибольшую известность из работ того периода получила монографическая трилогия З.Неедлого "История догуситской песни в Чехии" /1904/, "Возникновение гуситской песни" /1907/ и "История гуситских песен в период гуситских войн" /1913/¹⁰.

Пользуясь источниковедческой методикой школы Я.Голла, З.Неедлы исходил из единства исторического процесса и объективности его закономерностей, придерживаясь монистического и диалектического подхода к изучаемым явлениям. Это вывело З.Неедлы "за пределы официального направления буржуазной исторической науки"¹¹, что со всей определенностью выявилось в дискуссии о так называемом смысле чешской истории.

Эта дискуссия, протекавшая в 1910-1913 гг., была подготовлена предшествующими расхождениями в оценке изложения чешской истории между сторонниками школы Голла и Т.Г. Масариком - в сущности, исходным пунктом публичных разногласий явилась опубликованная еще в 1900 г. рецензия самого Я.Голла на книгу Т.Масарика "Социальный вопрос". В дальнейшем основными спорящими сторонами в дискуссии оказались ученик Голла Й.Пекарж /1870-1937/ и Т.Масарик¹².

Последний стремился обосновать наличие в чешской истории некоей определяющей религиозно-нравственной идеи, под влиянием которой якобы происходит развитие человеческой личности. По Т.Масарику чешское национальное Возрождение было прямым следствием эволюции гуманистического по-

тенциала чешской реформации XV—XVI вв. Й. Пекарж, выступив против Т. Масарика, назвал его построения искусственной конструкцией, не имеющей оснований в реальной действительности¹³. Но Й. Пекарж выдвинул столь же надуманную идею, согласно которой ход чешской истории определялся идеей национальной, определяемой как "сознание кровной и языковой связи и стремление способствовать интересам, успехам, превосходству и славе национальной общности". Поэтому Й. Пекарж отрицательно оценивал гуситское движение, противопоставляя ему период расцвета чешского духа, якобы наступивший после битвы у Белой горы 1620 г., когда Чешские земли полностью утратили независимость и подпали под власть Габсбургов¹⁴.

В 1913 г. в дискуссию вступил З. Неедлы, опубликовав большую статью "Дискуссия о смысле чешской истории. Опыт философии чешской истории", годом позже выпущенную отдельной брошюрой¹⁵. Отметив отдельные положительные аспекты работ Я. Голла, Т. Масарика и ряда других историков и филологов, З. Неедлы признал заблуждением, то, что в "Чешском вопросе" Т. Масарика /1895/ "народная идея" трактуется не как научное понятие, а как социально-политическая программа. В этой связи З. Неедлы призвал заново изучить позитивные стороны наследия Ф. Палацкого и остановился на оценке трех эпох, которые, по его мнению, определяют лицо чешской истории — гуситское движение, белогорская катастрофа и национальное возрождение. Роль народных масс как творца национальной истории — вот главный вывод работы З. Неедлого, свидетельствовавший о его стихийном продвижении к марксистской трактовке исторического процесса¹⁶. Но в целом эти идеи не успели тогда проникнуть в среду профессиональной исторической науки.

Межвоенное двадцатилетие и годы второй мировой войны

Возникновение в 1918 г. независимой Чехословакии существенно изменило обстановку. В 1920 г. Б. Шмераль совершил поездку в Советскую Россию и встречался с В. И. Лени-

ним¹⁷. В мае 1921 г. на учредительном съезде была образована Коммунистическая партия Чехословакии, вскоре принятая в III Интернационал. Все это оказывало непосредственное воздействие и на процесс становления марксистской исторической науки в Чехословакии.

Появившаяся в 1921 г. статья З.Неедлы "Конец либерализма в исторической науке" отмечала теснейшую связь истории с современностью, подчеркивала несостоятельность буржуазных представлений о мнимой "беспристрастности" и "надпартийности" историков, призывала ученых к внимательному изучению событий новейшей истории. З.Неедлы мечтал об утверждении так называемой "социалистической истории", в центре внимания которой находились бы народные движения¹⁸.

Важным каналом пропаганды идей марксизма-ленинизма явилась коммунистическая пресса, прежде всего центральный орган КПЧ "Руде право" /с 1921 г./ и центральный орган КПС "Правда" с 1920 г. - "Правды худобы"/. Заметную роль в теоретическом воспитании партийных кадров сыграли журналы "Коммунистичка рево" /1924-1933/ и "Творба" /1928-1938 гг./. Под идейным влиянием чехословацких коммунистов находился "прогрессивный журнал по общественным вопросам" З.Неедлы "Вар" /1921-1930/; выходил также словацкий марксистский журнал "ДАВ" /1924-1926, 1929-1937/. В последнем из названных изданий наиболее квалифицированными были выступления В.Клементиса /1902-1952/ и И.Новомеского /1904-1976/¹⁹.

В одном из первых номеров журнала "Комунистичка рево", была помещена статья Павла Реймана /1902-1976/, в которой он признавал оценивать чешскую историю и исторические легенды чешской буржуазии с марксистских позиций²⁰. В словацкой коммунистической печати прошла дискуссия по национальному вопросу. В его обсуждении, наряду с В.Клементисом и другими словацкими журналистами, приняли также участие К.Крейбих и З.Неедлы. Эта дискуссия стала первой попыткой дать марксистское освещение процессов формирования словацкой национальности и словацкой нации²¹.

О пробуждении устойчивого интереса к приложению марксистско-ленинской методологии к конкретному материалу чешской и словацкой истории свидетельствовала статья молодого историка Милослава Вольфа /1902-1982/ "Исторический материализм в историографии", опубликованная под псевдонимом "Ф.Лов" в 1925 г. Кратко охарактеризовав марксистский подход к пониманию исторического процесса, М.Вольф писал: "Нам, марксистам, вообще необходимо за основу истории, написанной с позиций исторического материализма, брать экономическую историю, а не политическую, что является обыкновением для официальной историографии. Из истории изменений в области материальных отношений переходить к изменениям в области идеологической надстройки, обращая при этом внимание на связь между способом производства, возникающей из него экономической структурой, на которой покоится социальное развитие, политическими и культурными отношениями, не забывая при этом и обратного влияния идеологических отношений на материальный субстрат"²². Позицию М.Вольфа следует соотнести с новым туром дискуссии о "смысле чешской истории" в 1925-1930 гг., начатый одним из ведущих буржуазных историков Й.Пекержем, который выступил против своего давнего оппонента Т.Г.Масарика. В этой дискуссии принял участие и З.Неедлы. Опубликованная им в конце 1925 г. в журнале "Вар" статья "О смысле нашей истории" была посвящена критике одноименной работы чешского философа Э.Радла /1873-1942/²³. Путь к выходу из тупика официальной исторической науки виделся ученому в усвоении новой методологии или, как несколькими годами ранее писал З.Неедлы, в создании "социалистической исторической науки".

В этом направлении и развивалась мысль М.Вольфа, который призывал заниматься изучением, а не открытием неких "целей" человеческого общества, полученных неведомо откуда²⁴. Но как раз на этом пути перед партийными публицистами и немногими учеными, связанными с КПЧ, с конца 1920-х годов, а особенно в 1930-е годы возникали значительные и не всегда преодолимые трудности. Они были сопряжены в пер-

вую очередь с общей ситуацией, сложившейся к тому времени в международном коммунистическом движении — усилившаяся догматизация марксизма-ленинизма с фактической подменой его сталинизмом, нарастание сектантских тенденций, не учитывавших многообразия рабочего движения в различных странах, обязательность поддержки всех инициатив сталинского руководства ВКП/б/. Непосредственное воздействие оказывали и постулаты, проповедовавшиеся в советской исторической науке с упрощенным пониманием исторического процесса, в том числе в трудах видного историка-марксиста М.Н.Покровского /1868-1932/, получивших известность и в Чехословакии. Негативное влияние на разработку истории рабочего движения имела и статья И.В.Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма" /1931/, в которой любое мнение, расходившееся с официально признанными установками, рассматривалось как вредительство на историческом фронте, против которого надлежало вести беспощадную борьбу. Насколько все это деформировало нормальный процесс творческой выработки принципов чехословацкой марксистской историографии, можно судить на примере статьи Яна Брожека /1900-1932/ "Марксизм и история", опубликованной в 1931 г. в журнале "Творба"²⁵. Автор критиковал тезис о "надпартийности" исторической науки, ратовал за дифференцированный подход к оценке исторических традиций. Все это сочеталось с гипертрофированной прямолинейностью, доводившей выводы до вульгарного сектанства. Спор о смысле чешской истории Брожек оценивал как препирательство о том, "насколько та или иная демагогия более подходит для обмана трудящихся и дальнейшего удержания их в плену национализма". Критикуя "национальный историзм", Брожек определял его только как идейный инструмент в руках чешской буржуазии и социал-демократической партии, которая названа "наиболее мелкобуржуазной, наиболее оппортунистической, наиболее реакционной, и из всех остальных партий II Интернационала стоящей на наиболее низком теоретическом уровне, не могущей подняться до понимания революционного интернационализма".

Издание в 1931 г. книги П.Реймана "История КПЧ" явилось первым опытом критического анализа пути, пройденного партией²⁶. Появление книги вызвало дискуссию, проведенную газетой "Руде право" и журналом "Комунистичка ре-во" в 1931-1932 гг. Участники обсуждения, подчеркивая позитивные стороны книги, отмечали и ее недостатки, в частности, почти полное отсутствие материалов о коммунистическом движении за пределами Чехии и Моравии, недостаточное внимание к политике партии по крестьянскому и особенно национальному вопросу.

Еще в 1918 г. Б.Шмераль опубликовал в нескольких номерах "Право лиду" подробный очерк "Карл Маркс и революционный 1848 г.", где впервые на основе подлинных источников знакомил читателей с панорамой революционных событий 1848-1849 гг.²⁷ Однако собственно "чешский вопрос" в революции освещения еще не получил к его трактовке обратился Я.Шверма в статье "1848 год в Чехии" /1928/. "Буржуазия, - писал он, - очень не любит говорить о своей собственной революции... Чешская буржуазия не составляет исключения из этого правила"²⁸. Указав, что "чехи были первыми из славянских народов, вступивших на путь капиталистического развития"²⁹; Я.Шверма рассматривал революцию в Габсбургской монархии как часть общеевропейского революционного процесса того времени. Однако, в пылу полемики он прошел мимо содержащихся в трудах основоположников научного коммунизма ошибочных оценок истории и не подтвердившихся прогнозов о будущем чешского и других славянских народов.

КПЧ широко отметила в 1933 г. полувековую годовщину со дня смерти К.Маркса. В этой связи под редакцией П.Реймана издан сборник "Об Австрии и чешском вопросе"³⁰. В него были включены фрагменты из произведений К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, выступления по национальному вопросу И.В.Сталина, некоторые документы Коминтерна и КПЧ. Открывался сборник обширной статьей П.Реймана "Классики марксизма-ленинизма об Австрии и чешском национальном вопросе" /с. 9-59/, за которой следовала расширенная пере-

печатка упомянутой выше статьи Я.Швермы "1848 год в Чехии" /к ней была подверстана другая его статья — "Отношение К.Маркса к чешскому вопросу в 1848 г./. Сборник соответствовал общей атмосфере того времени: Сталин был отнесен к числу "классиков революционного марксизма" о К.Гавличеке Боровском сказано, что он "в глазах чешской буржуазии считается национальным героем", а Л.Штур назван "вождем реакционного словацкого движения в 1848 г."

Еще в 1920 г. в Либереце К.Крейбих опубликовал на немецком языке книгу "Табор: пятисотлетний юбилей — праздник коммунизма". В 1923 г. эта работа под названием "Табор" была издана в Праге по-чешски. Обращения к гуситской теме, наряду с темой 1848 г., встречаются постоянно и в последующие годы. При этом внимание уделялось не только военным успехам таборитов, но и причинам поражения гуситского движения. В 1934 г. в связи с пятисотлетием битвы у Липан появилась книга "Значение Липан", автором которой был Завиш Каландра /1902–1950/. В его подходе к осмыслению причин поражения гуситского революционного движения /а главную причину З.Каландра видел в "кризисе феодализма"/ сказались упрощенные, схематические представления, которые к тому времени стали чехословацкими марксистами постепенно изживаться.

Эта эволюция ярко проявилась в позиции К.Конрада, обратившегося к гуситской теме в 1936–1937 гг., но не успевшего закончить работу над исследованием, которое в незавершенном виде было издано в 1964 г. под названием "История гуситской революции"³¹. К.Конрад сразу же вводил гуситскую тему в лоно давней дискуссии о "смысле чешской истории" /ее третий тур относился к 1938–1939 гг./. Определяя гуситское движение как революцию, К.Конрад в равной мере отвергал ее трактовку и как движения преимущественно религиозного /Т.Г.Масарик/ и как разрушительного бунта, отрицательного по своим последствиям /Й.Пекарж/. Рассматривая гуситское движение как результат конкретных социально-экономических и общественно-политических предпосылок, он в то же время не отрицал и роли рели-

лигиозного фактора. Сохранившиеся части труда показывают, что К.Конрада с полным основанием можно отнести к числу подлинных зачинателей профессиональной марксистской историографии в Чехословакии.

Возникновение интереса к марксизму у историков-профессионалов, не связанных с КПЧ, стимулировалось поисками новых путей исследования в обстановке обострившегося кризиса позитивистской историографии и идейной поляризации в рядах интеллигенции конца 20 - начала 30-х годов. Среди ученых, позиция которых получила общественный резонанс, были Камил Крофта /1876-1945/, Бедржих Мендл /1892-1940/, Ян Славик /1885-1978/ и некоторые другие. На взгляды Б.Мендла и Я.Слалика оказали воздействие концепции М.Вебера, В.Зомбарта, А.Пиренна, а также Т.Г.Масарика. Оставаясь в рамках буржуазной методологии, так сказать, на ее левом фланге, они обращались и к отдельным трудам К.Маркса и Ф.Энгельса. К.Крофта, заявивший о себе как историк еще до первой мировой войны, позднее переключился на дипломатическую работу /в 1936-1938 гг. он был министром иностранных дел/, не утратив интереса к историографии. В первой половине 1930-х годов у него происходили неофициальные собрания историков, в которых участвовали уже упомянутый Я.Славик, Ярослав Верштадт /1888-1970/, Ярослав Папоушек /1890-1945/, Хуберт Рижка /1815-1958/, Эмануэль Яноушек /1897-1970/ и др., в том числе представители младшего поколения - Ян Клепл /1907-1965/, Йозеф Матоушек /1901-1939/, Ярослав Харват /1901-1988/, Вацлав Чейхан /1903-1973/. Возникали и другие объединения, в частности "Пуркине-группа работников искусства и науки", в которой участвовали философ и социолог Йозеф Навратил /1904-1961/, историки Я.Харват и Вацлав Гуса /1906-1965/.

Одновременно неудовлетворенность состоянием современной историографии и критика школы И.Пекаржа шли и со стороны студенческой молодежи Карлова университета, в том числе участников "Исторического клуба", главой которого этот ученый являлся. Это были студенты Ярослав

Вавра /1914/, Ольдржих Ржига /1911-1974/, Ирки Ханл /1914-1972/. Оба эти течения /- "сверху" уже известных историков/ и "снизу" /критически настроенное молодое поколение/ - составили идейный фон, на котором сложилось первое в Чехословакии марксистски ориентированное объединение историков-профессионалов, получившее наименование "Историческая группа"³³. В него вошли уже упоминавшиеся В.Гуса, Я.Харват, В.Чейхан, а также Ян Пахта /1906-1977/, к тому времени работавшие в различных пражских архивах. Все они получили хорошую профессиональную подготовку. К ядру "Исторической группы" примкнули слушатели семинара Б.Мендла /Я.Вавра, О.Ржига, М.Шимозе, И.Шмид/, а также немецкие студенты, бежавшие из фашистской Германии. Позже Я.Вавра подчеркивал: "К овладению марксизмом студенты подходили не столько через свою научную подготовку, сколько через участие в политическом движении"³⁴.

Вспоминая позднее предысторию возникновения "Исторической группы", В.Чейхан, отмечал, что идея ее организации возникла как реакция молодых историков на аморфный характер собраний у К.Крофты. "Эта беспрограммность собраний", - писал В.Чейхан, - очень скоро перестала удовлетворять нас, молодых. В один из вечеров конца 1935 г. я открыто высказался в том смысле, что мы ожидали от старших ученых для нашего дальнейшего развития, для нашей работы и для всей исторической науки вообще гораздо большего, а не таких исключительно бессодержательных вечеринок". Поскольку К.Крофта избегал открытой конфронтации с официальной наукой, В.Чейхан вместе с В.Гусой и Я.Харватом, к которым присоединился Я.Пахта, стали обсуждать план создания собственного объединения. С осени 1936 г. они проводили дискуссионные вечера по актуальным вопросам чешской исторической науки, а весной 1937 г. выступили с первым томом сборника "История и современность". Они стремились приблизить историческую науку к жизни, обнаружить в исторической работе ясное направление и цель, защитить прогрессивные взгляды и методы и выразить несогласие с

консервативными тенденциями, которые навязывала чешской историографии школа Пекаржа.³⁵

Манифестом "Исторической группы" можно считать предисловие к первому тому изданного ею сборника. В предисловии говорится: "Прошлое и современность, история и современная жизнь - эту антитезу старая историография почитала за две герметически изолированные друг от друга сферы"³⁶.

Исходя из неоднозначности связей общественной среды и научной деятельности, авторы предисловия оспаривали такую позицию и подчеркивали, что не только реальная действительность влияет на формирование науки, но и последняя влияет на дальнейшее формирование этой действительности. Отсюда в предисловии делался вывод о необходимости новых организационных форм работы историков: переход от "средневекового ремесленного производства" к "организации работы на коллективных принципах".

Из сохранившихся материалов видно, что с 3 ноября 1936 г. по 9 ноября 1937 г. "Исторической группой" было проведено 21 заседание, в которых участвовали не только ее члены, но и приглашенные лица. Заслушанные на этих заседаниях доклады были посвящены методологическим, историографическим, а также конкретно-историческим вопросам. Эти доклады и легли в основу двух сборников, выпущенных группой в 1937 и 1938 гг. Каждый из них состоял из статей по теоретическим проблемам и по вопросам отечественной истории, рецензий и хроники научной жизни. Для руководителей "Исторической группы" был характерен отказ от правоверного догматизма и сектантства во имя создания своего рода "народного фронта" в исторической науке. Так, среди авторов сборника "История и современность" были Я. Славик, а также М. Вольф, к тому времени отношений от КПЧ и сотрудничавший с социал-демократами, и З. Каландра, уже не являвшийся членом КПЧ. Наряду с преимущественным воздействием марксизма определенное влияние на членов группы оказали также французская школа "Анналов", социологические построения Я. Славика, отчасти фрейдизм.

Отсутствие архива группы после конца 1937 г. не позволяет проследить конкретные пути сближения ее членов "о публицистической ветви марксистской историографии"³⁷. Впрочем, следует учитывать, что о группе в целом с этой точки зрения говорить трудно, поскольку такие ее члены как Я.Харват и В.Чейхан в то время были связаны с социал-демократами, а другие – левые интеллектуалы симпатизировали и социал-демократам и коммунистам. Я.Вавра, с 1934 г. входивший в состав коммунистической студенческой организации, в знак протеста против московских политических процессов вышел из нее в 1937 г. Связующим звеном между КПЧ и "Исторической группой" был К.Конрад, активно участвовавший в заседаниях в 1938 г. По свидетельству Я.Вавры, этот "марксистски образованный историк" сохранил контакты с членами группы и в 1939 г.³⁸ "Историческая группа" сыграла важную роль в развитии контактов со словацкой средой. В.Гуса оказал влияние на идейную ориентацию и выбор темы исследования молодого словацкого историка Александра Маркуша /1913–1945/, подготовившего в 1936 г.³⁹ монографию "Крестьянское восстание 1831 г. в Земплине".

В первом томе сборника "История и современность" была опубликована статья Я.Славика "Марксистское понимание истории и историческая наука". Она была посвящена критике доклада "Основные течения в современной историографии", с которым на I съезде чехословацких историков /май 1937 г./ выступил Карел Стлоукал /1887–1957/. Возражая против его утверждения о том, что марксистское понимание истории является "преодоленным направлением", Я.Славик ставил вопрос: "Существует ли такая теория, которая была бы подтверждена развитием человечества лучше, чем теория Маркса?" Отделяя исторический метод марксизма от его "политической и философской доктрины" и обвиняя социал-демократов и особенно "русских коммунистов /большевиков/" в обожествлении учения Маркса, Я.Славик все же приходил к выводу "Исторический материализм ... не только не является преодоленным направлением, но все еще стоит перед

задачей устранения мертвого академизма историков, оказывающихся беспомощными всякий раз как страждущее человечество обращается к ним со своими бедами"⁴⁰.

В прогрессивных кругах деятельность "Исторической группы" получала благожелательные отзывы. Зато историки правого толка продолжали критику "Исторической группы" вплоть до обвинения ее участников в стремлении внести раскол в чехословацкую историографию. Особое негодование вызывала антифашистская направленность "Исторической группы" у пронацистски настроенного профессора восточно-европейской истории немецкого университета в Праге Йозефа Пфитцнера /1901-1945/. С возражениями на страницах "Творбн" выступил в 1937 г. П.Рейман.⁴¹ Указывая на незаурядность сборника, П.Рейман высказал вместе с тем ряд существенных оговорок относительно, как он выразился, методологической неопределенности издания. В частности, он не соглашался с теми словами предисловия, в которых говорилось о зависимости "правды" историка от его социальной позиции. В октябре 1938 г. деятельность КПЧ была запрещена и партия перешла на нелегальное положение. В эти трагические для чешского и словацкого народов годы историческая проблематика обретала особое звучание. Незадолго до утраты Независимости в Чехословакии отмечалось 140-летие со дня рождения Ф.Палацкого. В статье "Палацкий и наше время" /"Руде право", июль 1938 г./ Б.Шмераль подчеркивал антифашистский смысл наследия крупнейшего чешского историка XIX в.⁴² С конца 1938 г. Ю.Фучик, без указания своего имени, опубликовал ряд статей по истории и культуре чешского народа. "О Бальбине-патриоте" /декабрь 1938 г./, "О традиции святого Вацлава" /январь 1939/ и др. Предпринятая им летом работа над статьей "Об измене Сасины", осталась незавершенной.

Сделали попытку перестроить свою деятельность и члены "Исторической группы". Еще весной 1938 г. возник план подготовки беллетризованных очерков из чешской истории. В выработке этого плана участвовали известный чешский писатель Владислав Ванчура /1891-1942/, поэт Ярослав Сей-

фарт /1901-1986/ и ряд других представителей чешской культуры. От "Исторической группы" были представлены В.Гуса и В.Чейхан. Окончательно план и название задуманного труда были определены в ноябре 1938 г.: "Картини из истории чешского народа, верное повествование о жизни, событиях военных и духовных" /удалось выпустить лишь два тома /1939-1940/⁴³.

В обстановке оккупации развитие марксистской историографии было невозможно. Исключительно важную и большую роль в этом направлении проделал в годы второй мировой войны З.Неедлы, эмигрировавший в СССР. С 1939 по 1945 г. он жил в Москве и работал профессором Московского университета и научным сотрудником Института истории Академии наук СССР. Он читал курсы "Введение в изучение славяноведения", "История Чехословакии", участвовал в воспитании кадров ученых-славистов. З.Неедлы внес свой вклад в становление марксистского славяноведения как в Чехословакии, так и в Советском Союзе⁴⁴. В 1943 г. в Москве была опубликована брошюра Я.Швермы "Славянская идея в чешской политике" /М., 1943/.

В нелегально издававшейся и распространявшейся тогдашнем "Словацком государстве" коммунистической печати содержались материалы о роли в борьбе словацкого народа за свободу П.И.Шафарика, Я.Коллара, Л.Штура и других выдающихся представителей словацкого национального возрождения. К первой половине 1941 г. относилась небольшая историческая работа "Путь словацкой нации к свободе", автором которой предположительно был Клиус Дуриш /род.1904/, член первого нелегального ЦП КПС. В эти годы темы из истории словаков часто затрагивались в статьях В.Клементиша и Л.Новомеского.

Как можно заключить из сказанного, становление марксистского направления в чешской и словацкой историографии было связано с постепенным соединением методологии исторического материализма и профессиональной исторической науки. Этот процесс, в предвоенный период не завершившийся, примечателен рядом особенностей. Во-первых, он

осуществлялся посредством осмысления, а отчасти конкретного материала истории чешского и словацкого народов с помощью основных положений марксизма. Но переосмысление это в полную меру испытало на себе груз упрощенчества и догматизации, которые были присущи сталинизированной трактовке марксизма в международном коммунистическом движении и, в частности, насильно внедрявшиеся в практику советских исторических исследований 20-30-х годов XX в. Не будучи господствующей, а тем более монополярной школой в чехословацкой историографии этих десятилетий, марксистское направление находилось в постоянной борьбе и конкуренции с официальной историографией позитивистского толка. Это стимулировало поиск новых решений, критический анализ опыта других направлений, подтверждением чему служит короткий, но по-настоящему творческий период деятельности "Исторической группы". Поисковый характер приложения марксизма к профессиональным историческим исследованиям, возможность свободного выбора оптимальной методологии — все это привлекало к себе представителей не только левонастроенной молодежи, но и таких опытных и весьма независимых историков, какими, например, являлись З.Каландра или Я.Славик.

Послевоенное развитие /1945-1963/

После освобождения Чехословакии Советской армией в мае 1945 г. в стране была восстановлена парламентская республика. Коммунисты, став полноправными членами высшего представительного органа страны, всемерно содействовали распространению в ЧСР коммунистической идеологии и марксизма, чему способствовала и определенная популярность социалистических идей в обществе⁴⁵. Молодая марксистская историография утверждалась в острой борьбе с представителями "старой школы", сохранявшей прочные позиции в сфере профессиональной университетско-академической науки. После войны возобновили свою работу философские факультеты Пражского, Братиславского, Брненского и Оломоуцкого университетов, а также ряд академических институтов, связанных с деятельностью Королевского чешско-

го научного общества /с 1784/, Чешской Академии наук и искусств /1890-1948/, как то: Государственный исторический институт /с 1920/, Славянский институт /с 1927/, Восточный институт /1922/ в Праге, Гос. археологический институт и др. В Словакии в роли такого научного центра выступали Матица словацкая /основана в 1863 г./ в Мартине Турчанском и Словацкая Академия наук и искусств.

В Праге в ноябре 1945 г. возобновил свою деятельность Исторический клуб Чехословацкого исторического общества /ЧСЮ/, новым старостой которого после Й. Пекарпа и Й. Шусты был избран историк-антифашист Я. Верштадт /1888-1970/⁴⁶. Исторический клуб продолжил издание "Чешского исторического журнала" /до 1948 г./ под редакцией В. Халоупецкого, К. Стлоукала и др., провозгласив своим принципом идейную толерантность⁴⁷.

Соответственно 14-16 апреля 1946 г. в Пештянах был созван учредительный съезд Словацкого исторического общества /СЮ/, председателем которого был избран профессор Братиславского университета Д. Рапант. Был провозглашен курс на независимое от ЧСЮ представительство словацкой исторической науки за рубежом, не исключавшего, однако, тесного сотрудничества чешских и словацких ученых внутри страны. В СЮ вошли словацкие историки-профессионалы и любители в основном позитивистской ориентации. Глава словацких позитивистов Д. Рапант стал редактором издаваемого Историческим отделом Матицы словацкой периодического издания "Исторический сборник" /до 1948 г./. В журнале сотрудничали исключительно представители "старой школы" историографии⁴⁸.

Были возобновлены другие издания исторического профиля. По своим методологическим установкам историки "старой школы" не были едины⁴⁹. Самой многочисленной была группа приверженцев школы Я. Голла - основоположника классического чешского позитивизма. Наиболее яркими представителями этой группы были профессора Карлова университета К. Стлоукал, В. Халоупецкий и др. В отличие от Голла - принципиального противника создания обобщающих исторических

трудов - названные историки сразу же после войны опубликовали работы, в которых была сделана попытка осмысления чешской истории с древности до современности, исходя из представлений, выработанных буржуазной историографией, традиционно много внимания уделяя культурно-национальным факторам истории⁵⁰.

Ряд последователей имел другой видный ученик Я.Голла Йозеф Пекарж /1870-1937/. Выработанная им периодизация чешской истории по культурным эпохам /романская, готика, ренессанс, барокко, просвещение, романтизм и пр./ была положена в основу всех школьных учебников.

Один из его учеников Я.Верштадт, бывший ученик Бухенвальда, не разделяя национально-консервативных взглядов учителя, стремился, однако, опровергнуть бытующее в обществе мнение о фашистской ориентации этого крупного ученого⁵¹. В дальнейшем он сделал попытку создать новую методологическую конструкцию - нечто среднее между историческими концепциями Ф.Палацкого, Т.Г.Масарика и Й.Пекаржа, опирающуюся на теорию протестантского историка и философа Э.Трёльча /1865-1929/, трактовавшего историю как синтез духовной культуры⁵². Методологические искания Я.Верштадта практически окончились в 1948 г. В дальнейшем он работал в провинции и занимался вопросами источниковедения.

Известный знаток марксизма в ЧСР Я.Славик в послевоенные годы пришел к полному его отрицанию, утверждая, что в нем нет ясной и "бесспорной" теории⁵³. В то же время он критиковал и представителей позитивистского направления из школы Я.Голла за преобладание в их трудах аналитической направленности в ущерб синтезу и обобщениям. Выход из ощущаемого им кризиса господствующей методологии он /до 1948 г./ искал в использовании структуралистских и социологических методов в анализе исторических явлений⁵⁴.

Среди представителей немарксистской историографии можно выделить также группу конфессиональных историков

протестантского /Ф.Бартон, О.Одлозалец, Ф.Линхард/ и католического направления /Б.Худоба, З.Калиста/, которые освещали не только сюжеты церковной истории, но и пытались подойти к осмыслению национальной истории в целом⁵⁵, с позиций христианского гуманизма развенчивали догматизм приверженцев марксистского учения⁵⁶.

Словацкая "буржуазная" историография, представлявшая собой до 1948 г. преобладали среди историков-профессионалов, также не была единой. Как и в Чехии большинство "буржуазных" историков заявляли о своей приверженности к позитивизму. Общепризнанным главой этой школы выступал профессор Братиславского университета Даниел Рапант /1897-1988/⁵⁷. В годы войны и вскоре после нее он работал над обширным заданием документов по истории Словакии "Словацкие петиции к венскому престолу 1842 г." /Микулаш, 1943/, "Словацкое восстание 1848-1849 гг." /Мартин, 1937-1967, 12 томов/. Концептуально эти труды учитывали широкий центральноевропейский и славянский контекст и акцентировали внимание на культурных и национальных аспектах словацкой политики. В монографии "Нежелательная мадьяризация 1780-1840" /Мартин, 1947/ и ряде статей Д.Рапант предложил свою концепцию словацкой национальной истории, решительно выступая против провинциальных теорий тех чешских и венгерских буржуазных историков, которые рассматривали историю Словакии только как придаток чешской или венгерской истории и игнорировали своеобразие национального развития словаков. Его концепцию разделяли Л.Бакош, К.Матейко, Л.Гараксим, П.Раткош, Я.Доровяч, К.Голань, Б.Варсяк и др.⁵⁸.

Традиционно довольно сильными в словацкой историографии были конфессиональные направления, особенно католическое. Однако ввиду того, что ведущие представители последнего /Ф.Грушовский, Ф.Чулан, К.Сидор и др./ были признаны "придворными историками" клеро-фашистского режима Словацкого государства, это направление было скомпрометировано в глазах общественного мнения, а его сторонники частью арестованы, частью эмигрировали /Ф.Грушовский,

К.Сидор/. Была отвергнута и фальсифицированная или трактовка словацкой истории, в которой искали доказательств "исконной немецко-словацкой дружбы"⁵⁹.

Число профессиональных историков марксистской ориентации как в Чехии, так и в Словакии после 1945 г. было невелико. Поскольку до 1948 г. все кафедры истории в чехословацких университетах были заняты историками "старой школы", то студенты, сочувствующие КПЧ и тяготевшие к марксизму, дополняли свое образование, посещая различные политические кружки, слушая лекции в Социалистической академии в Праге. В ней преподавали бывшие члены Исторической группы, З.Неедли, а также будущие сотрудники Института истории КПЧ, публицисты партийного журнала "Нова мисл" и др. В ВШП КПЧ совершенствовали свое образование многие партийные работники, впоследствии активно трудившиеся и на исторической ниве: М.Госноровский и др. В Словакии в Банской Быстрице историки, тяготевшие к марксизму, создали в конце 1947 г. Институт словацкого национального восстания /директор Й.Грозняк/, слитый впоследствии с Институтом истории КПС.

Следует отметить, что после 1945 г. фрагменты марксистской интерпретации истории можно найти в многочисленных речах, статьях и выступлениях ведущих лидеров КПЧ и КПС: К.Готвальда, А.Запотоцкого, Р.Сланского, Г.Гусака, В.Клементиса, Л.Новомеского, Ш.Баштёванского, В.Широкого и др. Как правило, они обращались к героическим страницам жизни чешского и словацкого народов /гуситское движение, национальное возрождение, рабочее движение, Великая Октябрьская революция и отклики на нее в ЧСР, Словацкое национальное восстание, движение Сопротивления, история КПЧ и др./ и использовали яркие исторические примеры в политической агитации. Разоблачительные характеристики давались лидерам буржуазных партий и всем "классовым врагам пролетариата". Впоследствии после 1948 г. на основе речей не попавших в опалу и перепрессированных лидеров КПЧ и КПС делались обзорные статьи, систематизировавшие их высказывания по историческим сп-

жетам⁶⁰, которые и предлагались в качестве руководства молодым чехословацким историкам наряду с переведенными на чешский и словацкий языки сочинениями классиков марксизма-ленинизма, работами советских историков.

Существенную поддержку еще немногочисленным представителям марксистской историографии оказал вернувшийся в 1945 г. в Чехословакию Зденек Неедли /1878-1962/, занявший высокие посты в управлении культурой страны. Его программная речь "Коммунисты - наследники великих традиций чешского народа" /Социалистическая академия, 18 февраля 1946 г./ долгие годы служила идейным ориентиром для молодого поколения историков-марксистов. Опираясь на работы В.И. Ленина, З. Неедли объявил носителями прогрессивных традиций чешского народа в средневековье мелкую шляхту, бургеров и крестьян /гуситская эпоха/, в период национального возрождения "судителей", имеющих "разночинское" происхождение, в последующее время - рабочий класс. В противовес буржуазным историкам З. Неедли доказывал, что коммунисты олицетворяют "новейшую фазу этого развития нашей нации", выступая "как продолжатели, а в этом смысле и наследники самых лучших и самых патристических стремлений и чаяний народных масс"⁶¹. Среди главных положительных черт, присущих чешской нации, З. Неедли, как бы возвращаясь к канонам романтической историографии, называл: народность, прогрессивный демократизм, правдивость, стремление трудиться на благо нации, ненависть к предателям и коллаборационистам.

Выступление З. Неедлого средствами массовой пропаганды было провозглашено основополагающей методологической установкой для историков и публицистов марксистского направления. Несомненно под его влиянием один из лидеров словацких коммунистов Л. Новомеский выступил с докладом на тему "Коммунизм в словацкой национальной идее" на съезде работников культуры Коммунистической партии Словакии, состоявшегося 23-25 апреля 1946 г., провозгласив, что "идеология словацкого коммунизма не есть идеология одной

партии, а - идеология всей словацкой нации"⁶².

З.Неедлы в своих многочисленных речах и выступлениях неоднократно подчеркивал необходимость в противовес буржуазной историографии уделять преимущественное внимание именно прогрессивным и народным движениям и течениям. К их числу он относил гуситскую революцию, в ней таборитов, деятельность чешских радикальных демократов, тайное общество "Репил", рабочее и коммунистическое движение в Чехии и Словакии. Большое внимание он уделял глорификации лидеров международного коммунистического движения /"Маршал Сталин", 1944; "Клемент Готвальд", 1946; и др./⁶³.

Одним из первых З.Неедлы высказал мысль о том, что гуситское движение было "революцией против феодализма", т.е. по существу раннебуржуазной революцией⁶⁴. Актуализируя историю, З.Неедлы представлял Я.Гуса пламенным революционером, по сути близким "нам, коммунистам"⁶⁵. Несомненной заслугой З.Неедлого в развитии чехословацкой историографии было то, что он вопреки "давлению" молодых советских историков /И.И.Удальцов и др./ последовательно отстаивал необходимость бережного отношения к историческому наследию ведущих чешских ученых и общественных деятелей /например, Ф.Палацкого, Т.Г.Масарика и др./. Однако мотивировка такой "защиты" сегодня представляется спорной. Главной заслугой Ф.Палацкого З.Неедлы считал то, что он по канонам романтической историографии не просто описывал события прошлого, но и пытался прогнозировать будущее нации. Самого З.Неедлого, по его собственному признанию, прежде всего и интересовала история как "наука о жизни", "история будущего", как "создание того, чего нет, того, что должно быть"⁶⁶.

В продолжительной дискуссии среди чешской интеллигенции о внешнеполитической ориентации на Восток или на Запад З.Неедлы однозначно выступал за ориентацию на СССР, упрекая лидеров первой республики в противоположной тенденции. Он обосновывал необходимость тесных научных, ку-

льтурных и других связей с Советским Союзом давнишними традициями славянской взаимности, идущими от Я. Коллара⁶⁷. З. Неедлы призывал к основательному изучению русско-чешских и русско-словацких связей и во многом лично содействовал тому, что в эти и последующие годы эта тематика стала одной из ведущих в чехословацкой историографии, литературоведении и языкознании⁶⁸.

Наряду с З. Неедлы, наиболее авторитетными среди историков-профессионалов, заявивших о своей приверженности марксистской методологии, были члены сформировавшейся в 30-е годы, упоминавшейся выше, "Исторической группы". После войны они, ^{Т. Ржига,} В. Гуса, В. Чейхан, Я. Вавра, Я. Пахта, Я. Харват и др., снова на время объединились на базе Исторической секции ИИИ Центрального совета профсоюзов и выпустили в свет несколько "Сборников по экономической и социальной истории Чехословакии /1790-1945/" /8 вып. Прага, 1946-1947/. В сборниках приняли участие как чехословацкие, так и зарубежные ученые, тяготевшие к марксизму. Первый сдвоенный номер квартальника вышел в свет 30 июня 1946 г. В редакционной статье подчеркивалось намерение издателей коллективными усилиями изучать социально-экономические проблемы развития Чехии и Словакии с древнейших времен до современности, чему в предшествующей историографии уделялось мало внимания. Сборник был задуман широко, с учетом опыта межвоенных изданий: "журнала по аграрной истории" и "Архива по истории промышленности, торговли и техники" /с 1932/, а также^с привлечением зарубежных исследователей, опыт которых редакторы считали полезным учитывать с точки зрения методологии и сравнительно-исторического материала. Издатели сборника с уважением относились к работам своих предшественников - буржуазных ученых, что наиболее ярко проявилось в некрологе И. Пусты, крупного исследователя проблем истории социально-экономического и культурного развития Чехии в XIII-XIV вв. в контексте европейской истории⁶⁹.

В конце 40-х годов историки-марксисты предприняли попытки издания первых обобщающих трудов по истории Чехии и

Словакии, создания новой марксистской концепции чехословацкой истории. В 1947 г. В. Гуса выпустил в свет книгу "Эпохи чешской истории" /2-е изд. 1949/, в которой он в противовес выработанной Й. Пекаржем периодизации чешской истории европейским культурно-историческим эпохам /к которой в настоящее время возвращаются некоторые чешские историки/ предложил, исходя из марксистского учения о смене общественно-экономических формаций новую периодизацию. В основных чертах эта периодизация соответствует предложенной советскими историками в книге "История Чехии" /Москва, 1947/. Ржига издал в 1946 г. монографию "Экономическое и социально-политическое развитие Чехословакии, 1790-1945" /2-е изд. 1949/. Хотя книга, по собственному признанию автора в предисловии, была написана "наспех, под давлением социального заказа, на основе существующей литературы"⁷⁰, надо отдать ему должное в том, что он впервые с позиций новой методологии попытался осмыслить закономерности экономического и социально-политического развития страны в новое и новейшее время, особенности капитализма в Чехии и Словакии, а также наполнил конкретно-историческим содержанием такие важнейшие категории марксизма, как "производительные силы", "промышленная революция", "империализм" /опираясь на работы В. И. Ленина/.

Достаточно полное представление о ситуации, сложившейся в профессиональной чехословацкой историографии накануне февральских событий 1948 г., о борьбе в ней определенных идейных течений, об основных проблемах, волновавших в то время научные круги, можно составить по материалам II съезда чехословацких историков, состоявшегося 5-11 октября 1947 г., который был организован Чехословацким историческим обществом. Среди участников съезда преобладали представители так называемой "старой школы", т.е. историки в основном позитивистского направления в различных его модификациях, ученые разной конфессиональной ориентации и др. Среди них известные лидеры чехословацкой историографии упомянутые выше: К. Стлюкал

/председатель ЧСИО/, В.Халоупецкий, О.Одложилек, Ф.М. Бартош, Я.Верштадт, Я.Славик, Ф.Роубик и др.

При довольно пестрой программе съезда в ней можно выделить ряд главных проблем, которые вызывали наибольший интерес у тогдашних историков: 1/ пересмотр старых и выработка новых теоретико-методологических подходов в историографии; актуализация исторических исследований; 2/ чешско-словацкие отношения в прошлом и настоящем; 3/ русская революция и славянство; 4/ развитие чешского национального общества и чешской демократии; 5/ положение Чехословакии между Востоком и Западом; 6/ разоблачение фальсификаций чешской истории со стороны немецкой нацистской историографии; 7/ ревизия идейного наследия И.Пекаржа; ценностные ориентиры в чешской историографии /Ф.Палацкий, Т.Г.Масарик и др.; 8/ вопросы организации исторических исследований, проблемы обучения истории⁷¹.

Доклады и дискуссии на II съезде чехословацких историков как нельзя более наглядно свидетельствовали о состоянии чешской и отчасти словацкой исторической науки накануне февральских событий 1948 г. и о том месте, которое занимало в ней марксистское направление.⁷² По признанию комментаторов съезда и самих историков-марксистов, теория исторического материализма была "новостью" для большинства участников съезда. Однако общее отношение к этой теории было достаточно доброжелательным, ввиду того состав его участников по своим политическим взглядам был более левым, чем на первом съезде и идеи гуманного демократического социализма были чрезвычайно популярны в тогдашнем чешском обществе, причем не только благодаря стараниям коммунистов, но и не в последнюю очередь социал-демократов и членов национально-социалистической партии во главе с президентом Э.Бенешем. Представителей "старой школы" настораживала, скорее, не столько сама марксистская теория, сколько ее конкретное догматическое толкование /и пример тоталитарной системы в СССР/. Некоторые преподаватели средней школы высказывались за внедре-

ние марксистской методологии при обучении истории в школе⁷³.

Думается, что в условиях демократического парламентского многопартийного государства, неприемлющего диктатуру какой-либо одной партии и возведения ее идеологии в ранг общегосударственной /если бы модель такого государства реализовалась в то время в Чехословакии/, в ее исторической науке был шанс "мирной конвергенции" или хотя бы мирного сосуществования марксистской и позитивистской методологии тем более, что позитивизм на поздней стадии своего развития в теории факторов близко подошел к экономическому марксизму. Определенную неудовлетворенность в методах и традиционной тематике исследований ощущали многие ученые позитивистского направления, а молодым историкам-марксистам полезно было бы поучиться высокому профессиональному мастерству ученых "старой школы".

Однако в реальной жизни случилось иначе. И поляризация сил в обществе достигла в феврале 1948 г. такого накала, что противоположные стороны не слышали друг друга, не были способны к конструктивному диалогу. В феврале 1948 г. одержал победу курс на социалистическую ориентацию Чехословакии. КПЧ заняла господствующие позиции в области государственного управления и политики, в сфере идеологии. Одной из первостепенных задач партии стало в рамках реализации культурной революции – формирование марксистского мировоззрения у всех слоев общества, воспитание трудящихся в духе идей марксизма-ленинизма.

Первым тревожным симптомом слепого копирования советского опыта стали идеологические кампании и политические процессы, ведущие зачастую к прямому нарушению "социалистической законности". По обвинению в троцкизме, шпионаже в пользу международного империализма, космополитизме были казнены один из лидеров КПЧ – Р.Сланский, историк З.Каландра и др. В Словакии по решению съезда КПС /май 1950/ началась ожесточенная борьба с "буржуазным национализмом" прежде всего в рядах партии. На основе ложной информации и сфабрикованных обвинений был расстрелян видный деятель

КПЧ, бывший руководитель промарксистской группы "ДАВис-тов" В.Клементис и др., осуждены на длительные сроки заключения Г.Гусак и др. деятели КПС⁷⁴.

Хотя масштабы этих кампаний и политических процессов не сравнимы с тем, что происходило в СССР, но они нанесли существенный урон общественным наукам как в кадровом отношении /устранение высококвалифицированных историков-профессионалов/, так и в идейном /искривление и извращение многих научных понятий и проблем/. На борьбу с космополитизмом и буржуазным национализмом были подняты все средства массовой информации, сотни научных работников, преподавателей вузов были призваны вести лекционную пропаганду среди населения. Один из циклов лекций, организованный Социалистической академией назывался "Наша национальные традиции и борьба против космополитизма" /1950/⁷⁵. 27 февраля - 1 марта 1952 г. в Брно состоялась первая идеологическая конференция вузовских научных работников, где тогдашний министр информации и просвещения В.Копецкий прочел доклад "Против космополитизма как идеологии американского империализма"⁷⁶. Тема борьбы с космополитизмом была продолжена 29 мая 1952 г. на конференции "Борьба с космополитизмом в трактовке нашей национальной истории", организованной Высшей школой политических и экономических наук в Праге. На ней выступили ведущие чехословацкие историки-марксисты: Й.Мацек, Ф.Граус, Й.Кочи, В.Оливова, Й.Гайек и др.

Острые борьбы с космополитизмом в области историографии было направлено против классической школы чешского позитивизма, возглавляемой Я.Голлом /Й.Пекарж, Й.Шуста, В.Халоупецкий и др./. Космополитическим объявлялся сам сравнительно-исторический метод исследований, в совершенстве усвоенный представителями этой школы, на основе которого было получено немало ценных научных результатов. Эта школа обвинялась также в буржуазном объективизме, тяготении к "науке ради науки". Космополитизм был назван в числе других "черных грехов" лидеров буржуазной ЧСР -

Т.Г.Масарика, Э.Бенеша, М.Штефаника и др. В 1953 г. был опубликован сборник "Документы об антинародной и анти-национальной политике Масарика", дававший одностороннее тенденциозное представление о политической деятельности лидеров первой республики.

В то же время в Словакии была проведена аналогичная кампания борьбы с буржуазным национализмом. 28-29 января 1954 г. в Братиславе состоялась конференция о политике глиниковской словацкой народной партии и клеро-фашистской "людацкой" идеологии, организованная братиславским университетом при участии вузовских и научных работников всех отраслей общественных наук. Доклады академика И.Грушовского, Я.Дубницкого, М.Госиоровского, выступления в прениях А.Сирацкого, А.Гровского и многих других были направлены на вскрытие "корней людацкой идеологии и ее наиболее опасных форм - буржуазного национализма и религиозного мракобесия"⁷⁷. Разоблачалась тесная связь словацких клерикалов с Ватиканом, их предательская роль в образовании так называемого "Словацкого государства", подчиненного фашистскому диктату и пр. В выступлении М.Пиша специально говорилось о проявлениях клеро-фашистской идеологии в исторических сочинениях Ф.Грушовского. По материалам конференции был вскоре издан специальный сборник⁷⁸.

Поскольку историческая оценка роли словацкой народной партии, распущенной почти десятилетие назад, проводилась в форме идеологической кампании, то ее разоблачительный пафос обрушился не только на бывших приверженцев "людацтва", но и вообще на профессиональных историков позитивистской школы. Много пережил в связи с этим патриарх словацкой историографии Д.Рапант, отстраненный от преподавания в Братиславском университете в 1951 г. и в 1958 г. отправленный на пенсию. Он подвергался огульной критике почти на всех конференциях, где ему доводилось участвовать, за "его ярко выраженную буржуазно-националистическую концепцию словацкого национального возрождения и ненаучной идеалистический метод"⁷⁹. Определенная справед-

ливость в отношении Д.Рапанта была восстановлена в 1968 г., когда он был избран академиком САН, удостоен государственной премии /1969/, награжден Орденом труда /1969/.

К середине 50-х годов в ЧСР утверждается командно-бюрократический стиль руководства не только экономической, но и сферой идеологии. Общественные науки стали концентрированным воплощением догматизма и социальной апологетики. Всякое проявление свободомыслия, попытки сохранить в науке "живую душу диалектики" были, скорее, исключением, чем правилом. Собственный догматизм усугублялся некритическим восприятием подобного же советского опыта. Незамедлительно после выхода работ Сталина "О марксизме в языкознании" /1950/ и "Экономические проблемы социализма в СССР" /1952/ они были переведены на чешский и словацкий языки, изданы массовым тиражом и внедрялись в сознание масс усилиями многих сотен пропагандистов. Их обсуждению было посвящено несколько научных конференций, сначала в Социалистической академии, потом только что организованном Институте истории ЧСАИ. 14 ноября 1952 г. там состоялось публичное заседание Ученого совета Института совместно с философско-историческим факультетом Карлова университета на тему: "О значении работы Сталина "Экономические проблемы в СССР" для исторической науки", на котором выступили с докладами директор Института истории ЧСАИ Й.Мапек, зам. директора Ф.Граус, декан ФИФ КУ О.Ржиги и др.⁸⁰ Авторы двух последних докладов, опубликованных в первом номере начавшего выходить "Чехословацкого исторического журнала" /1953/, с полной серьезностью пытались применить высказывания Сталина к интерпретации истории Чехии периода феодализма и "империализма". Цитатами из названных и других произведений Сталина, Готвальда и др. /как впрочем и К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина/ изобиловали тогда все научные работы по истории, касающиеся всех исторических периодов.

"В свете решений и указаний" съездов и пленумов ЦК КПЧ после 1948 г. протекала вся жизнь чехословацкой ис-

торической науки. Ими теперь полностью определялась кадровая политика, организация научных учреждений, тематика и идейная направленность исследований.

Первоначально, осуществляя задачи культурной революции, КПЧ самое серьезное внимание уделяла воспитанию кадров молодых историков-марксистов. Происходил сложный процесс "перековки" старых кадров профессиональных историков и подготовки новых - выходцев из рабочих и крестьянских семей, из среды интеллигенции. Начиная с 1948 г., всякий плюрализм мнений постепенно искоренялся, а отступление от устанавливаемых государственной идеологией канонов объявлялось уступкой буржуазной идеологии. Профессиональные историки старшего поколения были поставлены в такие условия, что должны были либо отказаться от активной научной деятельности /уйти на пенсию, уехать в провинцию, устроившись на работу в вузах, музеях и архивах Моравии и Тешинской Силезии, вообще покинуть страну/, либо искренно или из конъюнктурных соображений объявить себя приверженцами марксистского учения. В этом отношении типична судьба профессора Брненского университета Рудольфа Голинки /1899-1953/, специалиста по всеобщей и чешской истории эпохи средневековья, добровольно осваивавшего марксистскую методологию под руководством молодых коллег-коммунистов⁸².

Многие из историков старшего поколения, искренне желавшие сотрудничать с новой властью и передавать свои профессиональные знания молодому поколению, встречали непонимание и со стороны нового руководства вузами и со стороны студентов. Такова судьба В.Халоупецкого⁸³. Отстраненный от редактирования "Чешского исторического журнала" и от преподавания в Карловом университете, он умер в 1951 г. у себя на родине в Детенице-у-Йичина в возрасте 69 лет.

После 1948 г. большинство будущих историков-марксистов получало образование в чехословацких университетах, где на кафедрах преподавали старые профессора, но руководство вузами было передано в руки уже сложившихся ис-

ториков-марксистов /О.Ржига, В.Гуса и др./. Начиная с 1945 г. в помощь изучающим основы марксизма-ленинизма массовыми тиражами на чешском и словацком языках издавались собрания сочинений и отдельные произведения К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, И.В.Сталина, К.Готвальда и др. Из рубежа 40-50-х годов и далее многие чешские и словацкие студенты обучались в вузах и университетах СССР.

Активно пропагандировали опыт советских историков ряд научных журналов: "Прага-Москва" и особенно "Советская наука. История", где помещались переводы наиболее значительных работ советских ученых.

Все это создало предпосылки для реорганизации чешской и словацкой академий наук и искусств и относящихся к ней институтов по укреплению организационных основ исторической науки, которая отныне должна была соответствовать и помогать решению задач построения социалистического общества в Чехословакии. В 1952 г. была создана Чехословацкая академия наук /ЧСАН/, а в 1953 г. ее составная часть - Словацкая академия наук /САН/. УИ секции ЧСАН было вверено курирование философско-исторических наук /председатель акад. З.Вирт/ Первым президентом ЧСАН был утвержден З.Неедлы. В подчинение ЧСАН и САН вошли Институт истории ЧСАН с филиалом в Брно и Институт истории САН, Славянский институт ЧСАН, Институт археологии ЧСАН, Институт востоковедения ЧСАН, Чехословацко-советский институт ЧСАН, региональный Силезский институт ЧСАН и др. Наряду с ними исторической проблематикой занимались институты истории КПЧ и КПС, Институт марксизма-ленинизма и др.

Вслед за перестройкой Академии наук последовала и реорганизация исторической периодики: с 1953 г. начали выходить "Чехословацкий исторический журнал" в Праге и "Исторический журнал" в Братиславе, ежегодники "Исторический сборник" при институтах истории ЧСАН и САН. Славянский институт продолжал издавать "Славянское обозрение", в Брно выходил "Журнал Матицы моравской" и др.

Во всех названных журналах /кроме последнего/ печата-

лись исключительно статьи историков-марксистов. Последним прибежищем историков-немарксистов стали некоторые региональные и конфессиональные издания, университетские сборники и особенно "Журнал общества любителей древностей".

Тематика исторических исследований теперь во многом определялась на съездах и пленумах КПЧ, в речах партийных лидеров. Так, на декабрьском пленуме ЦК КПЧ /1953/ и затем на X съезде КПЧ /июнь 1954/ новый первый секретарь ЦК КПЧ Антонин Новотный, говоря о недостатках идеологической работы, по-прежнему выдвигал в числе первоочередных задач борьбу против угрозы буржуазного национализма, космополитизма, за утверждение идей социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, разоблачение предательской роли лидеров первой ЧСР и чешской социал-демократии, доказательство ведущей роли КПЧ в рабочем движении и в строительстве социализма и т.д. Ученым предлагалось обращать внимание прежде всего на прогрессивные течения в национальной истории, выявлять и пропагандировать прогрессивное наследие ее национальных героев. Впоследствии эти указания обсуждались в коллективах академических институтов и на кафедрах в университетах и вузах, излагались в передовицах газет и научных журналов, анализировались в специальных статьях⁸⁴. В результате постепенно стали появляться отдельные статьи и монографии, посвященные истории рабочего движения в Чехии и Словакии, откликам на русскую революцию 1905 г. и Великую Октябрьскую социалистическую революцию, проблемам межвоенной ЧСР, истории словацкого национального восстания, возникновению народно-демократического строя в Чехословакии и пр.⁸⁵

Актуализация коснулась и вспомогательных исторических дисциплин и архивного дела⁸⁶.

Следует отметить, что такое непосредственное вмешательство партийной политики во внутреннюю жизнь исторической науки не могло не привести и приводило к грубому искажению исторических фактов и их тенденциозной интерпретации,

которая находила идеологическое обоснование в пропагандируемом "принципе партийности" науки и абсолютизации классового подхода в анализе исторических явлений. Хотя на словах и провозглашалась необходимость усвоения и воплощения на практике принципов диалектического и исторического материализма, творческого подхода к использованию положений классиков марксизма-ленинизма, но на практике молодые историки, получив ускоренное партийное и зачастую недостаточно глубокое профессиональное образование, легко впадали в догматизм и начетничество, тем более что таков был распространенный стиль идеологической работы, таков был некритически перенимаемый опыт советской исторической науки и историков стран народной демократии.

В этом смысле наибольшему искажению подвергалась интерпретация новой и новейшей истории Чехословакии и истории КПЧ. Работа над последней велась в стенах Института истории КПЧ и строилась по канонам сталинского "Краткого курса истории ВКП/б/".

Проблематике новой и новейшей истории было посвящено несколько научных конференций. Среди них следует упомянуть серию дискуссий по вопросам развития рабочего движения в Моравии, проведенных брненским филиалом Института истории ЧСАН в ноябре 1954, декабре 1955 и 1956 гг. дискуссию о периодизации рабочего движения в Чехословакии до Октябрьской революции /Прага, 18 января 1955 г./.⁸⁷

Историческая наука, встававшая на рельсы марксистской методологии, лишь постепенно отвоёвывала себе право на относительную внутреннюю самостоятельность, решение глубоко научных задач. В большей степени это проявлялось в освещении древней и средневековой истории Чехии и Словакии, где историки относительно меньше подвергались идеологическому давлению сиюминутных партийных постановлений и установок, кампаний.

В определенном смысле школой воспитания кадров марксистских историков, горнилом новых идей и концепций стала работа над "Обзором Чехословацкой истории" /ОЧСИ/, нача-

тая сразу же после образования институтов истории ЧСАН и САН, первоначально планировавшегося в качестве вузовского учебника. Работа над ОЧСИ объединила практически всех сотрудников названных институтов. К ней были привлечены преподаватели вузов, архивисты, сотрудники музеев, студенческая молодежь, так как в ходе работы над ним было организовано несколько конференций и дискуссий⁸⁸. Тезисы всех 3-х томов были опубликованы в журнале и вызвали много читательских откликов. Наконец, что не маловажно, к обсуждению тезисов были привлечены историки СССР и стран народной демократии, которые также участвовали в конференциях, /обсуждения происходили и в самих исторических институтах названных стран/. Конференции в Либлице /19-20.XI 1952 и 9-12.XII 1953/, в Смоленице /18-22 VI 1954/ подняли по существу весь комплекс проблем национальной истории, который переосмысливался на основании марксистской методологии: о характере Великоморавской державы и чешского государства первых Пршемысловцев, значении немецкой колонизации и ее последствиях, кризисе феодализма в XIV-XV вв., характере гуситского движения, "втором издании крепостничества" в Чехии и Словакии, времени первоначального накопления капитала, промышленном перевороте, характере революции 1848-1849 гг., и роли либеральной буржуазии в ней, развитии рабочего движения в Чешских землях и Словакии, откликах на русские революции 1905 и 1917 гг., главных факторах возникновения ЧСР, роли социал-демократии, организации КПЧ, экономическом кризисе, инициаторах Мюнхенскогоговора, характере Словацкого национального восстания, сущности чехословацкого народно-демократического государства и др. Дискуссии, с одной стороны, свидетельствовали о попытках творческого осмысления национальной истории на основе осваиваемой марксистской методологии, но, с другой стороны, отразили в себе, как в капле воды все названные негативные моменты развития исторической науки в ЧСР.

В создаваемый идеал истинного марксистского понимания истории входило представление о единоумии всех привер-

женцев марксистско-ленинской теории. В качестве примера можно привести дискуссию о характере Великоморавского государства, развернувшуюся в ходе работы над ОЧСИ. Ф.Граус, занимаясь этой проблемой, опираясь на труды классиков марксизма, в ряде работ пришел к выводу, что Великая Моравия "еще не имеет ясно выраженных черт феодального государства"⁸⁹. Директор Института археологии акад. Я.Бём вместе со своими коллегами археологами, напротив, доказывал, что Великая Моравия была ранее феодальным государством, ссылаясь на труды Б.Д.Грекова, материалы последних археологических раскопок⁹⁰. Проблема обсуждалась на нескольких конференциях. На одной из них /Либлице, 27 апреля 1953/ было единогласно решено, что IX век на территории Великой Моравии является периодом, когда уже существовали феодальные производственные отношения⁹¹. Впоследствии на следующей конференции в дискуссию включились советские ученые и историки некоторых стран народной демократии. Директор ИС АН СССР П.Н.Третьяков с удовлетворением констатировал, что Великоморавское государство, "по мнению подавляющего числа чехословацких историков и археологов, польских /.../ и советских историков следует рассматривать как государство раннефеодальное, очень близкое по своему облику к Древней Руси", основанное чему служат обнаруженные в Старом Месте на Мораве "следы развитого ремесленного производства и погребение дружинников"⁹². В результате дискуссий Ф.Граус вынужден был признать феодальный характер Великой Моравии и внести соответствующие изменения в тезисы. Результаты дискуссий по этой и другим проблемам привели П.Н.Третьякова к выводу, что "марксистская историческая наука в странах народной демократии развивается по общему пути, что историки разных стран, работа которых разделялась раньше непримиримыми националистическими противоречиями, составляет ныне единый коллектив"⁹³.

Действительно, работа над ОЧСИ, к обсуждению которого принадлежали историки СССР и стран народной демократии, несомненно способствовала их сближению, согласованию пер-

спективных планов, выработке общих позиций в подходе к решению ряда принципиальных проблем. Все это показало также общие "детские болезни" молодой марксистской науки.

В эти же годы вышли в свет монографии Ф.Грауса "Городская беднота в предгуситское время" /1949/, "Торговля сукном в Чехии в XIV - начале XV вв." /1950/, Й.Мацека "Гуситское революционное движение" /1952/, "Табор в гуситском революционном движении" /1952/ и др., где так или иначе был поставлен вопрос о кризисе феодализма в Чехии в XIV-XV вв. Эти положения были повторены и в тезисах "ОЧСИ" о характере гуситского революционного движения - одной из "передовых" эпох чехословацкой истории. Взгляды по этому вопросу у чехословацких и советских историков не совпадали. Последние считали "неправильной тенденцией" рассматривать "гуситское движение в качестве буржуазной революции" и представляли его догматически, опираясь на Ф.Энгельса, как крестьянскую войну⁹⁴.

Авторы тезисов учли все эти замечания таким образом, что совместили при характеристике гуситского движения оба эти понятия: "Гуситское революционное движение было крестьянской войной и предтечей буржуазных революций, потому что впервые в истории устранило в Чехии власть крупнейшего феодала, церкви и потому, что боевые действия вели крестьянство и городская беднота под руководством городских союзов"⁹⁵.

Принципиально важное значение для сближения историков стран народной демократии имело участие чехословацких ученых в международном конгрессе историков в Будапеште /6-14 июня 1953 г./, где собрались также представители Венгрии, СССР, Польши, Румынии, Болгарии, ГДР. Темой обсуждения была: "Борьба венгерского народа за свободу совместно с народами соседних стран". Участники этой представительной международной конференции впервые приняли проекты сотрудничества историков СССР и стран народной демократии на близкую и дальнюю перспективу. В качестве ближайших задач сотрудничества проект предусматривал издание ряда международных сборников, посвященных знамени-

тельными датами истории народов этих стран⁹⁶. К сожалению, не все из этих планов ввиду последовавших скоро событий в странах народной демократии, были выполнены, тем не менее сотрудничество продолжало развиваться. Чехословацкие ученые уже в эти годы неоднократно привлекались к обсуждению коллективных трудов по национальной истории, которые почти синхронно готовились в Польше, ГДР, Венгрии и других странах. В СССР Институт славяноведения АН СССР готовил "Историю Чехословакии", неоднократно обсуждая с историками ЧСР отдельные разделы. Постепенно началась работа двусторонних комиссий историков ЧСР с историками почти всех названных стран. Одним из результатов переговоров чехословацких историков с венгерской стороной стала организация летом 1955 г. филиала Института истории ЧСАН в Будапеште, задачей которого было систематическое изучение чешских и словацких материалов в фондах венгерских архивов, взаимный ежегодный обмен 50 000 кадров микрофильмов. Соответственно в филиал ИИВАН начал свою работу в Братиславе⁹⁷. Связи с наукой Западной Европы и США не поощрялись, но филиал Института истории ЧСАН в Риме по изучению материалов Ватиканского архива продолжал существовать с межвоенного периода.

Период 1948–1956 гг. в определенном смысле можно назвать ключевым в развитии марксистской историографии в Чехословакии. Принятие руководством страны советской модели построения социализма, просталинской культурной и научной политики обрекли историческую науку в ЧСР на повторение тех же ошибок и отступлений от истины в угоду политике, которые свершались в СССР. Поэтому несомненно положительные моменты усвоения метода исторического материализма в исторической науке, которые определяли расширение тематических границ исследований /экономические отношения, новая и новейшая история, революционные движения и пр./, качественно новое осмысление исторического процесса, вскрытие истинных причин исторических явлений и событий, наконец, стремление к творческим дискуссиям и плановой организации науки, неизбежно меркли или проявля-

лись в искривленном виде в условиях жесткого подчинения исторической науки партийно-политическому диктату.

Ведущие чехословацкие историки-марксисты, наиболее трезво и критически мыслящие ученые, скоро почувствовали неблагоприятное подобное развитие исторической науки, ощутили ее предкризисное состояние. Отрезвлению "мозгового центра" чехословацких историков во многом содействовал XX съезд КПСС.

« 1956 г. во многом стал поворотным в развитии чехословацкого общества. Заметному потеплению общественного климата в стране несомненно способствовал XX съезд КПСС, выступивший с разоблачением культа личности Сталина, провозгласивший возможность мирного сосуществования государств с различным общественным строем и т.п. В ЧСР по итогам съезда было проведено два пленума ЦК КПЧ /март и апрель 1956 г./. В ходе дискуссий серьезной критике были подвергнуты многие ошибки и недостатки в партийном и государственном строительстве, однако партия сохранила свои господствующие позиции в обществе.

Творческая интеллигенция страны попыталась использовать "хрущевскую оттепель" для существенной переоценки предшествующего развития страны по пути к социализму, избавления от многих стереотипов и догматов, распространяемых партийной пропагандой. Инициативу взяли на себя чехословацкие писатели и философы /К.Косик, И.Свитава и др./⁹⁸.

В исторической науке с критикой сложившихся в ней догматических представлений и методологических установок осмелился выступить открыто только Граус, главный редактор "Чехословацкого исторического журнала". В апреле 1956 г. он опубликовал в "Литературной газете" статью "О месте истории в культурной жизни", где пришел к неутешительному выводу о том, что за годы строительства социализма в ЧСР историческая наука превратилась в служанку политики и господствующей идеологии, а историки, писавшие свои работы в начале 50-х годов, "во многом утратили ответственность перед обществом, начав исторически обосновывать все, что угодно". Понимая ненормальность такого

положения, Ф.Граус вслед за К.Косиком, И.Свитаком, выступил за деполитизацию науки. По его мнению, "историк должен самостоятельно мыслить" и не может руководствоваться "мнением выдающихся деятелей при решении научных вопросов"⁹⁹. Большой смелостью со стороны Ф.Грауса была критика доселе незыблемого постулата о политико-воспитательной функции истории в социалистическом обществе.

Высказав публично ряд "крамольных" с точки зрения официальной историографии мыслей, Ф.Граус, однако, в то время не выходил за рамки марксистской доктрины, полагая, что серьезная критика сложившихся здесь стереотипов и ложных догматов будет способствовать ее очищению и творческому развитию как науки, дающей "подлинно научные представления об обществе".

Статья Ф.Грауса, являясь частью дискуссии по вопросу об отношении науки и идеологии, по существу открыла последующий обмен мнениями по проблеме методологии истории, в которой приняли участие, кроме самого инициатора, Й.Мапек, Й.Полишенский, В.Гуса и др.

Ф.Граус в ряде последующих статей призывал историков вернуться к серьезному изучению источников, полагая, что настоящий прогресс в историографии проявляется в совершенствовании методики /техники/ исследований и в постоянном накоплении нового фактического материала. При этом он, как и др. чешские историки того времени, обнаружил близкое знакомство с развитием различных исторических школ в странах Запада и с традициями отечественного позитивизма. О необходимости обогащения техники исторических исследований с помощью методов кибернетики и других точных наук писал Я.Пурш. Ф.Граус по существу отождествлял понятия методологии и методики исторических исследований, отрывая их от идеологии. В этом он близок современному пониманию методологии как системы "принципов, логических форм, структуры и техники исследований, способствующих познанию сущности предмета и интерпретации фактических данных"¹⁰⁰.

Это было смелой попыткой вырваться из порочного кру-

га сложившихся догм, так как все остальные коллеги Ф.Грауса продолжали обсуждать методологические проблемы истории в рамках привычных представлений о том, что исторический материализм является общей теоретической и методологической основой всех общественных наук, в том числе и истории, есть одновременно наука "о законах развития общества и методом его познания"¹⁰¹. В их размышлениях речь шла прежде всего о том, в какой степени историография автономна в своих методах познания действительности от исторического материализма. Было единодушно признано, что исторический материализм отражает действительность в более общих, философских категориях, а историография - в более частных, т.е. имеет ряд своих собственных методов исследования¹⁰². Что касается вопроса о взаимоотношении марксизма как идеологии и марксизма как научной философии, то чехословацкие историки в то время /за исключением Ф.Грауса/ не осмеливались разделять и противопоставлять эти понятия.

Наряду с дискуссией по вопросам методологии истории, не принесшей существенно новых результатов, на страницах чешских и словацких исторических журналов развертывались дискуссии по общим и частным проблемам истории Чехословакии. В Чехии: о первоначальном накоплении капитала, о "втором издании" крепостничества в XVI и XVII вв. /совместно с советскими учеными и историками других социалистических стран/, о характере классовой борьбы при феодализме и отдельных стадиях развития этого общественно-го строя, о характере промышленной революции в чешских землях, о возникновении и развитии народно-демократического строя в Чехословакии¹⁰³.

В Словакии обсуждались проблемы формирования словацкой нации, о взаимоотношениях чехов и словаков, о жизни и деятельности Л.Штура, о Словацком национальном восстании и др.¹⁰⁴ Все эти дискуссии велись в рамках марксистского понимания истории и были попыткой творческого развития этого учения, избавления от предшествующей схематизации исторического процесса, утверждения диалекти-

ческого подхода в анализе общественных явлений. Академик Я.Мацек среди главных теоретических достижений чехословацкой историографии рубежа 50–60-х годов, ее творческого вклада в марксизм называл: 1/ теорию первого кризиса феодализма /Ф.Граус/; 2/ теоретическую разработку проблем промышленной революции /Я.Пурш/; 3/ теорию перерастания национально-освободительной борьбы в национально-демократическую и социалистическую революцию /Ю.Кржижек, В.Крал, Л.Голотик и др./¹⁰⁵. И хотя время показало несостоятельность большинства этих теоретических разработок, все же они свидетельствовали о движении научной мысли вперед, к новому /что не значит истинному/ осмыслению коренных проблем истории Чехословакии.

После 1956 г. можно заметить ряд новых явлений в развитии чехословацкой историографии не только в теоретической, но и в практической области, в конкретной работе профессиональных историков. Была проведена реорганизация архивного дела: все архивы стали частью государственных структур. Это имело в то время и свои положительные результаты, так как архивные работники ЧСР приложили много усилий для каталогизации каждого архива, систематизации архивных материалов, выпуска различных путеводителей, что сделало архивные материалы более доступными для исследователей. Именно в это время предпринимаются серии изданий источников по различным периодам истории Чехии и Словакии¹⁰⁶. В то же время материалы по новейшей истории, разбросанные по различным ведомственным архивам, как и в СССР, оставались закрытыми для историков, что, помимо идеологических установок, не давало им возможности правильной интерпретации событий.

В эти годы значительно выросло число исторических журналов. Судя по таблице, приведенной в книге "25 лет чехословацкой историографии", к 1952 г. число исторических периодических изданий достигло уровня 1938 г. /40/, а к 1958 г. удвоилось /80/¹⁰⁷. В связи с возросшей специализацией исторических журналов в них большее внимание стало

уделяться чисто профессиональным вопросам. В ведущих исторических журналах: "Чехословацкий исторический журнал" /Прага/ и "Исторический журнал" /Братислава/ исчезли политические передовицы.

Рубеж 50-60-х годов стал определенной вехой в завершении многих исследовательских программ чехословацких ученых, выполненных уже в рамках марксистской методологии. Многие монографии того времени были признаны классикой исторической науки в Чехословакии¹⁰⁸. Заметных успехов достигла здесь археология. В эти годы подводились итоги предыдущих археологических открытий на территории Чехии, Моравии и Словакии, касающиеся древней истории славян /VI-IX вв/ и особенно Великой Моравии. На основе данных, полученных в результате раскопок в Микульчицах, Старом Месте и др., появился коллективный труд "Возникновение и начало славян" /I т., 1956, II т., 1958/, монографии Й.Полулика, В.Грубого, Л.Гавлика и др.

Большое внимание традиционно уделялось истории и пред истории гуситского движения в Чехии и за ее пределами. И хотя наиболее интересные монографии /Й.Кейржа, Ф.Шмагеля, Ф.Кавки и др./ вышли в свет в 60-е годы, нельзя не отметить работы Ф.Грауса "История крестьянства в Чехии в предгуситскую эпоху" /1957, 2 тома/, Р.Каливоди "Гуситская идеология в Чехии" /1959/ Й.Мапека "Международные отклики на гуситское движение" /1958/, Й.Кейржа "Основы права в гуситском городе Кутна Гора" /1958/ и др.

Последующим периодам в истории Чехии, Моравии и Словакии были посвящены монографии Й.Яначека "Ремесленное производство в чешских землях в XVI в." /1961/, Й.Полишенского "Тридцатилетняя война и чешский народ" /1960/, Ф.Кавки "Белая гора и чешская история" /1962/, А.Шписа "Мануфактурный период в истории Словакии /1725-1825/" /1961/, А.Климы "Мануфактурный период в Чехии" /1955/. Новым словом в чехословацкой историографии были признаны монографии Я.Пурша "Промышленная революция в чешских землях" /1960/ и Й.Кочи "Наше национальное возрождение" /1960/.

Указанные монографии и другие работы чехословацких ис-

ториков, как правило, были основаны на большом круге новых архивных источников, некоторые из них применяли новую методикку исторических исследований /например, Я. Пурш, Р.Каливода/, в отличие от межвоенной и более ранней историографии освещали ряд не поднимавшихся ранее, традиционных для марксистской историографии проблем: социально-экономическое развитие Чехии и Словакии как главная предпосылка крупных социальных и национальных движений, классовый состав общества разных эпох, классовая борьба зависимого крестьянства, революционные движения и др. В этом несомненно надо признать прогресс исторической науки в Чехословакии, к тому же в интерпретации данной проблематики историки-марксисты имели, как мы увидим далее, относительную свободу научного творчества.

Что касается освещения последующих периодов в истории Чехии и Словакии, то чем ближе к современности, тем в большей степени идеология и политика, а не данные доступных историкам источников, определяли общую концепцию, выходящих из печати трудов. Это касалось работ, посвященных рабочему движению в Чехии и Словакии, формированию там социалистических течений /М.Госиоронский, П.Рейман, З.Шолле, М.Рейман и др./, откликам в Чехии и Словакии на революции 1905 и 1917 гг. /О.Кодедова, О.Ржигя, Ю.Кржижек, Л.Голотик и др./, истории КПЧ и первой республики /В.Крал, Л.Голотик, О.Ржигя, А.Гаянова, Ю.Кржижек, В.Копецкий, Т.Бареш, К.Гаян, И.Веселы/, периода войны, Словацкого национального восстания и послевоенного развития /Я.Цезар, А.Сирацки, В.Крал, Ч.Аморт, М.Кропилак, И.Веселы, С.Цамбал, Й.Грозиенчик и др./.

Некоторая возможность свободомыслия, проявившаяся в ЧСР после 1956 г., вскоре стала расцениваться партийными органами как отступление от марксистской идеологии. В духе решений Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран /Москва, 1957/ 16-17 октября 1958 г. в Праге был проведен общегосударственный идеологический семинар, посвященный актуальным проблемам борьбы против современного ревизионизма. С ос-

новым докладом выступил секретарь ЦК КПЧ Владимир Коуп-кий. Наиболее опасными среди ревизионистских идей были названы "стремление различать марксизм как науку и марксизм как идеологию", что признавалось выражением буржуазного объективизма; "попрание исторического смысла классовой борьбы в обществе", "надклассовое понимание демократии", критика реального социализма с позиций "абстрактного гуманизма" и др.¹⁰⁹ Главным источником большинства этих идей тогдашние идеологи КПЧ считали Т.Г. Масарика. По их мнению, именно он и его идеи /масарикизм/ являлись высшим проявлением "буржуазной апологетики, социального реформизма и ревизионизма". Поэтому разоблачение масарикизма было объявлено главной задачей современной идеологической борьбы. Чему и был посвящен ряд монографий /В. Крал, М.А. Силин/ в ЧСР и СССР.

Идеологический семинар определил главные идеи, в развенчание которых должны были внести свой вклад чехословацкие историки-марксисты. Под знаком разоблачения и борьбы с различными отступлениями от марксизма прошел III съезд чехословацких историков, состоявшийся 16-19 октября 1959 г. в Праге. В его задачу входило рассмотрение ключевых вопросов идеологического характера, волнующих чехословацкое общество после 1956 г.; а также наметка путей дальнейшего развития марксистской историографии в ЧСР. Съезд был созван основанным в 1957 г. Чехословацким историческим обществом /председатель В. Гуса/ в связи с подготовкой к XI Международному конгрессу исторических наук /Стокгольм, 1960/. На съезде присутствовали представительные делегации из СССР и других социалистических стран. Главные доклады сделали директора исторических институтов ЧСАН и САН Й. Мацек /"Состояние и задачи чехословацкой историографии в период завершения строительства социализма"/, Л. Голотик /"О состоянии и задачах исторической науки в Словакии"/, член Политбюро ЦК КПЧ Й. Гендрих /"О роли истории в строительстве социалистического общества"/ и директор Института истории КПЧ И. Веселы /"Историческая роль рабочего класса в чехословацкой историогра-

фии"/. Было зачитано также приветствие президента ЧСАН З.Неёдлы "Об отношении истории и современности". Вокруг этих докладов в основном и велась оживленная дискуссия^{II0}.

Главным нервом съезда, как уже отмечалось, было идейное очищение чехословацкой марксистской историографии и потому утверждение "правильных" подходов. В докладе И.Гендриха четко был поставлен вопрос о воспитательной функции истории как источнике "социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма"^{III}. От имени руководства КПЧ он призывал ученых главное внимание сосредоточить на изучении социалистической революции и строительства социализма в ЧСР.

В ряде докладов был поднят вопрос о партийности исторической науки, говорилось о необходимости активной борьбы с усилившимися в чехословацкой историографии тенденциями позитивизма и конфессионального подхода к истории^{II2}. Были названы носители этих опасных тенденций. Одним из них О.Ржига представил И.Полишенского, указав, что его научная и педагогическая работа была подвергнута серьезной критике на заседании партгруппы философского факультета Карлова университета^{II3}. И.Мацек выступил с критикой конфессиональных историков. В частности, он негативно отозвался о монографии Цибулки "Великоморавский костел в Модре у Велиграда и начало христианства в Моравии" /Прага, 1958/, в которой, по его мнению, автор с католических позиций идеализировал христианство, затушевывая его классово-эксплуататорскую сущность.

Впоследствии, говоря об итогах III съезда чехословацких историков, один из идеологов "нормализации" В.Крал /взгляды которого в СССР поддерживал А.А.Удальцов/ выражал сожаление, что провозглашенные здесь задачи борьбы с проявлениями буржуазной идеологии, позитивизмом, религиозным мракобесием, ревизионизмом и оппортунизмом в области исторической науки так и остались на бумаге и никогда не были реализованы. Главными виновниками сложившегося положения он считал организаторов съезда - И.Мацека и Ф.Грауса^{II4}.

В Словакии также была объявлена кампания за чистоту марксистской идеологии. Летом 1959 г. в Братиславе состоялась конференция "Задачи словацкой исторической науки в период завершения строительства социализма", проходившая в рамках III съезда Словацкого исторического общества. С основным докладом "Миссия исторической науки в нашем обществе" выступил директор Института истории САН Л.Голотик. Докладу была присуща вся атрибутика тогдашнего представления об истинном марксизме и верности коммунистической партии. В нем говорилось о роли исторического материализма в историческом познании, в том числе и на примере развития словацкой марксистской историографии¹¹⁵.

Для окончательной победы марксистской методологии в историографии Словакии, по мнению Л.Голотика, необходимо покончить главным пережитком буржуазной идеологии — буржуазным объективизмом, отстаивая партийность науки, неустанно бороться против пережитков "лидацтва", как проявления клерикализма и буржуазного национализма, еще не полностью изжитых в Словакии. Конкретные носители указанных пережитков в докладе Л.Голотика названы не были. Но из дискуссии и информации о текущей научной жизни видно, что имелись в виду прежде всего глава словацкого позитивизма Д.Рагант, историки-католики, а также словацкие партийные деятели, необоснованно обвиненные в буржуазном национализме на рубеже 40–50-х годов.

В сентябре 1963 г. Г.Гусак, Р.Шмидке, В.Клементис, Л.Новомеский и другие члены КПС были реабилитированы, и уже в мае 1964 г. была проведена конференция "Роль журнала и группы "ДАВ" /1925–1939/ в развитии словацкой литературы", которая прошла "под знаком восстановления истины, еще более обострив интерес к объективной переоценке событий недавнего прошлого"¹¹⁶, вернув в русло словацкой культуры и исторической публицистики имена первых словацких марксистов.

28–30 июня 1962 г. в Кошицах состоялся IV съезд словацких историков. Основной доклад Л.Голотика "Развитие

словацкой исторической науки в чехословацкой историографии" подводил итоги предшествующего развития марксистской историографии в Словакии, начиная с 1948 и особенно за последние три года, прошедшие со времени предыдущего съезда. Тогда было опубликовано более 100 монографий /1/, десятая часть которых была посвящена проблемам истории феодализма. Остальные монографии охватывали период воиной и новейшей истории. В том числе истории Словацкого национального восстания было посвящено 17 монографий, а послевоенному периоду социалистического строительства в ЧСР — 10 книг. Однобокость увлечения проблематикой новейшей истории констатировал сам докладчик, отмечая, что "диссертации по новейшей истории сосредоточиваются в основном на двух-трех темах /национальный вопрос, рабоче-крестьянский союз, национально-демократическая революция/, в которых в различных вариантах повторяются одни и те же факты и теоретические положения, хотя этот период дает широкие возможности для исследований"¹¹⁷.

21-28 августа 1960 г. состоялся XI Международный съезд историков в Стокгольме. Чехословацкая делегация на нем /31 человек/ была самой представительной после СССР /42 человека/ из тогдашних социалистических стран /свыше 230 историков/. Всего в съезде участвовало 1500 делегатов из 50 стран мира¹¹⁸. В информации о конгрессе выступления историков-марксистов расценивались как полный триумф марксистской исторической мысли, полное превосходство марксистской идеологии и науки над буржуазной. Выдаваемая желаемое за действительное, утверждалось, что коммунистическая идеология в связи с успешным ростом и развитием марксистско-ленинской исторической науки уверенно завоевывает новые позиции и сторонников и в капиталистических странах. На самом деле марксистским историкам, которые, судя по отчету, выступали единым лагерем, пришлось отстаивать свои идеи в острой полемике с представителями западной историографии¹¹⁹. Участие чехословацких историков в XI Международном конгрессе историков в Стокгольме повысило престиж исторической науки в Чехословакии в междуна-

родном масштабе, расширило их связи с коллегами не только на Востоке, но и на Западе. Съезд несомненно способствовал росту самосознания чехословацкой исторической науки, ибо ее лидеры все определеннее стали ставить задачи изучения не только отечественной, но и всемирной истории /причем не только региона ЦВЕ/, а также подчеркивали важность изучения различных проблем истории Чехии и Словакии в широком международном контексте.

Серьезным итогом, свидетельствующим о завершении определенного периода в развитии марксистской историографии в Чехословакии, совпавшего с провозглашением победы социализма в ЧССР, стало издание нескольких обобщающих коллективных трудов. Среди них: "Обзор чехословацкой истории" /т. 1, 1958; т. 2, 1960; т. 3, 1961/, "История Словакии" /т. 1, 1961/, История КПЧ" /2 том 1961/, "25 лет чехословацкой историографии. 1936-1960" /1960/.

Все они отразили во всей противоречивости реальное состояние и уровень развития марксистской историографии в ЧССР того времени.

В процессе создания этих трудов /особенно первых двух из названных/ были практически решены многие глобальные вопросы методологии и общей марксистской концепции истории Чехословакии, определены подходы к созданию синтетических обобщающих трудов, намечены пути решения многих теоретических вопросов трактовки отдельных периодов и проблем истории Чехии и Словакии: экономической, социальной, политической, культурной, научной и пр. В конце концов оба труда были изданы в виде макетов, т.е. как бы подготовительной модели для создания истории Чехословакии с учетом всех замечаний, высказанных в дискуссиях на научных конференциях 120.

Итак, к началу 60-х годов мы можем говорить о завершении определенного этапа в развитии историографии в Чехословакии. Этот рубеж осознавался многими тогдашними историками как победа в ней марксистского направления. Страна, получившая название ЧССР, объявила о построении основ социалистического общества, о победе культурной революции. К

этому времени вышли в свет важные обобщающие труды по истории Чехословакии, подводившие итоги предшествующего развития историографии. В конце 1963 г. была проведена серьезная реорганизация ЧСАН и САН, направленная на обобщение приоритетного развития исследований по новейшей истории Чехословакии и изучение истории европейских социалистических стран.

Разоблачение культа личности в СССР в 1956 г., реабилитация ряда видных деятелей КПЧ в начале 60-х годов, приоткрыли дверь для некоторого развития свободомыслия в обществе, выразившегося в попытках избавиться от пороков догматизма и схематизма в оценке общественных явлений. Все эти ростки свободомыслия в целом к началу 60-х годов не выходили за рамки марксизма, напротив, по искреннему убеждению их носителей, они должны были способствовать его творческому развитию. Однако тогдашнее партийное руководство страны расценило эти выступления как проявления ревизионизма, оппортунизма, уступок буржуазной идеологии и предприняло ряд шагов для усмирения инакомыслия. Более всего это коснулось развития исторической науки в Чехословакии. Однако эпоха репрессий, к счастью, миновала, и представители творческой интеллигенции, как могли, стали обходить партийные запреты, к тому же дух "либерализации" коснулся и многих партийных руководителей, приведших страну к "Пражской весне" 1968 г.

ГЛАВА 7.

УГОСЛАВИЈА

ПРОНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В СЕРБСКУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ МЫСЛЬ /1871-1918/

Наряду с ведущим позитивистским историко-критическим направлением в сербской историографии в конце XIX - начале XX в. складывался марксистский подход к анализу исторических событий. В югославской историографии данный процесс не получил до сих пор должного освещения, он нашел лишь косвенное отражение в работах, посвященных истории философии¹. Социально-политическая и экономическая ситуация в Сербии этого времени создала объективные предпосылки, обусловившие необходимость появления новой теории, новых взглядов на историческое развитие человеческого общества, подготовив тем самым почву для восприятия историко-материалистического марксистского понимания истории. Тогда же в стране широко распространяется переводная социалистическая литература.

Общезвестно, что "Манифест Коммунистической партии" явился первой из работ К.Маркса и Ф.Энгельса, переведенной на сербский язык. Принято считать, что именно к этому времени можно отнести зарождение в Сербии социалистического рабочего движения. Выход "Манифеста" совпадает с появлением газеты "Раденик" под редакцией С.Марковича, в которой в 1871 г. была опубликована часть произведения Маркса "Гражданская война во Франции", а в дальнейшем на страницах этого издания увидело свет популярное изложение главы "Капитала" под названием "Что такое рабочий день", вышедшее из под пера С.Марковича. В последующие годы труды основателей коммунистического рабочего движения все чаще и чаще появляются на страницах различных сербских изданий, а также выходят отдельными книгами и брошюрами. Сейчас трудно установить авторов некоторых переводов произведений Маркса и Энгельса, но хорошо известны заслуги в этой

области Р.Милошевича, Л.Балудича, М.Поповича, И.М.Ивановича, И.Леви и других передовых деятелей того периода. Не вызывает сомнения тот факт, что начало систематической публикации основных работ Маркса и Энгельса было положено партийной серией "Социалистическая библиотека" в 1907 г. Постоянными авторами-переводчиками здесь выступали М.Попович, Д.Тупович, Н.Богданович и Н.Томич, М.Ливкович И.К.Шнайдер и др. Надо также отметить появление в Сербии статей таких известных марксистов, как П.Лафарг, А.Бабель, В.Плеханов, К.Либкнехт, К.Цеткин, Р.Даксесбург и др.²

Необходимо отметить, что в тот период был переведен ряд трудов различных авторов, развивавших материалистические взгляды на исторический процесс. В 1900 г. была переведена работа французского философа-материалиста К.Геро "Материалистическое понимание истории", в 1907 г. - "Этика и материалистическое понимание истории" К.Каутского, а также - статьи М.Адлера /1910 г./ и М.Цеттербаума /1912 г./, опубликованные в газете "Борба" с одноименными названиями.

Восприятие и творческое осмысление передовой сербской интеллигенцией марксистских взглядов на историю было обусловлено не только развитием капиталистических отношений и классовой борьбой, но явилось также результатом значительного развития революционно-демократической традиции, в частности деятельности Димитрия Хуевича³. Его труды, а также работы других представителей сербских демократов 80-х годов оказали определенное влияние на развитие национальной историографии, несмотря на то, что последние не были профессиональными историками.

Крупным пропагандистом социализма в Сербии был выдающийся ученый и общественный деятель Светозар Маркович /1846-1875/ - идейный предшественник сербской социал-демократии, представитель материалистического направления в философии⁴. Научно-публицистическая деятельность С.Марковича явилась новым, значительным этапом в развитии национальной историографии. В объяснении явлений общест-

венной жизни в произведениях Марковича встречается целый ряд положений и догадок, которые приближают его к историческому материализму. Он впервые в истории сербской общественной мысли выдвинул проблемы социально-экономических отношений.

После смерти С.Марковича /1875 г./ многие социалисты отошли от его учения /Н.Пашич, П.Тодорович, сестры Ђинкович, П.Велемирович и др./. В такой сложной идейно-политической обстановке социалистическое движение 80-х годов возглавил ученик С.Марковича Мита Ценич. Он был талантливым публицистом, который через газеты "Радењак" /1881/, "Борба" /1882-1883/ и другие социалистические издания пропагандировал идеи С.Марковича. М.Ценич не был в достаточной степени знаком с трудами Маркса и Энгельса, материализм изучал по работам Лассалля. Ссылаясь на него, Ценич утверждал, что марксизм принесет пролетариату освобождение. Для Ценича была несомненной историческая роль пролетариата: "Пролетариат - главный и убедительный фактор неизбежной победы социализма", - писал он⁵. Однако Ценич отрицал революционный путь прихода к социализму. Он был сторонником "этического социализма", полагая, что только мораль должна быть основой будущего общества. Заслугой Ценича в развитии марксистской исторической мысли в Сербии явилось то, что он, в отличие от С.Марковича, связывал победу социализма в Сербии с пролетариатом, а не с крестьянством.

Наиболее близок к позициям С.Марковича был В.Пелагич /1838-190 / - революционный демократ, деятель национально-освободительного и социалистического движения в Сербии, Боснии и Герцеговине. В.Пелагич признавал научный характер марксизма, как учения, объясняющего законы развития природы и общества⁶, но не применял положения марксизма к анализу истории Сербии и современной ему действительности.

Безусловно, идеи Пелагича оказали большое влияние на широкие слои сербской общественности, так как он был самым популярным сербским автором⁷, общепризнанным вождем

сербской социал-демократии, общий тираж его работ достигал 250 тыс. экземпляров. Однако его трактовка идей Маркса и Энгельса вызвала острую полемику на страницах социалистической печати. В газете "Дело" /автор подписался "С.М.П.", 1894 г./ с марксистских позиций критикуются взгляды Пелагича, изложенные им в работе "Социализм или основы переустройства общества". Автор полагал, что Пелагич, несмотря на неоднократные ссылки на труды Маркса и Энгельса не понял сущности их теории. Он критиковал попытки Пелагича найти в семейной задруге /сельской общине/ "социалистическую ячейку", его стремление сохранить задругу и путем реформ "вести ее в социализм". В статье указывалось, что разложение сельской общины является естественным следствием развития производительных сил, а не результатом "грабежа и насилий, присущих истории человеческого общества", как полагал Пелагич⁸.

На данном этапе социалистического движения ядро сербских социалистов представляло достаточно сильную в организационном и идейно-политическом смысле группу. Их печатными органами были "Социал-демократ" /1895-1896/, "Габсбуржская газета" /1897/, "Сербский ремесленник" и др. Кроме Пелагича, в эту группу входили А.Банкович, М.Обрадович, М.Савич, Ц.Павлович и такие известные теоретики рабочего движения, как Д.Данчевич, И.Попович, К.Йованович, И.Скерлич и др.

Однако революционно-демократическое направление сербской историографии при всей его значимости не могло в тех конкретно-исторических условиях стать определяющим. Господствующее положение в югославской историографии в конце XIX - начале XX в. занимала историко-критическая школа, основоположником которой был И.Руvaraц /1832-1905/. Краеугольным камнем его исторических изысканий был принцип: исторической истиной является только то, что подтверждают всесторонне проверенные источники. Руvaraц известен как тонкий критик и исследователь исторических источников. Наиболее значительным представителем "критической школы" был Стоян Новакович /1842-1915/. Он известен

своими публикациями документальных материалов. Он первым среди сербских историков применил сравнительно-исторический метод. Интересные работы, не потерявшие своего значения до настоящего времени, по истории сербской дипломатии написал Й.Ристич /1831-1899/. Представители "критической школы" провели ряд удачных исследований по отдельным частным вопросам, но они не создали обобщающего труда по новой истории Сербии.

Итак, 70-80-е годы можно выделить как период проникновения марксистских идей в сербскую общественную мысль, что послужило фундаментом для последующего перехода передовых сербских мыслителей к историко-материалистическому пониманию развития общества. К этому времени относится деятельность С.Марковича, М.Ценича, В.Пелагича и др.

Виднейшим представителем марксистской историографии в Сербии до первой мировой войны был один из основателей и руководителей социал-демократической партии Дмитрий Туцович /1881-1914/. В югославской историографии в основном изучались его общественно-политические взгляды, деятельность по организации борьбы сербского рабочего класса⁹. Тем не менее специального внимания заслуживают исторические взгляды Д.Туцовича так как именно с его именем связан "первый, наибольший триумф историко-материалистических воззрений в сербской политической литературе"¹⁰.

Во многих работах Туцовича идеалистическое понимание истории было подвергнуто убедительной критике. Исторический процесс Д.Туцович понимал как непрерывно развивающееся диалектически противоречивое движение конкретно данной исторической действительности, двигателем которой является борьба классов: "Общественные классы, которые борются между собой, своей борьбой двигают вперед историю человеческого общества"¹¹. Новая историческая наука, по Туцовичу, коренным образом отличается от идеалистической науки тем, что в ее основе лежит тезис: "историческое развитие общества происходит по законам единства и борьбы противоположностей"¹². Критикуя взгляды буржуазных истори-

ков, которые объясняли происходившие события личными качествами сербских правителей и династической борьбой, Д.

Тузович подчеркивал, что "за этими династическими переменами не замечают, что эта борьба есть результат глубокого столкновения интересов, которые поднимают династии как щит, когда это им надо, и отбрасывают их, когда потребность в них исчезает"¹³. Тузович утверждал: "Движения масс составляют историю развития человечества"¹⁴.

О чем бы ни писал Тузович, какую бы проблему ни рассматривал, он всегда подходил к вопросу комплексно, диалектически, среди массы фактов выделяя основной, определяющий данное явление узел противоречий. В работе "Конституционная и политическая борьба" Тузович, анализируя идейные и политические направления и течения в Сербии, от консервативно-буржуазного и либерально-буржуазного до пролетарско-марксистского, воссоздает целостную ретроспективную картину общественно-политической и духовной жизни Сербии XIX в. Изучая развитие сербского общества во всей противоречивости и сложности, Тузович противопоставляет экономическому детерминизму, отделению экономики от политики, столь распространенному среди сербских реформистов, как и среди деятелей II Интернационала. Тузович считал, что политическая жизнь, будучи относительно самостоятельной, неотделима от общественно-политической структуры, от производственных отношений и способа распределения продуктов труда. В то же время Тузович указывал, что на политику большое влияние оказывают конкретно-исторические условия жизни народа, его традиции, вся его духовная жизнь. Основываясь на экономической теории, изложенной в "Капитале" Маркса, Тузович рассматривает развитие производственных отношений в Сербии XIX в., которые являются основой и ключом к пониманию всех общественных явлений.

Тузович анализирует капиталистическую эксплуатацию в Сербии, исходя из марксистского закона концентрации средств производства и капитала в руках капиталистов и обнищания народных масс. В работах "Буржуазная и пролетарская

Сербия", "Сербская ницета", "Положение и борьба пролетариата", "Через фабрику" Тузович раскрывает истинное положение пролетариата и широких эксплуатируемых слоев сербского народа. Впоследствии Ж.Иованович, В.Маслеша и другие сербские историки-марксисты основывали свои исследования на материалах, приводимых в культурно-политических и общественно-экономических очерках и статьях Тузовича¹⁵.

Примером марксистского анализа исторических событий Тузовичем служит его исследование развития национального вопроса на Балканах. В своих работах "Сербия и Албания", "Германская опасность", "Неославянство", "Маркс и славяне" Д.Тузович, осуществляя последовательно классовый подход к проблеме, вскрывает сущность национального вопроса: он приходит к выводу, что национальный вопрос по существу является рабочим вопросом, убедительно доказывает антинародный характер политики правящих кругов.

Наиболее полно исторические взгляды Д.Тузовича нашли отражение в книге "Сербия и Албания". Это историко-политическое исследование было создано в обстановке острого албанского кризиса, возникшего в период балканских войн 1912-1913 гг. В этой книге Тузович полемизирует с историками В.Джорджевичем и С.Протичем, которые отсталость албанских племен считали следствием их этнических особенностей, оправдывая тем самым колониальную политику великосербской буржуазии. Д.Тузович логично и аргументированно доказал, что отсталость албанцев проистекает из специфики экономических и социальных условий и носит преходящий характер. Вслед за Марксом /"Тезисы о Фейербахе"/, Тузович писал, что человек не существует вне социально-экономических условий, вне истории, поэтому бессмысленно говорить об изначально присущей какому-либо народу неразвитости, так как это лишь эпизод в историческом развитии данного народа. Сопратник и последователь Тузовича Д.Попович писал, что книга Тузовича "Сербия и Албания" - замечательный пример историко-материалистического анализа. По признанию передовых кругов сербской общественности с

выходом этой книги "исторический материализм пережил первый, наибольший триумф в сербской политической литературе"¹⁷.

После гибели Туцовича на фронте во время первой мировой войны сербские социал-демократические движения возглавил Душан Попович /1884-1918/. С 1908 г. Попович был бессменным редактором "Рабочей газеты", с 1909 г. по 1914 г. состоял в партийном руководстве сербской социал-демократической партии, с 1914 г. Попович становится ее первым секретарем.

В югославской историографии широко изучается общественно-политическая деятельность Д.Поповича¹⁸, однако его исторические воззрения не нашли в ней должного отражения. Между тем большая часть статей Поповича посвящена именно вопросам сербской истории XX в. Отстаивая принципы исторического материализма, Попович писал, что взгляды либеральных историков "прямо противоположны историческому материализму", "там, где марксист видит КЛАСС", либеральные историки видят "деяния правителей", "общественное зло, например, войны, причины которых марксисты объясняют экономическими и политическими отношениями, рассматривая их как экономическую и политическую необходимость на определенном этапе исторического развития", либеральные историки объясняют "кровавадность правителей"¹⁹. Попович раскрывает слабость методологии сербских либеральных историков: "Не вызывает сомнения, что проверка истинности используемых в работе фактор и документов - необходимый /для историка/ подготовительный этап, и он не может проводить без этого дальнейшего исследования. Но это не самое главное. Ведь часто в истории случается так, что два факта противоречат один другому, хотя оба истинны. Историк, не являющийся последователем марксистского направления, устремит все свои усилия на то, чтоб доказать неистинность одной из двух категорий фактов: в то время как историк-марксист, используя историко-диалектический метод, успешно объяснит, как сложилась подобная ситуация, откуда и почему появились две категории противоречивых фактов"²⁰.

Излагая основы исторического материализма, Попович отмечал, что "история не тихая гармоничная реализация заранее утвержденного божественного плана, она — не результат капризов властителей, ни экспериментов великих государственных деятелей или философов; история — непрерывный процесс классовой борьбы, борьбы между угнетателями и угнетенными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми"²¹, и прежде чем анализировать историческое явление, "необходимо проанализировать анатомию общества, его скелет, т.е. его экономическую организацию, его разделение на классы". По его убеждению, "революции не совершаются путем внешнего вмешательства, они являются глубокой внутренней общественной трансформацией, протекающей по своим законам; это не просто переворот, это глубокое внутреннее изменение"²².

В своих конкретных наблюдениях над политической историей Сербии Попович следовал историко-материалистическим принципам анализа. Так, в статьях "Монархическая легенда", "Слова и дела" он убедительно вскрывает классовую сущность внутренней и внешней политики сербских правителей. В других своих работах: "Критические моменты", "Союз свободных балканских народов", "Наш друг", в книге "Тактика и борьба" Попович приходит к выводу, что империалистическая балканская политика великих держав есть не что иное, как выражение монополистических устремлений класса капиталистов, и нет принципиальной разницы между результатами действий этих стран, ибо для сербского народа "империалистическая политика всегда означает пропасть, над которой его ведут"²³.

По национальному вопросу Попович, как и Туцович, занимал последовательно марксистские позиции, отстаивая принцип классового принципа перед национальным. На этих позициях они стояли не только тогда, когда выступали за право на самоопределение для сербских жителей Боснии и Герцеговины, но и когда боролись за права албанского и македонского народов против завоевателей, гегемонистской великосербской политики²⁴.

Таким образом, конец XIX – начало XX в. представляет собой важный этап становления марксистской историографии в Сербии, который характеризуется зарождением историко-материалистического понимания исторического процесса. В этот период сербские социал-демократы постепенно приблизились к марксистскому пониманию истории. Д.Тупович, Д.Попович и их соратники в борьбе с позитивистским направлением в исторической науке заложили фундамент методологии марксистской исторической науки в Сербии.

Марксистская историография в Югославия /1918–1945/

В единой Югославии общие условия развития исторической науки значительно улучшились. Об этом свидетельствовал рост числа научных центров, увеличение количества периодических изданий. Наряду с уже имевшимися в Загребе и Белграде академиями и университетами в 1918 г. в Любляне был основан университет, а в 1922 г. – создано Научное общество гуманитарных исследований, преобразованное в 1938 г. в Академию наук и искусств, на основе отделения Белградского университета в Скопье был открыт философский факультет, а в Субботице – юридический факультет. В Скопье было основано Научное общество.

Характерной особенностью развития исторической науки явились определенные тенденции к ее координации, придания ей черт общегосударственного характера. В 1927 г. было создано Югославское историческое общество, филиалы которого действовали в Белграде, Загребе, Любляне, Нови Саде, Скопье и Цетинье. В 1935 г. Югославским историческим обществом был основан "Югославский исторический журнал". Вместе с тем региональный принцип исследований оставался определяющим.

Имевшиеся прежде и созданные новые научные центры готовили периодические издания: "Глас", "Рад", "Старине", "Летопис Матице србской", "Записи"²⁵, "Гласник Скопског научног друштва", публиковавшие на своих страницах и работы по истории²⁶, издавались и отдельные сборники альманахи. Однако большая часть работ затрагивала лишь частные

вопросы — преимущественно из средневековой истории или отдельные сюжеты XIX в.

Традиционно в исторической науке межвоенной Югославии принято выделять четыре условных направления: буржуазно-консервативное, буржуазно-либеральное, реформистское и марксистское²⁷.

Реформистское направление в югославской исторической науке лишь начинает изучаться в настоящее время. В силу специфики политики партий реформистского направления в Югославии в 20–30-е годы историки, связанные с этим движением, имели достаточно возможностей для реализации собственных научных разработок. Особо следует выделить работы, посвященные изучению истории рабочего движения в югославских землях: Д. Лапчевич опубликовал "Историю социализма в Сербии" /1922 г./, В. Корач издал трехтомную "Историю рабочего движения в Хорватии и Славонии" /1929–1933 г./, А. Кристан — монографию "О рабочем и социалистическом движении в Словении до образования Югославянской социал-демократической партии /1848–1896/" /1927 г./²⁸. В процессе осмысления событий собственной истории авторы реформистского направления подвергали критике взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса, в частности, по славянскому вопросу²⁹. Характерной была и тенденция к осмыслению развития югославянских регионов в целом³⁰.

Марксистское направление оказывало влияние на историков-профессионалов и было основным у публицистов-практиков коммунистического движения, находившихся вне закона с 1921 г. и преследовавшихся.

Для учета влияния марксистских идей интерес представляют судьбы историков-профессионалов переходного типа, методология которых подверглась теории марксизма. Наиболее значительными представителями этого направления явились М. Петеркович /1898–1947/ и В. Богданов /1902–1967/.

М. Петеркович в 30-е годы самостоятельно работал в архивах г. Дубровника, уделяя основное внимание экономической истории средневековой республики XIV в. Как свидетельствуют его записи, история города изучалась им "с позиций ис-

торического материализма", основное внимание уделялось "Проблеме условий материальной жизни, в конечном итоге определивших лицо республики во всех ее жизненных проявлениях как в экономических, юридических, политических, культурных и иных институтах, так и в отношениях в обществе, идеях и т.д."³¹

Не менее интересна научная судьба В. Богданова, принимавшего активное участие в подготовке различных рево-люционных изданий межвоенного периода. В. Богданов в годы студенчества изучал исторические дисциплины в университетах Белграда и Вены, пытался осваивать работы Маркса и Энгельса в оригинале, учил русский, чтобы познакомиться с публицистикой Ленина. Темой докторской диссертации В. Богданова стало "Восстание сербов в Воеводине и Венгерская революция 1848-1849 гг." Диссертация, не принятая к защите комиссией философского факультета Белградского университета вследствие несогласия с выделением социального компонента в восстании сербов Воеводины, впоследствии была издана отдельной книгой в собственном издании В. Богданова и получила хорошие отзывы среди специалистов³².

Проблемам национальной истории уделялось определенное внимание со стороны руководящих кругов Компартии Югославии. Сочинения авторов-коммунистов, среди которых не было профессиональных историков, легли после 1945 г. в основу концепции национальной истории активно насаждавшейся коммунистическим режимом прежде всего в системе народного образования.

В 20-е годы основное внимание руководства КПЮ, наряду с организацией революционной работы, было уделено обобщению существовавшей к тому времени коммунистической литературы по проблемам общества, развитию теоретических принципов марксизма применительно к истории южных славян, а также пропаганде марксизма в стране. В этом отношении выделяются прежде всего работы Ф. Филиповича и С. Марковича.

В 1922 г. по возвращении из Москвы С. Маркович подготовил в Вене книгу "Национальный вопрос в свете марксизма", опубликованную в Белграде в 1923 г. Значительная ее

часть была посвящена обзору различных теорий нации, проблемам национальной борьбы и национальных государств в буржуазных обществах, а также генезису национального вопроса в теории и практике социал-демократии и ВКП /о/. Особое внимание было уделено взглядам на национальный вопрос В.Ленина и И.Сталина. В последней части книги автор изложил свое понимание национального вопроса в Югославии. Другая работа С.Марковича – "Коммунизм в Югославии"³³ относилась к вопросам политической борьбы в стране в начале 20-х годов.

Этапное значение для развития марксизма в Югославии имело появление книги Ф.Филиповича "Развитие общества в свете исторического материализма", изданной в Белграде в 1924 г. Большое влияние на автора оказали труды Н.Бухарина и А.Богданова. Ф.Филипович рассматривал различные факторы развития – от производительных сил, системы общественных отношений до воздействия на общество различных идей, идеологии в целом, он учитывал и влияние психологии данной эпохи, существовавшей в то время морали³⁴. Развитие общества исследовалось Ф.Филиповичем на примере длительного исторического этапа – от родового строя до слова капиталистического порядка и исторически неизбежного, по его мнению, движения к социализму.

Взгляды Ф.Филиповича оказали значительное влияние на формирование позиций членов КПЮ, ее теоретиков и публицистов Л. ветковича /"Исторический материализм, популярное издание"/, Белград, 1924 г./, Р.Вукчевича ("Основы марксизма", Белград, 1927 г./). Наряду с естественной популярностью Ф.Филиповича в коммунистическом движении, концепции его книги были подвергнуты резкой критике в легальных изданиях теоретиками-обществоведами межвоенной Югославии /А.Гавел, А.Госар и др./³⁵. А.Госар, придерживаясь взглядов, отстаивавших необходимость реформ в обществе, отказывал в обоснованности коммунистическим революционным преобразованиям.

Руководство КПЮ уделило большое внимание изучению членами партии марксистской литературы. Ф.Филипович в ста-

тье "О партийной школе" /"Борба", 1924/ писал, что изучение теории и практики марксизма важно для КПЮ вследствие того, что она находится в периоде собственного становления. В программе, предлагаемой Ф. Филиповичем для низшей ступени партийной школы, охватывалось небольшое число предметов /введение в социологию; политическая экономия; экономика переходного периода; история XIX-XX вв./ и обучение должно было длиться около трех месяцев. Важное значение придавалось простоте и ясности изложения материала и не скрывалась необходимость подготовки рабочих для революционной борьбы. Ф. Филипович подчеркивал важность скорейшего перенесения науки из "буржуазных храмов в массы при ясной необходимости перевести науку на простой, конкретный, ясный и понятный язык масс".

Ф. Филипович, однако указывал на необходимость первоначальной теоретической подготовки и лишь после "получения учениками способности диалектически перерабатывать материал следует переходить к изучению политической экономии и истории". Преподаватели же должны были принимать теорию классовой борьбы. Особо подчеркивалось, что "опыт классовой борьбы, который приносят на занятия с собой ученики должен влиять на учителей, чтобы и они выросли в пролетарских наставников"³⁶.

В качестве учебных пособий в партшколе рекомендовались работы ученых-марксистов. К курсу "Введение в социологию" были даны следующие книги: Ф. Филипович "Развитие общества в свете исторического материализма"; А. Богданов "Начала политической экономии" /в переводе В. Чопича/; Г. Плеханов "Основные проблемы марксизма" /в переводе Ж. Цветковича/; К. Каутский "Этика и материалистическое понимание истории" /в переводе Н. Дивца/; Ж. Цветкович "Исторический материализм: популярное объяснение"; Ф. Энгельс "Происхождение семьи, частной собственности и государства".

В пояснении к рекомендуемой литературе по курсу социологии /или историческому материализму/ Ф. Филипович отметил его основную цель - "довести до слушателей, что весь

мир находится в процессе постоянного движения", "каждая общественная форма должна изучаться в движении, а не в состоянии покоя, следует рассматривать мир в его становлении, развитии и отмирании"³⁷.

К курсу "Политическая экономия" слушателям были рекомендованы работы К.Маркса "Наемный труд и капитал" /с введением Ф.Энгельса и в переводе Д.Тудовича/, К.Каутского "Экономическая теория Карла Маркса" /в переводе Д.Половичча/, А.Богданова "Основы политической экономии", Д.Борхарта "Капитал: критика политической экономии Карла Маркса" /в переводе М.Пияде/. К курсу "Экономика переходного периода" вышеназванная работа К.Маркса, а также книги Н.Бухарина "Экономика переходного периода" (опубликована в переводе Н.Петровича под названием "Теория преобразования общества"/, В.П.Милютина "Ювний период мировой экономики", Е.Варги "Хозяйственные проблемы пролетарской диктатуры", Ленина "Государство и революция".

Исключительно практическими потребностями было продиктовано введение в систему образования партшколы курса истории. По мнению Ф.Филиповича, "если ученики хорошо познакомились с диалектическим методом и теорией исторического материализма, им будет не тяжело, используя эти методы и теорию, изучить историю человеческого общества. Легко будет также и при изучении современного классового общества и разигрывающейся в нем классовой борьбы"³⁸.

В качестве основной литературы курса истории слушателям были предложены следующие работы: Э.Бернштейн "Коммунистические и демократическо-социалистические течения в английской революции", П.Кропоткин "Великая французская революция", Ф.Энгельс "Развитие социализма от утопии к науке" /раздел "Развитие научного социализма"/, К.Радек "От науки к делу" /в переводе З.Тодоровича/, К.Маркс "Революция и контрреволюция в Германии" /в переводе К.Шнайдера/, "Классовая борьба во Франции 1848-1950 гг." /в переводе Ж.Милойковича/, "Манифест коммунистической партии" К.Маркса и Энгельса /в переводе М.Половичча/, Ленин "Империализм как высшая стадия капитализма" /в переводе В.Чо-

пича/, И.Стеклов "Первый Интернационал - Второй Интернационал" М.Покровский "Русская история в наиболее сжатом очерке" и "Очерк истории русской культуры".

Важное место занимали исторические сюжеты в публицистике А.Цесарца /1893-1941/ 20-х годов. Оценивая значение объединения в Королевство СХС А.Цесарец выделял исторические предпосылки объединения, считая, что "если и существует линия югославской культурной традиции и преемственности, то она пробивается от Богумила к Крижаничу и от Крижанича к Крайчевичу"³⁹, тем самым касаясь весьма важного для любого революционного движения вопроса - восстановления преемственности с традицией.

Многие публицистические статьи А.Цесарца были связаны с историческими сюжетами, среди которых серия статей, объединенных в брошюру "Степан Радич и республика", а также заметки "Бывший император Карл", "Национальный вопрос и наши задачи", "Алия Алияджич", "Светозар Прибичевич" и др. Наиболее полно взгляды Цесарца того периода на исторический процесс отражает раздел "Его историческое место и значение". По мнению автора "Историю не создают исключительно идеи, но ни одна история не может быть замислена без идей", "развитие представляет собой прежде всего развитие экономики"⁴⁰. А.Цесарец выделял общую черту всех национальных и революционных движений XIX в. на Балканах - "максимум внимания уделяется национальной проблематике, минимум - проблемам социальным"⁴¹, а также дал классовый анализ исторических движений Хорватии в XIX в. В статье дается определение илиризма как "национальной революции хорватского народа, в которой не только хорватский, но и югославский выражает скрытое стремление к созданию национального государства всех югославян, сербов, хорватов и словенцев"⁴².

30-е годы стали новым периодом развития исследований, проводившихся публицистами КПЮ. В это время в той или иной степени исторические сюжеты разрабатывали В.Маслеша, Э.Кардель и О.Кершовани. В конце 30-х активно занимается историей национально-освободительного движения в Хорватии А.Це-

сарец. Несколько крупных работ по современной истории Югославии с включением различных исторических экскурсов издал в СССР Ф. Филипович /псевдоним - Бошко Бошкович/. В эти годы развернулась активная публицистическая деятельность В. Маслеша, значительная часть которой была посвящена историческим сюжетам XIX - начала XX в.⁴³ В. Маслеша принято относить обычно к третьему поколению марксистов в Боснии⁴⁴. Он, после поступления на юридический факультет Загребского университета, отправился в Германию для изучения марксистской теории, где в конце 1925 г. начал посещать факультет экономических и общественных наук университета во Франкфурте-на-Майне, имевшего репутацию "Красной крепости". Здесь он слушал курсы Х. Гросмана "Капитал" К. Маркса и кризис в капиталистическом обществе", К. Гриндберга /историка-марксиста, специалиста по аграрной проблематике, автора монографии по аграрным отношениям в Боснии и Герцеговине/, М. Хоркхаймера и др. Среди прослушанных В. Маслешей были курсы и по диалектике Гегеля, по истории международного рабочего движения и др.⁴⁵ После возвращения в Загреб он продолжил обучение в университете, одновременно с этим читал лекции в Академии философского клуба и принимал участие в различных семинарах.

Значительная часть работ В. Маслеша была посвящена исторической тематике и публиковалась в легальных изданиях того времени. В 1932 г. в белградском журнале "Стожер" появилась его программная статья "Введение в правильное понимание истории", в котором он пытался в завуалированной форме показать необходимость марксистского анализа исторического процесса и подверг резкой критике современную официальную историческую науку, избегающую рассматривать историю революционной мысли⁴⁶.

Основное внимание В. Маслеша уделял трем темам: истории "Младой Боснии", деятельности С. Марковича, подготовке монографии о В. Пелагиче. Среди многочисленных работ достойны упоминания его заметки по историографии истории Югославии: о П. Кочиче, "Введение в систематическую крити-

ку крестьянских движений", а также библиографические заметки, посвященные В. Богданову, М. Дурману. При их написании В. Маслеша, раскрывая значение крестьянских войн, опирался на статью Ф. Энгельса "Крестьянская война в Германии"⁴⁷.

В своих исследовательских статьях по истории В. Маслеша пытался широко и оригинально подойти к применению диалектико-материалистического метода, выбрав те периоды прошлого, и те исторические сюжеты, изучение которых было наиболее важно для поиска преемственности революционного движения на югославских землях. В работах о деятельности "Млады Босны" рассмотрено появление сербской буржуазии в Боснии, ее политическое влияние во время господства в этих краях Австро-Венгрии. В статьях, посвященных С. Марковичу, В. Маслеша не ограничился его деятельностью как "социалиста в его отношении к социальным, экономическим и политическим проблемам Сербии того периода"⁴⁸, но рассмотрел развитие сербской экономики в условиях мучительного перехода к товарному производству. Опираясь на представления К. Маркса о первоначальном накоплении капитала, В. Маслеша виртуозно исследовал процесс становления капиталистического способа производства в Сербии, главной характеристикой которого было насилие. Объективны и резки его оценки коррупции административного аппарата княжеской власти как специфического вида процесса первоначального накопления капитала.

В. Маслеша отверг мнение Д. Лапчевича и В. Корача, считавших В. Пелагича "социалистом-утопистом", по его мнению, этот деятель был "социалистом особого рода"⁴⁹.

В 30-е годы в Словении публицистами, связанными с КПЮ, был внесен значительный вклад в распространение марксизма и его защиту от влияния позитивизма. В конце 1932 г. ими был основан журнал "Книжевност" для выработки позиции по национальному вопросу в Югославии и положении в ней словенцев. На страницах этого издания была подвергнута резкой критике монография Видмара "Культурная проблема словенцев". Е. Кидрич обвинил Видмара в недооцен-

ке "классовой дифференциации народа", "в неспособности понять зависимость национального вопроса от экономических отношений в обществе"⁵⁰. В критической оценке взглядов Видмара отличился Э.Кардель /псевдоним - Тоне Бродар/. В его статье "Национальный вопрос как вопрос научный", монография Видмара была названа "незначительной и дилетантски написанной книгой". В данной статье, опубликованной в шести номерах журнала Э.Кардель продемонстрировал близкое знакомство с марксистской литературой по национальным проблемам /прежде всего с работами И.Сталина/, обстоятельно изложив общепринятые среди коммунистов взгляды на род, племя, народ, нацию, расу, общественно-экономические структуры. В частности, рынок был им охарактеризован как исходная основа всех противоборств между нациями. Э.Кардель указывал на недооценку И.Видмаром экономических и политических факторов в историческом процессе формирования словенской нации, что привело к пониманию национальной проблемы словенцев как культурной, а не социальной⁵¹. В своих последующих статьях, опубликованных в "Книжевности", "Люблянском звоне" и "Содобности" Э.Кардель полемизировал со словенскими либеральными мыслителями, в числе которых были С.Лебен, Ф. Албрехт, А.Дайович, разделявшими взгляды И.Видмара, и с ведущими католическими социологами и теоретиками христианского социализма /А.Ушенчишом, И.Госаром и др./⁵².

Ряд идей, изложенных в полемических заметках 1932 г. Э.Кардель фундаментально изложил в своей известной книге "Развитие словенского национального вопроса" /Любляна, 1939 г./, написанной в "условиях предвоенной цензуры, вследствие чего многие тезисы в ней были раскрыты лишь наполовину". Первоначальным его замыслом было не создавать "дискуссионную работу с преимущественно историко-исследовательскими мотивами, а подготовить исключительно политико-теоретическое исследование - вклад в конкретную политическую деятельность КПЮ в рамках Югославии в целом и КП Словении в рамках Словении"⁵³. В силу этого актуальные политические цели оказали непосредственное воздейст-

вие на форму и содержание книги. Целью Э.Карделя было "способствовать введению марксистского диалектического метода в анализ исторических процессов", что вызвало и необходимость критического отношения к ряду тезисов словенской историографии, появившихся, по мнению автора, "под влиянием тех социальных и политических интересов общественных классов и слоев, а также идеологий, доминировавших в прошлом в культурной и политической жизни Словении"⁵⁴.

Построенная на основе изучения трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, работа явилась, по сути, одной из немногих в Югославии того периода попыткой марксистского объяснения исторического процесса в рамках целого региона на протяжении многих веков. Она стала событием в развитии в развитии исторической мысли Словении, направленно противостояла позитивистской методологии, безраздельно господствовавшей в историографии того периода.

Сама структура книги соответствовала традиционной марксистской схеме понимания исторического процесса. Она включала общие рассуждения по поводу национального вопроса, характеристику периода развития от племени к народу эпохи феодализма, кризис системы феодализма и революции крестьян Словении, эпохи национального пробуждения. Соответствующие разделы были посвящены словенскому народу в буржуазно-демократической революции, внутренней дифференциации словенского национального движения; словенцам в империалистическом окружении; судьбе словенцев в Югославии; словенцам под давлением фашистской экспансии; рассуждениям о будущем словенского народа.

В предисловии к книге автор отмечал, что "корни нации лежат глубоко в социально-экономической структуре современного общества и внешнее давление лишь с большим трудом может их сломать", при этом интересы "отдельных классов часто противоположны интересам нации как целому"⁵⁵. Большое значение, по мнению Э.Карделя, имеет "тесная связь национальной идеи с большими переменами в социально-экономической структуре общества при распаде

феодалной системы и появлении капитализма"⁵⁶. Нация определялась автором как "особое народное сообщество, возникшее на основе общественного разделения труда эпохи капитализма, на компактной территории и в рамках общего языка и близкого этнического и культурного родства в целом"⁵⁷.

В 30-е годы в Хорватии разработкой исторических сюжетов наряду с революционной работой активно занимались А.Цесарец и О.Керповани. Предвоенная публицистика А.Цесарца, посвященная Партии права обычно разделяется на два направления. Статьи, опубликованные в еженедельнике "Нова реч" были остро полемичны. В журнале же "Израз" вышли четыре фундаментально подготовленные статьи "Идеологическая позиция Кватерника", "Кватерник как политиком", "Кватерник и экономические проблемы его времени", "Кризис Партии права и наши "коммунары" 1871 года", отличающиеся глубиной анализа и явившиеся вкладом в исследование истории Хорватии с марксистских позиций"⁵⁸.

В статье "Идеологическая позиция Кватерника" А.Цесарец, используя книгу Кватерника "Хрватски главничар" /1863 г./ и ряд рукописных источников, обратился к исследованию темы, не нашедшей до него отражения в историографии. А.Цесарец отметил широту взглядов Е.Кватерника, который не ограничивался в своей деятельности рассмотрением национальных и политических проблем но и уделял внимание событиям социально-экономического свойства. Наряду с анализом взглядов Кватерника большое внимание в статье посвящалось рассмотрению структуры хорватского общества XIX в, деятельности главных партий, в особенности "партии права" как крайне левого крыла в политической жизни того времени. Для наиболее значимой из четырех статей - "Кризис Партии права и наши "коммунары" 1871 года" А.Цесарец использовал солидный источниковый материал /воспоминания Ф.Фолнеговича, опубликованные в 1902 г. в газете "Хрватска", письма Кватерника из загребского музея и др./. Появление этих работ свидетельствовало о значительном продвижении югославских марксистов межвоенного периода в

изучении национальной истории⁵⁹. Характерной особенностью исследований О.Кершовани была подготовка во время десятилетнего заключения лекционного курса тюремного "Коммунистического университета". Это были преимущественно обзоры отдельных тем, которые отличала широкая эрудиция автора, продуманный подход к изложению, но недостаточное знакомство с материалами источников. В числе подготовленных О.Кершовани работ: "История борьбы классов в районах Югославии", состоящая из двух частей /период родового и феодального общества, период капитализма до 1918 г./; незавершенная рукопись "Записки по истории южных славян", задуманная в трех частях, первая из которых /до 1918 г./ повествовала об этнических процессах, политике великих держав и развитии южных славян, последнем этапе феодальной эпохи, зарождении и развитии капитализма, политических процессах на Балканах и формировании наций. Во введении к этой работе О.Кершовани сделал обзор хорватской историографии по избранной тематике⁶⁰. Большое значение среди собственных трудов О.Кершовани придавал написанной им истории его родных мест - Далмации⁶¹.

Наиболее значительной работой О.Кершовани как историка принято считать так называемые "Тезисы" или "Историю хорватов"⁶², она охватывала историю хорватского народа со времени появления славян на Балканах до конца 1939 г. Изложение событий давалось в ней комплексно - процессы в области политики, экономики и истории культуры на фоне сопоставления с развитием Европы. Во введении к своему труду О.Кершовани отмечал, что "буржуазная историография дала ряд монографий о политической истории, подготовила большое число неоконченных работ, выявила много источников и документов преимущественно феодальной эпохи. Но не было написано экономической, социальной и культурной истории, которая бы рассмотрела вопросы развития буржуазии и капитализма, крестьянства, а также проблему формирования наций..." "Подлинная история хорватского народа, - писал О.Кершовани, - его борьба за объединение и освобождение его трудящихся классов еще должна появиться. Она должна быть связана с

историей окружающих хорватов народов, в особенности южных славян. Эту историю даст пролетариат, свободный и в политике, и в теории от компромиссов в отношении феодализма и капитализма"⁶³. О.Кершовани утверждал, что большинство историков основывались на методологии "очень далекой от научного диалектического метода", что "самые признанные буржуазные историки не поднялись и до метода Ламп्रेхта, а тем более до метода исторического материализма". В итоге был сделан беспощадный вывод: "...Несомненно, буржуазная историография у нас слабо подготовила почву для научной истории"⁶⁴. О.Кершовани имел собственную интерпретацию подхода к истории югославского государства. По его мнению, народы, населяющие Югославию, "имеют до 1918 года свою особую историю, это, разумеется, означает, что между ними не было определенных, порой более тесных, порой - более слабых связей. Только после 1918 года создание государства /выделено О.Кершовани - А.Е./ Югославия создало новую ситуацию, требующую написания истории Югославии как государства. Но это не есть история югославов как некоторой несуществующей единой нации, а только история Югославии как государства, в котором переплетаются истории всех отдельных наций или стран"⁶⁵.

При анализе прошлого О.Кершовани как марксистского исследователя занимали прежде всего социальные, а не политические структуры. В его работах отмечается стремление не только обобщить результаты предшествующих исследований, но и дать новые оценки. В частности, в "Тезисах" он, хотя и не пересматривает оценку К.Маркса позиции хорватов в событиях Венгерской революции 1848 г., но детально объясняет обстоятельства ее обусловившие, высвечивая сложность и противоречивость предопределивших ее мотивов. Интересен и нов его анализ стратификации социальных слоев хорватского общества, роли интеллигенции, структуры крестьянства, буржуазии.

Исследовательница творчества О.Кершовани, З.Стипетић отмечала: "От марксизма Кершовани воспринял философско-исторические категории в качестве схем для понятий и ин-

струментарий при интерпретации и суждениях о движущих силах, о закономерности и смысле исторического события". Однако О. Кершовани было присуще и определенное упрощение марксистских методов. З. Стипетич демонстрирует это на примере его работы "Записки о политическом и культурном развитии Далмации". Она указывает, например, что "речь здесь идет не о классовом подходе, а о том, что некоторые исследования современных общественных движений перегружены идеологическим содержанием, бывшим скорее отражением текущей политики, чем основополагающих ценностей марксизма"⁶⁶.

Марксистские исследования исторической проблематики в межвоенной Югославии прошли достаточно сложную эволюцию, анализ которой позволяет выделить два этапа их развития, включающие, соответственно, 20-е и 30-е годы. Первое десятилетие не было отмечено даже попытками серьезных исторических работ. Изданное в эти годы не было значительным и было посвящено, в основном, популяризации марксизма и исследованию некоторых исторических сюжетов преимущественно недавнего прошлого. Для десятилетия 30-х годов характерны исторические исследования, выполненные членами КПЮ с позиций марксистской методологии. В них содержались попытки освещения как истории целых регионов, так и отдельных проблем национальной истории.

Наиболее отличительными чертами периода 30-х годов стали: стремление доказать преимущество марксизма при оценке исторического процесса; ввести в исторические исследования новые области /экономическую историю, историю насилия и классовой борьбы/. Ярким примером может служить концепция В. Маслеша о роли бюрократии в процессе первоначального накопления капитала; популяризация идей основоположников марксизма, В. Ленина, И. Сталина, Н. Бухарина; поиск доказательств преимущественности с революционными и национально-освободительными движениями в прошлом, извлечение уроков для современных политических задач; попытки использования источников /особенно статьи А. Цесарца о Е. Кватернике/ и синтез значительного корпуса исторической литерату-

ры /в особенности в работах О. Кершовани/.

Вместе с тем в силу особенностей исторического развития страны и политического курса коммунистического движения для большинства работ характерна ограниченность рамками региона, с которым был связан тот или иной автор. В марксистской литературе того периода не появилось комплексных исторических трудов по истории всех народов Югославии.

Организация исторической науки и особенности ее развития в 1945-1964 гг.

В послевоенной историографии СФРЮ рельефно выделяются 1945-1953 гг., которые условно можно назвать первым этапом, он характеризуется некоторыми особенностями, возникшими вследствие социально-экономической и идеологической перестройки в жизни народов Югославии.

Если в основу периодизации положить качественные перемены в развитии исторической науки, то наиболее вероятной датой завершения первого этапа является 1953 г. В этом году впервые вышел обобщающий том истории народов Югославии, в нем подитожены результаты тогдашней исторической науки по средневековой тематике, отображен уровень восприятия историками марксистской методологии. Этот рубеж фактически определен работой первого съезда югославских историков /май 1954/, на котором подведены основные итоги развития исторической науки в стране за 1945-1953 гг.⁶⁷

Организационная работа по возрождению исторической науки проводилась по двум направлениям: восстановление довоенных и создание новых научных центров с привлечением к исследованиям опытных квалифицированных специалистов и начинающей молодежи. Но в отличие от других стран Юго-Восточной Европы идейно-политическая борьба в югославской исторической науке происходила без насильственного насаждения мертвящих догм сталинизма, она не сопровождалась администрированием и применением уголовных кодексов к оппонентам марксистского направления. Вследствие политического разрыва между руководством КИУ и ВКП /б/, которое произошло в конце 40-х годов, возникли условия, освободив-

шие югославскую историческую науку от сталинских догм, на долгие годы проникших в труды исследователей других стран. Тем не менее КПЮ в этот период стала основным поставщиком для историков "социального заказа".

Именно в этот период началась ликвидация гегемонии в исторической науке отдельных научных учреждений. Ибо в межвоенной Югославии вся научно-исследовательская работа проводилась исключительно в трех академиях наук — Сербской в Белграде, Хорватской в Загребе, Словенской в Любляне, и в трех университетах этих же городов. Теперь же в ряде бывших отсталых районов /Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговине/, возникли свои национальные академии наук.

Уже в первые послевоенные годы создавались исторические общества в Словении /1946/, Сербии, Хорватии, Черногории, Боснии и Герцеговине /1947/, Македонии /1948/, которые начали возобновлять довоенные и организовывать новые научные периодические издания. Часть из них "Летопис Матице Србске" /Нови Сад/, "Старине" /Загреб/ были основаны еще в 60-е годы XIX в. и отличались богатыми традициями.

В конце 40-х — начале 50-х годов во всех республиках возникают специализированные научные журналы по истории югославских народов. Историческое общество Сербии с 1948 г. начинает издавать "Истори ски гласник" /"Исторический вестник"/, а Исторический институт Сербской Академии наук с 1949 г. — "Истори ски часопис" /"Исторический журнал"/. В Хорватии историческое общество с 1948 г. издает "Historijski zbornik" /"Исторический сборник"/, в Словении с 1947 г. "Zgodovinski časopis" /"Исторический журнал"/, в Боснии и Герцеговине с 1949 г. "Godišnjak" /Ежегодник/. Исторические общества и институты истории в Черногории и Македонии начали издавать с 1948 г. "Истори ски записи" /и "Гласник" /Вестник/ с 1949 г. В эти же годы были организованы специализированные институты византологии /1948/, ориентологический /1951/. Создателем Института византологии был выдающийся ученый, уроженец Пе-

тербурга Г.Острогорский. Снова начали выходить издания с многолетними традициями: "Памятники истории южных славян" /1949/⁶⁸, "Сборник по истории, языку и литературе Сербского народа" /1949/⁶⁹, "Опись венских архивов о первом сербском восстании" /1951/⁷⁰. С 1951 г. начал издаваться журнал "Архивист"⁷², с 1952 г. "Анналы"⁷¹, в которых помещались почти все материалы по средневековой тематике Сербии, Хорватии, реже — документы, касающиеся других республик.

Бурное развитие научно-исследовательских центров не сопровождалось таким же быстрым утверждением новой методологии исследования. В возрождаемых научных учреждениях большинство исследователей оставалось на старых традиционных позициях, отличаясь только принадлежностью к сербской или хорватско-словенской историографии. Правда, часть специалистов межвоенного периода под влиянием социалистических преобразований делала первые шаги по применению нового метода в исторических исследованиях. В целом же в первые послевоенные годы авторитеты довоенной исторической науки имели сильное влияние на начинающих ученых. Об этом свидетельствует и преобладание исследований по вопросам средневековья над новой и новейшей историей. Следует, однако, подчеркнуть, что авторы по древней и средневековой тематике, такие, как Г.Новак /1888-1978/, Н.Радойчич /1882-1964/, И.Радонич /1873-1956/ и др., используя лучшие традиции предыдущих поколений историков, издали ряд научных трудов, которые сохранили высокую научную ценность до настоящего времени. Историки Ф.Гривец, В.Мошин, Р.Марич, С.Антоляк, продолжая традиции межвоенной югославской историографии, основное внимание обращают на изучение средневековых источников. Характерной чертой этих авторов является объективистский подход, подробное описание документов, сопоставление отдельных событий, анализ достоверности источников. И все же в изучении вопросов средневековой тематики уже тогда были сделаны первые шаги в применении метода исторического материализма. Этому способствовало издание произведений К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина на язы-

ках народов Югославии, развернувшись дискуссии по отдельным вопросам истории и методологии.

В связи с подготовкой первого тома "Истории Югославии" среди медиевистов с 1949 г. начались дискуссии, которые, по оценке известного хорватского историка Я.Шидака, "впервые происходили в таком широком масштабе"⁷³. Окончательный текст первого тома, выработанный в результате дискуссий, свидетельствует о различной степени восприятия применения авторами метода исторического материализма. Этот коллективный труд, как отмечалось во введении, был "первой обобщающей полнотой трактовки прошлого на основании исторического материализма"⁷⁴.

Важным признаком перемен в югославской историографии было появление публикаций, в которых впервые делались попытки проанализировать результаты предыдущих поколений историков и определить новые задачи научно-исследовательской работы. Так, в статье Б.Графенауера "Проблемы и задачи словенской историографии в наше время"⁷⁵ анализируется развитие словенской историографии с XII в. до начала второй мировой войны. Автор подчеркивает, что важнейшей задачей исследователей является разрыв с буржуазной методологией исследования, а также необходимость применять "основы научного метода диалектического и исторического материализма". О критическом пересмотре словенской историографии высказался в статье "О некоторых задачах словенской историографии"⁷⁶ и известный представитель буржуазной школы М.Кос, продолжатель социально-экономических исследований, начатых его отцом Ф.Косом /1853-1924/. Уже в первом номере журнала общества историков Хорватии "Исторический сборник" были помещены статьи, критиковавшие буржуазную хорватскую историографию. В первой, автором которой был главный редактор журнала Я.Шидак, подчеркивалось, что послевоенные изменения в социально-экономической жизни Югославии "должны привести к исключительным переменам в развитии хорватской историографии"⁷⁷. Эти перемены автор видел в том, чтобы история изучалась "единым действительно научным методом исторического материализма"⁷⁸. В ста-

тье М.Костренчича "Старое наследие и новые пути" осуждаются объективизм и национализм как главные постулаты буржуазной историографии. "Историческая наука, — отмечает автор, — не может оставаться больше объективной в буржуазном смысле этого понятия"⁷⁹. Важнейшей задачей историков он считал овладение марксистской методологией исследования, ибо "изучать и пересказывать историю, используя старый метод, означает пахать деревянным плугом во времена комбайна и трактора"⁸⁰.

В опубликованной программе редакции "Ежегодника исторического общества Боснии и Герцеговины" так определялась ее задача: "вынести на изучение на дискуссию неправильно освещенные вопросы нашей истории с целью достичь трактовки известных исторических явлений в духе марксистско-ленинской науки"⁸¹.

Уже в 1948 г. были сделаны первые попытки обосновать задачи историков в общегославском масштабе. На объединительном заседании секций Белградского исторического института /февраль 1948 г./, обсуждался доклад директора В.Ювака "Югославская историография между двумя мировыми войнами и ее современные задачи"⁸². Проанализировав достижения и недостатки в исследовательской работе четырех поколений историков, В.Ювак обосновал вывод о необходимости совершить "переориентацию на материалистическую доктрину"⁸³. В докладе определялись следующие задачи: постепенно и планомерно осуществлять пересмотр буржуазных интерпретаций прошлого, расширять публикации исторических источников с критическими оценками их происхождения, подготовить новые кадры марксистских исследователей⁸⁴.

Показателями методологических сдвигов в югославской историографии этого периода являются творческие дискуссии и расширение тематики исследований по новой истории. Центральное место среди них занимает проблема участия югославских народов в революции 1848–1849 гг. Пионером в возобновлении изучения этой традиционной темы в послевоенный период стал В.Богданов /1902–1967/, опираясь на результаты И.Хорвата, Ф.Шишича, М.Прелога, он продвинулся

значительно дальше своих предшественников. В. Богданов отмежевался от традиционных схем, преувеличивавших национальный энтузиазм и национальные аспекты в революции, роль бана Елачича. Используя достижения советских и чешских историков, он подошел к объяснению критических высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса о роли славян в революции 1848-1849 гг. Богданов показал, что эта критика не могла относиться к славянским движениям на всех этапах революции и тем более к их освободительным стремлениям и левым течениям. Она адресована реакционным руководителям и консервативным силам славянского движения⁸⁵. Свою концепцию расстановки политических сил в революции он изложил так: "По существу и хорватское движение, как и все остальные движения в Европе в 1848 г., состояло из двух частей: одной - народной прогрессивной, демократической и второй - реакционной и контрреволюционной"⁸⁶. В революционный лагерь он зачислил крестьян, городские демократические слои, граничар и носителей национально-политической борьбы, соединив антифеодалное и национально-политическое движение дворянских кругов. Он не замечал того факта, что они имели различные цели и развивались изолированно.

Стремление к анализу социальных процессов, расстановки классовых сил на различных этапах революции породило дискуссию, которая привлекла значительное количество исследователей и продолжалась вплоть до середины 60-х годов⁸⁷.

В конце 40-х годов югославские историки начали разработку истории революционного и социалистического движения до 1914 г. Именно здесь в значительной мере проявлялся марксистский подход. Это объясняется в первую очередь тем, что отдельные аспекты названной тематики были освещены в предыдущие годы в произведениях руководителей ССДП и КПЮ Д. Туцовича, Д. Поповича, Ф. Филиповича, Н. Пияде, В. Маслеша и др. Зачинателями этой тематики были Т. Кацлерович, С. Дмитриевич, Д. Зографски, И. Марьянович. Они сопричастны к формированию целого направления исследователей рабочего и социалистического движения.

По новейшей истории наиболее результативной является тематика, посвященная освободительной борьбе народов Югославии 1941–1945 гг. В первые послевоенные годы авторами публикаций выступают преимущественно деятели КПЮ, участники антифашистской борьбы. В то время были изданы труды Й.Б.Тито, Э.Карделя, М.Марковича, Р.Чолаковича, Я.Янко, В.Бокарнича, В.Симовича, М.Микужа и др. В этих произведениях начали оформляться те положения и оценки, которые закрепились и дополнялись в последующие годы в югославской исторической науке: о руководящей роли КПЮ в организации антифашистской национально-освободительной войны, о революционном характере и социалистическом содержании преобразований в 1942–1945 гг. Центром по изучению истории народно-освободительной войны стал Военно-исторический институт Югославской народной армии, основанный в 1949 г.

Революционная борьба народов Югославии в 1918–1922 г. также начала изучаться в то время. Родоначальником ее в послевоенной историографии стал выдающийся исследователь социально-экономических, национальных и революционных проблем новой и новейшей истории Югославии Ф.Чулинович /1897–1971/⁸⁸. В отличие от историков, видевших в массовых выступлениях только национальные аспекты, он обращает внимание на социальный состав, программные требования, раскрывает революционно-демократический характер их выступлений.

Необходимо обратить внимание на еще одну отличительную особенность историографии послевоенной Югославии – ранний отход от догм сталинизма, особенно после 1948 г., положившего, по словам известного югославского историка Б.Петрановича, "начало процесса освобождения КПЮ от собственной сталинской практики"⁸⁹.

На первом этапе послевоенного развития югославской историографии /1945–1953/ отчетливо наблюдаются два противоборствующих направления. С одной стороны, активизируется работа специалистов, продолжавших традиции позитивистской историографии, а с другой – появился постоянно возрастающий от-

ряд исследователей, осваивавших метод исторического материализма. Ядро историков-марксистов формировалось из членов КПЮ, участников национально-освободительной борьбы, молодых начинающих исследователей. Часть представителей довоенной традиционной историографии также делают попытки применения в исследованиях марксистских положений. Об этом свидетельствуют появившиеся публикации А.Бабича, Я.Шидака, Б.Графенауэра, Ф.Цвинтера, В.Чубриловича и др.

Общей тенденцией в развитии историографии этого периода стало постепенное усиление марксистского направления. Но этот процесс совершается медленно и противоречиво. Послевоенная историография создается усилиями исследователей различных школ и широкого диапазона политических взглядов. Среди них один из руководителей ССДП Т.Кацлерович, участник Сараевского покушения В.Чубрилович, авторитеты науки межвоенной Югославии В.Новак, М.Радойчиц, К.Острогорский, С.Иованович, активисты и руководители антифашистской борьбы М.Маркович, Н.Микуж, В.Бокарич, М.Янкович и др.

Распространившееся влияние марксизма на югославских историков привело и к появлению в некоторых исследованиях, особенно по новой и новейшей истории, пространного цитирования трудов руководителей КПЮ и чрезмерной политизации освещаемых вопросов.

Важную роль в становлении марксистской историографии в послевоенной историографии сыграл первый съезд историков Югославии, состоявшийся в Белграде 5 - 8 мая 1954 г. Инициатором его созыва выступили ЦК КПЮ и руководители исторических обществ союзных республик. На съезде, где присутствовало около 400 делегатов со всех республик и работало 10 секций, в том числе две по средневековой и две по античной истории, развернулись дискуссии между сторонниками марксистского и традиционного буржуазного направления.

Осудив взгляды представителей традиционной историографии о "неисторичности" тематики по новой и новейшей истории, съезд рекомендовал открыть в университетах кафедры новой, экономической истории и социологии для подготовки

будущих специалистов-исследователей. Согласно решениям съезда, в республиках организовывались специальные исторические институты национальной истории и всеюгославское общество исторических союзов для координации научно-исследовательской работы. К 1965 г. в СФРЮ исследовательскую работу по истории проводило более двадцати научных учреждений⁹⁰.

В середине 50-х годов в нее включилось второе поколение югославских историков, это привело к переориентации большинства начинающих исследователей на изучение проблем новой и новейшей истории и в конечном результате к коренному перелому в переходе югославской историографии к методу исторического материализма.

Второй период отличается исключительной плодотворностью исторической науки в традиционной и в вновь открываемой тематике. В изучении антики и средневековья, как и в предыдущие годы, основную работу ведут представители традиционной позитивистской школы. Результаты исследований выходят отдельными тематическими изданиями, печатаются в научной периодике.

С 1956 г. Институт византологии начал периодическое издание многотомных документов "Византийские источники по истории народов Югославии", в 1957 г. Восточный институт издал первую книгу из запланированного серийного издания "Турецкие памятники истории южных славян" с частичными переводами и научными объяснениями текстов. До 1958 г. в Македонии издано в переводе и под редакцией П. Джембазовского пятитомное собрание турецких документов по македонской истории⁹¹.

Как и в предыдущие годы, изучались проблемы античной и средневековой истории. В центре внимания находились вопросы, имеющие большое значение для изучения этнической принадлежности земель, расселения и переселения на Балканах, возникновения племен и феодальных отношений.

Показателем достижений в изучении средневековой истории югославянских народов на этом этапе является коллективный труд "История народов Югославии"⁹², отображающий уро-

вень развития медиевистики во всех республиках и степень применения марксистской методологии исследования. Новый подход авторов проявился в перенесении основного внимания на социально-экономические и политические процессы развития югославских народов в XIV-XV вв.

Значительное место авторы уделяют анализу феодальных отношений, классовой борьбе трудящихся. Впервые были написаны главы, посвященные средневековой истории Македонии, Боснии и Герцеговины. Акцентировалось внимание на взаимосвязях, общих тенденциях в социально-экономическом, политическом и культурном развитии югославян.

В конце 50-х годов результаты изучения проблем средневековой истории подвели исследователей к решению теоретических вопросов исторической науки. Анализируя условия зарождения, становления и кризиса феодальных отношений, Б.Графенауэр сделал попытку обосновать теоретический вывод о проявлении типовых общих черт в историческом развитии югославянских народов. В классовой борьбе в период средневековья он выделяет пять типичных для югославян форм: от крестьянских стихийных выступлений локального характера до гайдуцтва⁹³. Б.Джурджев приходит к выводу, что в процессе исторического развития южных славян до конца XV в. "Укреплялись тенденции, которые ведут к разделению этнических целостностей... и образованию наций"⁹⁴.

Теоретические выводы этих авторов об основных чертах общности в истории югославянских народов в период средневековья были дополнены исследователями новой и новейшей истории. Их внимание привлекали в основном проблемы национально-освободительной борьбы югославянских народов, начиная от первого сербского восстания, революции 1848-1849 гг., национальных движений конца XIX - начала XX вв. до образования Югославии.

Национальная проблематика дает ключ к пониманию многих общественных явлений из жизни народов СФРЮ. Она является исходной для раскрытия других проблем экономической, политической и культурной истории югославян, особенно вопросов революционного, рабочего и крестьянского движений

в новое и новейшее время.

Используя новые источники, в том числе и иностранные, авторы публикаций к 150-летию первого и второго сербских восстаний большое внимание уделяют освещению внутренних социально-экономических и внешних политических факторов в развитии национально-освободительного движения сербского народа против турецких поработителей. Однако на их оценках, особенно политических личностей, сказывается влияние традиционной позитивистской историографии, что проявляется в идеализации отдельных деятелей.

Продолжали изучаться вопросы участия югославян в революции 1848–1849 гг. Дискуссия выразителей старых позитивистских взглядов и марксистов возобновилась с новой силой. Она велась на республиканских съездах историков, в периодических изданиях. Основные вопросы дискуссии – характеристика классовых сил на различных этапах революции, роль буржуазии и отдельных руководителей общественных сил.

Относительно революции 1848 г. в югославской историографии на этом этапе существовало две концепции – позитивистская /В. Богданов, К. Н. Милутинович, Д. И. Попович/ и марксистская /Р. Перович, Я. Шидак, А. Лебл, С. Гаврилович/. Среди марксистов заметно расхождение в оценках движения югославян, венгерской революции, экономического развития, союза крестьянства и буржуазии, степени идейной зрелости различных общественных сил. Если Р. Перович рассматривает критические воззрения К. Маркса и Ф. Энгельса на участие югославян в революции 1848–1849 гг. как точные и бесспорные истины, то А. Лебл, С. Гаврилович исходят из того, что весной – летом 1848 г. движению свойственны черты буржуазной и даже буржуазно-демократической революции, благодаря борьбе обездоленных жителей городов и сел. В освещении революционных событий 1848 г. налицо проявление расхождений конечных выводов, основанных на методе исторического материализма.

Дискуссия по вопросам участия югославян в революции 1848–1849 гг. ускорила переход к решению более широких вопросов национально-освободительного движения народов в

XIX – начале XX в. Выход за узкие хронологические рамки дискуссии наметился еще в середине 50-х годов. В отдельных публикациях ее участников /В.Богданова⁹⁵, Я.Шидака⁹⁶/ находим суждения о роли различных общественно-политических сил в национально-освободительном движении начала XX в.

В 1960 г. в коллективной монографии Ф.Цвинтера, Я.Шидака, В.Богданова сделана попытка в широком плане осветить борьбу за национальное освобождение югославских народов с конца XVIII в. до 1918 г. в составе Австро-Венгерской монархии⁹⁷. В центре внимания авторов межнациональные отношения и развитие политических программных требований югославян.

В отдельных исследованиях, посвященных политическим партиям и деятелям, пересматривались прежние взгляды на заслуги в национально-освободительном движении югославян. Это порождало дискуссии, которые иногда носили затяжной характер.

Остро проходила дискуссия об историческом значении выдающихся политических представителей сербского народа в Воеводине С.Милетича и М.Полит-Десанчица, которых традиционная историография изображала как единомышленников. В 1958 г. Н.Петрович высказал убеждение, что между либералами Милетичем и Полит-Десанчицем существовали принципиальные расхождения во взглядах на национальный вопрос и противоположные "по стратегическим и тактическим понятиям"⁹⁸.

В рецензии К.Н.Милутиновича на книгу отрицались выводы Н.Петровича и отстаивалась мысль о том, что Милетич и Полит-Десанчиц едины в мировоззрении, разделяют революционно-демократическую и социалистическую программу С.Марковича⁹⁹. Причину негативного мнения о своей книге Н.Петрович объяснял нетерпимостью представителей буржуазной науки и марксистской методологии, при помощи которой исследователи "сбрасывают вуаль мистицизма и идеализма, ненаучности и фальсификации исторической эпохи, в которой буржуазия была руководящим и господствующим классом общества"¹⁰⁰.

Аспекты политической жизни и национально-освободительного движения югославянских народов в XIX в. освещены в исследованиях В. Чубриловича, Н. Шкеровича, М. Экмечича. В отличие от буржуазной историографии, уделявшей основное внимание династическим и политическим личностям, авторы широко освещают движение народных масс. Однако в отдельных публикациях проявлялось стремление к идеализации национальной истории, а то и открытое искажение роли народа и преклонение перед деспотизмом правителей. Ресценды сербской реакционной исторической школы имели место в монографии С. Йовановича¹⁰¹, известного представителя сербской буржуазной историографии. По его словам, историческая заслуга князя М. Обреновича состоит в том, что он "умел вести борьбу с собственным народом" и после 1815 г. принялся беспощадно истреблять революционные элементы¹⁰².

С середины 50-х годов заметно оживился интерес историков СФРЮ к вопросам национально-освободительного движения югославянских народов накануне и во время первой мировой войны. Как известно, в их трактовке были значительные расхождения между довоенными сербскими, хорватскими и словенскими историками. В хорватской и словенской историографии основное внимание уделялось освещению заслуг Югославского комитета в Лондоне и Народного вече в создании объединенного государства. Представители сербской исторической науки в центр внимания ставили деятельность королевской администрации, сумевшей организовать победу в союзе с государствами Антанты. Историки обеих направлений игнорировали роль трудящихся в процессе создания единого югославского государства.

Эти вопросы недостаточно были изучены и довоенной марксистской историографией, которая изображала Королевство СХС исключительно как "продукт Версальской системы". Поэтому югославским историкам предстояло решать трудную задачу — определять объективные и субъективные причины, которые привели к образованию единого государства, роль отдельных классов, партий.

В исследованиях Ф.Чулиновича, Б.Кризмана, Д.Вуйовича, Ф.Слипичевича, М.Дивановича критически пересматривались положения позитивистской историографии и утверждалось, что объединение югославских народов в единое государство — это историческая неизбежность. Большое внимание уделяется в этих публикациях освещению революционной борьбы трудящихся, впервые восстанавливаются основные события массового участия народа в организации нового государства.

Среди работ по проблемам национально-освободительной борьбы югославских народов выделяются исследования Ф.Чулиновича. Применяя метод исторического материализма, он дает четкие определения исходных и противостоящих друг другу начал в национальном движении южных славян — федерализму и унитаризму, вскрывает социально-экономические причины их зарождения, основные этапы борьбы за объединение. Проявлению и развитию федерализма, по мнению Чулиновича, благоприятствовали многонациональность и одновременно этническая близость, общность жизненных интересов, географическое положение.

В отличие от федерализма унитаризм исходит из тезиса о единонациональности югославян. Унитаризм в теоретическом и практическом плане был воплощен в панхорватизме и пансербизме. В политической борьбе за национальное освобождение, которая проходила очень напряженно, унитаризм нашел свою практическую конкретизацию с образованием Королевства СХС в 1918 г.

Выводы Ф.Чулиновича были направлены против идеализации позитивистами миссии буржуазии, ее политических действий в процессе строительства объединенного государства.

Важной составной частью югославской исторической науки стали исследования по проблемам рабочего и социалистического движения в конце XIX—XX в., национально-освободительной войны 1941—1945 гг. В разработку этой проблематики во второй половине 50-х годов включились многие исследователи специализированных институтов, их отделений в институтах национальной истории, а также кафедр университетов.

Историки очень часто базировались на источниках, которые с наибольшей очевидностью поддерживали тезис о классовой борьбе как движущей силе исторического развития. Авторы, как правило, историю КПЮ строили из резолюций съездов и пленумов, высказываний ее руководителей, не привлекая к анализу документальные материалы противостоящих сил и партий. По оценке югославских критиков, на этом этапе исследователи рабочего движения и истории КПЮ создавали отрывочную и "желанную историю"¹⁰³. Именно при изучении вопросов рабочего, революционного и коммунистического движений в Югославской историографии проявился в наибольшей мере догматизм и тоталитарная политизация тематики.

Во второй половине 50-х годов появились отдельные работы, освещающие социально-экономические и правовые аспекты межвоенной истории Югославии, что было важным показателем перемен в югославской историографии¹⁰⁴.

Недостаточно изучались на этом этапе проблемы истории послевоенной Югославии. Югославские историки только приступили к разработке отдельных вопросов экономической и правовой проблематики.

Качественная особенность югославской историографии второй половины 50-х годов — переход к изучению теоретических вопросов исторической науки. Первые шаги югославских исследователей в разработке теории исторической науки были направлены на критический пересмотр методологии позитивистской школы и осмысление основных категорий историографии, а также ее периодизации.

В 1960 г. М. Джорджевич издал книгу "Современные проблемы исторической науки", в которой обстоятельно критиковал методiku исследования позитивистской историографии, подчеркнул классовую сущность одного из основных ее принципов — "дистанции" в исторических исследованиях. "Дистанция как условие "объективного" отражения истории, — писал он, — появилась в буржуазной науке в вопросе оценки далекого прошлого для обоснования идейных задач буржуазного общества"¹⁰⁵.

Автор обосновывал положение о необходимости применения новых методов в исторических исследованиях: "Историк, который применяет буржуазные ценности, как мерило в оценке общественных событий и явлений, не может никогда понять и оценить современный исторический процесс"¹⁰⁶.

Осуждая ограниченность методологии буржуазной историографии, большинство исследователей приходили к выводу о необходимости преемственности ее лучших традиций. Известный хорватский историк М. Костречич писал: "Первая задача — перенять из теории и практики буржуазной историографии все то, что в ней было позитивного, полезного и прогрессивного..."¹⁰⁷

В изучении проблем методологии проявились расхождения по вопросам периодизации развития исторической науки. В книге Б. Графенауэра "Структура и техника исторической науки" впервые была сделана попытка не только раскрыть эволюцию исторической науки, но и определить основные этапы ее развития. По его мнению, в своем развитии историческая наука прошла три этапа и соответственно история разделяется на преднаучную /описательную и прагматическую/ генетическую и социологическую¹⁰⁸. В основной структурой исторической науки является изучение и критическое рассмотрение источника, утверждение факта и его объяснение причинными связями, т.е. конкретными выводами об определенном времени и пространстве.

Интересной постановкой методологических вопросов отличались исследования Б. Джуржева¹⁰⁹. В противовес Б. Графенауэру он предложил выделить четыре этапа в развитии исторической науки: историю литературную, философскую, социологическую и диалектико-реалистическую¹¹⁰. Если первые два этапа примерно совпадают с предложенной периодизацией Б. Графенауэра, то последующие в его понимании отличаются определяющими критериями. По мнению Джуржева, диалектико-реалистическая историография не должна включать исследования тех трудов историков-марксистов, которые в значительной мере политизированы. Такие исторические произведения Джуржев относит к социологической исто-

рии, которая, по его словам, включает также произведения позитивистов. Нечеткость в определении критериев, необоснованное стремление поставить в один ряд марксистские и позитивистские исследования делали предложенную Джурджевым периодизацию непримемлемой.

Возрастание интереса к теоретическим вопросам истории и ее социальных функций стало примечательной особенностью съездов и конференций югославских исследователей. Эти съезды историков, а также ежегодные отчетные собрания исторических обществ превратились в эффективную школу повышения квалификации для всех исследователей. Доклады, дискуссии, обсуждения, к которым причастны сотни специалистов помогали не только в организации и координации исследовательской работы, но и в решении методологических вопросов, выявлении недостатков в изучении отдельных проблем.

В ноябре 1958 г. в Загребе состоялся II съезд югославских историков. Он стал рекордным по количеству участников — 800 исследователей, объединившихся в пять секций. В отличие от первого съезда большинство докладов поднимали проблемы новой и новейшей истории. На пленарном заседании был заслушан доклад Б. Джурджева "Теоретические основы периодизации в истории и периодизация всеобщей истории". Обсуждение проходило в острой форме, особенно это касалось предложенной Б. Джурджевым периодизации истории, ибо построенную на основе развития общественно-экономических формирований он считал упрощенной, следствием "сталинского понимания марксизма". Его собственная периодизация /старый век с древнейших времен до упадка империй, средний — до начала XVI в./, новый — до 1917 г. и новейшая эпоха была основана на различных критериях. Первые века определялись уровнем развития производительных сил, последующие — общим развитием цивилизации и политическими событиями. Выступавшие отмечали важность постановки вопроса, но большинство осудило попытки Б. Джурджева ревизовать установившуюся в марксистской историографии периодизацию развития человеческого общества. Эта дискуссия — свидетельство творческих пои-

сков по ключевым вопросам методологии, к которым в других странах исследователи подошли значительно позже.

В центре внимания III съезда, состоявшегося в Любляне в декабре 1961 г., находились вопросы новой и новейшей истории. Оживленно обсуждался и вопрос участия югославян в революции 1848-1849 гг. в выступлениях Я.Шидака и С. Гавриловича, а также в развернувшейся дискуссии снова подвергался критике тезис В.Богданова о роли национальной буржуазии в революции 1848 г. В этих обсуждениях нашли отражение методологические вопросы об основных критериях оценки классов и общественных сил в революционной борьбе югославских народов.

Вопросы методологии и общие результаты югославской исторической науки всесторонне обсуждались в 1964 г. на совещании историков, созванном комиссией по идеологической работе, на У Пленуме ЦК СКЮ и на УШ съезде Союза коммунистов Югославии. Этот год стал рубежом в послевоенной югославской историографии. В процессе обсуждения на совещании историков-коммунистов возникали дискуссии по методологическим и политическим вопросам. Они единодушно осуждали догматические подходы в исследовательской работе, выступили против поверхностного восприятия марксизма. "Вульгаризация марксизма на поле исторической науки делает ее весьма непривлекательной дисциплиной", - указывал в своем выступлении М.Брандт III.

Отвергая буржуазный принцип "дистанции" в исторической науке, участники дискуссии одновременно выступили против чрезмерной политизации новой и особенно новейшей истории. Проявление этой тенденции, отмечали выступающие, ведет к отрицанию марксистского принципа историзма. Подъем качества научно-исследовательской работы историки связывали с необходимостью проведения комплексных исследований, привлечения специалистов других гуманитарных дисциплин. В целом на этом совещании историки подошли к выяснению содержания отдельных марксистских категорий, применяемых в методологии исследований.

Таким образом, в югославской историографии в 1954-1964г.

произошли значительные качественные перемены. Заметно увеличилось количество научных центров и специалистов высокой квалификации, свершился переход к координированной плановой научно-исследовательской работе. Заметно повысился уровень научных исследований. Этому способствовали творческие дискуссии, расширение источниковедческой базы, сотрудничество с учеными других стран. На этом этапе был осуществлен коренной перелом в переходе к материалистической интерпретации при изучении проблем новой и новейшей истории. В то же время следует отметить, что в исторических исследованиях заметно проявилась политизация изучаемых вопросов, что было следствием "декре-тизации" деятельности научно-исследовательских центров со стороны ЦК СРЮ. В отдельных работах по новой и новейшей истории присутствовала идеализация деятельности общественно-политических и государственных деятелей. Часто их заслуга в революционном и коммунистическом движении, национально-освободительной войне 1941-1945 гг. оценивались в зависимости от уровня государственной и политической должностей в СФРЮ того или иного участника событий. Чрезмерная политизация, проявление национализма в отдельных трудах отрицательно отразились на результатах югославской исторической науки, не дали возможности на этом этапе выработать единую концепцию истории Югославии.

ГЛАВА 8.

ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В СТРАНАХ РЕГИОНА

Свою теорию общественного развития К.Маркс и Ф.Энгельс сформулировали в 40-50-х годах прошлого века. Переводы этих работ на языки народов Центральной и Юго-Восточной Европы были осуществлены на протяжении трех последних десятилетий этого века. Долгое время марксизм распространялся в данном регионе прежде всего, а то и исключительно как политическая доктрина, призывавшая трудящихся к борьбе против эксплуататоров и утверждавшая неизбежность победы пролетариата над буржуазией. Соответственно осваивали и пропагандировали взгляды основоположников научного социализма, переводили и издавали их сочинения главным образом активные деятели освободительного движения, руководящие органы рабочих партий, находившихся в стадии становления и роста.

Разработку истории Болгарии с марксистских позиций начали основатель болгарской социал-демократии, лидер тесняков Д.Благоев и его ближайшие соратники Х.Раковский и Г.Бакалов. В Венгрии аналогичную роль играли, во-первых, видный деятель рабочего движения Л.Френкель, во-вторых, связанные с этим движением профессиональные историки О.Яси и Э.Сабо. Марксистскую методологию с 1880-х годов так или иначе использовали при изучении истории Польши такие польские социалисты, как Б.Лимановский, К.Длуский, Л.Кшивицкий, а затем — Р.Люксембург, Ю.Мархлевский, К.Калес-Крауз. Примерно в то же время материалистическое понимание истории распространилось в румынском социалистическом и рабочем движении, о чем свидетельствует, в частности, датированная 1892 г. статья К.Добрудану-Геря "Марксистская концепция истории". Первыми пропагандистами исторического материализма в Чехии и Словакии конца XIX — начала XX в. были деятели рабочего движения Й.Б.Пепка и Б.Шмераль, а также прогрессивно настроенный профессиональный историк З.Неедлы. При рассмотрении прошлого Югосла-

вии исторический материализм впервые был применен деятелями социалистического и рабочего движения В. Полагичем, Д. Тупевицем и Д. Поповичем.

Формально подавляющее большинство публикаций тех лет, написанных с марксистских позиций и посвященных исторической проблематике, нельзя отнести в разряд научных исследований. И тем не менее пропаганда марксизма вносила в соответствующие национальные историографии свежую струю, стимулирующую их дальнейшее развитие. Прежде всего это относится к методологической сфере, поскольку марксизм предложил новый подход к внутренней критике источников и такие способы исторического объяснения, которыми не располагали другие существовавшие тогда философские и социологические системы. Привлекательным и далеко небезполезным для исторической науки явилась ориентация марксистской методологии на углубленное исследование социально-экономических процессов, ибо им тогдашняя профессиональная историография не уделяла должного внимания. Не только с научной, но и с политической точки зрения значительной актуальностью обладала также проблематика прогрессивной общественной мысли, крестьянских и национально-освободительных движений, на изучении которых пропагандисты материалистического понимания истории сосредотачивали свои главные усилия. Поскольку они искали в истории теоретическое обоснование для своей политической программы, их особенно интересовало все то, что было связано с кризисом феодального строя и становлением буржуазных отношений, с борьбой трудящихся масс против эксплуататорских классов, с историей всех общественных течений, стремившихся к радикальному переустройству существовавшего государственного устройства. Ориентируясь на теоретические высказывания Маркса и Энгельса и их политическую программу, пропагандисты исторического материализма в восточноевропейском регионе были склонны преувеличивать уровень социально-экономического развития своих стран и их возможности внести сколько-нибудь существенный вклад в пролетарскую революцию европейского масштаба.

Рабочие партии с "реформистской" политической программой, социалисты, связанные с крестьянским движением, также использовали марксизм как теоретическую основу для определения своих идейно-политических позиций и для обновления собственного подхода к событиям и урокам истории. Они, в отличие от тех последователей Маркса и Энгельса, которые считали себя выразителями интересов промышленного пролетариата, старались выражать чаяния всего рабочего класса, связанного с ним трудового люда и, не отрицая революционного пути, готовы были в определенных условиях удовлетворяться и демократическими преобразованиями мирного характера. Именно поэтому их угол зрения на прошлое оказывался в чем-то более широким, их оценки исторических событий несли в себе меньше черт догматизма и сектантства; они не отличались от "правоверных" позиций в понимании социализма как конечной цели движения, а имели свои представления о нем и о средствах, которые могут и должны быть использованы для его достижения. Надо признать, что обращавшиеся к истории "реформисты" иногда весьма глубоко проникали в суть исторического процесса и делали из этого более правильные выводы, не преувеличивая объективных возможностей пролетарской революции общеевропейского масштаба и более последовательно ориентируясь на союз с крестьянским и национально-освободительным движением. Сказанное относится, в частности, к ряду называвшихся выше деятелей австро-венгерской, польской и сербской социал-демократии.

В XIX в. и на протяжении двух первых десятилетий XX столетия марксистская историческая мысль региона, хотя и редко соприкасаясь с академической и университетской наукой, была все же замечена ею. Примером негативной реакции профессиональных историков на распространение марксизма может служить вышедшая в 1898 г. книга Т. Масарика "Социальный вопрос. Философские и социалистические основы марксизма". Вопреки стремлениям автора книга не только не отпугивала научную молодежь от воззрений Маркса и Энгельса, но давала им общее представление о материалистическом пони-

мании истории. С начала XX в. в Венгрии, Польше и Чехословании появились отдельные историки-профессионалы, открыто заявлявшие о стремлении руководствоваться марксистской методологией в своем научном творчестве или склонные к постепенному переходу на позиции исторического материализма. В эти годы начали приобщаться к марксизму, чешский ученый З.Неедлы, венгерский — Д.Лукач, польские историки М.Хандельсман, Я.Рутковский, Н.Гонсэровская.

Первая мировая война и последовавшие за ней революционные потрясения коренным образом изменили политический ландшафт Европы. В 1917 г. место Российской империи заняла Советская Россия, провозгласившая марксистско-ленинскую теорию основой своей идейно-политической системы. Германия и Австрия были сильно ослаблены войной и революцией. Рядом с ними в 1918 г. появились новые самостоятельные государства, созданные народами Центральной и Юго-Восточной Европы, длительное время боровшиеся за свою политическую независимость: Венгрия, Польша, Чехословакия и Югославия. Для существовавших ранее Болгарии и Румынии значительно изменились внутренние условия развития, иным стало международное положение.

С появлением Советского государства и созданием в 1918—1921 гг. коммунистических партий в Венгрии, Польше, Болгарии, Югославии, Румынии и Чехословакии развернулась широкая пропаганда марксизма как в восточно-европейском регионе, так и во всем мире. Переводились и переиздавались значительными тиражами сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, нарастал поток литературы, популяризирующей идейно-политическую доктрину марксизма. Усиливалось влияние исторического материализма на профессиональную историческую науку. Процесс "марксизации" историографии осуществлялся в обстановке острейшей идейно-политической борьбы. Марксистская методология в той или иной мере воздействовала и на идейно-научные группировки, которые отказывались от переживавших кризис неокантианских и неопозитивистских школ и направлений. Об этом свидетельствуют, в частности, складывавшиеся в межвоенный период методологические принципы известной

школы "Анналов".

В межвоенный период марксистское направление в историографии переживало ускоренный процесс профессионализации. Процесс этот осуществлялся в основном двумя путями. Во-первых, за счет повышения квалификации тех идеологов и публицистов, которые, занимаясь исторической проблематикой, чаще обращались к первоисточникам и более объективно анализировали собранный фактический материал. Во-вторых, среди последователей марксистской методологии заметно увеличивался удельный вес лиц, имевших специальное историческое образование и профессионально занимавшихся научной деятельностью.

Болгарский историк и литературовед Г.Бакалов находился в СССР с 1925 по 1932 г., вел большую научную работу и был избран членом-корреспондентом АН СССР; в 30-е годы им были опубликованы монографии о В.Левском, Г.Раковском, Х.Ботева и очерки по истории болгарского национально-революционного движения. Философ и историк общественной мысли Т.Павлов, находясь в 1932-1937 гг. в Москве, вел преподавательскую работу в Институте красной профессуры; занимался в 30-е годы изучением мировоззрения Х.Ботева и других деятелей болгарского освободительного движения. Историк Х.Кабакчиев эмигрировал в Москву в 1926 г. и жил там до самой смерти в 1940 г.; работал в качестве научного сотрудника в ИМЛ и в Институте истории АН СССР, занимаясь преимущественно рабочим движением и аграрными отношениями в Болгарии. Ж.Натан в Москве получил кандидатскую степень за монографию о промышленном развитии Болгарии в годы первой мировой войны. В стране - в Софийском университете преподавал М.Дмитров, опубликовавший в 20-30-х годах несколько работ о Х.Ботева, Л.Каравелове, В.Левском и исследований по другим этапам отечественной истории.

Из венгерских ученых марксистской ориентации в стране работали Э.Мольнар и А.Мод. Первый из них на протяжении межвоенного периода и в годы войны занимался древней и средневековой историей Венгрии, опубликовав, в частности, двухтомник "Общество эпохи Арпадов"; в этой и других рабо-

тах он впервые попытался по-марксистски интерпретировать раннефеодальный период венгерской истории. А.Мод популяризировал в печати материалистическое понимание истории и опубликовал во время второй мировой войны марксистскую по методологии и антифашистскую по идейно-политической направленности книгу о многовековых традициях национально-освободительной борьбы венгерского народа. В Москве жили тогда более или менее длительное время видные венгерские обществоведы, печатавшиеся в изданиях, которые выходили в СССР на русском и на венгерском языках. Д.Лукач занимался теоретико-методологическими проблемами общественно-научной мысли; Е.Варга исследовал социально-экономическую историю периода капитализма в общеевропейском и даже более широком масштабе. Й.Резаи, ставший впоследствии видным партийным и государственным деятелем, большое внимание уделял в 20-30-е годы национальному вопросу, особенно его решению в эпоху революции 1848-1849 г. В 1832 г., проведя несколько месяцев в хорватской тюрьме, он попытался исследовать очень важную и сложную тему "Маркс и венгерская революция 1848 г."

В марксистском направлении польской историографии 1918-1939 гг. и периода второй мировой войны были представлены ученые, работавшие в стране и находившиеся в эмиграции. С 1918 по 1941 г. профессором Варшавского университета был Л.Кшивицкий. Занимаясь, наряду с социологией и статистикой, историческими проблемами общетеоретического характера, он опубликовал в 1937 г. крупную монографию о закономерностях развития первобытного общества. Видный деятель ППС Л.Василевский, возглавлявший институты новейшей истории и национальных проблем, опубликовал в 1925 г. книгу "Украинский национальный вопрос в его историческом развитии". Профессионально занимались историей рабочего класса и крестьянства Польши Н.Гонсёровская, И.Гринвассер, М.Мелюх и П.Прухник. В эмиграции /преимущественно в Советском Союзе/ изучали историю польские коммунисты, в том числе Ф.Кон, Ю.Мархлевский, Ю.Красный, Ю.Брун. На протяжении

30-х годов и в период войны с достаточно профессиональными работами выступили Р.Верфель, Т.Данишевский, Ю.Ковальский, М.Корманова, Э.Пшибышевский /Ч.Ясяньский/. Они исследовали преимущественно проблемы польского рабочего и национально-освободительного движения, а также российско-польские революционные связи в XIX — начале XX в.

На традиционную румынскую историографию, в основном позитивистскую по своей методологии, марксизм в межвоенный период оказывал некоторое влияние через "новую школу", пытавшуюся вслед за теоретиками "Анналов" шире учитывать социально-экономические факторы исторического процесса и прибегавшую в связи с этим к некоторым аргументам марксистской социологии. С работами по исторической проблематике выступали деятели коммунистического движения, например, в 1922 г. Л.Троцкий и Х.Раковский опубликовали очерки политической истории Румынии в XX в. Ряд деятелей рабочего движения занимались историей на профессиональном уровне. Византинист и историк искусства П.Константинеску-Яшь осуществил в 20-х годах первую попытку марксистской периодизации румынской национальной истории. Профессор Ясского университета А.Оцета выступил в 1938 г. с методологической статьей, доказывая преимущества исторического материализма перед теоретическими принципами позитивистской историографии. Видный деятель КПР Л.Патрашкану защитил докторскую диссертацию по аграрным отношениям в стране и опубликовал несколько работ, посвященных румынской общественной мысли и развитию капитализма в Румынии. На марксистские позиции перешли профессиональные историки Д.Продан и М.Константину. К марксистской историографии относится и опубликованная в 1945 г. работа лидера румынских социал-демократов К.Тителю-Петреску о социализме в Румынии с 1835 по 1940 г.

В Чехословакии 1918—1944 гг. представители марксистского направления в историографии опубликовали ряд работ теоретико-методологического плана. В 1925 г. З.Неедлы в одной из своих публикаций выступил с призывом к созданию "социалистической исторической науки"; его вскоре поддер-

жал М.Вольф в статье "Исторический материализм в историографии". О наличии перегибов в этом вопросе свидетельствует выступление Я.Брожека, который категорически требовал заменить "национальный историзм" классовым подходом к истории, но встретил возражения В.Клементиса, Л.Новомеского и других коммунистов. Высказывания Маркаа и Энгельса о революции 1848 г. в целом, о ее ходе на территории Австрии рассматривалась в работах П.Реймана, Л.Новомеского и других авторов, причем некоторые из них, касавшиеся славянских народов, принимались ими довольно сдержанно. В 1936—1941 гг. К.Конрад сделал попытку сформулировать марксистскую оценку гуситской революции, а Б.Вацлавек и П.Сметана — эпохи национального возрождения чехов и словаков. О довольно широком проникновении марксизма в профессиональную историческую науку свидетельствует создание в 1935 г. "Исторической группы" молодых университетских преподавателей и студентов, заседания в которой охотно посещали: ученые Т.Масарика и И.Пекаржа; коммунисты и социал-демократы; молодежь, интересующаяся марксизмом. В 1937 г. группа выпустила сборник со статьей Я.Славики "Марксистское понимание истории и историческая наука", в 1939—1944 гг. деятельность группы продолжалась в подполье и в эмиграции. Активными участниками группы были В.Гуса, Я.Хорват, В.Чейхан, Я.Вавра, О.Ржиг и др.

В становлении марксистского направления в объединенном югославском государстве видную роль занимала вышедшая в 1924 г. книга одного из основателей КПЮ Ф.Филипповича "Развитие общества в свете исторического материализма", а также появившиеся в 20-х годах переводы методологических работ Ф.Энгельса, К.Каутского, Г.В.Плеханова. Находясь позже в Советском Союзе, Ф.Филиппович под псевдонимом Б.Бошковиц опубликовал книги о крестьянском движении и национальном вопросе в Югославии, о международных отношениях на Балканах. В 1932 г. В.Маслеша опубликовал методологическую статью "Введение в правильное понимание истории"; кроме этого он занимался историей "Молодой Боснии", биографией Св.Марковича и В.Пелагича. В 1939 г. вышла книга Э.Карделя о разви-

тии Национального вопроса в Словении. А.Цесарец занимался историей Хорватии и подготовил ряд работ, в том числе вышедшую в 1925 г. книгу "Степан Радич и республика". Социал-демократическая струя марксистской историографии была представлена в межвоенный период работами, посвященными рабочему движению и социалистической мысли. Д.Лапчевич опубликовал книгу по истории социализма в Сербии, В.Корач — трехтомник по истории рабочего движения в Хорватии и Славонии, А.Кристан о рабочем и социалистическом движении в Словении 1848—1896 гг. Из профессиональных историков к марксизму тяготели М.Петеркович, изучавший историю средневекового Дубровника, и В.Богданов, занимавшийся социально-экономическим аспектом восстания сербов Воеводины.

Из сказанного вытекает, что в 1918—1944 г. влияние марксизма на историческую науку стран Центральной и Юго-Восточной Европы заметно усилилось. Партийная публицистика и политизированная историография в целом повысили свою квалификацию, как в смысле использования первоисточников по рассматриваемой тематике, так и в анализе привлекаемого фактического материала. Постепенно расширялся круг марксистов, профессионально занимавшихся изучением истории, в основном за счет специализировавшихся в этой сфере деятелей рабочего движения, но отчасти и в связи с освоением марксистской методологии учеными и преподавателями иной политической ориентации.

Наметившееся ранее деление марксистской историографии на ортодоксальное и социал-демократическое течение, в межвоенный период окончательно оформилось и зачастую приводило к жесткому противостоянию в конкретных оценках, и некоторых методологических установках. Обострению ситуации содействовали политические директивы и деятельность Коминтерна, а также пример ВКП /б/, сталинское руководство которой считало, что социал-демократия является даже более опасным врагом, чем буржуазные партии и возглавляемые ими государства. Идеологические и научные разногласия накапливались, в частности, вокруг проблем соотношения материальных и духовных факторов исторического процесса, рево-

люции и реформы, роли промышленного пролетариата и других классов в общественном развитии, острые возражения вызывало примитивное толкование принципа партийности при решении вопроса о правильности или неправильности научных выводов из проводимых исследований. Однако скольконибудь плодотворных дискуссий было мало, да и необходимого для их успеха материала еще не накопилось ни в теории, ни в жизненном опыте человечества.

После 1945 г. рассматриваемые нами страны вошли в состав социалистического содружества. Если ранее марксистская методология конкурировала в них главным образом с методологическими доктринами, которые пользовались весьма ощутимой поддержкой сверху, то теперь ситуация коренным образом изменилась. Оказавшись "руководящей и направляющей силой", а затем получив фактически безраздельную власть, коммунистические партии всемерно поддерживали сторонников материалистического понимания истории не только идейно-политическими аргументами, но и применением жесткого административно-политического нажима. В соответствии с указаниями из Москвы, а отчасти и по местной инициативе, развернулась пропаганда того предельно вульгаризованного и догматизированного исторического материализма, который накануне второй мировой войны был закреплён в отредактированном лично Сталиным "Кратком курсе истории ВКП /с/" и соответствующим образом адаптированных изданиях сочинений Маркса, Энгельса, Ленина. Однако даже самые массивные пропагандистские усилия не принесли бы ожидавшихся результатов, если бы не сопровождались соответствующими кадровыми и структурными изменениями.

В Болгарии руководящую роль в переводе общественных наук на марксистские рельсы играли общественные деятели и ученые старшего поколения: Г.Димитров, В.Коларов, Т.Павлов, М.Димитров, К.Натан. Вскоре их опорой стали сравнительно молодые в то время и очень активные профессиональные историки А.Бурмов, П.Динев, Д.Косов, Н.Тодоров, Х.Христов, К.Шарова. Весной 1945 г. начал выходить в обновленном виде журнал "Исторический преглед"; в трансформированной струк-

туре Болгарской Академии наук с 1947 г. появился Институт истории Болгарии, расширивший позднее свою проблематику и на всеобщую историю. Именно в академических структурах ускоренными темпами шла "марксизация" методологии и проблематики обществоведческих в целом и, в частности, исторических исследований. Университетские историки переориентировались медленнее; молодые кадры отчасти овладевали марксистской методологией в Советском Союзе. Освоение марксистской методологии историками заметно ускорили составившиеся в 1948 г. Первое национальное совещание историков и обсуждение задач исторической науки на У съезде ЕКП.

В 1945-1947 гг. венгерская историческая наука развивалась в обстановке относительного идейного плюрализма. Заметное влияние имели И. Ейбо и Д. Лукач, отвергавшие сталинистскую модель социализма и искавшие пути к синтезу демократических и социалистических ценностей. Развернулась дискуссия о возможности сотрудничества со старыми /немарксистскими/ научными кадрами, причем такой видный деятель коммунистической партии, как Й. Ревай считал их использование желательным. Перелом в пользу сталинизма произошел после празднования 100-летия революции 1848-1849 гг. при активном участии М. Ракоши, по указаниям которого фальсифицировались многие факты новой и новейшей истории Венгрии, требовавшие якобы более строгой классовой и партийной оценки. В 1949 г. на базе Института Телеки был создан в системе Венгерской Академии наук Институт истории во главе с Э. Мольнаром; одновременно появился Институт истории партии, а в 1954 г. - Институт военной истории. Они стали ударной силой "социалистического" преобразования исторической науки, а кадры немарксистской ориентации группировались некоторое время в Венгерском историческом обществе, с трудом находя работу в вузах, архивах и библиотеках. Но и в эти годы, особенно в период оттепели 1953-1955 гг., появлялись ценные исследования, в том числе работа Д. Секфю о Комуте, монография Э. Мольнара "История венгерского общества от Арпада до Мохача".

Послевоенная смена поколений в польской исторической науке была отчасти облегчена естественными обстоятельствами — смертью В.Конопчиньского, С.Кутшеби, Я.Рутковского, Ф.Буяка и выездом из страны М.Кукеля и О.Халецкого. Постепенно переиздаются давно написанные сочинения, в том числе работы Р.Люксембург и А.Прухника. Популяризации материалистического понимания истории содействовало появление исследований В.Кули, посвященных закономерностям развития феодальной формации и ее перехода к капитализму. При Лодзинском университете в первые послевоенные годы сложилась группа марксистски ориентированных исследователей, успешно разработавших эту проблематику на польском материале; группа работала под руководством Гонсеровской и включала Н.Ассородобрай, Ю.Дуткевича, Г.Мисалову, М.Серейского и других профессоров и преподавателей. Осенью 1948 г. возникло немногочисленное по составу и не очень активное Всепольское общество историков-марксистов. На рубеже 1951 и 1952 гг. состоялась Первая методологическая конференция польских историков, организованная высшими государственными и партийными властями ПНР. На конференции с участием многих видных специалистов, состоялась оживленная дискуссия, в результате которой большинство присутствовавших, хотя и не без оговорок, признали плодотворность марксистской методологии в исторической науке и согласились с необходимостью ее освоения. Конференция приняла рекомендацию о создании Института истории Польской Академии наук и передаче в его подчинение журнала "Квартальник хисторичны", выпуск которого вскоре был возобновлен. Институт и его печатный орган внесли немалый вклад в послевоенное восстановление польской историографии и ее методологическую переориентацию.

С 1944 по 1948 г. румынская историческая наука практически полностью сохраняла свою структуру и идейно-политический облик; преобладавшее положение в ней по-прежнему занимали немарксистские направления и школы. К развитию марксистского направления, кроме вышедшей в 1945 г. и уже называвшейся работы К.Тителю-Петреску о социализме в Румы-

нии, имеет отношение исследование социально-экономических проблем румынского феодализма, которое подготовил В. Папакостя, а также работа А. Оцети о революционном движении под руководством Т. Владимиреску. Идеологические и организационные перемены начались в 1948 г. созданием на базе шести существовавших ранее вузовских исторических институтов подчиненного Академии наук Института истории Румынской Народной Республики во главе с коммунистом и ученым П. Константинеску-Яшь. Заметное место во внедрении марксизма в историческую науку играл М. Роллер, занимавшийся историей профсоюзного движения в Румынии. Период с 1948 по 1953 г. характеризуется усилением вулгаризации и догматизации марксизма румынскими историками и теми, кто руководил общественными науками в стране, стремлением к безоглядной реинтерпретации исторических оценок специалистов старшего поколения независимо от того соответствуют ли они фактам или не соответствуют. С осуждением такого стремления и призывом исследовать суть дела, а не просто шельмовать "стариков" выступил в декабре 1953 г. П. Константинеску-Яшь. 50-е годы были временем, когда начинающие румынские историки охотно ехали в Советский Союз для продолжения своего образования, подготовки и защиты диссертаций. Именно таким путем вошли в большую науку Шт. Штефанеску, Д. Хурезяну и немало других историков, занявших затем видное место в своей области знания.

Для чехословацкой исследовательской науки 1945-1947 г. были периодом плюрализма и идеологической неопределенности. После марта 1948 г. партийные и государственные органы сразу же развернули активную деятельность по внедрению марксистской методологии в обществознание, в том числе в историческую науку. Вслед за советской и в Чехословакии также прошла кампания борьбы с космополитизмом, причем объектом критики стали, наряду с Т. Г. Масариком и Э. Бенешем, историки-позитивисты: Й. Пекарж, И. Шуста, В. Холоупецкий. Были переведены и провозглашены методологическими ориентирами первостепенной важности работы Сталина "О марксизме в языкознании" и "Экономические проблемы социализма".

После смерти Сталина прославление его трудов прекратилось, но методы партийной пропаганды марксизма изменились на срезу. В 1952-1953 гг. была осуществлена реорганизация Чехословацкой и Словацкой академий наук, причем в их системе было создано несколько специализированных исторических институтов. Они вместе с институтами истории партии в Праге и Братиславе, с Институтом марксизма-ленинизма Чехословакии создали организационную базу для развития в стране марксистской историографии. Что касается проблематики, находившейся в поле зрения чехословацких историков-марксистов, то она была довольно разнообразной, охватывая основные вопросы новой и новейшей истории. Попытка создания общей концепции отечественной истории осуществлялась коллективом авторов в ходе начавшейся работы над "Очерками чешской и словацкой истории".

На протяжении 40-50-х годов в Югославии вне университетской системы была создана сеть специализированных исторических институтов научно-исследовательского характера. В каждой республике появились институты истории и институты рабочего движения; возникли также Институт военной истории Югославской народной армии, Институт балканистики в Белграде и Институт востоковедения в Сараеве. Кроме этого, историей занимались Матица Сербская и Матица Словенская, Институт истории в Дубровнике и ряд других научных, архивных, музейных учреждений. Спецификой Югославии было то, что КИЮ старалась оказывать свое идейно-политическое воздействие преимущественно на изучение истории рабочего движения, предоставляя тем, кто занимается остальной исторической проблематикой, довольно большую самостоятельность. Первое послевоенное десятилетие югославские историки посвятили в значительной мере сбору и изданию источников. Исследовательские работы по новейшей истории стали появляться в основном после 1960 г. По более раннему периоду вышли: "История политической мысли Сербии в XIX в." В. Чубриловича; книга В. Богданова об общественно-политической борьбе 1848-1849 гг. в Хорватии, книги Ф. Чулинови-

ча и С. Антоляка об антифеодалных движениях хорватских крестьян и городского населения.

Как явствует из сказанного, первое послевоенное десятилетие с точки зрения истории исторической науки может быть разбито на три этапа. Для одних стран вполне отчетливо, для других с некоторыми оговорками выделяются первые два-три года как период раскочки, когда "марксизация" этой отрасли не началась совсем или продвигалась медленными темпами, наогул. Пятилетие с 1948 по 1953 г. — время активной ломки старых и спешного конституирования новых, создававшихся по сталинским рецептам устоев как в идейно-политической, так и в организационной сферах. После смерти Сталина начался третий этап, несколько трансформировавший и замедливший, но не остановивший процесс изменений в исторической науке, идущих не столько естественным путем, сколько под сильным нажимом сверху.

Инициатива перехода на марксистскую методологию и соответствующего переписывания многих важных фрагментов истории исходила несомненно от партийных структур, но осуществлялась она на широком фронте, включавшем различные государственные органы, научные учреждения и учебные заведения, издательства и архивы, библиотеки и музеи. Говорила "А" обычно Москва, но немало охотников отличиться и высочить вперед находилось также в странах — среди партийных функционеров и государственных деятелей разного уровня, равно как и среди определенной части историков. "Инакомыслящие" оказывали более или менее активное сопротивление; преодолевалось оно преимущественно не научными аргументами, а ограничением или полным прекращением доступа к печатному станку, отлучением от профессии, а то и репрессиями вплоть до самых жестоких. Какая-то, в некоторых странах довольно значительная, часть ученых "голосовала ногами", выезжая в эмиграцию; в результате за пределами национальных границ сложились альтернативные научно-исследовательские и издательские центры, иногда довольно масштабные.

В первом послевоенном десятилетии многократно увеличивались масштабы научных связей историков стран Централь-

ной и Юго-Восточной Европы с советскими учеными. Преобладающей формой связей были поездки делегаций для участия в профессиональных съездах, научных конференциях или обсуждения подготовленных к печати рукописей. В большинстве случаев делегации в соответствии с полученными инструкциями жестко проводили линию на скорейшее преобразование исторической науки в духе сталинизма. Однако таким крупным советским ученым как Б.Д. Греков, Е.А. Косминский, П.Н. Третьяков иногда удавалось внести некоторую лепту в пропаганду тех методологических принципов творческого марксизма, использование которых в исторической науке приносило несомненную пользу. Примером этому могут служить их выступления на Первой методологической конференции польских историков.

За послевоенное десятилетие оказалось основательно разрушенным старое здание исторической науки в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, заложены краеугольные камни нового фундамента. Второе послевоенное десятилетие стало периодом развернутого строительства этого здания и превращения марксистской историографии в господствующую силу в своей области знания. Росту симпатий к марксизму и популяризации исторического материализма в определенной мере содействовали решения XX съезда КПСС, резко осудившие сталинизм в политической сфере, возбудившие довольно широкие надежды на очищение марксистской идеологии и теоретической мысли от догматизма, вульгаризации, сектантского фанатизма.

Проблемы развития исторической науки в Болгарии, необходимости преодоления догматизма и других негативных явлений широко обсуждались на пленумах БКП в апреле 1956 г. и в ноябре 1961 г. Итоги проделанной работы в определенной мере были подведены в 1963 г. на совместном теоретическом семинаре Института истории БАН и исторических кафедр Софийского университета. На семинаре отчетливо прозвучала мысль о вреде цитатничества особенно в тех случаях, когда речь идет об отдельных конкретно-исторических оценках и выводах классиков марксизма-ленинизма, значительная часть которых

либо устарела, либо изначально не подкреплялась фактами. В 1961–1964 гг. вышел трехтомник истории Болгарии в значительно переработанном варианте, аккумулировавшем все завершение к этому времени исследования по отечественной проблематике. Заметно продвинулось вперед изучение социально-политической истории Болгарии ХУП–ХХ вв., что подтверждается, в частности, вышедшими в начале 60-х годов сборниками статей "Пайсий Хилендарский и его эпоха", "Г.С.Раковский", документальными изданиями "Освобождение Болгарии от турецкого ига", "Вооруженная борьба против фашизма 1941–1944 гг.". К середине 60-х годов марксистское направление в болгарской историографии прочно заняло лидирующее положение, подтверждаемое растущим уровнем обобщающих трудов и конкретно-исторических разработок.

О состоянии венгерской исторической науки последнего рассматриваемого десятилетия можно судить по заседаниям кружка им. Петефи в конце мая – начале июня 1956г. Несмотря на накаленную политическую атмосферу участники дискуссии в большинстве своем выступали с позиций марксизма, призывали к отказу от догматизма и вульгаризации, к совершенствованию методологии и ликвидации "белых пятен" в национальной истории. Начавший в 1957 г. процесс либерализации исторической науки положительно сказался, в частности, на довольно многочисленных публикациях, появившихся в 1959 г. в связи с 40-летием Венгерской советской республики. На рубеже 50–60-х годов в венгерской исторической науке произошла смена поколения Э.Мольнара, Д.Немеца более молодыми учеными, в большинстве своем порвавшими со сталинскими извращениями марксизма. В начавшейся подготовке многотомной истории Венгрии они старались творчески использовать его методологию и учитывать в этой области новейшие достижения мировой историографии.

Решения XX съезда КПСС и происшедшие вскоре изменения в руководстве ЦКП оказали существенное воздействие на польскую историческую науку, вызвали несколько острых дискуссий по методологическим и крупным конкретно-историческим проблемам, в том числе связанным с подготовкой советского

и польского вариантов многотомной истории Польши. Изменение общественно-политического климата содействовало расширению тематики исследований за пределы "базисных" явлений, включая историю польской и российской общественной мысли. С начала 60-х годов широко развернулось изучение социальных структур польского общества в XVIII-XIX вв., результаты которого, наряду с индивидуальными монографиями, реализовывались в двух серийных изданиях, посвященных одно классам и сословиям Королевства Польского, другое - рабочему классу Польши /руководители работы в Институте истории ПАН В.Куля, Я.Лескевича и С.Калябинский/. Заметно усилилась разработка проблематики социальных и национально-освободительных движений и российско-польских революционных связей периода разделов. В конце 50-х годов была начата подготовка совместной советско-польской документальной серии о восстании 1863-1864 гг., которая в 1965 г. насчитывала уже 10 томов. Значительные успехи были достигнуты польскими учеными в освещении узловых моментов истории межвоенного периода и второй мировой войны, а также советско-польских отношений этого периода. Постепенно расширялось и изучение истории Польской Народной Республики. Хотя в Польше немарксистская историография сохраняла более прочные позиции, чем в других странах региона, и в этой стране марксистское направление историографии несомненно заняло господствующие позиции.

Для румынской исторической науки десятилетие с 1956 г. до середины 60-х годов ознаменовалось дальнейшим упрочением позиции марксистской историографии. Археологи и историки продолжали изучение древнейшего периода румынской истории, следуя установке сверху особо проследить славянское влияние на материальную и духовную культуру. В исследованиях и публикации документов по средневековью включились, наряду с А.Оцетей, Ш.Папакостей и другими учеными старшего поколения, более молодые исследователи, в том числе Шт.Естефанеску, Ф.Константину, Э.Лазя. По новой и новейшей истории продолжали работать специалисты по социаль-

но-экономическим вопросам, рабочему и крестьянскому движению, причем усилия старшего поколения /М.Роллер, П.Константинеску-Яшв и др./ поддерживались идущими на смену специалистами следующих поколений /Д.Хурезяну, В.Ливяну и др./. Все это было суммировано и подытожено в четырехтомной истории Румынии, вышедшей в свет в 1960-1964 гг. Хронологически этот труд охватил период с древнейших времен до 80-х годов XIX в., став первым столь широким синтезом румынской истории, написанным с марксистских позиций.

В 1956 г. руководящие органы КПЧ в значительной мере пересмотрели свое отношение к гуманитарным наукам, заметно либерализировалось и общественное мнение. Характерным отражением новой ситуации стала статья Ф.Грауса "О месте истории в культурной жизни", призывавшая к деполизации исторической науки и к отведению ей не только вспомогательных, но и практически значимых познавательных функций. Чем-то вроде отрывки прошлого стала начавшаяся в 1957 г. борьба против "ревизионизма", наложившая отпечаток на общегосударственный идеологический семинар обществоведов 1958 г. и съезд историков Чехословакии 1959 г. Десятилетие после 1956 г. стало для ученых Чехословакии периодом усиленного внимания к проблемам методологии истории и теоретического источниковедения, а также упорядочения архивов и совершенствования их информационного аппарата. Заметно выросло число периодических изданий, предоставлявших свои страницы исторической проблематике. В начале 60-х годов чехословацкая марксистская историография подвела итоги своей работы, выпустив в 1961 г. последний из трех томов "Обзора чешской и словацкой истории", двухтомную "Историю КПЧ" и макет "Истории Словакии".

Значительная часть югославской исторической науки в 1956-1965 гг. продолжала развиваться, как и на предшествующем этапе, главным образом в рамках отдельных республик. Период феодализма охватывает пятитомник Б.Графенауэра "История словенского народа", опубликованный в 1954-1962 гг. Проблемам новой истории посвящены работы, вышед-

шие в 50-60-х гг.: "История политических партий Хорватии" В.Богданова, монографии Д.Карманвера об откликах словенской публицистики на первую русскую революцию и о начальном этапе истории словенской социал-демократии. Новейшая же история освещалась преимущественно в общегославянском масштабе. Так, Ф.Чудинович в 1958 г. опубликовал книгу "Крах старой Югославии", в 1959 г. - "Создание новой Югославии", а в 1961 г. - двухтомник "Межвоенная Югославия"; в 1963-1965 гг. вышли три тома труда Й.Цази по истории независимых профсоюзов в 1921-1929 гг., а в 1963 г. книга В.Терзича "Югославия в апрельской войне 1941 г." Обобщающий характер имели вышедший в 1962 г. коллективный труд "Национальные проблемы в Габсбургской монархии", книга изданная в 1965 г. Й.Марьяновича "Народно-освободительная война. Народная революция в Югославии. 1941-1945", а также написанный коллективом авторов "Обзор истории Союза коммунистов Югославии" /1963 г./. Стремление к координации исторических исследований в общегосударственном масштабе постепенно нарастало, но реализовалось оно лишь в 1969 г. созданием в Белграде Института современной истории на базе исторических отделений институтов общественных наук и рабочего движения.

На протяжении второго послевоенного десятилетия расширялось и углублялось сотрудничество историков стран рассматриваемого региона с советскими учеными. Если на предшествующем этапе преобладал обмен немногочисленными, но именитыми делегациями и короткие встречи довольно узкого круга специалистов, носившие скорее парадный, чем рабочий характер, то после 1956 г. стали налаживаться повседневные деловые связи между научными коллективами, стали регулярными более или менее длительные командировки для работы в архивах и библиотеках. Существенное значение имело, в частности, взаимное рецензирование проспектов и макетов тех обобщающих трудов по национальным историям, которые почти одновременно начали готовиться в Советском Союзе, Болгарии, Польше, Румынии и Чехословакии. Весьма важной и полезной для сотрудничавших сторон была также развернут-

вавшаяся в те годы работа по подготовке совместных документальных серий, посвященных национально-освободительным движениям XIX в. в Болгарии, Польше, Югославии, а также по советско-болгарским, советско-польским, советско-чехословацким отношениям.

Более тесное сотрудничество, особенно наличие совместных работ, открывало возможность для развернутого сопоставления методологических установок и конкретно-исторических оценок их участников. В методологической сфере наиболее дискуссионной оказалась проблема соотношения национальных и социальных факторов в истории, причем советская сторона чаще проявляла склонность к преувеличению социального, а ее партнеры — национального аспекта исторического процесса. На конкретно-историческом уровне с болгарскими историками выявилось, например, расхождение по македонскому вопросу, с польскими — в трактовке советско-германского договора от 23 августа 1939 г. Споры были острыми и не приводили к консенсусу, но они содействовали приближению к истине, особенно в тех случаях, когда на пути к ней не стояли препятствия ненаучного характера.

Суммируя изложенный выше материал, важно подчеркнуть, что во второй половине XIX в. марксизм, а с ним и материалистическое понимание истории проникали в страны Центральной и Юго-Восточной Европы преимущественно не через научную, а через общественно-политическую литературу и публицистику. Руководящие деятели и идеологи складывавшихся рабочих партий, не всегда с достаточной глубиной овладев марксистской методологией и теорией исторического материализма, принимались за выяснение закономерностей исторического процесса соответствующих стран и народов. Представители двух первых поколений марксистов, занимавшиеся в той или иной мере историей, интересовались главным образом социально-экономической структурой общества, историей крестьянского, рабочего и национальных движений, развитием отечественной общественной мысли. При этом в выборе конкретной тематики, определении источниковой базы, анализе фактов и формировании собственных оценочных суждений они

не могли оставаться на чисто научной почве, ибо цели их обращения к урокам прошлого были в большинстве случаев связаны с идейно-политической деятельностью. Исторические аргументы оказывались им необходимыми для обоснования своих идейных позиций и своей политической программы, а это трансформировало их угол зрения, воздействовало на оценки событий, мешало сохранить научную объективность. Несомненно, весьма ощутимую пользу исторической науке принесло расширение проблематики на экономику и социальную структуру общества, стремление выяснить роль народных масс в истории, особое внимание к изучению движущих сил и закономерностей исторического процесса. Однако нельзя закрывать глаза, как это мы делали долгое время, на явные издержки от лишней политизированности, которую вносили марксисты в науку, на то, что уровень развития капитализма, численность и значение пролетариата, как правило, преувеличивались, классовые интересы во всех возможных и не возможных случаях ставились выше национальных, социальные факторы всегда оказывались превалирующими над духовными, революциям неизменно отдавалось предпочтение перед реформами.

В теории и методологии изучения исторического процесса марксизм открывал гораздо более широкую перспективу, чем господствовавшие во второй половине XIX в. позитивистские доктрины в историографии. Однако жизнь шла вперед, и в начале XX в. научный прогресс выявил наличие существенных слабостей и несовершенностей доктрины исторического материализма. Об этом свидетельствовала не только односторонняя и далеко не всегда обоснованная критика его неопозитивистами и неокантианцами, но ожесточенные "внутренние" дискуссии, в частности выступления ортодоксальных марксистов-ленинцев, против Г.В. Плеханова, К. Каутского, Э. Бернштейна других идеологов и деятелей рабочего движения, которые высказывались за "ревизию" определенной части теоретического наследия Маркса, Энгельса, Ленина.

На протяжении 1918-1944 гг. марксистское направление в историографии заметно профессионализировалось, а материалистическое понимание истории пробило в академическую и

университетскую науку, хотя и заняло в ней довольно скромное место. В этот период особенно обострилось начавшееся ранее противостояние между ортодоксально-большевистским и меньшевистско-социал-демократическим истолкованиями исторического материализма. Споры принесли бы немалую пользу, если бы проходили в творческой атмосфере, если бы были менее идеологизированными и политизированными. С середины 20-х годов марксистская теория в Советском Союзе вступила в период все ускоряющейся догматизации и сталинских деформаций, разрушающе сказавшихся на исторической науке. Воздействие марксизма на мировую общественную мысль нарастало в послеоктябрьские десятилетия быстрыми темпами. К сожалению, воздействие во многих случаях оказывала не подлинно творческая, несомненно плодотворная для науки часть марксистской теории, а тот набор предельно адаптированных догм, который был канонизирован "Кратким курсом истории ВКП /б/" и экспортировался из Москвы самыми разнообразными каналами, включая коминтерновские.

С 1945 г. "экспорт" исторического материализма из СССР в страны Центральной и Юго-Восточной Европы, избравшие социалистическую перспективу, стал возможен не только по партийной, но и по государственной линии. За первое послевоенное двадцатилетие часть старых научно-педагогических кадров в той или иной мере освоила марксистскую методологию, а новое поколение воспитывалось целиком на базе исторического материализма; по советским образцам была почти везде перестроена организационная структура общественных наук, включая историческую; соответствующие изменения произошли в преподавании истории как в средней, так и в высшей школе. Собственные усилия и помощь извне позволили к середине 60-х годов создать во всех шести-рассматриваемых странах такие исследования по отечественной истории, которые подтверждали наличие в каждой из них вполне сложившегося марксистского направления историографии.

Выходящее за рамки настоящей работы двадцатипятилетие с 1965 по 1989 год стало периодом постепенно углублявшегося кризиса как для марксистской теории общественного

развития, так и для основывавшейся на ней политической практики. Сейчас еще невозможны сколько-нибудь обоснованные прогнозы о том, когда и как закончится этот кризис, как он повлияет на историческую науку. Факты, относящиеся к странам Центральной и Юго-Восточной Европы, не оставляют сомнения в том, что марксистская методология и исторический материализм оказывали на развитие исторического познания положительное воздействие во второй половине XIX и в начале XX века. На последующем этапе удельный вес марксистского направления в этих странах постепенно увеличивался, а к 1965 г. оно заняло в них господствующее положение. Долгое время этому содействовали партийные и государственные подпорки. С их исчезновением ситуация, разумеется, изменится, но думается, что материалистическое понимание истории, в утверждении которого так много сделал марксизм, и в будущем сохранит видное место как в науке, так и в общественном сознании стран региона. Необходимо только раз и навсегда отречься от опровергаемого реальной действительностью, но усиленно насаждавшегося убеждения в том, что исторический материализм в его марксистско-ленинской форме является единственно верной и неизменной научной теорией исторического процесса, последней истиной для всех времен и народов.

Теоретические системы, применявшиеся ранее и используемые ныне в общественном знании, значительно отличаются друг от друга не только глубиной проникновения в суть рассматриваемых явлений, но и широтой своего диапазона. Марксизм является одной из наиболее многоаспектных систем такого рода. Он охватывает как чисто мировоззренческую сферу, т.е. философию, общественные и естественные науки, так и проблемы идеологии, политики. К сожалению, сами основоположники научного социализма не всегда четко разграничивали названные "ипостаси" своего учения, а их ученики и последователи грешили и грешат этим сплошь и рядом. В результате идеологические концепции и политические решения рабочих партий зачастую не обеспечивались надлежащей научной базой, марксистское же общественное знание нередко трансформи-

ровало свои суждения, в угоду политическим соображениям, кратковременного значения.

Расхожее для нашей недавней марксистской литературы понятие "партийности в науке" исходит как раз из практически полного отождествления науки, идеологии и политики. Между тем такой подход не соответствует ни объективной действительности, ни подлинным воззрениям основоположников марксизма. Идеология — это мифологизированное отражение действительности, политика — это искусство компромиссов, а наука стремится к подлинной истине, отбрасывая любые мифы и не останавливаясь ни на каких промежуточных решениях. Государство едино, но для его успешного функционирования необходимо четкое разделение функций между законодательной исполнительной и судебной властью. Аналогичным представляется и соотношение между наукой, идеологией и политикой. Они взаимосвязаны и взаимозависимы, но каждая из них должна действовать в своей сфере, своими средствами. Иначе они будут не помогать, а только вредить другу. Общественные науки должны делать свои выводы без нажима со стороны идеологии и политики, а ориентируясь только на объективную реальность. Только при этом условии обществоведы смогут установить действительные закономерности исторического процесса, без знания которых невозможно правильное решение ни одного из сколько-нибудь значительных идеологических и политических вопросов.

Введение и глава I.

1. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т.3, С.9.
2. Материалы конференции "Основные направления изучения истории исторической науки в социалистических странах" История и историки... 1979. М., 1982.
3. Историография истории южных и западных славян. М., 1987.
4. Об этом см., Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.26. С.59.
5. Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX в. М., 1980. С.9, 242, 349-328.
6. Topolaki E. Teoria wiedzy historycznej. Poznań, 1983. S.56-69.
7. Подробнее см.: Багатурян Г.А. Первое великое открытие Маркса: (Формирование и развитие материалистического понимания истории)//Маркс-историк. М., 1968; Гольман Л.И. Об исторических взглядах молодого Энгельса: (Путь к материалистическому пониманию истории)// Энгельс и проблемы истории. М., 1970.
8. Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.23.С.44.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.:2-е изд.Т.13.С.6-8.
10. Там же.С.37
11. Там же.С.7-8
12. Там же.Т.37.С.396.
13. Там же.С.394-395.
14. Подробнее об этом см.: Жуков Е.М., Бэрг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979.С.56; и др.
15. Ценные соображения о достоинствах и недостатках термина "социальный организм" со ссылками на литературу см.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.С.33-35.
16. См.: Жуков Е.М., Бэрг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы...С.57.
17. Семенов Ю.И. Теория общественно-экономических формаций...С.66.
18. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.:2-е изд.Т.32.С.461.
19. Там же.Т.21.С.259.
20. Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.39.С.15.
21. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч:2-е изд.Т.28.С.427.
22. Там же.Т.16.С.12.
23. Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.30.С.74.
24. Там же.Т.12.С.137.
25. Там же.С.138.
26. См., в частности: Рутенбург В.И. Ранние буржуазные революции //вопросы истории.М., 1984. №3.
27. Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие, конец XVIIIв.-1849 г. М., 1980; формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981.
28. Topolaki E. Metodologia historii. Warszawa, 1968, S.147.

Глава 2. България

1. Благоев Д. Из миналото на българския народ // Съчинения. София, 1957. Т.4. С.154.
2. Он же. Шо е социализъм и има ли той почва у нас? // Там же. Т.1. С.468.
3. Он же. Очерки истории социализма в Болгарии. М., 1989. С.19.
4. Там же. С.286.
5. Петров Т. Да се повтори ли старата история // Избрани произведения. София, 1954. С.335-336.
6. Он же. За "широкия" социализъм // Там же. С.94.
7. Кирков Г. Царски тържества - работническа мизерия // Избрани статии и материали (1897-1903). София, 1953. Т.1. С.395.
8. Димитров Г. Синдикалното движение в България // Съчинения. София, 1951. Т.1. С.294.
9. Коларов В. Амнистията на Демократическия съговор // Избрани произведения. София, 1955. Т.2. С.65.
10. Кабакчиев Х. Към Балканска федерация // Избрани произведения. София, 1953. С.409.
11. Он же. Българските революционери - Раковски, Каравелов, Левски, Ботев - за Балканската федерация. София, 1915. С.8.
12. Чернявский Г. Формиране на марксистката - ленинска концепция за найновата история на България в съветските научни учреждения от 20-30-те години // Векове. София, 1981. №4.
13. Савов С. Васил Коларов като историк // 100 години Васил Коларов. Шумен, 1977. С.158.
14. Там же. С.160.
15. Димитров Г. Историята на кръвения терор в България // Съчинения. Т.8. София, 1953. С.75.
16. Цонев Г. и Владимир А. Септемврийско въстание в България 1923 г. М.; Л., 1934.
17. Бакалов Г. Историческата повест // Избрани произведения. София, 1963. Т.2. С.137, 138.
18. Он же. За значението на историята // Там же. Т.4. С.31.
19. Он же. Как Парижката комуна бъде посрещната от българите // Избрани исторически произведения. София, 1960. С.364.
20. Павлов Т. Христо Ботев: Поет, критик и философ. София, 1940. С.60.
21. Димитров М. Път на Васил Левски // Отец Паисий. София, 1937. №3.
22. Хаджийски И. Оптимистична теория за нашия народ. София, 1974. Т.1. С.87, 88.
23. Велева М. Национално-революционното движение в ранните трудове на А. Бурмов // Векове. София, 1981. №2. С.34.
24. В чест на академик Димитър Косев. Изследвания по случай 70 години от рождението му. София, 1974. С.7.
25. Wideryszal L. Najnowsze studia (1914-1935) o epoce bulgarskiego odrodzenia narodowego // Przegląd historyczny: Ser. 2. Warszawa, 1936. Т.13.

26. Павлов Т. Десет години на пътя на преустройството на БАН // Философска мисъл. София, 1954. №4. С.9.
27. См.: Димитров М. Що е идеология? // Съвременник. София, 1945. Кн. 4; Он же. Поява, развитие и идеология на фашизма в България. София, 1947; Павлов Т. Фашизмът на теория и на практика. София, 1945.
28. Натан Ж. Маркс - ленинското учение за общественикономическите формации: От първобитното общество до днес. Популярно изложение. София, 1946.
29. Коларов В. Върху Априлското въстание // Избрани произведения. София, 1955. Т.3. С.182.
30. Димитров Г. О роли и задачах журнала "Философска мисъл" // Избранные произведения. Т.2. М., 1957. С.257-258.
31. Исторически преглед. София, 1945. Кн. I. С.5.
32. Туривненко М.І. Встановлення і розвиток зв'язків між істориками СРСР і Народноі республіки Болгарії (1944-1948) // Питання нової і новітньої історії. Київ., 1974. Вип. 19. С.25.
33. Державин Н.С. Лекция по българска история. София, 1946. С.6-7.
34. Влахов Т. Състояние и задачи на българската историческа наука. София, 1948. С.42.
35. БКП в резолюции и решения на конгресите, конференции и пленумите на ЦК. София, 1955. Т.4.
36. Димитров Г. Политически отчет на ЦК на БКП пред Петия конгрес на партията: 19 декември 1948 г. // Съчинения. София, 1955. Т.14.
37. Киркова Л. Архивното дело в СССР и у нас // Исторически преглед. София, 1953. Кн. 4.
38. Бурмов А. Поглед върху историческото развитие на България през средновековието // Училищен преглед. София, 1944. Кн. 5-10.
39. См.: Митев И. Въпрос за периодизацията на българската история // Народна просвета. София, 1947. Кн. 3.
40. Хаджиниколов В. Научните дискусии в Института за българска история при Българската академия на науките // Известия на Института за българска история. София, 1951. Т. I. 2. С.361-362.
41. Косев Д. Идеалистическо и материалистическо разбиране на Българското възраждане // Исторически преглед. София, 1947-1948. Кн. 3; Он же. Към въпроса за периодизацията на нова българска история // Исторически преглед. София, 1949-1950. Кн. 3.
42. См.: Хаджиниколов В. Научните дискусии... С.375-376; Он же. Дискусиите в Института за българска история при Академията на науките // Исторически преглед. София, 1951-1952. Кн. 4-5. С.553-557; Натан Ж. По въпроса за периодизацията на нашата история // Там же. Кн. 2; Гандев Х. Към въпроса за периодизацията на българската история // Там же. Кн. 3; Снегаров И. По периодизацията на българска история // Там же. Кн. 1.
43. См. Василев В. Обсъждане на пораженията, нанесени от кулътата към личността в историческата наука // Исторически преглед. София, 1963. Кн. 2. С.142.
44. См.: Георгиев П. Историята на БКП и задачите на иде-

ологически фронт //Известия на Института по история на ИКП. София, 1962. Кн. 9.

45. Червенков В. За науката, изкуството и култура. София, 1953. С. 343.

46. Дюстин И. С. Обсуждение труда болгарских историков "История Болгарии" // Вопросы истории. М., 1955, № 12.

47. Натан Д. Двадесет и вторият конгрес КИСС и българската историческа наука // Исторически преглед. София, 1962. Кн. 3. С. II.

48. См.: Василев В. Обсъждане на пораженията, нанесени от култа към личността в историческата наука // Исторически преглед. София, 1963. Кн. 2. С. 143.

49. Косев Д. Историческа наука в България в 1956-1957 годах. // Вопросы истории. М., 1958. № 7. С. 207-208.

50. Василев К., Бояджиев Г., Тодорова А. Априлската линия на ИКП и теоретико-методологическите проблеми на историческата наука // Методологически и историографски проблеми на историческата наука. София, 1978. Т. 2. С. 7.

51. Топалов В., Лишев С., Цанев П., Георгиев Г., Великов С., Мечев Н. Основен труд на българските историци през двата десетилетия // Исторически преглед. София, 1964. Кн. 2-3.

52. См.: Косев Д. За състоянието и задачите на българската историческа наука // Исторически преглед. София, 1964. Кн. 4. С. 12; Проблеми на българската историография след втората световна война. София, 1973. С. 38-41.

53. См.: Петров П. 30 години проучвания върху българското средновековие // Векове. София, 1975. № 1; Проблеми на българската историография...

54. Проблеми на българската историография... С.

55. Павлов Т. Избрани философски произведения. М., 1962. Т. 2. С. 370.

56. Косев Д. За състояние и задачите на българската историческа наука... С. 15; Проблеми на българската историография... С. 49.

57. Христов Х. Постигания на българската историческа наука след Двете септември 1944 год. // Научен живот. София, 1964. С. 6.

58. Косев Д. За състояние и задачите на българската историческа наука... С. 16-17.

59. Там же. С. 29-30.

60. Топалов В., Иончев Д., Великов С. Национално съвещание на българските историци // Исторически преглед. София, 1964. Кн. 4. С. 136.

61. Косев Д. Вина и верен на принципа за търсене и защита на историческата истина: (Интервю с академик Д. Косев) // Къде е сборник в чест на академик Димитър Косев. София, 1985. С. II.

Глава 3. Венгрия

1. Петёфи Ш. Собрание сочинений: В 4-х т. М., 1953. Т. 4. С. 247.

2. См.: Хевеши М. А. Мировоззрение венгерских революционных демократов. М., 1962.

3. См.: Vardi S. B. Modern hungarian historiography. Boulder, 1976.

4. Marki S. Dózsa György és forradalom. Budapest, 1883.
5. Magyarország története. Budapest, 1895-1898. 1-10 köt.
6. См.: Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны, 1906-1914. М., 1972.
7. Иси О. Десять лет // Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX-начало XX в.М., 1984. С.149.
8. Jászai O. The dissolution of Habsburg empire. New-York, 1927.
9. Szabó E. Magyar jakobinusok. Budapest, 1902.
10. Szabó E. Társadalmi és partharcok a 1848-1849-es magyar forradalomban. Becs, 1921.
11. Agoston P. A magyarországi nagybirtok története. Budapest, 1913.
12. Garami E. Marx és Engels élete. Budapest, 1913.
13. Одну из подробных библиографий литературы 70-80-х гг. о Лукаче см.: Tájékoztató. Budapest, 1985. 2sz.
14. Lukács Gy. Magyar irodalom - magyar kultúra. Budapest, 1970. 158, 161 old.
15. Ibidum. 164 old.
16. Lukács Gy. Ifjúkori művek. Budapest, 1977. 140 old.
17. Цит. по Нири К. Философская мысль в Австро-Венгрии. М., 1987. С.132.
18. Lukács Gy. Geschichte und Klassenbewusstsein. 1923. О дискуссии вокруг книги Лукача в мировом коммунистическом движении 1920-х гг. см.: Хевеши М.А. Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977.
19. Великий Октябрь и Венгерская Советская Республика. М., 1983. С.231.
20. История Венгрии. М., 1972. Т.3. С.179.
21. Prohászka O. Összegyűjtött munkái. Budapest, 1928-1929. 20köt. 310old.
22. Homan B., Szekfü Gy. Magyar történet. Budapest, 1928-1934. 1-5 köt.
23. Bangha B. Összegyűjtött munkái. Budapest, 1939-1942. 28 köt. 14-15 old.
24. Szekfü Gy. A számtízött Rakoczi. Budapest, 1913.
25. : Homan B., Szekfü Gy. Magyar történet. Budapest, 1928. 1 köt. 10-11 old.
26. Szekfü Gy. Harom nemzedek. Budapest, 1920.
27. Magyar művelődéstörténet. Budapest, 1939-1942. 1-5 köt.
28. Valasz. Budapest, 1938. 3 sz. 123 old.
29. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Концепции культурного наследия в послевоенной Венгрии (в печати).
30. Bibó I. Válogatott tanulmányok. Budapest, 1986. 1-3 köt.
31. Szentmiklosy L.: Magyar űstörténet. Budapest, 1942; Item. A feudalizmus kialakulása Magyarországon. Budapest, 1942; Item. Az Arpadkori társadalom. Budapest, 1943. 1-2 köt.
32. Molnar E. A magyar társadalom története az űskortól az Arpadkorig. Budapest, 1945.
33. Mod A. 400 év. küzdelem az önálló Magyarorszáért. Budapest, 1943.
34. Кун Б. О Венгерской Советской Республике. М., 1966.
35. Új hang. 1938. 4 sz. 4 old.

36. Цит. по: Erenyi T. Révai Jozef történelemszemleletéről // Parttörténeti Közlemények. Budapest, 1967, 2. sz. 14 old.

37. См.: Révai J. Valogatott történelmi írások. Budapest, 1966.

38. Ландор Б. Венгерская революция 1848-1849 гг. и парская интервенция // Исторические записки. М., 1940. № 9; Анлич Е. церковная реакция во время революции 1848-1849 гг. в Венгрии. Будапешт, 1951; Липпай З. Борьба империалистов в Дунайском бассейне. Л., 1935; Он же. Венгрия: Политико-экономический очерк. М., 1940; Он же. Национально-освободительная война в Венгрии 1848-1849 гг.: // Революция 1848-1849 гг. М., 1952. Т. I.

39. См. например: Форгаш Б. Германия: Политико-экономический очерк. М., 1941; Он же. Германский фашизм - враг культуры. М., 1942; Он же. Непрочность тела германского фашизма. Ташкент, 1943; Шик З. Парижская коммуна и перковь. М., 1929; Ковешы А. Венгерское крестьянство и его борьба. М., 1927; Цобел Э, Кан С. Маркс - организатор помощи борцам революции. М., 1933; Шугар Б. Ленин о московском вооруженном восстании 1905 г. М., 1935.

40. Nagy Imre vonal. Budapest, 1989.

41. Варга Е. Венгерская революция 1948-1849 гг. // 1848-1849 гг.: К 75-летию революции 1848 г. М., 1923; Он же. Исторические корни особенностей германского империализма. М., 1943; Он же. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1964; Он же. Избранные произведения: Начало общего кризиса капитализма. М., 1974; Varg, E. A proletárdiktatura gazdaságpolitikája: Valogatott írások. Budapest, 1976; Item. A szocializmus orosz útja: Világosság. Budapest, 1988.

42. Lukacs Gy. A marxista filozofia feladatai új demokráciában. Budapest, s.n. 7-8 old.

43. Lukacs Gy. Irodalom és demokrácia. 2 kiad. Budapest, 1948. 12. old.

44. Forum. Budapest, 1946. N 11. 214 old.

45. Székfi Gy. Forradalom után. Budapest, 1947.

46. A németek magyarországi politikája titkos német diplomácia okmányokban (1937-1942). Budapest, 1947.

47. Juhász Nagy S. A magyar októberi forradalom története. Budapest, 1945.

48. Böhm V. Ket forradalom tűzében. Bécs, 1923.

49. Andics E. Ellenforradalom és botleni konszolidáció. Budapest, 1948.

50. См.: Forradalom és szabadságharc 1848-1849-ben. Budapest, 1948; Andics E. Az egyházi reakció 1848-1849-ben. Budapest, 1949; Ember Gy. Magyar paraszttal 1848-ban. Budapest, 1949; Mod A. Partharcok és a kormány politika 1848-1949-ben. Budapest, 1949; Pekete S. A marciusi fiatalok. Budapest, 1950; Barta I. A magyar szabadságharc vezetői és a böcsi októberi forradalom // Századok, Budapest, 1951, 1-4 sz.; Kovács E. Bem József. Budapest, 1954; Тот З. И. Коллут и национальный вопрос в Венгрии 1848-1849 гг. Будапешт, 1954.

51. Rakoni Matyas és a magyar történettudomány // Századok. Budapest, 1952. 1 sz.

52. A magyar tanácsköztársaság 1919. Budapest, 1949.

53. Архив АН СССР. Ф. 627. Оп. 3. Д. 18. Л. 34-35.

54. Там же. Л. 32.
 55. Там же. Л. 21. Л. 9, 12.
 56. Rakosi Matyas és a magyar történettudomány..., 285-286 old.
 57. Századok, 1950. Budapest, 3-4 sz. 844 old.
 58. Ibidem. 846 old.
 59. Архив АН СССР. Оп. 3. Л. 24. Л. 7.
 60. Там же. Л. 17. Л. 20 24.
 61. Mérei Gy. Mezőgazdaság és agrártársadalom Magyarországon, 1790-1848. Budapest, 1948; Molnar E. A magyar társadalom története az Arpadkortól Mohácsig. Budapest, 1949; Mérei Gy. Magyar iparfejlődés, 1790-1848. Budapest, 1951; Пах П. М. Первоначальное накопление капитала в Венгрии. Будапешт, 1952; Lederer E. Az ipari kapitalizmus kezdetei Magyarországon Budapest, 1952; Sándor P. A magyarországi ipari kapitalizmus kibontakozásának néhány kérdése, 1849-1867. // Századok. Budapest, 1953. 2-3 sz. и др.
 62. Pász P. Zs. A dualizmus rendszerének első éveit Magyarországon // Ibidem. Budapest, 1955. 1 sz.; Arató E. A magyar nemesség és az osztrák udvar nemzetiségi politikája a szabadságharc előtt // Ibidem. " sz.; Hanák P. A dualizmus válságának elmélyülése a XX. század első éveiben // Ibidem. 3 sz.
 63. Századok. Budapest, 1956. 3 sz.
 64. См. например: Arató E. A nemzetiségi kérdés története Magyarországon. Budapest, 1960. 1-2 köt.

Глава 4. Польша

1. Дьяков В. А. Маркс, Энгельс и Польша. М., 1989. С. 7-8.
2. См.: Грабский А. Ф. Карл Маркс и Иохим Делевель // Вопросы истории. М., 1988. № 5.
3. Żychowski M. Polska myśł socjalistyczna XIX i XX wieku (do 1918 r.). Warszawa, 1976. S. 70-78.
4. Яковлевская И. С., Бухарин Н. И. У истоков польского рабочего движения. М., 1976. С. 161.
5. Pierwsze pokolenie marksistów polskich: Wybór pism i materiałów źródłowych z lat 1878-1886. Warszawa, 1962. T. 1. S. 377-405; Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 247.
6. Walka Klas. Genewa, 1884. N 5; Krzywicki L. Dzieła. Warszawa, 1958. T. 2. S. 150-155.
7. Przegląd Tygodniowy. Warszawa, 1882. N 40. S. 507-508.
8. J. F. W. / Krzywicki L. / Materialistyczne poimowanie dziejów ludzkości // Walka Klas. Genewa, 1884. N 6. S. 6-8.
9. Pierwsze pokolenie marksistów polskich... T. 1. S. 444-450.
10. Ibidem. S. 581-683.
11. Długi K. Objawy kapitalizmu w Polsce // Przegląd Społeczny. Lwow, 1886. T. 1. S. 421-432; T. 2. S. 31-42, 120-142.
12. Równosc. Genewa, 1880. N 1. 8-9.
13. Roczniça 3-go Maja // Przedświt. Genewa, 1888. N 9.
14. Równosc. Genewa, 1880. N 8-9.
15. Prawda. Warszawa, 1888. N 23.
16. См. Зашильняк Л. А. Формирование и развитие исторической науки в Польше. Львов, 1986. С. 26-36.

17. Мархлевский Ю./Ю.Карский/.Соч.Т.6.М.:Л.,1931.С.156-158.

18. Luxemburg R. Karol Marx//Przegląd Socjaldemokratyczny.Berlin,1903.N 3.

19. Warski A. Wybór pism i przemówień.Warszawa,1956. T.1.S.93-103.

20. Wierzbicka M. Próba charakterystyki poglądów K.Kellera-Krausa na dzieje Polski//Z Pola Walki.Warszawa,1969. N 3.

21. Gorzycki K.J. Zarys społeczny historii Państwa Polskiego.Lwow;Warszawa,1901.

22. Maternicki J. Historiografia polska XX wieku.Wrocław,etc.1982.Cz.1.S.56.

23. Зашкільняк Л.О. Польська марксистська Історіографія у 1918-1925 рр.// Проблеми слов'янознавства.Львів,1982. Вип.26.С.126.

24. Michalski N. Julian Marchlewski.Warszawa,1979.S.105.

25. Idem.Julian Marchlewski:Polaka.Naród.Socjalizm. Warszawa,1975.S.440.

26. См. подробнее: Зашкільняк Л.О. Історія робітничого руху в дослідженнях польських комуністів 1925-1938 років //Проблеми слов'янознавства. Львів,1985.Вип.32.

27. Центральний партійний архів Інститута марксизма-ленинізму при ЦК КПСС.Ф.293.Оп.І.Д.42.

28. Польша.//Малая Советская Энциклопедия.М.,1930.Т.6. С.714-729.

29. ЦПА ИМЛ.Ф.70.Оп.5.Д.40,лл.І-5.

30. Kormanowa Z. Ludzie i życie. Warszawa,1982.S.108-110;Historycy warszawscy ostatnich dwóch stuleci.Warszawa,1986.S.447-450.

31. Kwartalnik Historyczny.Warszawa,1937.Rocz.51.S.II-YI.

32. Topolski J. O nowy model historii:Jan Rutkowski (1886-1949). Warszawa,1996.S.247-248.

33. Pamiętnik V powaznego zjazdu historyków polskich w Warszawie.Lwow,1931.T.2.S.24-25.

34. Winnicka H. Tradycja a wizja Polski w publicystyce konspiracyjnej.Warszawa,1980.

35. Pouchek E.Recepcja materializmu historycznego w erodowskich polskiej lewicy socjalistycznej i komunistycznej w okresie wojny i okupacji//Acta Universitatis Lodzianae:Politologia.Lodz,1986.N 16.

36.Dutkiewicz J.Wkład ośrodka łódzkiego w przebudowę nauki historii w latach 1945-1948 //Rocznik Łódzki. Łódź, 1973.T.17.S.56.

37. Wereszycki H. Niewygasła przeszłość.Reflexje i polemiki.Krakow,1987.S.323-324.

38.Gorski K.Autobiografia naukowa//Kwartalnik historii nauki i techniki.Warszawa,1987.N.1.S.29.

39. См.: Korzec P.Materiały do studiów nad historiografią Polski Ludowej (w zakresie historii najnowszej)//Zeszyty historyczne.Paryż,1971.Z.20.S.51-53.

40.Tych F. Rozwój marksizmu w badaniach historycznych w czterdziestolecie Polski Ludowej//Ideologia i polityka. Warszawa,1984.N 7-8,S.145.

41. Kula W. Moja edukacja sentymentalna//Kula W. Wokół historii. Warszawa, 1988. S. 455, 458.
42. Kieniewicz S. Wspomnienie o Witoldzie//Polityka. Warszawa, 1988. N 12. S. 14.
43. Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне хранится в Архиве АН СССР). Ф. I. Оп. I. Д. 66. Л. 7.
44. Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa czasów poróżni-
orowych //Kwartalnik historii nauki i techniki. Warszawa,
1980. N 2. S. 255.
45. Op. Topolski J. O nowy model historii... S. 234-239.
46. Цит. по: Hübner P. Przebudowa nauk historycznych w
Polsce (1947-1953)//Przegląd Historyczny. Warszawa, 1987. N 3.
S. 467.
47. Kyław. Gusiła//Kula W. Wokół historii. Warszawa, 1988.
S. 403-404.
48. Kormanowa Z. Eugeniusz Przybyszewski, historyk niez-
nany//Kormanowa Z. Ludzie i życie. Warszawa, 1982. S. 154.
49. Kieniewicz S. Z rozmyślań dziejopisa... S. 254.
50. Wereszycki H. Historyk sam o sobie//Kwartalnik histo-
rii nauki i techniki. Warszawa, 1986. N 3-4. S. 643; Idem. O pro-
blematykę najnowszej historii Polski//Wereszycki H. Niewy-
gasza przeszłość... S. 292.
51. Łowmiański H. Uwagi w sprawie podłoża społecznego i
gospodarczego unii jagiełłońskiej. Wilno, 1935. S. 2; Rostworo-
wski E. Władysław Konopczyński jako historyk//Spor o krakow-
ską szkołę historyczną. Kraków, 1972. S. 217.
53. Kula W. Rozważania o historii... S. 10; Kieniewicz S. Z
rozmyślań dziejopisa... S. 254; Tyrowicz M. W poszukiwaniu sie-
bie... wspomnienia i refleksje. Lublin, 1988. T. 2. S. 250.
54. Wrocławski kongres historyczny//Teki Historyczne.
Londyn, 1949. N 1/2. S. 5.
55. Tyrowicz M. W poszukiwaniu siebie... Lublin, 1988. T.
S. 191.
56. Tazbir J. Czy stać nas jeszcze na humanistykę//Polity-
ka. Warszawa, 1990. N 1. S. 14. Cp. Tych F. Rozwój marksizmu...
S. 143.
57. Manteuffel T. Historyk wobec historii: Rozprawy
nieznane. Pisma drobne. Wspomnienia. Warszawa, 1976. S. 340,
351.
58. Zahorski A. Środowisko historyków warszawskich w PL
//Nauka i szkolnictwo wyższe w Warszawie. Warszawa, 1987.
S. 170.
59. Цит. по: Hübner P. Przebudowa nauk historycznych w
Polsce... S. 451.
60. Topolski J. O nowy model historii... S. 348.
61. Czapliński W. Władysław Konopczyński, jakim go zna-
łem, 1880-1952//Portrety uczonych polskich. 51 sylwetek
humanistów. Kraków, 1974. S. 248-249.
62. Цит. по: Dziekanowski M. K. Historiography in Poland
and tasks of Polish historians abroad//Studies in Polish
civilization. New York, 1966. P. 492.
63. Topolski J. O nowy model historii... S. 189-190.
64. Baranowski B. Nauki historyczne na Uniwersytecie
Łódzkim w latach 1945-1950//Życie szkoły wyższej. Warz-
awa, 1984. N 9. S. 83.

65. Tymieniecki K. Zarys dziejów historiografii polskiej. Warszawa, etc., 1948; Konopczynski W. Dzieje nauki historycznej w Polsce // Przegląd powszechny. Kraków, 1949. T. 228.
66. Dutkiewicz J. Wkład ośrodka łódzkiego... S. 43.
67. Maternicki J. Marian Henryk Serejski (1897-1975) // Historycy warszawscy ostatnich dwóch stuleci. Warszawa, 1986. S. 383-384, 386-387.
68. Шафф А. Объективный характер законов истории: Некоторые проблемы марксистской методологии историографии. М., 1959. С. 107.
69. Kukiel M. Polskie nauki historyczne w niewoli // Teki Historyczne. Londyn, 1955. T. 7. S. 45; Manteuffel T. Historyk wobec historii... S. 355; Kormanowa Z. Wspomnienie o profesorze // Kormanowa Z. / Ludzie i życie...
70. См.: Tych F. Rozwój marksizmu... S. 146.
71. Hübner P. Przebudowa nauk historycznych w Polsce... S. 458.
72. Małowist M. Kilka uwag do aktu Piotra Hübnera // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1987. N 3. S. 486; Manteuffel T. Polskie Towarzystwo historyczne // Ibidem. 1957. N 1. S. 18.
73. Hübner P. Przebudowa nauk historycznych w Polsce... S. 467.
74. Tych F. Rozwój marksizmu... S. 147-148.
75. Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich. Przemowienia, referaty, dyskusja. T. 1-2. Warszawa, 1953.
76. Hübner P. Przebudowa nauk historycznych w Polsce... S. 472-473.
77. Małowist M. Kilka uwag... S. 489; Baranowski B. Nauki historyczne... S. 88; Manteuffel T. Historyk wobec historii... S. 373, 382.
78. Стронський Г. Й. Співробітництво радянських і польських істориків у 50-х роках // Проблеми слов'янознавства. Львів, 1982. № 26.
79. ЦГАОР СССР. Ф. 5283. Оп. 21. Д. 56. Л. 71-73.
80. Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР. Ф. I. Оп. I. Д. 66. Л. 10 об.-II.
81. Архив АН СССР. Ф. 1514. Оп. 2. Д. 12. Л. II.
82. Kula W. Rozważania o historii. S. 9-10.
83. Шафф А. Объективный характер законов истории... С. 29.
84. Зашкільняк Л. А. Формирование и развитие исторической науки в Польше. Львов, 1986. С. 66.
85. См.: Herod Ch. The nation in the history of marxian thought. Martinus Nijhoff, 1976.
86. Malewski A., Topolski J. Metoda materializmu historycznego w pracach historyków polskich // Studia filozoficzne. Warszawa, 1959. N 6. S. 145-152.
87. Schaff A. List do mojego prawnuka w 2050 r. // Polityka, Warszawa, 1988.
88. Małowist M. Wschód a Zachód Europy w XIII-XVI wieku. Konfrontacja struktur społeczno-gospodarczych. Warszawa, 1973. S. 6.
89. Wyczański A. Badania historyczne w Polsce w latach 1937-1986 nad okresem XVI-XVII // Kwartalnik Historyczny. Warszawa, 1987. N 1. S. 89.

90. Trawkowski S. Tadeusz Manteuffel (1902-1970)//Historicy warszawscy...S.433-434.

91. Kukiel M. Polskie nauki historyczne w niewoli...S.42.

92. CM.: Valkenier E. Sovietisation and Liberalism in Polish Post-War Historiography//Journal of Central European Affairs. Boulder, 1959.N 2.P.152.

93. Manteuffel T. Historyk wobec historii...S.102;Labuda G. Polskie wczesne sredniowiecze w historiografii lat 1937-1987//Kwartalnik Historyczny,Warszawa,1987.N 1.S.41.

94. Labuda G. Polskie wczesne sredniowiecze...S.33

95. Wyrozumski J. Historia Polski do roku 1505.Warszawa, 1985.S.52.

96. Gierowski J. Historia Polski, 1505-1764.Warszawa, 1985.S.177.

97. Topolski J. O nowy model historii...

98. Kula W. Teoria economiczna. ustroju feudalnego. Warszawa, 1962;Topolski J. Narodziny kapitalizmu w Europie XVI-XVII wieku. Warszawa, 1963; Małowist M. Wschód a Zachód Europy w XIII-XVI wieku...

99. Sreniowska K. Problematyka historyczna tygodnika "Wies" w latach 1945-1949//Rocznik Łódzki.Łódź, 1973.T.17. S.240-241.

100. Kieniewicz S. Historiografia lat 1795-1918...S.13-14.

101. Trzeciakowski L. Dylematy piszącego o polskim XIX wieku//Między historią a teorią:Refleksje nad problematyką dziejów i wiedzy historycznej.Warszawa;Poznań, 1988. S.279.

102. Turaki M. Ile kto zajmie linijek...//Polityka.Warszawa, 1987.N 44.S.14.

103. Korzec P. Materiały do studiów nad historiografią...Z.XX.S.52;Wereszycki H. Historyk sam o sobie...S.655.

104. Manteuffel T. Historyk wobec historii...S.359; Topolski J., Wyczanski A. Badania historyczne w Polsce w latach 1945-1970//Nauka polska.Warszawa, 1971.N 2.S.26.

105. Kieniewicz S. Perspektywy rozwojowe historiografii polskiej//Kieniewicz S. Historyk a świadomość narodowa. Warszawa, 1982.S.233.

106. Jędruszcak T. Historiografia polska dziejów II Rzeczypospolitej//Kwartalnik Historyczny.Warszawa, 1987.N 1. S.196.

107. CM.: Korzec P. Materiały do studiów nad historiografią...Zesz.22.S.11-13.

108. Tych F. Rozwój marksizmu...S.149-150.

109. Wereszycki H. Penymizm błędnych tez//Wereszycki H. Niewygoda przeszłości: Refleksje i polemiki.Kraków, 1987. S.249-276.

110. UWT. PO: Polityka.Warszawa, 1988.S.8.

111. Kieniewicz S. Z rozmian dziejopisa...S.265;Turaki M. Ile kto zajmie linijek... S.14.

112. Tych F. Rozwój marksizmu...S.147.

113. Zahorecki A. Środowisko historyków warszawskich w PL...S.174-175.

114. Dykuszka wokół Jasienicy//Polityka.Warszawa, 1988.

- N 5.S.14.
 115. Wyczanski A. Badania historyczne w Polsce...S.91-92.
 116. Goraki K. Autobiografia naukowa...35-36.
 117. Tyrowicz M. W poszukiwaniu siebie...T.2.S.254-255;
 Gr.Korzec P. Materiały do studiów nad historiografią...2.22.
 S.6.
 118. Topolski J. Metodologia historii w dorobku polskiej historiografii//Kwartalnik Historyczny.Warszawa, 1987.N.1.
 S.258.
 119. Tych P. Rozwój marksizmu...S.142.

Глава 5. Румыния

1. Balcescu N. Opere. Bucuresti, 1964. Vol.1. P.310. Vol.4. P.248.
2. См.: Виноградов В.Н. Из истории румынской буржуазии: революционность - реформизм - консерватизм//Проблемы истории Румынии. Кишинев. 1988. С.3-12; Он же. Очерки общественно-политической мысли в Румынии: Вторая половина XIX - начало XX в.М., 1975. С.1975. С.244-298; Моману А.К. Социалистическое движение в Румынии /середина 70-ых - начало 90-ых гг. XIX в./ Кишинев, 1977. С.30-114; Маковешкая Т.Ф., Покивайлова Т.А. Крестьянские партии в политической структуре Болгарии и Румынии в первой четверти XX в.//Балканские исследования. М., 1984. Вып.9. С.199-204.
3. Виноградов В.Н. Влияние народников России на румынское революционное движение 70-х годов XIX в.//Новая и новейшая история. М., 1971. № 4. С.3.
4. Виноградов В.Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии...С.247.
5. Badea M. Marxismul si gindirea istorică din România (până la 1944). Bucuresti. 1982. P.398.
6. Подробнее см.: Виноградов В.Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии...С.252.
7. Hurezeanu D.C. Dobrogeanu-Gherea: Studii social-istorice. Bucuresti, 1979. P.164-172.
8. Краткая история Румынии: С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С.229, 272.
9. Sterg C. Social-democratism sau poporanism?//Viața românească. Bucuresti, 1908. N 1. P.50, 60.
10. В 1910 г. газета "România muncitoare" ("Рабочая Румыния") впервые упомянула имя В.И.Ленина, а в 1911 г. опубликовала его работу "О социал-демократической фракции П. Думи: Изложение всего дела" под названием "Из преступлений паризма." (См.: Девак А., Илинчов И. Ленин и Румыния. Бухарест, 1971. С.58-67; Soroiu N. Unele date privind răspunderea ziarului "Pravda" în România și paginile sale.//Anale de istorie. Bucuresti, 1962. N 2.
11. Lupta de clasă Bucuresti, 1920. 16. VIII. P.139.
12. Подробнее см.: Виноградов В.Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии...С.318-319, 322-323; Idem. Neoblogia. Bucuresti, 1910. P.51. Dobrogeanu-Gherea C. Scrieri social-politice. Bucuresti, 1968. P.226-227; 257, 259.
13. Подробнее см.: Гросул В.Я. Х.Г.Раковский - революцио-

нер, дипломат, публицист // Новая и новейшая история. М., 1988. № 6. С. 160.

14. Раковский Кр. Г. Русия на Исток. Варна, 1898. Подробнее см.: Гросул В. Я. Х. Г. Раковский... С. 160.

15. См.: Iorga N. Acte fragmente cu privire la istoria romanilor. București, 1895-1897. Vol. 1-3; Idem. Studii istorice asupra Chiliai și Cetății Albe. București, 1899; Geschichte des romanischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildungen. Gotha, 1905. Vol. 1-2; Inscriptii din bisericile României. București, 1905-1908. Vol. 1-2; Idem. Istoria romanilor în chipuri și icoane. București, 1905. Vol. 1-2; Idem. The Byzantin empire. Londra, 1907; Idem. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1908-1913. Vol. 1-5; Idem. Istoria armatei românești. București, 1910-1919. Vol. 1-3; Idem. Histoire des Romains de Transilvanie et de Hongrie. Bucarest, 1915-1916. Vol. 1-2; Istoria comerțului românesc. București, 1925-1928. Vol. 1-2; Idem. Essai de synthese du l'histoire de l'Humanite. Bucarest; Paris, 1926-1928. Vol. 1-4; Idem. La place des Romains dans l'histoire universale. București, 1935-1936. Vol. 1-3; Idem. Istoria Romanilor. București, 1939-1940. Vol. 1-2.

16. Подробнее см.: Gernovodeanu P. Revista istorică română 1931-1947. Bibliografia critica. București, 1977.

17. Подробнее см.: Zub A. Istorie și istorici în România interbelică. Iași, 1989. P. 286-301.

18. См.: Hurezeanu D. Lucretiu Pătrășcanu și fenomenul historic românesc (1821-1944) // Revista de istoria. București, 1975. N 10. P. 1479.

19. См.: Арбары-Ралли Е. Социалистическое движение в Румынии // Коммунистический Интернационал. М.; Пг., 1919. № 7-8; Бантке С. С. В гробу Дофаны: (Воспоминания) М.; Л., 1927; Дегтярев Л. С. Октябрь Румынского фронта: (По личным воспоминаниям) // Летопись революции. М.; Пг., 1923. № 6; Иорданский А. А. Румыния. М.; Л., 1926.

20. Nicolau A. Revoluția socialistă în România. М., 1919.

21. Алисов Н. Десять лет грабежа и насилия // Коммунистический Интернационал. М., 1927. № 6; Бантке С. С. 10 лет борьбы против румынских бояр. М.; Л., 1928; Бадулеску А. Восстание в Татарбунарах. М., 1925; Дембо И. Никогда не забыть!: Кровавая летопись Бессарабии. М., 1924; Рябинин-Скляревский А. Оккупация Бессарабии Румынией: (По архивным материалам) // Летопись революции. М., Пг., 1925. № 1.

22. Тимов С. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Румынии: Критика некрепостнической теории К. Доброджану-Геря. М., 1928.

23. Троцкий Л. Д., Раковский Хр. Очерки политической Румынии. М., 1922.

24. Cristea I. Gegel și Marx // Societatea de mîine. București, 1933. N 3-4. P. 67-68; Munteanu V. Genulitatea lui Karl Marx // Ibidem. 1933. N 3-4. P. 69-70; Joja A. Teoria materialistă cunoașterii // Cuvîntul Liber. București, 1935. 22. VI.

25. Constantinescu-Iași P. Caracterizarea și împărțirea istoriei românilor: O nouă concepție. Iași, 1926. P. 222-226, 234, 276.

26. См.: Din gîndirea materialistă-istorică românească

(1921-1944). București, 1972. P. 10.

27. Oțetea A. Concepția materialistă a istoriei ca metodă de cercetare și expunere // *Însemnări ieșane. Iași*, 1938. N 7.

28. Oțetea A. Renașterea și reforma. București, 1941.

29. Pătrășcanu L. Probleme de bază ale României. București, 1944; Idem. Sub trei dictaturi. București, 1944; Idem. Curente și tendințe în filozofia românească. București, 1946;

Idem. Ediția franceză: *Soys trois dictatures*. Paris, 1946;

Idem. Un veac de frământări sociale, 1821-1907. București, 1969.

30. Pătrășcanu L. Un veac de frământări... P. 311.

31. Mureșeanu D. Lucrări Pătrășcanu și fenomenul istoric românesc (1821-1944) // *Revista de istorie*. București, 1975. N 10. P. 1480.

32. Bugnariu T. Însemnătatea ultimelor lupte economice ale muncitorilor din Cluj, Cluj, fără data; Cristea I. Capitalul monopolist // *Societatea de mine*. București, 1933. N 13. P. 217-218;

Loja A. Fascismul: Expresie a capitalismului monopolist // *Intellectualii antifasciști în publicistica românească*. București, 1967. P. 49; Rotaru (Roller) M. Fascismul și baza lui

sociala // *Scrieri istorice și social-politice* (între primul și doilea război mondial) București, 1957. P. 173-180.

33. Savu Al. (Dăsculescu-Diaciu M.) 115 ani de la mișcarea democratică a lui Tudor Vladimirescu // *Era nouă*. București, 1936. N 2; Dăsculescu-Diaciu M. Răscoala iobagilor de la Bobilina. Piatra-Neamț, 1937.

34. Din gândirea... P. 189-200.

35. Constantinescu M. Cauzele răscoalei lui Horia: Încercarea de sociologie istorică. București, 1940.

36. Atanasiu I. C. Mișcarea socialistă. București, 1932.

Vol. 1.

37. Petrescu C. (Titel). Socialism în România, 1835- 6 sept. 1940. București, 1945. P. 7-11.

38. Ibidem. P. 262-263, 293-295.

39. Архив Внѣшней политики СССР (далее АВП СССР). Ф. 125.

Оп. 23. Д. 18. Папка 22. Л. 103.

40. Там же. Ф. 125. Оп. 22. Д. 35. Папка 20. Л. 29, 64; Оп. 25. Д. 2. Папка 23. Л. 10; II; Оп. 23. Д. 15. Папка 22. Л. 2-3.

41. Georgescu-Buzău Ch. Mihail Kogălniceanu în istorie. București, 1947.

42. Bodin D. Elemente naționale și influența străină în revoluțiile din Sud-Est European // *Revista istorică română*. București, 1945. Vol. 15; Idem. Tudor Vladimirescu și Constantin Sașu. București, 1944.

Idem. Premize la un curs despre Tudor Vladimirescu // *Revista istorică română*. București, 1944. Vol. 11.

43. Oțetea A. Tudor Vladimirescu și mișcarea ăteristă în țările românești, 1921-1922. București, 1945.

44. Cm.: Cernovodcanu P. *Revista istorică Română* 1931-1947. Bibliografie critică. București, 1977. P. 21-23.

45. Roller M. Din istoria mișcării sindicale din România. București, 1946; Idem. Documente sindicale (1906-1914).

București, 1946; Idem. Cu legături și luptători ruși din secolul al XIX-lea: Decembriștii. București, 1946. Part. 1. Pestel;

Idem. Nicolai Zebcu Petrovici. București, 1946.

46. Rădăceanu L. Democrația și clasa muncitoare. București, 1946; Titel - Petrescu C. Istoria socializmului în România. București, 1945.

47. Titel - Petrescu C. Ce este socialism? București, 1945.

48. Костюкел В. Общность терминологии "Русской правды" и румынских средневековых памятников // Romanoslavica. București, 1958.

49. Studii și referate privind istoria României: Din lucrările sesiune largite a secțiunii de științe istorice, filozofice și economico-juridice (21-24 Decembrie 1953). București, 1954. Partea 1.

50. Otetea A. Istoriografia Română după 23 august 1944 // Studii: Revista de istorie. București, 1959. Nr. 4. P. 46.

51. Relații istorice dintre popoarele URSS și România, în veacurile XV-începutul XVIII: Documente și materiale. București, 1955-1970. Vol. 1-3.

52. Константинеску М. Новые методы исторического исследования в Румынии. Бухарест, 1969. С. 16-17.

Глава 6. Чехословакия

1. История Чехословакии. М., 1959. Т. 2. С. 116, 154; Мильников А. С. Чешская книга: Очерки истории. Книга, культура, общество. М., 1971. С. 197-198; Kreibich K. Počátky českého dělnického tisku. Praha, 1951. S. 11-12; Münz T. Niektoré problémy a zvláštnosti prenikania marxistického myšlenia na Slovensko pred rokom 1918 // Filozofia. Bratislava, 1975. N. 1. S. 46-47.

2. Prukopníci socializmu u nás. Praha, 1954.

3. Kamenec J. Začiatky marxistického historického myšlenia na Slovensku: Historizmus a jeho úloha v slovenskom revolučnom robotníckom hnutí. Bratislava, 1984. S. 13-14.

4. Kolář F. Historický materialismus v raných historických pracích Bohumira Šmerala // Sborník k dějinám XIX. a XX. století. Praha, 1984. T. 9. S. 62; Kamenec J. Začiatky marxistického historického myšlenia... S. 13-14.

5. Kolář F. Historický materialismus... S. 66.

6. Šmeral B. Historické práce, 1908-1940. Praha, 1961. S. 27.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 50. С. 396.

8. Vojtech T. Česká historiografie a pozitivismus: Světonázorové a metodologické aspekty. Praha, 1984. S. 22, 27.

9. Подробнее общую характеристику состояния чешской и словацкой историографии данного периода см. в кн.: Kutnar F. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví: Od počátků pozitivistického dějepisectví na prah historiografie marxistické. Praha, 1977.

10. Балза И. Ф. Зденек Нежды как историк культуры // Зденек Нежды - выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964. С. 179.

11. Мацек Й. Зденек Нежды как историк // Там же, С. 164.

12. Подробнее о ходе дискуссии см. в кн.: Vojtech T. Česká historiografie... S. 46-51; Kral V. Zdeněk Nejedlý a Gołłova škola. Praha, 1986. S. 151-166.

13. Kutnar F. Přehledné dějiny... S. 104.

14. Král V. Zdeněk Nejedlý...S.152.
15. Nejedlý Z.O. smyslu českých dějin. Praha, 1952. S.36.
16. Hradská V. Co sta Z. Nejedlého k marxistickému pojetí filozofie dějin a filozofie kultury//Filosofický časopis. Praha, 1978. N.3. S.405-406.
17. Моторный В.А. Страницы чешской ленинщины: 2-е изд. Львов, 1984. С.29. См. также: Молок Ф.А. Распространение ленинских работ в Чехословакии в 20 - 30-е годы//История СССР. М., 1970. №5.
18. Nejedlý Z.O. smyslu českých dějin...S.143.
19. Kamenec I. Začiatky marxistického historického myšlenia...S.25.
20. Nechvatál M. Počátky marxistické historiografie: 1921-1938//Sborník k dějinám 19. a 20. století. Praha, 1986. T.10. S.311.
21. Kamenec I. Začiatky marxistického historického myšlenia...
22. Lov F. Historický materialismus v dějepiscetví//Komunistický revue. Praha, 1925. N.8. S. 244-245.
23. Nejedlý Z.O. smyslu českých dějin...S.105, 110.
24. Lov F. Historický materialismus...S.246.
25. Nechvatál M. Počátky marxistické historiografie...S.313.
26. Kamenec I. Začiatky marxistického historického myšlenia...S.41.
27. Šmerál B. Výbor z díla. Praha, 1981. T.1. S.298.
28. Šverma J. Vybrané spisy. Praha, 1955. S.9.
29. Šverma J. Ibidem. S.17.
30. Marx K., Engels F., Lenin V.I., Stalin I.V. O Rakousku a české otázce: Sborník k 50. výročí Karla Marxe. Praha, 1933. 400 s.
31. Konrad K. Dějiny husitské revoluce. Praha, 1964. S.11.
32. Nový K. K. Konrad a počátky československé marxistické historiografie//Acta Universitatis Carolinae: Philosophica et historica. Praha, 1982. T.2. S.65-66.
33. Petráň J. Historická skupina: Komentář k vzpomínkám jejích členů//Studie z obecných dějin: Sborník k sedmdesátým narozeninám J. Charvátka. Praha, 1975. S.11-47.
34. Vávra J. Ke genezi a místu historické skupiny//Ibidem. S.57.
35. Petráň J. Historická skupina...S.12.
36. Dějiny a přítomnost: Sborník Historické skupiny. Praha, 1937. Roč.1. S.1.
37. Petráň J. Historická skupina...S.16.
38. Письма Я. Вавры от 7 марта 1988 г. в 21 февраля 1989 г. (в архиве А.С. Мильникова).
39. Kamenec I. Začiatky marxistického historického myšlenia...S.13-14.
40. Slávik J. Marxistické pojetí dějin a historická věda//Dějiny a přítomnost...S.154-155.
41. Reitmair P. O několika aktuálních otázkách československého vědeckého dějepiscetví//Tvorba. Praha, 1937. S.351, 36.
42. Šmerál B. Historické práce: 1908-1940. Praha, 1961. S.243.

43. Petráň J. Historická skupina... S. 34-35.
44. Король В.Д. Московский период жизни З. Неедлого и развитие советского славяноведения // Зденек Неедлы...
Руколь Б.М. Зденек Неедлы в Московском университете // Там же.
45. Снитил З., Цезар Я. Чехословацкая революция, 1944-1948 гг. М., 1986. С. 190-191.
46. Klepl J. Zprava // Český časopis historický. Praha, 1946. Sv. 1-4. S. 320-322.
47. Zprávy všeobecné // Ibidem. S. 320.
48. Stloukal K. První sjezd slovenských historiků // Ibidem; Janković V. Založenie slovenskej historickej spoločnosti // Historický sborník. Praha, 1946. N 1; Historický odbor Matice slovenskej // Ibidem. S. 126.
49. Štaif J. Problematika metodologie historiografie v českém dějepisectví po roce 1945 // Československý časopis historický. Praha, 1981. N 1.
50. Krofta K. Dejiny československé. Praha, 1947; Stloukal K. Na rozhraní věku. Praha, 1946; Idem. O studiu dějepisu. Praha, 1947; Roubík F. Přehled českých dějin. Praha, 1947; Wersadt J. Odkazy dějin a dějepisu. Praha, 1948.
51. Český časopis historický. Praha, 1946. Sv. 1-4. S. 320-322.
52. Štaif J. Problematyka metodologie historiografie... S. 549.
53. Národní osvobození. Praha, 1947. S. X.
54. Štaif J. Problematyka metodologie historiografie... S. 549.
55. Bartoš F. M. O podstatu křesťanství a dědictví jednoty bratrské. Praha, 1948; Idem. Vzpomínky husitského pracovníka. Praha, 1969; Odložilík O. Nástin československých dějin. Praha, 1947; Kalista Z. Cesty historikovy. Praha, 1947; Chudova B. Jindy a nyní: Dějiny českého národa. Praha, 1946.
56. Otázky dneška. Křesťanský realismus a dialektický materialismus. Brno, 1946. S. 7, 20, 150, 152, 185-186.
57. Marsina R. Zakladatel' modernej slovenskej historiografie Daniel Rapant (1897-1988) // Slovenské pohľady. Turčiansky S. Martin, 1988.
58. Historický odbor Matice slovenskej // Historický sborník. Praha, 1946. N 1. S. 126; 1947. N 3-4. S. 545; Valné shromáždění historického odboru MS // Ibidem. 1946. N 1. S. 255; Zprava o shodke Historického odboru MS // Ibidem. 1947. N 1. S. 120-121.
59. Kamenec I. Začiatky marxistického historického myšlenia na Slovensku... S. 92-93.
60. См. например: Pacht J. Klement Gottwald a naše dějiny. Praha, 1948; Nejedlý Z. Velké osobnosti. Praha, 1953 (статьи о К. Марксе, В.И. Ленине, И.В. Сталине, К. Готвальде и др.)
61. Русский перевод речи З. Неедлого помещен в сборнике: Зденек Неедлы ...
62. Nové slovo. 1945. 15. VI.
63. Nejedlý Z. Velké osobnosti... S. 160-164, 167-199.
64. Зденек Неедлы... С. 28.
65. Там же. С. 27-28. См. также: Неедлы З. Ян Гус // Славы. М., 1944. N 7. С. 35-36.
66. Неедлы З. История и современность // Зденек Неедлы...

C.93-94.

67. Nejedlý Z. Jan Kdlár//Nejedlý Z.S.69-70.

68. Odkaz našich národních dějin. Praha, 1948. S.207. Из многочисленных работ о З.Неедлом упомянем о наиболее объективных : Hradnka V. Cesta Zdenka Nejedlého... Popelová J. Filozofie kultury Zdenka Nejedlého//Ibidem; Slovanský přehled. Praha, 1978. № 1-2 (Номер целиком посвящен З.Неедлему).

69. /Реч./: Sborník pro hospodářské a sociální dějiny. Praha, 1946. Sv. 1//Český časopis historický. Praha, 1946. N 1-4; /Реч./: Sborník pro hospodářské a sociální dějiny. Praha, 1947. Sv. 2//Historický sborník. Praha, 1947. № 3-4. S. 544.

70. Vávra J. Herman K. Zemřel akademik Oldřich Říha//Slovanský přehled. Praha, 1974. N 6. S. 516.

71. První pracovní den československých historiků//Národní osvobození. Praha, 1947. 8. X.

72. Ngstin přednášek II. sjezdu čs. historiků, pořádaného Čs. společností historickou ve dnech 5.-11. října 1947 v Praze. Praha, 1947.

73. Nová mysl. Praha, 1947. № 4. S. 45; Holotik I. Proti buržoaznímu objektivizmu v historické vědě//Predvoj. Bratislava, 1959. Roc. 3. N 27. S. 13-14.

74. Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии. М., 1979. С. 287; Краткая история Чехословакии с древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 447, 476.

75. Marsalek K. Činnost historické sekce Čs. společnosti pro šíření politických a vědeckých znalostí//Československý časopis historický. Praha, 1953. N 1.

76. Proti kompolitizmu ve vykladu našich národních dějin. Praha, 1953. S. 10.

77. Gajanová A. Konference o politice Hlinkovy vlády 1. údové strany//Československý časopis historický. Praha, 1954. N 2.

78. Proti přežitkom 1. údactva. Bratislava, 1954.

79. Historický časopis. Bratislava, 1958.

80. Verejné zasadání vedecké rady HÚ//Československý časopis historický. Praha, 1953. N 1.

81. Ústřednímu Výboru Komunistické strany Československa avládě Republiky Československé od HÚ ČSAV//Ibidem. N 2.

82. Sindelár B. Za zesnulým prof. Holinkou//Ibidem. 1954. N 2. S. 376.

83. Стенограмма заседания, посвященного встрече с чешскими учеными//Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 18.

84. Macek J. O stavu a ukolech čs. historické vědy//Nová mysl. Praha, 1954. N 10; Československý časopis historický. Praha, 1955. N 1. S. 156.

85. Reiman P. Dělnické hnutí v českých zemích v letech 1889-1917. Praha, 1955; Solle Z. Dělnické hnutí za imperialistické války. Praha, 1953; Idem. K dělnám dělnického hnutí na Moravě a ve Slezsku. Brno, 1955; Gosiorovský M. Dějiny slovenského robotníckého hnutí, 1848-1918. Bratislava, 1958; Kodová O. První ruská revoluce a její ohlas u nás. Praha, 1955; Prameny k ohlasu Velké říjnové socialistické revoluce a vzniku ČSR. Praha, 1965. D. 1; Veselý J. Vliv VŘSP na rozmach dě-

lnického a osvobozenického hnutí. Praha, 1955; Říha O. Ohlas Rijnové revoluce v ČSR. Praha, 1957; Veselý J. Češi a Slovaši v revolučním Rusku, 1917-1920. Praha, 1954; Myska J. K uloze Čes. legií v Rusku. Praha, 1954; Gaján K. Příspěvek ke vzniku KSC. Praha, 1955; Přehled dějin KSC. Praha, 1957; Bareš G. Proti Mnichovu. Praha, 1958; Beckmann R. K diplomatickému pozadí Mnichovu. Praha, 1954; Širac A. Klérqfasiistická ideologia l'udactva. Bratislava, 1955; Gosiorovsky M. Slovenské národní povstání. Praha, 1954; Dolgál J. SNP. Praha, 1954; Idem. Osvobození Československa Sovetskou armádou. Praha, 1955; Otázky národní a demokratické revoluce v ČSR. Praha, 1955; Příspěvek k dějinám l'udovej demokracie v ČSR. Bratislava, 1955; Pal'tan M. Cesta slovenskeho roľ'nictva k socializmu. Praha, 1954.

86. Polišínský J. Šamberger Z. Brněnská diskuse o současném stavu a ukolech pomocných věd historických//Československý časopis historický. Praha, 1954, N° 1; Šamberger Z. Nova organizace naseho archivnictví//Ibidem, 1954, N. 3.

87. Pega V. Diskuse o otázkách vyvoje delnického hnutí na Morave//Československý časopis historický. Praha, 1955. N 1; Solle Z. O periodisaci delnického hnutí v Československu do r. 1917//Ibidem.

88. Černý V. Zpráva z konference o periodisaci čs. dějin//Ibidem, 1953. N 2; Míka A., Vrbova P. II. pracovní konference čs. historiků ve Smolenicích o otázkách nových a nejnovějších dějin//Ibidem. 1954. N 3.

89. Oliva P. Diskuse o charakteru Velkomoravské říše//Ibidem. 1953. N 3.

90. Böhm J. K otázce feudalismu v českých zemích//Česky lid. Praha, 1951. N 7-8; Gra S. F. O vznik feudalismu v českých zemích //Ibidem. N 11-12; Husa V. O otázce vzniku feudalismu na uzemí ČSR//Ibidem. 1953. N 2.

91. Československý časopis historický. Praha, 1953. N 3. S. 4-10.

92. Отчеты сотрудников Института о поездке в заграничные командировки (П. Н. Третьяков и Н. И. Саморуков, 1953) - Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР. Ф. I. Оп. I. Л. 133. Л. 4.

93. Там же. Л. 33.

94. Там же. Л. 4.

95. Československý časopis historický. Praha, 1954. N 2. Příloha. S. 31.

96. Macek J. Mezinárodní kongres historiku v Budapešti //Ibidem. 1953. N 3.

97. Kramer J. Počůka Historického ustavu. ČSAV v Budapešti//Ibidem. 1956. N 3.

98. Svitak I. Některé příčiny zaostávání theorie//Literární noviny. Praha, 1956. N° 16; Kalidova R. Vztah stranickosti a vedeckosti, ideologie a vedy v marxistické filosofii a teorii//Ibidem. N 52; Kosík K. Hegel a nase doba//Ibidem. N 48; Idem. Preludy a socialismus//Ibidem. 1957. N 10; Idem. Dějiny filosofie jako filosofie//Filosofie v dějinach českého národa. Praha, 1958.

99. Graus F. O postavení historie v kulturním životě//Literární noviny. Praha, 1956. N 15.

100. Неретина С.С. История с методологией истории // Вопросы философии. М., 1990. № 9. С. 150. Graus, F. K otázkám metodiky stredovekých dejín. // Československý časopis historický. Praha, 1956. № 1.
101. Kasík V. Několik poznámek k metodologickým problémům v historiografii/Československý časopis historický. Praha, 1958. № 6.
102. Polišenský J., Hrabová L. K některým otázkám metodiky historické práce//Ibidem. 1957. № 5; Husa V. Metoda - metodika - metodologie//Ibidem. 1958. № 6 и др. Подробнее см.: Štaif J. Problematika metodologie historiografie v českém dějepisectví po roce 1945//Ibidem. 1981. № 1.
103. Подробнее см.: Štaif J. Problematika metodologie historiografie... S. 561; Holotík L. K stavu a úlohám historické vedy na Slovensku//Historický časopis. Bratislava, 1960. № 1. S. 20.
104. Holotík L. K stavu a úlohám... S. 20.
105. Macek J. Stav a úkoly historické vedy//Československý časopis historický. Praha, 1967. № 1. S. 2.
106. Подробнее см.: 25 ans d'historiographie tchécoslovaque, 1936-1960. Praha, 1960.
107. Ibidem. S. 459.
108. Подробнее см.: Историография истории восточных и западных славян. М., 1987. С. 154-160.
109. Boj proti současnému revizionizmu - základní úkol mezinárodního revolučního hnutí//Nová mysl. Praha, 1958. № 12.
110. Публикации докладов И. Мацека, Л. Голотика, И. Гендриха, З. Неядлы, И. Веселого и информации о съезде см.: Československý časopis historický. Praha, 1960. № 1.
111. Hendrych J. K úloze historie při budování socialistické společnosti//Ibidem. S. 25.
112. Mandlerova J. Zpráva o průběhu jednání na III. sjezdu csl. historiků//Ibidem. S. 67, 68.
113. Ibidem. S. 67.
114. Kral V. Zdeněk Nejedlý... S. 21.
115. Holotík L. Poslanie historickej vedy v našej spoločnosti//Úlohy slovenskej historickej vedy v období historickej výstavby. Bratislava, 1961.
- 116-117. О некоторых чертах современной культурной жизни в Чехословакии. В секции общественных наук Президиума АН СССР. П. Н. Федосееву. 22. I. 66. //Архив Института славяноведения и балканистики АН СССР. Ф. I. Оп. I. Ед. хр. 477. Л. 8.
118. Kropilák M., Vlachovic J. XI. Medzinárodný kongres historikov v Stokholme//Historický časopis. Bratislava, 1961. № 3. S. 530.
119. XI. Международный конгресс исторических наук в Стокгольме//Вопросы истории. М., 1960. № 12. С. 28, 29.
120. Подробную характеристику обобщающих трудов см.: Štaif J. Problematika metodologie historiografie... S. 566, 568; Špěvacek J. Diskuse o makete PČD 1 (do roku 1848)//Československý časopis historický. Praha, 1959. № 3; Trešák D. Konference o PČD v Liblicích//Ibidem; Holotík L. Rozvoj slovenskej historickej vedy v československej historiografii//Historický časopis. Bratislava, 1962. S. 497; Horská P. Diskuse o II. dílu PČD//Československý časopis historický. Praha,

Глава 7. Югославия

1. Стојковић А. Развитак философије у Срба, 1804-1944. Београд, 1972; Грубачић К. Божидар Кнежевић, Сарајево, 1964; Еремић Д. Философија. Београд, 1966; Лапчевић Д. Историја социјализма у Србији. Београд, 1922.
2. Подробнее см.: Димитријевић С. Српска социјалистичка преводна литература. Београд, 1958.
3. Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. М., 1978.
4. Карасев В. Г. Светозар Маркович. М., 1959; Стојковић А. Развитак философије у Срба...; Јавност у ученју Светозара Марковића и дечас: Зборник радова са научног скупа 22 и 23. 09. 1981. Светозарево, 1982; Лапчевић Д. Историја социјализма у Србији... и др.
5. Цит. по: Стојковић А. Развитак философије у Срба.... С. 164-165.
6. Подлико Д. Ф. Васа Пелагич и Россия: Из истории сербской революционной мысли. М., 1983; Бесаровић Р. Васа Пелигић. Сарајево, 1951; Стојковић А. Развитак философије у Срба... и др.
7. Бесаровић Р. Васа Пелагич... С. 183.
8. Там же. С. 161-162.
9. Цветковић Ж. Д. Туцовић и Д. Поповић//Република, Београд, 1946. 19. XI; Цицварин К. Српска социјална демократија на прелету. Београд, 1910; Димитријевић С. Д. Туцовић, марксистичке неимар серпске социјал-демократској странке//Историјске гласник. Београд, 1949. №4; Лапчевић Д. Историја социјализма у Србији...; Поповић Н. Д. Туцовић. Београд, 1934; Савичевић Д. Друштвена и политичка теорија и критика у радовима Д. Туцовића. Београд, 1972 и др.
10. Туцовић Д. Изабрани списи... С. 19.
14. Цит. по кн.: Савичевић Д. Друштвена и политичка теорија и критика у радовима Д. Туцовића... С. 14.
15. Туцовић Д. Изабрани списи... Кн. 2. С. 14.
16. Поповић Д. Изабрани списи... С. 403.
17. Туцовић Д. Изабрани списи... С. 9.
18. Библиографија работ о Д. Поповиче објављена у кн.: Поповић Д. Изабрани списи... С. 477-479.
19. Там же. С. 139.
20. Там же. С. 403.
21. Там же. С. 195.
22. Там же. С. 174, 314.
23. Там же. С. 149.
24. Там же. Тексти 49, 69, 70.
25. См. например: Ђојовић... Р. Историјски записи историје Црне горе.../Титовград, 1988. №3. С. 267-276.
26. См.: Новак В. Југословенска историографија између два светска рата и нени современи задаци. Београд, 1949.
27. Историографија историји јужних и западних славјан. М., 1987. С. 116.
28. Как отмечала З. Стипетич "введение рабочего класса и рабочего движения в качестве самостоятельных субъектов ис-

торического процесса произведено не коммунистами, а лидером осинал-демократии В.Корачем.Острые оценки, которыми его книги встретили коммунисты,были мотивированы идеологией и сегодня требуют корректировки." (Istoriofografija,marksizam i obrazovanje. Beograd, 1986.S. 188)

29. Radošević M. Marksizam, panslavizam i jugoslovenstvo. Zagreb, 1921.

30. Idem. Osnovi savremene Jugoslacije. Zagreb, 1935.

31. Tadić J. Naučna zdogtavljanina Mihaila Pateekovića// Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1963. N 1.

32. Milutinović K. Studije iz srpske i hrvatske istoriofografije. Novi Sad, 1986. S. 239-240.

33. Маркович С. Коммунизм в Юго-Славии. М., 1923.

34. Югославские исследователи творчества Ф. Филиповича отмечали, что он "последовательно претворил концепцию Маркса о корреляции или, точнее, взаимодействии материальных условий общественного развития и так наз. надстройки" (Socijalizam. Beograd, 1979. S. 150).

35. Гавел А. Преглед постанка и развитка друштва и правде. Београд, 1926; Госар А. Реформа друштва. Београд, 1933.

36. Filipović P. Izabrani episi. Beograd, 1962. Knj. 2. S. 476.

37. Ibidem. S. 477.

38. Ibidem. S. 479-480.

39. Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1973. N 3. S. 89.

40. Česarec A. Stjepan Radić i Republika. Zagreb, 1925. S. 67, 71.

41. Ibidem. S. 72.

42. Ibidem. S. 79-80.

43. О взглядах В. Маслеша на исторический процесс см.: O dijelu Veselina Masleša. Sarajevo, 1978. S. 91-108, 129-164; 168-176.

44. Югославские исследователи относят к первому поколению марксистов в Боснии М. Соколовича, Ф. Раушера, Н. Вукосевича, Дж. Джаквича и др. Они, как отмечается, "не занимались теорией марксизма, марксистская мысль представляла для них генезис сознания, основу их классового определения... концепции их марксизма П-м Интернационалом". Ко второму/переходному/ поколению марксистов принято относить А. Шеремета, О. Прицу и др., основывавших свои теоретические взгляды на работах Маркса, Энгельса, Ленина и событиях второго десятилетия XX века, среди которых мировая война, октябрь 1917 г., образование III Интернационала; они, как считают исследователи, "приняли ленинскую модель марксизма" (Pregled. Sarajevo, 1989. N 3. S. 219-220).

45. О пребывании В. Маслеша в Германии и во Франции см.: O dijelu Veselina Masleša... S. 325-366.

46. О значении истории В. Маслеша подготовил также к публикации и два отрывка. См.: Masleša V. Dela. Sarajevo, 1956. Knj. 3. S. 12, 123.

47. Ibidem. S. 313-331.

48. Ibidem. S. 59.

49. Ibidem. S. 105.

50. Janićić M. Stvaralečka intelektualna neija međjuratne Jugoslavije. Beograd, 1924. S. 166-167.

51. Ibidem. S. 242.
52. Ibidem.
53. Kardelj E. Razvoj slovenačkog nacionalnog pitanja. Beograd, 1960. S. 6.
54. Ibidem. S. 19.
55. Ibidem. S. 67-68.
56. Ibidem. S. 73.
57. Ibidem. S. 104.
58. Среди югославских исследователей нет единства в оценке деятельности А. Цесарца в предвоенные годы. В частности, М. Яничевич отмечал, что "уже в начале 30-х гг. часть хорватской левой интеллигенции начинает постепенно приближаться к идеологии хорватского национализма. Из публикаций на страницах основанного в феврале 1939 г. легального ежемесячника "Израз" это приближение более чем очевидно" (Jančićević M. Stvaralecka intelektualna... S. 142).
59. Югославские исследователи деятельности А. Цесарца относят его работы о Кватернике "к хорошей публицистике". Однако, при достаточно обильном цитировании источников и литературы, Цесарец часто не использовал важнейшие монографии. Более подробную характеристику статей Цесарца о ранней стадии развития "партии права" см.: Časopis za suvremenu povijest, Zagreb, 1972. N 1. S. 15.
60. Nave teme, Zagreb, 1973. N 9. S. 1530.
61. См.: Mogućnost, Split, 1964. N 11. S. 1134-1143.
62. Авторская рукопись не найдена. Различные списки, в том числе хранящиеся в Белградском Архиве рабочего движения и редактированные О. Кершовани озаглавлены по-разному, например "Хорватская история", "История Хорватии", "История хорватов" (Nave teme, Zagreb, 1973. N 9. S. 1535).
63. Цит. по.: Ibidem. S. 1531.
64. Ibidem.
65. Ibidem.
66. Ibidem. S. 1532, 1537.
67. Istorija naroda Jugoslavije. Beograd, 1953. T. 1.
68. Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Zagrabiae, 1868-1966. Vol. 1-48.
69. Сборник за историју, језик и књижевност Српског народа. Београд. 1902 -.
70. Списи бечких архива о првом српском устанку. Београд. 1926 -.
71. Arhivist. Beograd, 1951. N 1.
72. Anali Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti. Historijski institut. Dubrovnik, 1952-.
73. Šidak J. Hrvatska historiografija - njezin razvoj i danasnje stane//N 23-24. S. 12. Historijski Zbornik. Zagreb, 1972. Knj. 23-24.
74. Istorija naroda Jugoslavije. Beograd, 1953. T. 1. S. 3.
75. Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1947. N. 1.
76. Ibidem. 1948. N. 2-3.
77. Historijski zbornik. Zagreb, 1948. Knj. 1-4. S. 7.
78. Ibidem.
79. Ibidem. S. 7.
80. Ibidem. S. 23.
81. Годишњак Историјског друштва Босне и Херцеговине.

- Сара ево, 1949. Кн. I. С. 6.
82. Новек В. Југословенска историографија између два светска рата и нени савремени задаци. Београд, 1948.
83. Там же. С. 20.
84. Там же. С. 21-24.
85. Bogdanov V. Uloga podunavskih slavenskih naroda 1848/1849 u svelu novih istrazivanja sovjetske istoriografije// Historijski zbornik. Zagreb, 1948. Knj. 1-4. S. 48-52.
86. Bogdanov V. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848/1849. Zagreb, 1949.
87. См.: Гибианский Л. Я. Две дискуссии среди югославских историков// Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1966. Т. 30; Milutinović K. Studije iz srpske i hrvatske istoriografije.// Београд, 1976. С. 240-241.
88. Čulinović F. 1918 na Jadranu. Zagreb, 1951; Idem. Revolucionarni pokret u Istri, 1921. Zagreb, 1951.
89. Petranović B. Istoriografija i revolucija. Београд, 1984. С. 64.
90. Југословенски историјски часопис. Београд, 1964. Н. 3. С. 75.
91. Турски документи за македонската историја. Скопје, 1951-1958. Т. I-5.
92. Историја народа Југославије. Београд, 1960. Т. 2.
93. Grafenauer B. Tipologija knjetskih uporov in ljudskih vstaj pri jugoslovenskih narodih od XV do konca XVIII st. // Jugoslovenski istorijski casopis. Београд, 1962. N 1-2.
94. Uršev B. Osnovna istorijsko-etnička pitanja u razvitku jugoslovenskih naroda do obrazovanja nacija// Pregled. Sarajevo, 1960. N 2. S. 12.
95. Bogdanov V. Historijska uloga društvenih klasa u rješavanju jugoslovenskog nacionalnog pitanja. Zagreb, 1954.
96. Šidak J. Jugoslovenska ideja u ilirijском покрету. // Jugoslovenski istorijski casopis. 1963. N 3; Razvoj slovenskog nacionalnog pitanja od 1860 do 1914 god. // Historijski pregled. Zagreb, 1963. N 4.
97. Zvinter F., Šidak J., Bogdanov V. Nacionalni problem v habsburski monarhiji. Београд, 1960.
98. Петровић Н. Светозар Милетић. Београд, 1958. С. 98.
99. Милутиновић Н. Нове контакте о Светозару Милетићу и Михајлу Полити-Десаничу. Зборник Матине Српске за друштвене науке. Нови Сад, 1960. С. 143.
100. Петровић Н. Око Милетића а после него. Нови Сад, 1964. С. 143.
101. Jovanović S. Portreti iz istorije i književnosti. Београд, 1964.
102. Ibidem. С. 33-34.
103. Istoriografija, marksizam i obrazovanje. Београд, 1986. С. 22.
104. Eric M. Agrarna reforma u Jugoslaviji, 1918-1941. Zagreb, 1958; Mirković M. Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb, 1958; Čulinović F. Jugoslavija među dva rata. Zagreb, 1961. Т. 1-2; Slom stare Jugoslavije. Zagreb, 1958.
105. Đorđević M. Savremeni problemi istorijske nauke. Београд, 1959. С. 1.

106. Ibidem. S. 18.

107. Kostrenčič M. Hrvatska kritička istoriografija: Spomenica u počast 40-godisnice osnivanja Saveza Komunističke Jugoslavije, 1919-1959. Zagreb, 1960. S. 77.

108. Grafenauer B. Struktura in tehnika zgodovinske vede. Ljubljana, 1960. S. 35-36, 141.

109. Турчев Б. Ступеви в развитку историографије // Годишњак историјског друштва Босне и Херцеговине. Сарајево, 1959. № 10; Он же. Поново о ступеневима у развитку историографије. // Годишњак Историјског друштва Босне и Херцеговине. Сарајево, 1960. № 11.

110. Там же. Сарајево, 1961. № 1.

111. См.: Problemi jugoslovenske istorijske nauke // Jugoslovenski istorijski casopis. 1964. N 4. S. 103.

Содержание

Введение (В.А.Дьяков)	3
Глава 1. Марксистская концепция общественного развития и её место в истории исторической науки (В.А.Дьяков)	7
Глава 2. Болгария (А.С.Бейлис)	
Воздействие марксизма на историческую мысль Болгарии с середины 80-х годов XIX в. до 1918 г.	27
Марксизм и болгарская историческая наука в межвоенный период и во время второй мировой войны	37
Марксистская историография Болгарской Народной Республики (1944-1965 гг.)	47
Глава 3. Венгрия (А.С.Сыкалин)	
У истоков венгерской марксистской историографии	72
Межвоенный период и годы второй мировой войны	82
Венгерская историография и первые послевоенные десятилетия. Монополия марксизма и её последствия	100
Глава 4. Польша	
Зарождение марксистского направления в историографии (Л.А.Зашкильняк)	109
Марксизм и польская историография в 1918-1944 гг. (Л.А.Зашкильняк)	119
Историческая наука послевоенного двадцатилетия (Л.Е.Горизонтов)	127
Глава 5. Румыния (Т.А.Покивайлова)	
Воздействие марксизма на историческую науку в XIX и начале XX в.	156
Марксизм и историческая наука в межвоенный период и в годы второй мировой войны ..	167
Историческая наука в Социалистической Республике Румыния	183

Глава 6. Чехословакия	
Исходные рубежи (А.С.Мильников)	195
Межвоенное двадцатилетие и годы второй мировой войны (А.С.Мильников)	199
Послевоенное развитие (1945-1963) (М.Ю. Досталь)	211
Глава 7. Югославия	
Проникновение марксистской исторической концепции в сербскую общественную мысль (1871-1918) (В.П.Сычева),.....	245
Марксистская историография в Югославии (1918-1945) (С.П.Мовчан)	254
Организация исторической науки и особен- ности её развития в 1945-1964 гг. (А.Б. Едемский)	269
Глава 8. Общие и специфические черты развития марксистской историографии в странах ре- гиона (В.А.Дьяков)	288
Примечания	313

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Подписано в печать 11.XI.91. Формат 14 x 20 см

18,7 печ.л. 18,4 уч.=изд.л. Тираж 300 экз.

Заказ № 7 26

Цена

Типография ВИА имени В.В.Кутузова

